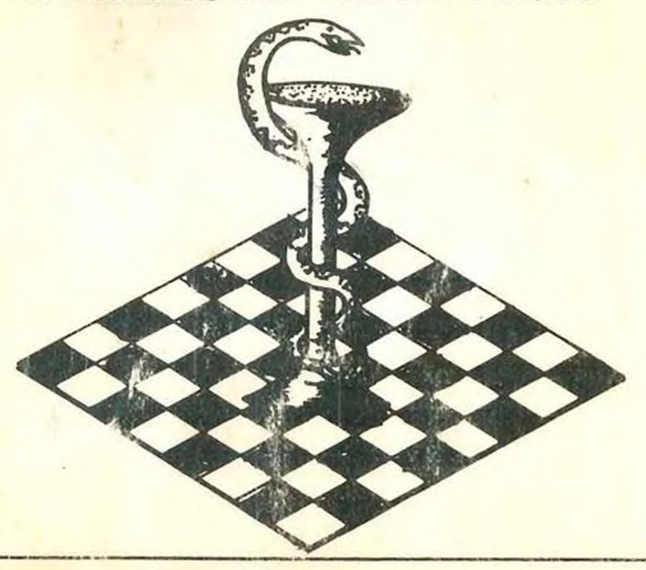
Ф. П. Богатырчук

МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ К ВЛАСОВУ И ПРАЖСКОМУ МАНИФЕСТУ

Ф. П. Богатырчук

МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ К ВЛАСОВУ И ПРАЖСКОМУ МАНИФЕСТУ

Сан Франциско
1978 г.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Автор выражает свою глубокую благодарность г. г. Г. н. Бен Чавчавадзе и К. Г. Кромиади приславших и подготовивших ряд иллюстраций для настоящей книги.

Союз борьбы за Освобождение Народов России — СБОНР.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

В 1969 г. исполнилось 25 лет со дня опубликования «Пражского Манифеста» и официального оформления Освободительного Движения Народов России (ОДНР).

В ознаменование этой исторической даты, Издательство СБОНР выпускает «Материалы к истории Освободительного Движения Народов России».

В настоящее время познакомиться со всеми имеющимися материалами по истории РОД-ОДНР — невозможно. Многое еще никогда не было опубликовано. Другое — напечатано малым тиражом, в разных странах, на различных языках. Очень трудно достать и оригинальные издания ОДНР военных лет. Некоторые документы, относящиеся к истории Движения, имеются только в единичных экземплярах.

В течение многих лет СБОНР собирал фотографии, газеты, журналы, различные издания ОДНР и воспоминания отдельных участников Движения. Собраны тысячи страниц... Десятки книг, брошюр, газет и журналов, многие издания 1942-45 г.г. Собраны книги и газеты изданные в Советском Союзе, в которых упоминаются власовцы и их участие в борьбе против коммунистического режима. Теперь все это постепенно систематизируется и издается для ознакомления широкого круга читателей и исследователей — историков.

История Освободительного Движения — часть истории русского народа, нашей Родины. Ее еще очень мало знают не только иностранцы, но и наши соотечественники, особенно — молодежь. А Освободительное Движение — это ведь не история. Это продолжающее существовать и развиваться Движение. И не только за пределами нашей Родины, но и внутри Советского Союза. О том, что оно существует там, имеются многочисленные доказательства и, в первую очередь, несмотря на прошедшие 25 лет, незатихающая травля ОДНР, клевета и ругательства по адресу власовцев в советской прессе и в творениях «инженеров душ» — советских писателей, послушно

выполняющих заказ коммунистической партии. Замолчать и не вспоминать ОДНР — невозможно, оно известно миллионам. Значит, остается клеветать, опорочивать, извращать... Кроме того, свободные демократические страны еще не знают всей правды об ОДНР. Вот почему СБОНР приступил к изданию своих сборников.

Издательство выпускает «Материалы к истории ОДНР» без изменений подлинных текстов и авторских воспоминаний, хотя и не всегда разделяет высказывания авторов. Эти воспоминания различных участников ОДНР по одному и тому же вопросу иногда противоречат друг другу, не всегда благожелательны к идеям и руководству ОДНР. Но... ведь такого рода воспоминания являются не только материалами характеризующими Движение, а и показывающими самих авторов.

Книга Доктора Ф. П. Богатырчука является 5-ым выпуском серии материалов к Истории ОДНР. Автор книги единственный Член Президиума КОНР оставшийся в живых. Его труд заслуживает особого внимания из-за описания личного участия в деятельности КОНР-а. Многие годы в эмиграции Ф. П. Богатырчук посвятил бескомпромиссной борьбе с коммунизмом. Федор Парфеньевич всегда принимал активное участие в работе организации Власовцев — СБОНР.

Издательство не преследует коммерческих целей и цены на сборники установлены минимальные. От поступления средств будет зависеть судьба еще неопубликованных работ, а также вопрос о переводе наиболее интересных материалов на английский язык.

Издательство приносит глубокую благодарность всем участникам и друзьям ОДНР, опубликовавшим отзывы о первом выпуске «Материалов», приславшим свои воспоминания, комментарии, дополнения и исправления.

Издательство глубоко признательно за пожертвования на издание «Материалов к истории Освободительного Движения».

Издательство СБОНР.

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

проф. Федора Парфеньевича Богатырчука.

Родился 14-го ноября (ст. ст.) 1892-го г. в гор. Киеве. По окончании гимназии и медицинского факультета Университета св. Владимира был короткое время на фронте. В качестве врача принимал участие в гражданской войне против большевиков, незаконно захвативших власть после разгона ими Всероссийского Учредительного Собрания. После установления советской власти на Украине занимался практической и научной медицинской деятельностью в качестве врача рентгенолога и преподавателя рентгенологии в высших медицинских заведениях г. Киева. В 1940-м году защитил диссертацию на степень доктора медицинских наук и получил звание доктора медицины. Покинув вместе с семьей Киев в 1943-м г. краткое время жил в Германии, где вступил в ряды участников Освободительного Движения Народов России, возглавлявшегося генералом А. А. Власовым. В ОДНР руководил Украинской Национальной Радой и был членом Президиума КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ. После Германии переехал в Канаду и принял канадское гражданство. Сразу же после переезда в Канаду вступил в число преподавателей медицинского факультета Университета города Оттавы сначала в качестве лектора и затем полноправного профессора рентгеновской анатомии. Проработав в Университете двадцать один год в 1970-м г. вышел в отставку и был награжден университетом персональной пенсией. Ф. П. Богатырчук является автором свыше 34-х печатных работ, помещенных в американских, канадских и европейских журналах. За одну из них «Стареющий позвоночник» он был удостоен денежной награды и медали имени Барклая от Британского Общества Радиологов.

После эмиграции в Канаду Ф. П. Богатырчук не прекращает своей политической антибольшевистской деятельности, работая в контакте с Американским Комитетом Освобождения Народов России. На съезде украин-

цев федералистов в Ниагара Фолс в 1952-м году он был избран Председателем Объединения Украинских Федералистов Демократов и главным редактором печатных органов последнего «Схидняк» и «Федералист Демократ». Из за резко ухудшившегося зрения за последние 10 лет Ф. П. Б. был вынужден отдалиться от активной политической деятельности и ограничиться только спорадическими выступлениями в печати.

По линии спорта Ф. П. Б. достиг больших успехов в области шахмат. Он был безсменным чемпионом Киева, в течение двух десятилетий, дважды чемпионом Украины и в 1927 г. разделил с П. А. Романовским первый и второй призы во всесоюзном чемпионате. За свои успехи в союзных и международных турнирах Ф. П. Б. имеет звания международного и советского мастера. После эмиграции в Канаду принял участие в трех канадских чемпионатах, в которых был в числе первых пяти призеров. К числу его достижений относится и то, что его имя, подобно именам других оппозиционеров советского тоталитаризма, исчезло со страниц подконтрольной советской литературы и он больше ни в списках международных, ни в списках советских мастеров не значится.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя настоящая книга и не является автобиографией, она предлагает вниманию читателя данные, почерпнутые преимущественно из личных наблюдений, мыслей и переживаний автора в годы 1911 — 1976. За эти 65 лет автору довелось пережить и на собственном опыте оценить достоинства и недостатки авторитарных, тоталитарных, полудемократических и демократических политических систем и типичных для последних методов управления. В первой части книги рассказано о том калейдоскопе политических систем и режимов, которые ему пришлось пережить до бегства на Запад.

Вторая часть почти целиком посвящена Освободительному Движению Народов России, руководимому пленным советским генералом А. А. Власовым (иногда поэтому называемому Власовским). Автор рассказывает о своих встречах с Власовым, своем вступлении в Освободительное Движение и о работе в нем в качестве члена Президиума и председателя Украинской Национальной Рады. Рассказано также о разгроме Движения союзниками после победы над Германией вследствие их дезинформации об истинных его целях и выдаче руководителей и многих тысяч его участников на расправу кремлевским палачам.

В третьей части повествуется о той новой жизни, которую автору было суждено начать в 57 летнем возрасте на новой родине в свободной Канаде и о его работе в сферах политики, академической, научной и шахматной.

Автор выражает свою глубокую признательность членам и друзьям Союза Борьбы за Освобождение Народов России, которые обеспечили своей моральной и финансовой поддержкой публикацию его книги и надеется, что его скромная лепта будет одним из камешков при построении в грядущей свободной России памятника незабвенному Андрею Андреевичу Власову.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Киевский период — 1911 — 1943.

ВВЕДЕНИЕ

Несколько слов о моей семье и быте в дореволюционное время, необходимых для понимания моего тогдашнего миросозерцания.

Отец мой, сын священника, обладал приятным голосом, играл на скрипке и был дирижером церковного хора во Флоровском женском монастыре в Киеве. Он был домовладельцем и имел кое-какие средства, так что мы жили безбедно. Будучи лет сорока, он не устоял перед чарами одной из своих певчих, восемнадцатилетней златокудрой красавицы, женился на ней и первым плодом их любви был автор настоящей книги, родившийся в 1892-м году. Отец умер, когда мне не было пяти лет, и через два года мать вышла замуж за чиновника одного из правительственных учреждений. Отчим придерживался весьма либеральных взглядов, пел и играл на пианино и, по-видимому был очень интересным человеком, ибо в нашем доме постоянно толклись представители разнообразного богемствующего люда, которых отчим угощал приятными разговорами, а мать вкусными яствами. Вскоре, однако, капитал отца был прожит, отчим скрылся с горизонта, оставив на попечении матери трех детей. Нелегко ей, бедной, пришлось выводить нас в люди. Мне, как старшему, довелось не мало потрудиться, чтобы и ей помочь и самому закончить университет.

На такой либерально-богемистой основе возникло моё мировоззрение, в котором безграничная любовь к свободе и отрицательное отношение ко всякой несправедливости были смешаны с легким скептицизмом по отношению к так называемому общественному мнению. С такими взглядами я начал свою жизнь и стал в общих чертах верен им на протяжении всей своей жизни.

ГОД 1911. Я ВСТУПАЮ В ОРДЕН РЫЦАРЕЙ ШАХМАТНОЙ БОГИНИ КАИССЫ И ВПЕРВЫЕ ПОЗНАЮ ПОЛНОЦЕННУЮ ЖИЗНЬ.

Американский писатель О. Генри, широко известный своими короткими рассказами с неожиданным концом, говорит в одном из своих шедевров, что жизнь ощущается полноценно только когда в ней, помимо других эмоций, испытаны наслаждение напряженной борьбы и упоение достигнутой победой. Качество или значимость борьбы и глубина эмоционального подъема от достигнутой победы не столь существенны. Они могут быть одинаковы у знаменитого полководца, одержавшего решительную победу над врагом, и у альпиниста, достигшего вершины непокоренной доселе горы. Степени самоудовлетворения и гордости не могут быть выражены в цифрах, они всецело зависят от темперамента пережившего их человека.

В 1911-м году, с которого я начинаю свое повествование, мне довелось впервые испытать удовлетворение напряженной умственной борьбы и ощутить сладость достигнутой победы. Свершилось это памятное событие на 64-ех полях шахматной доски, когда я, девятнадцатилетний юнец, завоевал первый приз и звание чемпиона в шахматном турнире на первенство Киева. Ввиду того, что в турнире принимали участие уже известные в России игроки, эта победа выдвинула меня в ряды «многообещающих» молодых шахматистов России. Иными словами, она позволила мне вступить в число рыцарей мифической богини Каиссы, которой я остался верен до склонных лет моей жизни. Второе место в турнире занял будущий гроссмейстер мировой славы Ефим Дмитриевич Боголюбов и третьим был безвременно погибший во время гражданской войны талантливый Александр Моисеевич Эвенсон (о нем и его семье будет идти речь позже).

К счастью я не «зазнался» и не бросил учения, но даже, наоборот, значительно повзрослел и стал более ответственным в своих поступках. В последнем мне помог

инспектор нашей гимназии Филипп Александрович Миловидов, который отказал мне в разрешении поехать на турнир в Петербург, приглашение на который я получил сразу же после своей победы.

«Шахматы уже стоили Вам второго года в пятом классе и я не допущу, чтобы они стоили Вам аттестата зрелости», сказал он.

Нужно сказать, что в доброе старое время шахматы только начинали приобретать популярность в России, и поэтому они меня целиком не поглотили, навсегда только оставшись верным спутником моего досуга.

ГОД 1912. АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

В этом году я окончил гимназию и успешно выдержал заключительные экзамены на аттестат зрелости. Экзамены принесли, однако, и первое разочарование в моей жизни, легшее в основу моего жизненного опыта. По оценкам, полученным на экзаменах, я имел право на получение серебряной медали. В этом успехе не было ничего удивительного, ибо за последние два года я значительно возмужал и стал относиться к учебе с большим чувством ответственности, чем это делал раньше, когда мои достижения были весьма посредственны. По-видимому, учительский совет не мог поверить в мое духовное перерождение и, основываясь на моей прежней репутации несерьезного отношения к наукам, объяснил успех на государственном экзамене простой случайностью и решил поэтому медали мне не присуждать. Медаль, конечно, никаких преимуществ мне не давала, но решение совета было явно несправедливо. На собственном опыте мне пришлось познать горькую истину, что успех во всем, включая науку, расценивается часто не только непосредственным достижением, но и из-за репутации, от которой отделаться не легче, чем от родимого пятна.

ВЫБОР ПРОФЕССИИ.

В том же 1912-м году произошло и другое важное событие — выбор профессии. Воспитанному на идеалистических тенденциях тогдашней интеллигенции, мне представлялось наиболее достойным служение не здоровому, страждущему человечеству и поэтому я выбрал профессию врача. Популярная среди современной молодежи мысль, что надо служить только самому себе, мне как представителю иной генерации, тогда в голову не приходила. В медицине, как и во всякой другой профессии, бывают свои и радости и разочарования, но я, во всяком случае, никогда не жалел, что её выбрал. Киевский Университет св. Владимира славился на всю Россию своим медицинским факультетом и был, кроме того, наиболее удобен по экономическим соображениям, т. к. на мне лежала забота о семье, которой я должен был по мере сил помогать. Я подал прошение о приёме в Киевский Университет и стал ожидать результатов.

ВСЕРОССИЙСКИЙ ТУРНИР ЛЮБИТЕЛЕЙ, САРАТОВ.

В том же 1912-м г. состоялся Всероссийский турнир любителей в Саратове. Всероссийский Шахматный Союз выдвинул мою кандидатуру. Посланное мне приглашение было, конечно, с радостью принято, и я помчался в неизвестную даль, истратив на билет свои последние денежки. В турнире такого масштаба я принимал участие впервые и поэтому ехал туда с понятным волнением. Турнир происходил в огромных залах Дворянского собрания. Среди участников преобладала зелёная молодёжь, самому старому было немногим больше 30-ти лет. В те годы отношение общественного мнения к шахматам резко изменилось к лучшему, и поэтому шахматные общества стали усиленно покровительствовать выдвижению молодых талантов. Встретили нас с типично русским гостеприимством и радушием. Уже через несколько туров я был в числе фаворитов. Некоторые прочили меня в будущие Капабланки, а один журналист позже написал, что я «могучий малороссийский чернозёмный дар».

Первого приза я не получил, проиграв в одном из последних туров харьковскому студенту И. Розанову, завоевавшему первое место. Мне пришлось довольствоваться дележом второго и третьего призов с самым старым (лет, примерно, 30-ти) с С. Вигдорчиком (за точность инициалов имен не ручаюсь). Хотя мой успех и не был исключи-

тельным, он все же выдвинул меня в ряды «подающих надежды». Послетурнирный банкет и, в особенности, количество выпитого на нем спиртного были настолько грандиозны, что они до сих пор не изгладились из моей памяти. Прославленное русское гостеприимство выявило себя в полной мере. Впервые в жизни я кое-что на шахматах подработал, достаточно, чтобы полностью оплатить расходы по поездке. Возвратился в Киев я к началу занятий в Университете и сразу же погрузился с головой в изучение медицинских премудростей. Учился я с большим рвением и увлечением и в шахматы в первый год учебы почти не играл. Единственным отвлечением от науки был начавшийся роман с моей будущей женой, продолжающийся до настоящего времени.

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОГО КРЕДО.

Студенты всех времен и народов всегда представляли и будут представлять среду благоприятную для возникновения и культивирования гуманитарно-политических идей. Из этого правила не были исключением студенты-медики, перегруженные учебой. У нас всегда находилось время для так называемых летучих сходок, на которых горячо дебатировались животрепещущие политические проблемы. Время было либеральное и начальство сквозь пальцы смотрело на эти сборища. Подобно большинству других студентов я считал тогдашнее правительство сугубо реакционным и ратовал за его обновление. О том, что получится впоследствии никто из нас, включая и старшее поколение, не думал. Основным лозунгом была необходимость поломать старое, идиллическое же новое как-то само собой образуется. Политические демократии Англии, Франции и США были теми образцами, к которым мы все стремились. Только теперь, после более, чем полувекового опыта жизни при разных тоталитарных и демократических правительствах я вижу, что «проклятый» царский режим был вовсе не так уж плох и, дай ему время, он не только сравнялся бы с принятыми демократическими стандартами, но, возможно, в некоторых отношениях и превзошел бы их. Но тогда все либералы «жаждали крови опостылевшего старого», которая пролилась на их же голову.

Шахматы принимали значительное участие в формировании моего морально-этического кредо. Читателю уже известно, что я никогда не смотрел на шахматы, как на набор простых деревяшек, поиграв которыми их можно поставить на полку и забыть до следующего раза. Я всегда был, есть и буду одним из тех энтузиастов, которые влюблены в фантастический мир шахматного измерения и пытаются очеловечить или перенести в жизнь многие из тех чувств и эмоций, которые они переживают при игре. Многим может показаться странным, что такая сугубо индивидуалистическая игра как шахматы способствует развитию свойств демократической личности, но это несомненный факт. Прежде всего шахматист научается уважать чужое мнение, познавая на своем опыте, что существуют люди, которые лучше его понимают игру. Отсюда недалеко до признания превосходства других и в других областях. На шахматах он убеждается в том, что к конечной цели — победе или к торжеству своей идеи имеется много путей разной эффективности, часто скрытых от него, но доступных другим, более компетентным людям. «Много дорог ведет в Рим» — любимое выражение шахматистов. Они научаются не забывать свои ошибки и стараются учиться на них при игре и в жизни. Шахматист учится тому, что достижение успеха в игре и жизни обусловлено не только личным талантом, но есть в большой мере результат большего знания, достигаемого изучением теории всех стадий игры. Я видел как большие шахматисты — Алехин, Боголюбов, Капабланка и другие корифеи работали над повышением своей квалификации и, признаюсь, сам был не безгрешен в этом отношении. Шахматы учат своих адептов никогда не падать духом при неуспехах. Особенно разительным примером этой непоколебимой веры в свои силы был Алёхин, который после поражения играл с удвоенной силой. Хныкающий после поражения игрок никогда не достигнет успеха ни в шахматах, ни в жизни. Укажу еще на одно демократическое свойство шахмат: они способствуют избавлению от всякого рода расовых, религиозных, сословных и прочих предрассудков, столь распространенных даже в интеллигентной среде. Шахматиста ценят не по цвету кожи или по принадлежности к высокому роду, а по его искусству в

игре. Я никогда не встречал знаменитых шахматистов, высказывавших антисемитские взгляды. Почитатели гения Ласкера и Тарраша не стали их ценить меньше из-за того, что они евреи.

ПОЕЗДКА В ПЕТЕРБУРГ.

В 1913 году мне довелось побывать в столице по совершенно необычному поводу. Семья директора сахарного завода А. Т. (о самом директоре речь будет идти позже) попросила меня съездить (конечно, за их счёт) в столицу, чтобы разузнать, что случилось с их заблудшим сыном, не приславшим в течение нескольких недель ни одного письма. С этим юношей я был в дружеских отношениях и частенько играл в шахматы. Своего друга я нашел, все образовалось как нельзя лучше, а я был счастлив тем, что побывал в этом изумительном городе, на постройку и украшение которого было истрачено столько денег и вложено столько героических усилий. По сравнению с ним Киев казался провинциальным захолустьем. Чтобы поискать и найти убогую лачугу, либо увидеть другие свидетельства бедности, надо было потратить не мало времени, мне, во всяком случае, таковых не удалось увидеть, в то время как свидетельств роскоши и богатства было хоть отбавляй. Мой друг был так поглощён своей учёбой и, конечно, многочисленными романами, что не имел времени мне ничего показать кроме знаменитых петербургских ресторанов, и мне пришлось самому рыскать по городу, чтобы поглотить то, что можно было, за столь короткое время. Уехал я полный впечатлений и никак не ожидая того, что увижу через 10 лет.

ГОД 1914. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР В МАНГЕЙМЕ.
НАЧАЛО ЗЛОКЛЮЧЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ВСПЫХНУВШЕЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ.

В июле 1914 Всероссийский Шахматный Союз выдвинул мою кандидатуру для участия в международном турнире любителей в Мангейме. Кандидатура была принята, и я получил приглашение. Как можно было отказаться от

столь заманчивой перспективы побывать за границей и при том с минимальными расходами, так как часть их брал на себя Всегерманский Шахматный Союз. К тому же, турнир должен был происходить во время университетских вакаций. Мой крёстный отец купил мне билет, некоторые друзья предложили взаймы денег, поскреб я и свой тощий карман и отправился в путь-дорогу. Мне даже и в голову не приходило обращать внимание на тучи, сгущавшиеся на политическом горизонте. Как обычно, я действовал согласно своему оптимистическому принципу, что всё как-то образуется. И оно, действительно, образовалось, но совсем не в таком смысле, как я предполагал.

Только один раз в пути я почувствовал себя немного неуютно, когда на пограничной станции в вагон вошел немецкий полицейский в традиционной каске и с усами «а-ля Вильгельм». Свирепо вращая белками своих глаз, он уставился на меня и прорычал «пас-с-с-порт». Ознакомившись с последним и увидев, что всё в порядке он весьма недружелюбно спросил, надолго ли я еду и для какой цели. Когда я ему сказал, что еду на шахматный турнир, он посмотрел на меня взглядом, выражавшим сомнение в моих умственных способностях и принялся смеяться, бормоча что-то вроде того: «в такое время играть в шахматы». Затем он мне все же паспорт возвратил и пожелал счастливого пути, с явной иронией фельдфебеля.

Должен сказать, что немецкий язык я знал довольно прилично и поэтому юмор полицейского для меня не прошёл незамеченным. Но не поворачивать же домой? — «Ехать, так ехать, сказал попугай, которого тащила в зубах, поймавшая его кошка». Кроме описанного пограничного инцидента впечатление от Германии было самое благоприятное: всюду образцовая чистота и порядок, на пересадках нужные поезда либо уже ждали, либо приходили через несколько минут. Так что у меня всегда было время, чтобы погрузиться в другой поезд. Обращала на себя внимание дешевизна. Хотя официальный курс немецкой марки был примерно 25 копеек, на неё можно было купить столько же, сколько у нас на рубль. За свою вполне приличную, хотя и высоковатую мансарду, вместе с утренним завтраком я должен был платить около 10 марок в неделю. Причём, кофе и булочки приносила в мою комнату пунктуально в 8 часов утра жена хозяина. Централь-

ная часть Мангейма планировалась в девятнадцатом столетии и построена весьма оригинально и удобно. Она разбита на квадраты, названные в порядке букв алфавита. Четыре стороны квадрата названы цифрами так же как и номера домов. Я, к примеру, жил в квадрате «Е» на стороне 2 и в доме № 11. Если я попадал в какой-нибудь квадрат «Р», то я мог, не спрашивая ни у кого дороги, легко прийти домой (алфавита я еще не забыл). Отправившись погулять и осмотреть город, я обратил внимание на то, что немцы находятся в состоянии нервного возбуждения. Особенно это было заметно вблизи витрин некоторых магазинов, в которых были выставлены портреты герцога Франца Фердинанда, обвитые траурными лентами. Я, конечно, знал об убийстве вышеупомянутого герцога, но оно произошло больше трех недель тому назад, и почти изгладилось из моей памяти. Было ясно, однако, что немцы его не забыли и продолжали возмущаться. Но то, что это убийство послужит прелюдией к сотням тысяч других убийств, мне в голову не приходило.

В воскресенье, 10-го июля (я всюду упоминаю даты по новому стилю) в 9 часов утра, состоялась жеребьевка, а в 7 часов вечера банкет, еще более роскошный, чем тот, который я видел в Саратове. Я узнал, что примерно в десятке турниров принимало участие около полутораста шахматистов. Самым главным был турнир мастеров, в котором приняли участие двое русских: Алёхин и Боголюбов, уже имевшие звание международных мастеров, и один польский шахматист Фламберг. Я играл в главном «А», турнире любителей.

Для русских шахматистов необычным было начало турниров в 9 часов утра. Мы, русские, привыкли играть не сразу после сна, надо было раскачаться и стряхнуть сонную одурь. Так или иначе, но в начале турнира я играл неважно и потерял несколько важных очков. Мою будущую профессию в турнире мастеров, представлял д-р Зигберт Тарраш. Меня представил ему д-р Тартаковер. На стуле сидел грузный мужчина с добродушным лицом. Движения у него были медленны и размеренны, как у царя, принимающего послов. В то время он действительно был шахматным царем Германии. Ему было всего 52 года, но по его солидности не было равных среди участников. Эпиграфом к своей, вышедшей незадолго перед турниром,

книге, были следующие слова: «В жизни есть три ценности: поэзия, горы и шахматы». Тарраш, посмотрев на меня со своего Олимпа, пожелал мне удачи на шахматном поприще, выразил надежду, что моя врачебная профессия не засосет и не оторвет меня от шахмат.

В 9 часов утра все участники заняли свои места. По мановению волшебной палочки воцарилась тишина, и мы погрузились в мечты, навеянные богиней Каиссой. Всё земное было забыто, нашей единственной целью было завоевать улыбку нашей богини. Так продолжалось до 31-го июля, когда не на шутку встревоженные члены турнирного комитета сообщили нам, что Германия предъявила ультиматум России о немедленном прекращении объявленной мобилизаци. Осведомленные члены нашей делегаци даже и после ультиматума продолжали успокаивать себя и нас надеждой на то, что, происходивший в то время, съезд Германской социал-демократической партии, вынесет резолюцию против войны и правительство без поддержки рабочих на войну не решится. На следующее утро мы все были разбужены необычным шумом. Выглянув в окно мы увидели, что улица запружена толпами немцев, горланящими во весь голос две популярные немецкие песни: гимн — «Германия превыше всего» и «Крепко стоит ...рная вахта на Рейне». Долго слушать мне эту музыку не пришлось, раздался стук в дверь, и появился мой хозяин мясник, который за день был сама любезность, когда я ему платил вперед за комнату, и прорычал подобно пограничному фельдфебелю, чтобы проклятый иностранец немедленно убирался из дома. Протестовать не было смысла, ибо за спиной мясника маячили фигуры его дюжих сыновей. Наскоро собрав свои вещи я направился в турнирный комитет. По дороге туда я увидел толпу, собиравшуюся на месте расправиться с пойманным шпионом. Подойдя ближе, я к своему ужасу увидел, что этим «шпионом» был Петя Романовский, также участник одного из турниров. Когда его задержали, Петя стал объяснять на единственном русском языке, который он знал, что идет играть в шахматы. Для потерявшей всякий здравый смысл толпы его непонятной речи было достаточно, чтобы начать его избивать. К счастью для Пети я увидел невдалеке члена турнирного комитета, бросился к нему с просьбой вмешаться, и мы вдвоем не без труда вырвали Петю из рук рассвирепевших немцев. Прийдя в Комитет, мы узнали,

что подобные инциденты были и с другими участниками. Немедленно было назначено заседание Комитета совместно с участниками, на котором выяснилось, что многие немцы участники турниров получили приказ явиться на сборные мобилизационные пункты. Было много предложений, как поступить с турнирами, среди которых выделялось пожелание д-ра Тарраша, по-видимому пацифиста, настаивавшего на продолжении игры, как будто бы ничего не случилось. Он указал, что подобное решение было вынесено во время турнира в Баден-Бадене, совпавшего по времени с началом франко-прусской войны 1870 года.

Однако, оптимистов, поддерживавших доктора нашлось мало. Решено было турниры прервать и выплатить участникам денежную компенсацию, соответствующую их положению в турнирной таблице. Самый большой приз получил А. А. Алёхин, к моменту перерыва первый в турнире мастеров (играл он блестяще и без сомнения завоевал бы первый приз, если бы турнир закончился). Я занимал шестое место, давшее мне небольшую сумму, которой хватило бы на покупку билета домой. Увы, я был в числе тех, которым не только нельзя было никуда выезжать из Германии, но не было где приткнуть свою голову. Впервые по настоящему я почувствовал себя весьма неуютно. Но опять как-то все образовалось. Петербургский шахматист Илья Рабинович поговорил со своим хозяином, ярым противником войны, и тот предложил мне перебыть некоторое время у него, пока все не выяснится. Перетащил я туда свои скудные вещички и стал выжидать дальнейшего развития событий, не забывая играть в шахматы с утра до вечера.

ПЕРЕЕЗД В БАДЕН-БАДЕН И ВЫНУЖДЕННАЯ «ПЕРЕСАДКА» В РАШТАДТЕ. ПЕРЕЖИТОЕ В ВОЕННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ТЮРЬМАХ

Ждать пришлось недолго. Через три дня объявили, что в виде особого исключения нам разрешено переехать в Баден Баден, поселиться там на частных квартирах и ожидать дальнейших приказов.

Отправили мы вперед одного из членов нашей делегации и стали собираться в путь-дорогу. Однако, как говорят украинцы: «Не все так склалось, як жадалось». Погрузившись в поезд, мы забыли, что находимся во враждебной стране и стали чересчур громко и открыто выражать свои чувства на чистейшем русском языке. Язык врагов, естественно, не прозвучал приятной музыкой в ушах немецких пассажиров и один из них, сговорившись с кондуктором, решил сыграть с нами злую шутку. Через некоторое время к нам в купе зашёл кондуктор и объявил, что нам скоро предстоит пересадка в узловом центре Раштадте. Зная, что пересадки в Германии вполне обычны, никому из нас даже и в голову не пришло заподозрить какой-то подвох. Подъехали мы к Раштадту под звуки романса, напеваемого одним из шахматистов, обладавшим приятным баритоном. Между тем, кондуктор снесся по телефону с соседней станцией, с военным комендантом Раштадта и сообщил ему, что в поезде едет подозрительная группа иностранцев, по-видимому, русских, которые почему-то хотят сделать ненужную пересадку в Раштадте. Коварная хитрость шутников заключалась в том, что Раштадт являлся в тот момент мобилизационным пунктом для Южной Германии и центром для обучения новобранцев.

Как только мы вышли из вагона, чтобы «пересаживаться», нас немедленно окружила чуть ли не рота солдат в полном боевом вооружении, и командир объявил нам, что мы арестованы. Так началась наша остановка в Раштадте, которая никогда не изгладится из моей памяти.

В помещении вокзала нас и наш багаж тщательно обыскали и к своему торжеству обнаружили бланки с записями шахматных партий, принятые ретивыми охотниками за шпионами, за явный шпионский шифр для передачи секретных донесений. Час был поздний, и нас решили, пока суд да дело, отправить в военную тюрьму. Выстроили нас и заставили каждого нести свой багаж. Так, окруженные кордоном солдат, мы двинулись в путь к тюрьме. Между тем, население городка, узнав о поимке шпионов, высыпало на улицу, по которой нас вели, и стали всеми способами выражать своё возмущение. Наиболее воинственные требовали немедленной расправы на месте, другие прорывались через цепь и свидетельствовали о своих чувствах при помощи кулаков. Вспоминаю беднягу Селезнёва, которого сердобольная мамаша снабдила

большой корзиной с теплыми вещами. Он еле её тянул, и это не только замедляло наш путь, но и увеличивало количество тумаков, которые он получал. Попало также и будущему чемпиону мира Алёхину, который выделялся своей осанкой и высоким ростом.

В то время, как свершалась наша Голгофа, П. П. Сабуров, ехавший отдельно от нас в вагоне первого класса, приехал благополучно в Баден-Баден и нас среди приехавших не обнаружил. Встревоженный нашим исчезновением, он немедленно телеграфировал председателю Всегерманского Шахматного Союза профессору Гебгардту с просьбой выяснить причину нашего исчезновения. Тот обратился куда следует и к утру сообщил Сабурову о происшедшем «прискорбном недоразумении», добавив весьма утешительную для нас фразу, в которой заверил Сабурова о том, что: «Пока мы в Германии с нами ничего плохого не случится». Что подозревал почтенный профессор под этим «плохим», можно только догадываться.

На этом, однако, наши злоключения не закончились. Военным властям, как тут принято выражаться, «надо было спасать своё лицо». Поэтому сферы решили расследование продолжать и заключить нас, пока суд да дело, в гражданскую тюрьму мягкого режима. Режим в последней был действительно курортный. Камеры были большие и светлые, кровати со свежим и чистым постельным бельём. Несколько нарушала идиллию неизбежная параша, но и для неё был специальный чуланчик. Сидели мы по трое, я с Селезнёвым и Флямбергом. Заключенных было мало, ибо воров и жуликов послали на фронт, остались лишь одни пацифисты и мы. Вещи наши нам выдали, и мы коротали время за игрой в шахматы. В виде исключения обед нам разрешили заказывать в ближайшем ресторане, который нам приносила миловидная дочка тюремщика.

Так мирно и тихо целых две недели текла наша жизнь, в течение которой случилось только маленькое происшествие. В один прекрасный день мы услышали из вентиляционной отдушины придушенный голос нашей шахматной красы и гордости Александра Александровича Алёхина, поведавшего нам, что он заключен «за ничто» в карцер. Это «ничто» оказалось тем, что будучи поклонником женской красоты, он обратил своё благосклонное внимание на прелести упомянутой выше дочери тюремщика и

та, не оставшись равнодушной к мужской красоте нашего чемпиона, позволила ему некие вольности, не входившие в расписание тюремного режима. За сим приятным времяпрепровождением их застукал тюремщик и засадил нашего Казанову в карцер.

Через две недели «расследование», во время которого ни один из нас не был ни разу допрошен, благополучно закончилось, и нам разрешили ехать в Баден-Баден с единственной просьбой нигде больше не «пересаживаться».

БАДЕН-БАДЕН И ВОЕННАЯ КОМИССИЯ. ОТПУСК ДЛЯ «ЛЕЧЕНИЯ» В ШВЕЙЦАРИЮ.

В Баден-Бадене нас ждали две недели тому назад приготовленные комнаты, и мы снова погрузились в волшебный мир шахматных очарований. Как миг промелькнули ещё две недели, по истечении коих нам заявили, что мы должны пройти военную комиссию, на предмет определения нашей годности к военной службе и тем самым определения, какую опасность мы можем представлять для Германии, ежели нас отсюда выпустить. Когда я предстал пред очи старенького военного доктора, он прежде всего осведомился о том, кто я кроме как шахматист. Узнав о том, что я студент медик он, по-видимому, сразу списал со счета опасных для Германии элементов и спросил, на что я жалуюсь. И тут я начал врать с таким бесстыдством, какого доселе никогда в себе не замечал. Три главных жалобы превращали меня в совершенного инвалида: отмороженные пальцы на ногах, затруднявшие ходьбу, частые припадки ужасающих болей в правой нижней части живота, где согласно моим анатомическим познаниям должен был находиться аппендикс. Там же в виде припадков, невыносимые головные боли по утрам, при которых я не один раз терял сознание. Опытный доктор явно сразу же раскусил липовость моих жалоб, но и виду не показал.

— Скажите, коллега, —(я, конечно, вознесся на седьмое небо от такого обращения, но быстро с него спустился), — спросил он, — когда и почему у вас начались припадки болей в животе?

— После одной игры в футбол, во время которой меня кто-то ударил ногой в это место, — не сморгнув глазом ответил я.

— А скажите, коллега, как вы могли играть в футбол, а значит и бегать, если у вас так страшно отморожены пальцы на ногах? — с невинным видом спросил доктор.

У меня слегка застучало сердце, но я быстро оправился и ответил, что играл вратарём, которому много ходить или бегать не приходится.

— А скажите, коллега, как вы могли играть в шахматы по утрам при наличии таких ужасных головных болей? — продолжал он слегка улыбаясь.

— Всероссийский Шахматный Союз делегировал меня сюда ввиду моих успехов в последних русских турнирах и, наверное, ожидал от меня лучшего места, чем то, которое я занял, — ответил я.

— Да, — сказал доктор весело рассмеявшись, — теперь я вижу, что вы действительно больны!

Я глазам своим не мог поверить, когда увидел заключение комиссии, по которому я направлялся «для лечения» в Швейцарию. Кроме меня отпущены были ещё двое: Алёхин и Сабуров. Сабуров был пожилой и не вполне здоровый человек, но почему освободили здоровяка Алёхина я ума не приложу. Не иначе, как осматривавший его врач был почитателем Алёхинского шахматного гения. Должен указать, что среди невыпущенных были Боголюбов и Селезнёв, оба освобожденные от воинской повинности в России.

Окрыленный своим счастьем, стал я собираться в обратную дорогу. Оставалось преодолеть ещё два препятствия: во-первых, в кармане у меня свистел ветер и имевшейся наличности едва могло хватить на покупку билета в благословенную Швейцарию, и, во-вторых, при переезде границы требовалось предъявить 500 швейцарских франков, коих, конечно, у меня и в помине не было. Снова както всё образовалось. Помог всё тот же всезнающий, всемогущий и вседобрейший Сабуров. Прежде всего, он предложил мне ехать в качестве его «племянника» и для этой цели купить билет первого класса и, во-вторых, успокоил меня тем, что после переезда швейцарской границы и на всём дальнейшем обратном пути я буду на иждивении консулов Российской Империи. Этот же Сабуров помогал не только мне, но и всем застрявшим в беду шахматистам, и мы все должны быть по век ему благодарны. Следуя совету П. П., я купил на последние деньги билет первого класса до Берна и погрузился вместе со своим благодетелем «дядей» в отдельное купе. Надо сказать, что из-за краткости расстояний редко кто из местных жителей едет первым классом и мы с П. П. были единственными пассажирами во всем вагоне.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ГОСУДАРСТВ И ТРИ МОРЯ. НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ПОЕДИНОК С АЛЁХИНЫМ В ГЕНУЕ.

На границе в вагон вошел таможенный чиновник и вежливо осведомился о наших паспортах. Вынимая из кармана свой объемистый бумажник с паспортом и видными снаружи швейцарскими франками Петр Петрович обронил, что едет с племянником (это обо мне). Чиновник проникся к нам почтением и, проверив паспорта, о деньгах даже и не спросил. Солидность моего «дядюшки» не возбудила сомнений в нашей финансовой благонадежности.

Преодолев первое препятствие, я по переезде границы стал думать о преодолении второго, и по совету П. П. отправился к российскому консулу, находившемуся в пограничном городке Шафгаузене. Тот принял меня очень любезно и выдал мне некую сумму, достаточную, чтобы проехать и прокормиться до следующего консула, впервые поставив печать в моем паспорте, в тексте которой было указано о выданном мне займе. Консул также указал, что я должен ехать в Геную (Италия), являющуюся сборным пунктом для российских подданных, застрявших в Европе. Окрыленный счастьем и ощущая себя настоящим Крезом, я направился в ресторан, где условился встретиться с П. П. Он меня ждал на веранде, с которой открывался вид на единственный в Европе Рейнский водопад. С тех пор прошло много лет и я видал более живописные низвергающиеся с высоты массы воды, но Рейнский водопад навсегда останется у меня в памяти. Не столько из-за красоты зрелища, сколько благодаря осознанию себя частью родины, заботящейся о своих подданных, попавших в беду. Однако, мне все же было не до красот природы. Занятия в университете уже начались и надо было торопиться, чтобы не потерять года. Кроме того, меня ждал роман с моей будущей женой, не прекра-

щающийся вот уже 60 лет. После кратковременной остановки в Берне, я доехал до Цюриха и Женевы. Приятные воспоминания о живописности этих мест, воспетых поэтами и запечатленных художниками, омрачились печатями консулов в моем паспорте, приводившими меня в содрогание от мысли, что за это вынужденное путешествие придется позже платить своим горбом. Так проехал и знаменитый Сан Готтардский туннель, о котором помню лишь, что мне хотелось как можно скорее вынырнуть на свет Божий, и вот я, наконец, в сказочной Италии. Увы, знание латинского языка древних римлян мне ничуть не помогло для общения с их нынешними потомками. Они тараторили на нынешнем линго и притом с такой быстротой, что угнаться за смыслом моим неискушенным ухом не было никакой возможности. После короткой остановки в Милане для украшения паспорта еще одной печатью я, наконец в Генуе, где мне предстояло погрузиться на пароход, отплывающий в Одессу. Увы, парохода нет и неизвестно, когда появится. Пока что консул предложил мне поселиться в пансионе для застрявших руссаков. К моей радости я узнал, что там же обитает приехавший раньше Алёхин. Есть партнер, и ещё какой! Скучать наверное не придется. И действительно, не пришлось. Довелось ждать парохода около месяца и за это время мы сыграли не одну сотню партий. Политические убеждения нас тогда не разделяли и спорили мы лишь за шахматной доской.

Только тот, кто играл с этим гениальным шахматистом, знает какой он был маг и волшебник на 64-х полях шахматной доски. Фигуры в его руках превращались в живые существа, дарившие противникам совершенные неожиданности. И при этом, сюрпризы сваливались на голову врага как гром среди ясного неба в любой стадии игры, даже когда на доске оставалось считанное число фигур. Генуэзское сидение, несомненно, дало для моего шахматного развития больше, чем последующие годы игры с рядовыми противниками. Между тем парохода всё не было и те, кто имел средства, уезжали более дорогим северным маршрутом. Так уехали Сабуров и Алёхин. Их решению способствовало не вполне ясное отношение Турции к войне союзников против Германии. Стало известно, что в Черное море пропущены через Дарданеллы немецкие суда — дредноут Гебен и крейсер Бреслау в то

время, как проход для военных судов союзников был закрыт.

Наконец, во второй половине сентября долгожданный пароход все же пришел, и я пустился в обратный путь.

ГЕНУЯ — САЛОНИКИ — ВАРНА — ОДЕССА, НАКОНЕЦ ДОМА!

Во многих книгах я читал о прелестях Средиземного моря. Особенное впечатление произвело на меня описание их у Габриеля Д'Аннунцио в его «Маре Нострум», но в то время, как я уже говорил, у меня не было созерцательного экстаза. Всем нам выдали спасательные пояса и объявили, что хотя торпедирования кораблей в Средиземном море ещё не наблюдалось, но его нельзя исключить в будущем. Поэтому... и т. д., а в общем, «на Бога надейся, а сам не плошай».

Помню насколько смешными казались утверждения греческих и римских классиков об опасностях Сциллы и Харибды, угрожающих мореплавателям, по сравнению с теми, которые нам угрожали.

Ещё войны мы не испытали, но наша психология уже коренным образом изменилась, и мы стали жить только настоящим. Прошлое ушло и никогда не вернется, а будущее превратилось в нечто эфемерное, и оно может оборваться в любой момент.

Обогнув Италию, пароход взял курс на Дарданеллы и Босфор, чтобы выйти в Чёрное море. Однако, нас встретило очередное: «Не так склалось, як жадалось». Уже в Эгейском море капитан получил радиоизвещение, что Дарданеллы закрыты для судоходства. Официальный предлог — опасность со стороны прорвавшихся выше упомянутых германских судов. Неофициально это был первый тревожный сигнал вступления в войну Турции на стороне Германии.

29-го октября уже будучи в Киеве, я прочитал в газете о неожиданной бомбардировке Одессы германскими и турецкими судами.

Действительно, судьба благоволила ко мне, и я успел проскочить в последний момент. Получив указанное сообщение о закрытии Дарданелл и связавшись со своим

начальством, капитан направился в Салоники и нам было заявлено, что мы все должны будем ехать сухопутным путем через Грецию, Сербию и Болгарию в болгарский порт Варну и оттуда снова морским путем в Одессу. Об этой части пути у меня остались очень смутные воспоминания. В Варне перед посадкой нас ждало уже знакомое снабжение пассажиров спасательными поясами. Только на сей раз угрожавшая опасность была гораздо реальнее, чем в Средиземном море. Все же, к счастью, ничего не случилось и через короткое время мы приехали в Одессу. На оставшиеся от консульских займов деньги купил билет до Киева и вот, о счастье, о радость, я снова дома.

ВИЗИТ В КАНЦЕЛЯРИЮ ГУБЕРНАТОРА И АННУЛИРОВАНИЕ ДОЛГА.

В один из следующих по приезде дней я отправился в канцелярию киевского губернатора со своим паспортом, в коем было указано, что я задолжал царскому правительству около трехсот рублей. К моему немалому удивлению и тут как-то всё образовалось. Чиновником для особых поручений у губернатора был г-н Чиж (к сожалению, забыл его имя и отчество). Он был страстным шахматистом средних категорий, но преданным рыцарем ордена богини Каиссы. Взял он мой паспорт и удалился с ним в губернаторские покои. Того, что случилось я никак не ожидал. Он вернулся с сияющим лицом и сказал, что все расходы по моему обратному приезду губернатор берет на себя, и мне не о чем больше беспокоиться. Больше того, г-н Чиж устроил в мою честь прием в одном из лучших ресторанов Киева, во время которого я рассказал о своих приключениях. Что и говорить, хорошие были люди в то время, неиспорченные борьбой за существование, захватившей всех в последующие годы. К сожалению унесли их от нас революционные бури.

РУТИНА УЧЕБЫ. СВАДЬБА. БОРЬБА ЛИБЕРАЛОВ ЗА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Хотя я упустил сравнительно немного времени с начала занятий, мне все же пришлось год потерять. Переживания последних месяцев даром не прошли и мне трудно было втянуться в рутину учебы. В повторении курса был и плюс, я значительно укрепил свои знания в предметах теоретической медицины, что помогло мне в моей дальнейшей научной карьере.

Серьёзных шахматных состязаний во время войны не устраивалось, и все мы пробавлялись только лёгкими партиями. Постоянного шахматного клуба в Киеве не было, и шахматисты собирались в популярной Варшавской кофейне, в которой всегда можно было найти партнёра. О Боголюбове не было ни слуху ни духу. Уже после окончания войны мы узнали, что он из Баден-Бадена переехал в близко расположенный Триберг и там женился на местной немке. Я увидел его снова только в 1923-м году, о чём речь будет позже.

В Киев в те годы часто наезжал Алёхин, служивший в полувоенной организации Всероссийского Земского Союза, занимавшимся снабжением и организацией госпиталя ближайшего тыла. Его приезд всегда был событием для киевских шахматистов, и все мы окунались с головой в грёзы волшебного шахматного мира.

На второй год войны, мой роман увенчался брачной церемонией, со всеми атрибутами доброго старого времени, из коих больше всех запомнилась поездка в роскошной карете, запряженной парой белых лошадей. В момент, когда я пишу эти страницы, промелькнуло уже 60 лет с того памятного дня. Много воды утекло, а любовь осталась той же. Тогда нам никогда не представлялось возможным дожить до такого шестидесятилетия, теперь же прожитые годы — не более чем сладкий миг.

РОССИЯ ДЕСЯТЫХ ГОДОВ ГЛАЗАМИ МОЛОДОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА ТОГО ВРЕМЕНИ.

В прошлом и начале настоящего столетия Россия быстрым темпом стала нагонять Западную Европу во многих областях культуры и цивилизации. Не только русские зачитывались гениальными шедеврами Пушкина, Достоевского и Льва Толстого, но о таких классических творениях как «Евгений Онегин», «Бесы» или «Война и Мир» знал весь культурный мир, ценя их не меньше произведений своих классиков. Симфонии и оперы Чайковского

и других русских композиторов стали частыми гостями оперных театров и концертов, а голосом Шаляпина наслаждались не меньше, чем голосом Карузо. Русские учёные Менделеев и Павлов опубликовали результаты исследований, получивших международное признание наряду со многими другими деятелями науки и техники, труды которых также привлекли внимание учёных всего мира.

Однако, наряду с этими блестящими достижениями на поприще мировой культуры, Россия продолжала отставать от Запада по меньшей мере на 50 лет в областях политического устройства, социальных и национальных отношений. Прежде всего продолжала существовать абсолютная монархия с царем — верховным правителем, не ответственным ни перед кем, кроме Бога. Россия была единственным в Европе государством, где монарх не только царствовал, но и правил единолично и авторитарно. Во всех остальных странах верховная власть принадлежала свободно избранным Парламентам, управлявшим через министров, утвержденных Парламентом и перед ним ответственных, монарх же только царствовал, не имея никакой власти. Правда в России тоже существовала с 1906-го года весьма отдаленно подобная Парламенту Государственная Дума, служившая лишь консультативным органом при Царе и не имевшая права ни назначать, ни смещать министров. Народ при такой системе в лице своих лучших представителей был совершенно устранен от управления государством, что являлось совершеннейшим анахронизмом при существовавшем высоком культурном уровне.

Не менее отсталой была область социальных отношений. Только полвека назад крестьянство, составлявшее самую большую часть населения было раскрепощено, получив свободу от власти помещиков. Однако реформа, которая должна была сопутствовать освобождению, наделения освобождённых крестьян землей проведена не была и освобождённым, чтобы не умереть с голоду, приходилось наниматься на работу в батраки на условиях часто не лучших, чем во время крепостничества.

Совершенно неудовлетворительной представлялась самодержавная политика и отношение к многочисленным национальным культурам, которым не было предоставлено никаких условий для их собственного развития.

В частности были запрещены школы с преподаванием на иных, кроме русского, языках, запрещались национальные газеты, культурные объединения и т. п.

Весьма больным был также и еврейский вопрос. Существовала знаменитая «черта оседлости», только в пределах которой евреям было разрешено селиться. На Украине существовали целые города «гетто» с преимущественно еврейским населением (Бердичев, Житомир и другие).

Ясно, что все упомянутые и не упомянутые анахронизмы никак не гармонировали с уровнем культуры и нуждались в исправлении. Его требовала передовая интеллигенция, не раз предупреждавшая об опасности, связанной с пренебрежительным к ним отношением. Вспомним мрачное пророчество Достоевского: «И идут мужики, и несут топоры, что-то страшное будет». Между тем, Царь и назначенные им министры оставались слепы и глухи ко всем требованиям и уступали на йоту только после продолжительной и упорной борьбы.

Вспыхнувшая Первая Мировая война и начавшиеся неудачи на фронте значительно ослабили власть над народом и послужили новыми поводами для агитации против правительства. Даже студенты медики, перегруженные работой, и неимевшие времени интересоваться чем-либо кроме книг и больных, шли чуть ли не каждый день на летучие сходки и выносили протестующие резолюции. Недоверие к правительству было прекрасной почвой для распространения разных слухов, самый популярный из которых был об «измене на верхах». Последние достигли своего апогея в 1916-м году, когда депутат Государственной Думы, видный член конституционно-демократической партии П. Милюков произнес свою, тогда знаменитую речь. В ней он приводил факты, казавшиеся ему бесспорным доказательством предательства и заключал каждую фразу вопросом к аудитории является ли сказанное результатом глупости или измены. Этот известный риторический прием эффективно попадал в цель — в правящую верхушку. Хотя имя Императрицы Александры Федоровны прямо не называлось, но ее немецкое происхождение усиливало аргументы нападавших, что она является душой пронемецкого заговора.

Присутствие при дворе Григория Распутина, фигуры

весьма сомнительной во многих отношениях, ещё более ослабляло позицию сторонников монархии. Сколько было во всех этих нападках правды и сколько простой пропагандной лжи никому интересно не было, важно было, что они всегда находили уши, чтобы слышать. Позже выяснилось, что художества Распутина терпели из-за того, что он обладал гипнотической силой, позволявшей ему останавливать кровотечения у Наследника престола, страдавшего гемофилией и Императрица, как любящая мать, готова была простить ему всё, лишь бы сохранить жизнь сына. Так или иначе, но слухи своё дело сделали, и когда в конце 1916-го г. группа заговорщиков, среди которых были даже члены Царствующего Дома, убила Распутина, многие вздохнули с облегчением, думая, что это убийство спасет монархию, а оно только ускорило её гибель.

ФЕВРАЛЬ 1917 И НАЧАЛО ВТОРОГО СМУТНОГО ВРЕМЕНИ В РОССИИ. НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ УКРАИНЫ.

Февральская революция была встречена тем кругом либеральной интеллигенции, к которому я принадлежал, с радостным ликованием. Поздравляли друг друга «с концом эпохи деспотизма и началом новой эры свободы». Однако всё это ликование продолжалось очень недолго, и вскоре появились трудности в самых разнообразных областях, нараставшие в своей силе с каждым днём. Старая власть ушла и захватила с собой веками налаженный аппарат административной и хозяйственной жизни, а новый, наспех сколоченный, конечно, не мог его заменить, в особенности при отсутствии твёрдого руководства сверху. Россияне на собственном опыте убедились как трудно восстанавливать на голом месте порядок и законность, налаживать торговлю, продолжая при этом трудную и дорого стоющую войну.

На Украине сразу же после революции возродилась деятельность национальных организаций. Была организована Украинская Центральная Рада (Совет), выразившая желание взять на себя функцию административного управления Украиной. Рада выпустила свой Первый Универсал, в котором объявила о принятой на себя власти и о

том, что она намеривается работать в полном согласии с центральным правительством. Никакой речи об отделении от России в Универсале не было, и он был с энтузиазмом поддержан большинством украинцев. Как Рада, так и Универсал были признаны центральной властью, передавшей УЦР функции местного управления вплоть до окончательного решения вопроса о судьбе Украины на Всероссийском Учредительном Собрании. Так всё шло более или менее гладко, хотя и не обошлось без шероховатостей. К последним принадлежала попытка многих горячих голов из УЦР немедленно украинизировать делопроизводство в учреждениях, тексты и названия опер, и даже вывески торговых учреждений. Была забыта мудрая латинская пословица «спеши медленно» (или «спеши с оглядкой» и в этом важном и ответственном деле была проявлена ненужная спешка. Чего стоят такие переводы, как «Жиноча Голярня» «Женской Парикмахерской» или «Винова Краля» оперы Чайковского «Пиковая Дама». Не говоря уже об ужасающем переводе текста оперы. Многие чересчур завзятые украинцы забыли внезапно русский язык и не «понимали», когда к ним обращались по-русски.

Другим недальновидным и неосмотрительным поступком горячих голов из УЦР была и явная и скрытая дискриминация всех тех, кто плохо говорил или совсем не знал украинского языка. Из последних добрая половина была коренными украинцами, по тем или иным причинам не сподобившимися языковой премудрости. Этих бедняг не только клеймили всякими презрительными кличками, но иной раз просто увольняли с работы. Хотя все указанные ущемления и не носили массового характера, они не создавали политической атмосферы, благоприятной для украинского дела.

И, наконец, третьим поводом, для цельности изложения упоминаемом сейчас, была оппозиция хлеборобно-собственнической Украины ко всяким формам социализма. Между тем УЦР с каждым месяцем пополнялась всё большим количеством социалистов крайне левых направлений.

МОЁ ЛИЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ К УКРАИНСКОМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ ДВИЖЕНИЮ.

Хотя в будущем мне не раз придется говорить о своих личных взглядах на различные аспекты украинского национального Движения, я считаю необходимым во избежание недоразумений вкратце изложить их сейчас.

Сын отца украинца и матери великороссии, я считаю себя украинцем. Люблю и ценю украинскую культуру наравне с русской. Несмотря на то, что образование получил на русском языке, знаю и украинский, как мне кажется, вполне удовлетворительно. Так как в городах Украины, в частности в Киеве, большинство населения говорило по-русски, последний язык был разговорным и в моей семье. Жители сёл и местечек говорили, гл. обр. по-украински и в сношениях с ними мы говорили по-украински. Ценя и любя украинскую культуру, я не менее ценю и люблю культуру общерусскую, которая, на мой взгляд, является результатом взаимодействия национальных культур всех народов, входивших в состав России. Русский язык, являющийся одним из звеньев культуры выработан совместными усилиями трех основных славянских ветвей — белорусской, украинской и великоросской, при участии, конечно, и других народов. Красочный язык Гоголя и стихи Шевченко, понятные без переводов великороссу и украинцу, лучшее тому доказательство. Сближение культур способствует и единая православная вера, исповедуемая тремя ветвями. Эта же единая вера способствует духовной близости между ними и отсутствию всякой дискриминации по отношению друг к другу.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В УНИВЕРСИТЕТЕ. ДИПЛОМ ВРАЧА. МОБИЛИЗАЦИЯ И ОТЪЕЗД НА ФРОНТ.

В разгар подготовки к заключительным государственным экзаменам на звание лекаря, нас всех вызвали на собрание выпускников. Началось с обычных трескучих заявлений наших присяжных ораторов. Таких любителей щегольнуть красным словцом, ради которого они готовы были не пощадить даже родного отца, было немало среди студентов. Они с надрывом говорили о тех высоких задачах, которые стоят перед победившим народом и его авангардом — интеллигенцией, и перешли затем к сути дела. последнее заключалось в том, что по мнению представителей передовой интеллигенции, всякие экзамены, в том числе и государственные, являются выражением недоверия к нам, сознательным гражданам свободного государства. «Если во времена господства реакции», продолжали они, — «мы не могли возражать против них, то теперь мы должны протестовать и требовать их отмены».

Конечно, вышеприведённая аргументация была вопиющей нелепостью. Всякий добросовестно учившийся студент хотел проверить на экзаменах свои слабые места, для того, чтобы в последующем на них обратить особое внимание. Началась горячая словесная схватка между сторонниками и противниками отмены. Впервые на этом собрании я воочию убедился в слабых сторонах решения большинством голосов.

Ведь решали, в сущности говоря, не убеждённые сторонники, либо противники, а составлявшая большинство средняя масса колеблющихся. Ведь они могли пойти за теми, кто умел лучше и красноречивее формулировать свои аргументы, а не за теми, кто рекомендовал принять единственно правильное решение. К счастью, за отмену было подано не более трети. Голос благоразумия победил, но, как часто на подобных собраниях, победа остаётся за демагогом, умело обернувшим вокруг своего пальца инертную массу. В моей жизни мне довелось наблюдать немало неправильных решений, освящённых волей пресловутого большинства.

Экзамены прошли для меня вполне благополучно, и я, получив долгожданный диплом врача, сразу же зарегистрировался в военном управлении для мобилизации и отправки на фронт. Мы, молодые энтузиасты, мечтали о том дне, когда начнём активно помогать Родине в её борьбе с врагом.

ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЕННАЯ СИТУАЦИЯ В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ.

Облачившись в свеже-пошитую форму военного врача, я отправился на сборный пункт в Одессу. Первое впечатление от встречаемых военных было малоутешитель-

ное. Таких как я, направлявшихся центробежно к фронту, были считанные единицы, большинство же двигалось центростремительно от него. На вокзалах творилось нечто неописуемое, никакой дисциплины не было и помину, на офицеров не только никто не обращал никакого внимания, но иной раз приходилось слышать оскорбительные реплики по их адресу. Из разговоров с офицерами в вагоне мне стало ясно, что все они считают войну безнадежно проигранной, ибо командовать массами без дисциплины совершенно невозможно. Зараженный либеральными идеями, я пробовал возражать, указывая, что теперь слепую дисциплину должно заменить сознательное повиновение. На эти мои замечания никто даже и не возражал, но меня дарили взглядом, явно выражающим сомнение в моих умственных способностях. В комендатуре Одессы царили полный хаос и растерянность. С большим трудом я нашел персону, ведавшую назначениями на фронт. Он тоже посмотрел на меня вышеупомянутым взглядом, но он все же выдал мне назначение младш. врачом 309-го Овручского полка. К этому времени мой былой энтузиазм успел рассеяться как дым и ехал я на фронт с весьма невесёлыми чувствами.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ НА ФРОНТЕ.

Как ни странно, но порядка во фронтовой полосе было гораздо больше, чем в тылу, оправдывая тем самым старую мудрость, что рыба начинает вонять с головы. Старшим врачом полка был кадровый военный врач, обрадовавшийся моему приезду, разгружавшему его от многих забот. Он посвятил меня в военные тайны нашей профессии и рекомендовал держать ухо остро с будущими пациентами.

То, что я увидел на следующий день превзошло все мои ожидания: маленькая комнатушка, служившая приёмной была битком набита солдатами. Уже с первых «пациентов» я убедился, что никто из них ничем серьёзным не болен, но все стремятся попасть в ближайший тыловой госпиталь, где, по их словам, очень хорошо лечат. Как я узнал позже это «лечение» заключалось в том, что их легко отправляли в госпиталя глубокого тыла и оттуда отпускали на побывку домой. Весть о прибытии молодого

врача мгновенно распространилась в полку, и солдаты начали, как тогда говорили, «ловчиться», чтобы использовать мою неискушенность во фронтовой обстановке.

Так как в то время уже никто ни в какую возможность серьезной войны не верил, то я сразу же решил быть по возможности снисходительным к просьбам пожилых многосемейных бородачей, молодым же никаких поблажек не давал. Стычки или бои с неприятелем случались на нашем участке крайне редко. Во время их мне пришлось столкнуться с ещё одним видом упомянутого выше ловкачества. На сей раз с так называемыми — самострелами. Этого типа ранения встречались большей частью на руках и ступнях и были причинены самим раненым, с близкого расстояния. Так как стрелявшие анатомии не знали, то ранения иной раз были очень тяжёлыми с раздроблением костей, не говоря уже о занесенной инфекции. У нас были очень строгие инструкции в отношении возможного самострельства и о каждом подозрительном случае врач обязан был рапортовать по начальству. Должен сознаться в нарушении последнего приказа. Хотя распознавание самострельного ранения не было трудно и хотя мне пришлось видеть более десятка подобных случаев, я ни об одном из них не рапортовал. На том заключительном этапе войны, которому я был свидетелем, подобное ранение было бы просто аморально. Можно себе только представить, до какой степени отчаяния должен был дойти хлебороб или рабочий, чтобы очертя голову повредить себе руку или ногу, являвшихся их кормильцами. Импульс жертвовать жизнью за Веру, Царя и Отечество исчез и оживить его никакими приказами либо уговорами было безнадежным предприятием.

КЕРЕНЩИНА И ИНТЕЛЛИГЕНТЩИНА — ОДНИ ИЗ ОСНОВНЫХ ПРИЧИН КРАХА ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ 1917-го ГОДА.

В долгие вечера первых недель пребывания на фронте, не омраченные ни пушечным, ни ружейным выстрелом, автор предавался размышлениям о судьбе послереволюционной России. В стране разгоралась борьба между умеренными, сгруппировавшимися вокруг Государствен-

ной Думы и крайне левыми, до большевиков включительно, избравшими своей базой самочинно организованный Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Примером анархического творчества последнего явился пресловутый «Приказ № 1», подрывавший основы воинской дисциплины. Этот приказ был явно не законен, и он играл на руку вышедшей из повиновения солдатской массе и был поэтому ею восторженно встречен. Вскоре на политической сцене появился Ленин, привезенный из Швейцарии в запломбированном вагоне. С его приездом положение еще больше обострилось, и стали открыто говорить о захвате власти крайне левыми элементами. Обострялась ситуация и в других областях политически-общественной жизни. Сепаратисты из этнических групп, входившие в состав Российской Империи, стали не только требовать широкой автономии для своих национальностей, но и самочинно осуществлять её путем захвата власти на местах. Последнее было тоже явно незаконно и способствовало распространению анархии в стране. В самом факте требования автономии и даже самостоятельности ничего несправедливого или неправильного нет, но они должны были быть проведены конституционным порядком, основанным на воле большинства населения, а не по требованию горячих голов, мечтающих о возрождении средневековой романтики.

А как же реагировало центральное законное правительство на все акты произвола и беззакония? Министр обороны (впоследствии премьер) А. Ф. Керенский и другие члены правительства и Государственной Думы носились по фронту и по всей стране, устраивая митинги, на которых взывали к гражданскому долгу и самопожертвованию во имя сохранения свободы и завоеваний революции. В особенности старался Керенский, получивший кличку «главноуговаривающего». На митингах, как водится, единогласно принимались резолюции о полной поддержке Временного Правительства. Однако, после отъезда ораторов снова появлялись на сцене большевистские агитаторы, которых было вдоволь на местах, и на новых собраниях принимались решения поддержать упомянутый «Приказ № 1». Одно из таких собраний было незадолго до моего приезда на фронт, и я о нем слышал из первых уст. Не надо было быть большим мудрецом, чтобы понять, что митингами и резолюциями подрывной работы не остановишь. Самое удивительное (и возмутительное!) было то, что в то время у правительства была еще сила, чтобы задавить анархию в самом зародыше. Надо было только проявить твердость и решительность, не останавливаясь перед применением военной силы. Иными словами использовать те самые методы, которые Ленин советовал в своих сочинениях применять против врагов пролетариата. Между тем Керенский и другие ему подобные интеллигенты больше всего на свете боялись прослыть «реакционерами» и запачкать белые ризы демократии хотя бы одной каплей крови, пролитой для её спасения. России в то время нужен был демократический ВОЖДЬ. Такового, к несчастью, не оказалось и образовавшийся вакуум заполнил враг демократии Ленин, привезенный немцами из Швейцарии в запломбированном вагоне.

ШАХМАТНОЕ ЭЛЬДОРАДО ПРИ ДИВИЗИОННОМ ЛАЗАРЕТЕ.

Так как настоящей полноценной работы не было, то я решил искать партнеров для игры в шахматы. Среди офицеров полка шахматистов не оказалось. Но, при расспросах выяснилось, что при дивизионном лазарете в штабе корпуса имеется много любителей и организуются даже иногда турниры. Я решил познакомиться и сразиться с чемпионом корпуса, дивизионным врачом доктором С. Получив без хлопот разрешение поехать в штаб, я оседлал свою кобылу Машку и отправился. По приезде спросил, где я могу увидеть доктора С.

— Да он там, в офицерской столовой, сражается в шахматы, — был ответ.

Игра была в полном разгаре и доктор С. нещадно побеждал одного офицера за другим. Попросив разрешения, я стал наблюдать за игрой. Доктор С. играл очень хорошо для любителя, он был значительно выше по классу игры своих противников. После одной из своих очередных побед он обратился ко мне и спросил с небрежным видом:

— А вы, молодой человек, играете в шахматы? — и после моего утвердительного ответа предложил сразиться.

Конечно, для меня доктор С. не был равным противником и я стал выигрывать партию за партией. После нес-

кольких побед вокруг нас собралась целая толпа офицеров, жаждущих насладиться невиданным зрелищем поражения своего непобедимого чемпиона, часто посмеивавшегося над их шахматным невежеством. После окончания нашего поединка д-р С. обронил фразу, долго служившую впоследствии предметом веселых комментарий: «Что это сегодня я так плохо играю», сказал он.

Во время последующего обеда, офицеры начали меня расспрашивать о моих прежних успехах и после того как стало известно, что я чемпион Киева и участник Всероссийского и Международного турнира, доктор С. признал с добродушным юмором, что он понимает теперь, почему он сегодня так плохо играл.

В последующем я развлекался игрой в винт (русский бридж) с генералами местной артиллерийской бригады и одновременно с пятью партнерами в шахматы. Мои противники — врачи дивизионного госпиталя — находились в соседней комнате и играл я с ними не смотря на доску. Так или иначе, но скучать мне не приходилось, и я был занят по горло.

РАЗВАЛ ФРОНТА ПОСЛЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПЕРЕВОРОТА. ПУТЕШЕСТВИЕ С ФРОНТА В КИЕВ.

Со времени октябрьской узурпации власти большевиками, положение резко ухудшилось. Советы солдатских депутатов стали теперь вмешиваться во все дела командования и тем самым полностью дезорганизовали жизнь военных частей. Первым делом, офицерам было приказано снять погоны, и все солдаты и офицеры превратились в однообразную серую массу. Плохо или хорошо, но это обезличивание продолжалось для нашего корпуса недолго. В конце ноября пришло известие, что над нашим корпусом, состоявшим в большинстве из украинцев, взяла шефство Украинская Центральная Рада, и всем офицерам было приказано вновь одеть погоны. Это повлекло за собой немало недоразумений, ибо на соседних участках фронта находились большевизованные части, угрожавшие расправиться с каждым «золотопогонником». Я сам едва не попал в руки соседних башибузуков, спасшись от них только благодаря своей быстрой Машке. Нечего и говорить, что фронт к этому времени превратился в пустое

место и австрийцы, против которых мы стояли, могли бы всех нас взять в плен без единого выстрела, если бы того хотели. Одновременно с общей неразберихой, расстроилось и снабжение полка продовольствием, и части вынуждены были промышлять сами, не останавливаясь перед грабежами. Не получая больше ни продовольствия, ни приказов высшего начальства, наш командир решился на единственно разумную меру, предложив всем отправляться домой.

Возвращаться в одиночку в господствовавшем хаосе и анархии было бы безумием. Поэтому я примкнул к группе, примерно из двадцати солдат и офицеров. Где-то в обозе раздобыли телеги, запрягли в них наших лошадей, в том числе и мою верную Машку, погрузили свои вещи и тронулись в путь домой.

Что творилось на железнодорожных станциях в это время не поддается никакому описанию. Возвращавшиеся не только стояли тесно прижавшись друг к дружке внутри вагонов и не только вповалку лежали на крышах вагонов (а ведь был январь месяц!), не только сидели на буферах между вагонами, но ухитрялись прилепиться под вагонами.

Передавали также, что некоторые поезда были взяты штурмом хорошо вооруженными группами с последующим изгнанием ехавших. Все эти безобразные сцены мы видели лишь издали и мирно шли за своими телегами. Как часто бывало и будет в моей жизни, но в этом путешествии мне сопутствовала удача. По счастью, я решил захватить с собой ящик с перевязочными материалами и медикаментами. Как только наша группа достигала какой-либо деревни, и крестьяне узнавали, что среди нас есть врач с лекарствами, то у меня немедленно появлялись и пациенты и продукты. Так мы добрались до границы Украины. Тут мы все распростились, в шутку обещая писать друг другу, и отправились каждый по своему назначению.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ.

Приехал в Киев я глубокой ночью... и попал снова на фронт, в разгар боевых действий. Со всех сторон слышалась стрельба, не только ружейная, но со стороны Печер-

ска даж орудийная. Я с большим трудом разыскал какого-то на смерть перепуганного служащего, который сказал, что происходит бой между войсками Украинской Центральной Рады и большевиками, забаррикадировавшимися в Арсенале.

Хотя квартира моей матери, куда я хотел идти, была не дальше двух километров от вокзала, пускаться в путь представлялось довольно рискованным. К счастью стрельба на время затихла и воспользовавшись этой передышкой я двинулся в путь и без приключений достиг квартиры. Стучу, никто не отвечает, хотя за дверью слышны приглушенные голоса. Наконец, после повторных стуков дверь открыли и, узнав кто я, меня впустили. Несмотря на то что квартира была полна жильцов со всего дома, сидевших вдоль стен, достаточно было одного взгляда на них, чтобы даже при тусклом свете коптилок увидеть, что они перепуганы до смерти. Они все наперебой стали меня расспрашивать о том, что творится в городе, кто с кем, где и почему воюет и скоро ли военные действия захватят и наш район. Трагикомизм моего положения мог бы вызвать улыбку, если бы мне было до неё. Спрашивать у меня, пришельца с далёкого фронта, о том, что творится у них в тылу, который мы, фронтовики воображали себе самым спокойным и тихим местом на земле! Стрельба к этому времени затихла, и я сообщил жильцам о том немногом, что мне сказал на вокзале служащий.

КАК СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ ПРОЗЯБАЛИ ПРИ ВОЕННОМ КОММУНИЗМЕ.

Памятная ночь моего возвращения явилась прелюдией к последующим двум с половиной годам, когда всё будущее было покрыто непроницаемым мраком неизвестности. Только теперь, полвека спустя, узнаёшь как ничтожно мало мы знали о том, что творилось на белом свете, включая и то, что происходило у нас буквально под самым носом. Только теперь мы знаем, что ко времени моего приезда, фактически вся Украина была завоёвана Красной армией, и Киев оставался единственным оплотом УЦР. Даже о том, что большевиками организовано марионеточное Украинское правительство, мы знали только по наслышке, да и никто не принимал всерьез этого правительства. Только теперь мы узнали, что именем этого правительства Ленин творил свои дела. Не знали мы и о Брестском мире. Знали только о резком повороте украинской политики и о возвещении самостоятельности Украинской Народной Республики, сделанном в Четвертом Универсале в январе 1918 года.

Ни регулярных газет, ни радио, конечно, не было, а те газеты и листовки, которые появились, носили явно пропагандный характер, и их сообщениям мало кто верил. Другой вопрос, могли бы мы в какой-нибудь мере повлиять на события, если бы имели какую-либо точную информацию о происходящем. Конечно, в тех условиях культурных джунглей, в которых мы живем, наше мнение, будь то даже мнение большинства, никакого влияния на течение развивающихся событий не имело и иметь не могло.

Прав был тот, кто имел за собой больше вооруженных солдат. Если о мнении народа и спрашивали некоторые совестливые воюющие стороны, то только вскользь и для приличия, не считаясь с этим мнением в большинстве случаев. Западному человеку может показаться, что в подобных примитивных условиях невозможно жить культурному человеку. А ведь мы жили. Нынешние же подсоветские люди в несчитанном количестве продолжают жить и по сегодняшний день.

Бои за арсенал закончились победой войск УЦР и на некоторое время воцарилось спокойствие. Я воспользовался этой передышкой, чтобы воссоединиться с женой и дочерью, жившими в Екатеринославе (теперь Днепропетровске). Мою наследницу я видел 7 месяцев тому назад и теперь предвкушал радость свидания. Город гражданской войной ещё затронут не был, и обе мои любимицы были, как ныне говорят в Америке, «ОК». Жена была на постоянной работе в химической лаборатории местного завода, и поэтому о куске хлеба ни для них, ни для себя мне заботиться не надо было. На семейном совете было решено мне посидеть дома, пока ситуация, где и как, не выяснится. Так я предавался сладостному безделью достойному бессмертного Обломова.

ПЕРВАЯ КРОВАВАЯ БАНЯ ПОСЛЕ ЗАНЯТИЯ КИЕВА БОЛЬШЕВИКАМИ.

Из всех городов Украины население Киева понесло наибольший урон от рук красных террористов. Первая такая кровавая баня была устроена войсками большевистского генерала Муравьева, занявшего Киев в феврале 1918-го г. Никакого намека на судопроизводство, а все «подозрительные» расстреливались по приговорам специальных троек, именованных революционными трибуналами. Сколько погибло при этих зверских расправах, конечно, установить даже и приблизительно невозможно. В Екатеринославе было тогда сравнительно тихо, и я продолжал отсиживаться.

ОККУПАЦИЯ УКРАИНЫ НЕМЦАМИ.

В одно прекрасное мартовское утро, выйдя на очередную утреннюю прогулку (я жил в то время в пригороде), я вдруг заметил, что по направлению к городу движется ползком необычный поезд: впереди паровоза была прицеплена платформа, с несколькими пулеметами, направленными на город, и полная солдат в знакомой мне немецкой форме с ружьями в руках «на изготовку». Такие же солдаты сидели и лежали на крышах вагон[illegible] Неподалеку от меня поезд остановился, и солдаты спрыгнули на землю. Так как они никаких враждебных чувств не проявляли, то я рискнул подойти к ним и, пользуясь знанием немецкого языка, спросил, что сей сон означает. Солдаты, удивясь моему неведению, объяснили, что согласно мирному договору между Украиной и Германией, немецкие войска временно вводятся на Украину для восстановления и поддержания порядка. О том, что мир заключен я имел смутное представление, но о приглашении немцев ничего не знал. В это время к нам подошел вышедший из вагона офицер и пригласил меня внутрь вагона, где был штаб части. Тут меня спросили, что я знаю о численности и расположении находящихся в городе красных. Узнав, что о таковых я не слыхал уже несколько дней, и уверившись в том, что я сам не большевик, они отпустили меня с миром. Так свершился бескровны[illegible] переход власти к немцам. Как я узнал позже, не встрет[illegible]ли они сопротивления и в других городах и местностях Украины.

УСТАНОВЛЕНИЕ ГЕТМАНЩИНЫ И КРАТКОВРЕМЕННОЕ БЛАГОСЛОВЕННОЕ ЖИТЬЕ.

Уже в скором времени консервативные немцы увидели, что с горячими головами из УЦР, наполненными социалистическими идеями, каши не сваришь. Особенно усложнялась ситуация желанием УЦР проводить упомянутые идеи в жизнь с места в карьер, когда ещё не было ни власти, ни порядка. Естественно поэтому желание немцев найти поддержку у более умеренных элементов. Таковыми оказались члены «Украинской народной громады» и «Союза Земельных Собственников». Хотя я и знал о существовании обеих организаций, я, как и большинство украинских интеллигентов того времени, стоял в стороне от всякой работы, которая пахла политикой.

В начале мая население Украины было оповещено, что 29-го апреля в Киеве состоялся конгресс хлеборобов в составе 6.433 делегатов. Цифра, конечно, внушительная, но за её точность ручаться не приходится. Конгресс, единогласно, выбрал генерала царской армии Павла Скоропадского Гетманом всея Украины. Как мы потом узнали, в то же время немецкие оккупационные власти довольно бесцеремонно разогнали УЦР и заявили о признании Гетмана Скоропадского единственным законным правителем Украины. Поскольку немцы ещё не успели испортить своей репутации блюстителей закона и порядка, то мы, рядовые обыватели, приветствовали это избрание, так как оно ставило точку на социалистических и экстремистских националистических экспериментах. Тем более Гетман всегда подчёркивал, что он не мыслит себе Украины вне тесной федеративной связи с будущей демократической Россией.

Итак, снова назад к капитализму. Поразительно как живуч этот похороненный большевиками узаконенный веками порядок! Открылись сразу базары с обилием давно исчезнувших продуктов. Открылись магазины, на полках которых лежали чудом появившиеся товары. Все эти свалившиеся с неба прелести можно было купить на вскоре выпущенные и гарантированные германским правительством украинские деньги. Подумайте только, открылись даже ночные клубы, которые не имели недостатка в посетителях. Наслышавшись обо всех этих чудесах, я решил поехать в Киев, чтобы устроиться на работу в

лечебном учреждении. Киев жил полной жизнью. В него устремились тысячи беженцев из России, спасавшие свою жизнь и те остатки своего имущества, которое они могли унести с собой.

Из всех послереволюционных периодов, гетманский был самым счастливым в жизни жителей Киева и всей Украины, в особенности в течение первых месяцев. Позже выступили три силы, которые частью сотрудничая одна с другой, частью действуя самостоятельно, подорвали основы Гетманщины и привели её к краху и гибели. Этими силами были: а) — Украинский шовинизм, б) — Большевизм и в) — Узко эгоистичная политика немецких властей. Экстремистские элементы не хотели понять, что умеренно националистичная программа Гетмана являлась единственно правильной в запутанных социальных, национальных и экономических условиях и хотели немедленно ввести в жизнь свою программу максимум. Большевики тихой сапой вели свою подрывную работу, в которой они всегда были большими мастерами. Немцы же хотели выкачать из хлебной Украины всё, что возможно, не останавливаясь перед карательными мерами, которые только озлобляли население и привели в конце Гетманщины к открытым бунтам. Я не собираюсь подробно анализировать действия указанных выше сил и укажу лишь на те их проявления, кои мне было суждено самому наблюдать.

В Киеве мне без труда удалось получить назначение в военный госпиталь в местечке Белая Церковь, расположенном неподалёку от Киева. Госпиталь был одним из многих, полученных Украиной в наследство от царской армии. Украинское правительство имело намерение переформировать эти госпиталя в больницы для населения, в которых ощущался большой недостаток.

Для меня назначение это явилось свалившимся с неба счастьем. В госпитале было два прекрасно оборудованных отделения: терапевтическое и хирургическое, возглавлявшиеся опытными врачами. Те несколько месяцев, которые я с ними проработал дали для моего медицинского образования больше, чем год учебы в университете, а то и больше. Дела мои шли столь успешно, что я решил обосноваться и выписать сюда из Екатеринослава жену и дочь. Семья вскоре приехала, и я зажил рутинной жизнью провинциального врача, по горло погрузившегося в свою эскулапию. Я не подозревал, что судьба готовит мне за моей спиной иную участь, которая сорвёт меня с места и бросит в пучину приключений.

НЕОЖИДАННОЕ ПРИОБЩЕНИЕ К УКРАИНСКОМУ СЕПАРАТИЗМУ. НАЗНАЧЕНИЕ ВРАЧЕМ ПОЛКА СЕЧЕВЫХ СТРЕЛЬЦОВ. ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ГАЛИЧАНАХ.

Гром грянул среди одного безоблачного осеннего дня. Утром нам объявили, что госпиталь закрывается и его помещение передаётся корпусу сечевых стрельцов под их казармы и квартиры для офицеров. Последующие события стали развиваться с калейдоскопической быстротой. Уже на следующий день приехал командир корпуса, полковник Коновалец со своими адъютантами, осмотрел помещения и остался ими вполне доволен. Узнав, что я не только украинец, но и говорю по украински, он предложил мне занять должность полкового врача. Я согласился, не подозревая тогда, что моя врачебная работа в полку сделает меня косвенным участником крайне сепаратистского Украинского Национального Освободительного Движения.

В полку я впервые познакомился с украинцами Западной Украины — галичанами. Они населяли земли, оторванные от Восточной Украины несколько столетий тому назад и значительно отличались от восточников по языку и другим культурным признакам. Некоторые диалекты их языка были настолько перемешаны с полонизмами и латинизмами, что восточнику зачастую было нелегко их понять. Правда, надо сознаться, что некоторые восточные диалекты (например черниговский или харьковский) не в меньшей мере были засорены руссицизмами. По внешнему облику западники также отличались от восточников и при том часто в их пользу. Они были гладко выбриты, опрятны, а офицеры одеты с иголочки. Дисциплина была на должной высоте как в строю, так и вне его. Все стрельцы были исключительно вежливы при обращении с гражданскими лицами, особенно по отношению к женщинам. Моя жена, не говорившая по-украински, ни разу не столкнулась с невежливым или враждебным отношением, наоборот все старались услужить, как могли.

То же я слыхал от других работников госпиталя. Во время военных действий нравы огрубели, но в терпимой степени. Но при всем этом духовной близости между западниками и восточниками не было. Галичане не одну сотню лет были под владычеством поляков и австрийцев, третировавших их как низшую расу.

Сколько мне известно, они не допускались к выдвижению на высшие посты на правительственной или общественной службе. Ничего подобного у восточных украинцев не наблюдалось. Можно с уверенностью сказать, что такой дискриминации восточных украинцев не было и в помине. Украинское происхождение ничуть не препятствовало занятию самых ответственных должностей. Последний Гетман Павел Скоропадский был генералом царской армии и пользовался большим влиянием при императорском дворе. То же относится к украинским учёным, писателям и другим представителям интеллигентных профессий. Дискриминация украинского языка, практиковавшаяся царским правительством, была результатом боязни, что возродившийся украинский национализм приведет к отрыву Украины от России и присоединению её к западным государствам. «Не вмер Данило, болячка задавила» скажут многие юмористы, ибо от этой другой подоплеки украинской культуре отнюдь не легче. Это, конечно, так, указанная правительственная политика никогда поддержкой интеллигенции не пользовалась и способствовала только еще большему разрыву между правительством и общественной элитой, приведшему в итоге к февральской революции. Вышеуказанного разрыва в демократических западных государствах не могло быть. Отсюда и различный подход к национальной проблеме у галичан и восточников. Первые считали, что развитие украинской культуры возможно только в условиях самостоятельного государства, вторые же основным требованием выдвигали демократизацию правительства. Только после того, как восточники увидели, что у большевиков никакой демократии нет, они стали склоняться к позиции галичан.

Вместо того, чтобы объединиться и создать общий фронт для спасения России и Украины, эти лидеры подняли вооруженное восстание и одержали над Гетманом Пиррову победу на радость большевикам. Как обычно, все украинские обыватели только догадывались обо всех этих

закулисных махинациях и ничего толком не знали. Только впоследствии стало известно, что 14 ноября 1918 г. состоялось тайное заседание лидеров, на котором была избрана «Директория» и было решено начать восстание против Гетмана. О предстоящем выступлении нашего полка, разросшегося до размеров дивизии, я мог догадаться из приказа немедленно пополнить запасы перевязочных материалов, медикаментов, а также обеспечить транспорт возможных раненых.

Вскоре грянул и гром среди уже достаточно облачного неба. Нам раздали приказ Петлюры, названный впоследствии в шутку «Пятым петлюровским универсалом». У меня сохранилась копия этого возмутительного документа, весьма характерного для того времени, в котором мы жили. Привожу его почти дословно:

> «По приказу Директории Украинской Республики, я, как Верховный Главнокомандующий, призываю всех украинских солдат и казаков бороться за государственную самостоятельность Украины против изменника, бывшего царского генерала наёмника Скоропадского, самочинно присвоившего себе права Гетмана Украины. По постановлению Директории, Скоропадский объявляется вне закона за преступления против самостоятельности Украинской Республики, за уничтожение её вольностей, за переполнение тюрем лучшими сынами украинского народа, за расстрел крестьян, за разрушение сёл и за насилия над рабочими и крестьянами. Всем гражданам, живущим на Украине, запрещается под угрозой военного суда помогать кровопийце-генералу Скоропадскому в бегстве, давать ему продукты и защиту. Обязанность каждого гражданина, живущего на Украине, арестовать генерала Скоропадского и передать его в руки республиканских властей. Гетманские распоряжения по войскам отменяются; войсковые части Гетмана Скоропадского, чтобы избежать лишнего кровопролития, должны перейти в ряды республики, вслед за теми, которые уже перешли. Войска республики имеют целью окончательно разбить строй, установленный гетманским правительством, уничтожить нагайку, на которую он опирался до последнего момента.

В этот знаменательный час, когда на всём свете рабочие и крестьяне стали господами, разве мы, братья казаки, позволим себе пойти за помещиками, за гетманским правительством, против своих отцов? В этот великий час разве вы, братья казаки, осмелитесь служить продажным людям, которые сами продались и хотят Украину продать бывшим царским министрам и господствующему классу — безработному русскому офицерству, которые собрались в контрреволюционном логове в Ростове-на-Дону.»

Копия этого приказа, сколько мне известно, имеется в библиотеке США в Вашингтоне. Фразеология его ясно показывает ту невообразимую путаницу, которая царила в мозгах вождей украинского национализма. Кому, но не им, следовало бы говорить о самочинном назначении Скоропадского — Гетманом. Как никак, но его избрал съезд украинских хлеборобов, на котором не было ни одного помещика. Выбран он был единогласно, более чем шестью тысячами делегатов со всей Украины. Такого количества ни один из съездов УЦР не собирал. Конечно, по тем временам говорить о безупречном демократичном избрании — не приходится, но всё же никак нельзя сказать о самочинном провозглашении себя Гетманом.

Дальше Петлюра ввергается в большевистскую трясину, говоря не об украинских национальных интересах, а о чаяниях рабочих и крестьян всего мира, всюду захватывающих сейчас власть в свои руки. Когда я прочитал сей «универсал», то моим первым побуждением было уйти с работы у галичан и отряхнуть прах украинского национализма от ног своих, но по зрелом размышлении решил всё же этого не делать. Тогда я ещё надеялся, что недалёк тот час, когда на смену петлюрам и винниченкам придут истинные сыны украинского народа, которые заменят крикливых демагогов. И кроме того в своей работе в госпитале я никакого отношения к политике не имел, а выполнял только свой врачебный долг.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ГЕТМАНА.

В двадцатых числах ноября (точной даты не помню) наша дивизия получила приказ двигаться на Киев. Вначале наши поезда двигались не встречая никакого сопротивления, раненых не было. Но чем ближе к Киеву, тем становилось труднее и у меня было по горло работы. Война вообще дело омерзительное и жестокое, но гражданская война самый худший её образец. Мне приходилось перевязывать раненых защитников Киева, но как только о таких становилось известно бойцам, этих несчастных немедленно расстреливали или поднимали на штыки. В конце концов я получил даже приказ «на этих собак» перевязочного материала не расходовать. Я пробовал протестовать, но безрезультатно и вызвал только угрозы по своему адресу. Несмотря на малочисленность и разрозненность дружин защитников Киева, они около трех недель сдерживали нападавших. Только 14-го декабря Гетман решил сдаться и подписал свою прокламацию об отречении, и Киев был занят.

Как водится, друзья и знакомые в Киеве, считая, что я в курсе политических событий, стали засыпать меня вопросами о том, что происходит. В особенности интересовались тем, скоро ли войска Антанты придут нам на помощь и выгонят всех большевиков из России. Явно думали что я что-то скрываю, когда говорю правду, что я знаю весьма мало и никогда на свою осведомлённость в нынешних условиях не полагаюсь. Я знал только, как часто приходится закрыв глаза прыгать в неизвестное, выбрав иной раз направление прыжка вопреки здравому смыслу.

АГОНИЯ И РАСТВОРЕНИЕ ДИРЕКТОРИИ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИЕВ.

Получив кратковременный отпуск и навестив семью в Белой Церкви, я вернулся в Киев и узнал о том, что моя дивизия уже переброшена на левый берег Днепра на защиту подступов к Киеву. «Вот тебе бабушка и Юрьев день». Не успели победить одного врага, а на тебя уже лезет другой, ещё более страшный. Только недавно я слыхал в полку разговоры, что члены Директории Винниченко *) и Макаренко вели переговоры с Кремлём и

*) Винниченко — украинский писатель и политический деятель.

с представителями Харьковского Украинского Совнаркома Раковским и Мануильским, обещавшим Директории полную поддержку в борьбе против Гетмана, а тут вдруг оказывается, что все эти дружеские заявления не стоят и ломаного гроша.

Киевляне сообщили мне, что Директория обратилась с нотой протеста в Москву по поводу возобновления враждебных действий. Об ответе население узнало из листовок, выпущенных подпольной Киевской организацией большевиков, ибо его Директория печатать запретила. В нём большевики впервые показали, что, хотя они и разыгрывают бесчестную пьесу, но актёры они хорошие. Прежде всего, Кремль отрицал, что он ведёт какую-либо войну, а Красная Армия действует по просьбе единственно законного правительства Украины — Украинского Совнаркома. Во-вторых, утверждалось, что большую часть наступающих на Киев частей составляют Богунская и Таращанская Дивизии, укомплектованные исключительно украинцами, и в третьих, Директории дружески рекомендовалось складывать свои монатки и уходить из Киева и Украины, чтобы избежать ненужного кровопролития.

Читая такой ответ, было отчего почесать затылок. Прежде всего, стало ясно, что ни о какой честной игре в политику большевики никогда не помышляли и не помышляют, а преследуют только одну цель — собственную победу. В свете этого не оставляло сомнений какая непоправимая оплошность была сделана при свержении Гетмана и уничтожении его армии, которая могла быть верным союзником в борьбе против большевиков.

Но ведь политиками не рождаются, ими делаются в результате длительного опыта, приобретённого годами взлётов и падений. Между тем, украинским лидерам приходилось чуть ли не на поле боя решать сложнейшие политические и стратегические задачи, имея за спиной только кратковременный опыт. Ничего удивительного, что находясь в исключительно неблагоприятном положении, они наделали немало ошибок. Однако, все критики деятельности вождей украинского национализма, в том числе и автор этих воспоминаний, не могли и не могут бросить обвинение, что они стремились удержать власть в корыстных либо эгоистических целях. Имея в

руках все возможности для личного обогащения, никто из вождей ими не воспользовался, и все они закончили свою жизнь в эмиграции в большой бедности.

Когда я приехал в свою часть, я нашёл её тогдашнего командира полковника Рогульского вне себя от ярости. Не зная о том, что его высшее начальство разрешило мне съездить к семье в Белую Церковь, он решил, что я дезертировал и оставил свою часть без всякой врачебной помощи. По счастью, всё-таки были два лекарских помощника и порядочный запас перевязочных материалов, заготовленных мною ещё до выступления против Гетмана. По-видимому у полковника Рогульского случай со мной не был единичным, ибо в то время правая рука не знала, что делает левая. Поэтому он быстро утихомирился и забыл про этот инцидент. Появились раненые и работы у меня было по горло. Галичане сражались как львы и не уступали ни пяди земли. Однако, превосходство красных было вполне очевидно и под их давлением приходилось отступать все ближе и ближе к Киеву.

Между тем, в столице заседал Всеукраинский Трудовой Конгресс. По идее устроителей, Конгресс этот, будучи всеукраинским (каковым он, конечно, не был) должен был организовать и узаконить власть. Заседать ему пришлось под звуки канонады, доносившейся из-за Днепра, что отнюдь не способствовало созданию деловой обстановки. Закончился он, не приняв определённых решений и не оставив никакого следа в украинской истории.

СКИТАНИЕ С ВОЕННО-САНИТАРНЫМ ПОЕЗДОМ СЕЧЕВЫХ СТРЕЛЬЦОВ ПО УКРАИНЕ. КОНЕЦ МОЕГО АЛЬЯНСА С СЕПАРАТИСТАМИ. СНОВА ДОМА.

Вскоре я узнал о своем назначении начальником военно-санитарного поезда нашей дивизии. Стрельцы должны были отступать вдоль железнодорожного пути в западном направлении и моей задачей было принимать и транспортировать раненых. В поезде было двести коек и он был вполне обеспечен перевязочными материалами, медикаментами и продовольствием. Среди последнего были такие роскошества как французские вина и шампанское. Большая библиотека помогала коротать часы

вынужденного безделья. А делать действительно было нечего, ибо раненых не поступало. За два с лишним месяца я принял только небольшое количество несерьёзных больных. Как выяснилось потом военные действия происходили несколько в стороне от поезда. Типичный пример указанного выше незнания левой руки того, что делает правая. Так, или иначе, но мой маршрут не был изменён, и я следовал своим, а дивизия своими путями. Ползя как черепаха, мой поезд двигался к границе с Галицией. Для галичан это была родина, в которой жили их близкие, а для меня — чужбина. Поэтому уже тогда я решил довести свой поезд только до границы и затем снова прыгнуть в неизвестное, возвратившись к семье в Киев. Так докатился я до Проскурова, небольшого городка, находившегося в бывшей черте еврейской оседлости.

Незадолго до моего приезда городок пережил кошмарный еврейский погром. Тротуары были завалены битым стеклом и зияющие или наспех заколоченные витрины магазинов свидетельствовали о происшедшем грабеже. Мне сказали, что было много раненых и несколько убитых. Перепуганные жители укрылись в квартирах, и на улицах я встречал только единичных прохожих быстро куда-то бегущих. Мне пришлось видеть много преступлений во время гражданской войны, совершаемых с необычайными хладнокровием и жестокостью над солдатами и офицерами противника, но грабежи и убийства беззащитных и ни в чём неповинных, — оставляли всегда наиболее жуткое впечатление. Директория распорядилась произвести расследование и наказать виновных. Однако, в преступлениях, подобных погромам, легко найти только пострадавших, виновников же почти никогда обнаружить не удаётся.

В Проскурове долго задержаться не пришлось и я получил приказ двигаться в направлении Старо-Константинова, небольшого городка, расположенного у старой границы. Уже не оставалось сомнений, что нашему поезду предстоит вскоре покинуть восточную Украину и переехать на её западные земли. Больных и раненых попрежнему не было, а из персонала остались одни галичане, возвращавшиеся на родину. Поскольку я продолжал оставаться глубоко штатским человеком и восточным украинцем, не имевшим ни малейшего желания разлучаться с семьей, то я попрощался перед отправкой поезда со своими подчиненными и исчез с горизонта. К счастью, в Старо-Константинове у меня были знакомые моих киевских друзей. Я попросил у них убежища, получил комнату на чердаке и погрузился там в размышления о том, как бы поскорее вернуться домой.

В один из следующих дней, встав рано утром и выглянув в окошко, я увидел мчавшихся по улице красных кавалеристов с обнаженными шашками. Ничего неожиданного не произошло, и я продолжал залегать в своём логове. Но вот, позднее, утром прибежали взволнованные хозяйки из соседних домов и сообщили о повальных обысках с целью обнаружения укрывшихся врагов пролетариата. Так как к числу последних я принадлежал по всем признакам, то я решил более не подвергать опасности моих радушных хозяев и уйти. Одна была задача: куда направить стопы свои? Я решил, что самым безопасным местом будет центр опасности, а именно штаб части, занявший город. Там, думал я, гораздо больше шансов встретить интеллигентных людей, которые будут в состоянии уразуметь мои доводы, а не сразу же отправят меня в штаб Духонина, т. е. расстрелять. Штаб части помещался неподалёку, расположившись в особняке, конфискованном у какого-то местного капиталиста. Следуя своему обыкновению как можно меньше спрашивать, я без труда нашёл штаб и храбро прошёл мимо вооружённого до зубов часового. Моя послевоенная одежда никаких подозрений в нём не возбудила, ибо чего только не носили тогдашние военные люди. Войдя, я обнаружил, что канцелярия находится на втором этаже, поднялся туда и вошёл. Первое препятствие было преодолено. Я добрался до намеченной цели. Должен указать, что метод — поменьше спрашивать, спасал меня от весьма многих неприятностей, так как спрашивание в условиях военного времени почти всегда заставляет насторожиться и начать в свою очередь задавать вопросы, что в моём случае было явно нежелательно.

В канцелярии я обнаружил какого-то старшего, направился к нему и заявил, что я мобилизованный петлюровцами военный врач и теперь бросил свою часть, так как не хочу уезжать из родных мест. И тут свершилось одно из тех чудес, которые не раз помогали мне в

будущем выходить сухим из воды даже в довольно глубоких местах.

В канцелярию вошёл какой-то молодой, интеллигентного вида военный, по-видимому офицер, посмотрел на меня и, когда осведомился о моей фамилии, спросил:

— Вы не тот ли известный шахматист Богатырчук, чемпион Киева и участник всероссийских и международных турниров?

Хотя тут была очевидная неточность, так как в то время я был участником только одного Всероссийского и одного Международного турниров, я предпочёл в спор не вступать и сказал, что я и есть тот самый персонаж. Вошедшему в комнату старшему чину я был представлен как один из лучших шахматистов страны победившего пролетариата.

Так или иначе, но вошедший чин распорядился выдать мне проездные документы и направление в распоряжение коменданта г. Киева. Молодой человек, которому человечество обязано сохранением моей персоны в целости и порядке, оказался харьковчанином, до своей мобилизации бывавшим в Киеве и знавшим о моих шахматных достижениях. Получив проездные литеры и упрятав направление к коменданту Киева так, чтобы его после никогда не найти, я ушёл из штаба. Благоразумие требовало не возвращаться на старую квартиру, и я пошёл к другому знакомому, чтобы пересидеть у него время до отправки. Он принял меня очень дружелюбно был очень обрадован фактом легализации моей личности. Сев у окна, я наблюдал (без малейшего огорчения) за сборами занявшего город отряда для дальнейшего преследования врагов пролетариата. Вдруг вижу несущуюся во всю прыть тачанку, на которой сидит хозяйка моей старой квартиры. Как я потом узнал, бедняжку возили на сборный пункт пойманных петлюровцев, чтобы опознать «генерала». Помимо трагичных во время гражданской войны бывало немало и юмористичных положений. Мне передали, что хозяйка, несясь на сборный пункт, больше всего на свете боялась того жуткого момента, когда она должна будет, узнав меня, вымолвить — «это он». Через несколько часов стало ясно, что красные покинули город, и я рискнул пробраться на вокзал и поискать там счастья. Конечно, ни о каком регулярном пассажирском сообщении не могло быть и речи, и максимум на что можно было рассчитывать — это пустой товарный состав, двигавшийся в направлении Киева. Таковой вскоре нашелся, и мои проездные документы обеспечили в нём место.

Приехав без дальнейших приключений в Киев, я нашёл своих в полном здравии и благополучии и снова, как говорят моряки, засел в «бест» и ни в какой военный комиссариат не пошел, не желая затруднять власть лишней работой. В условиях неразберихи того времени моё исчезновение с красного военного поля прошло незамеченным. Теперь предстояло некоторое время, как говорят на Украине не «рипаться» и поменьше попадаться на глаза кому не надо.

Вскоре представился случай легализовать своё положение.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ АНАТОМИИ, ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ЛЕКТОР ПО ШАХМАТАМ И ЗАВЕДУЮЩИЙ ВРАЧЕБНЫМ ПУНКТОМ ИНСТИТУТА ФИЗКУЛЬТУРЫ.

На сей раз работа и внушительный продовольственный паек были преподнесены на серебряном блюдечке. В один прекрасный день я узнал, что на территории монастыря, в одной из келий которого я жил, будет размещён вновь организуемый Институт Физкультуры и Спорта. Я отправился к директору и предложил свои услуги не только по медицинской, но и по шахматной линии. Я изложил свою точку зрения, что преподавателю физкультуры следует гармонично развивать всё тело, включая и мозг, и шахматы для последней цели весьма пригодны. Директор выслушал меня с должным вниманием и предложил подать докладную записку, которую обещал направить по начальству, предложив мне, пока суд да дело, сразу две должности — преподавателя анатомии и заведующего врачебным пунктом при Институте. По-видимому мои шахматные успехи расположили его в мою пользу, и он никаких рекомендаций не потребовал. Предложение я принял, не подозревая, что в будущем оно будет сопряжено для меня с неприятностями. Преподавать элементарные основы анатомии для меня трудностей не представляло, т. к. все ещё было свежо в памяти,

а за несколько месяцев своего заведования врачебным пунктом я видел только нескольких больных. Словом образовалось как нельзя лучше, и мы, в особенности жена, были очень довольны. Хотя и многие другие служащие не считались военнослужащими и военной формы не носили, в отношении пайка Институт был приравнен к военным учреждениям, и его паёк был значительно больше, чем в гражданских учреждениях. Правда его размеры были до смешного малы по сравнению с калорийными стандартами нормального пищевого рациона, служа лишь важным подспорьем к тому, что зачастую удавалось приобрести куплей-продажей на «чёрном» рынке.

«ЧЁРНЫЙ» РЫНОК В СССР.

«Чёрный» рынок в СССР был весьма странным учреждением, непонятным для человека, живущего в нормальных капиталистических условиях Запада. Официально он был нелегален. Во-первых, это значило, что власть предержащая имела право в любой момент привлечь к ответственности продавца и покупателя, а всё продаваемое или купленное — конфисковать без всякой компенсации. Во-вторых, в восемнадцатый, девятнадцатый и начало двадцатого годов военного коммунизма, никакой стабильной валюты не было. Для Киева и всей Украины исключением были благословенные времена Гетманщины и Добрармии, когда какая-то твёрдая валюта существовала. Деньги для покупок добывались путём продажи вещей. Ввиду полной неуверенности в завтрашнем дне, все вырученные деньги надо было немедленно обратить в продукты. Конечно, ни о какой санитарной инспекции в подобных условиях не могло быть и речи: глаза, нос, вкус и осязание — были единственным критерием покупателя. Вся описанная система, конечно, далека от совершенства, но не будь её, то добрая часть населения уже тогда вымерла бы от голода.

ВИЗИТ АЛЁХИНА ПРОЕЗДОМ В ХАРЬКОВ — МОСКВУ. Я ОГОРОШЕН ПАРТИЙНЫМ БИЛЕТОМ БУДУЩЕГО ЧЕМПИОНА МИРА.

Поздней зимой восемнадцатого - девятнадцатого годов (или ранней весной девятнадцатого, точно даты не помню) у меня неожиданно побывал Александр Александрович Алёхин, ехавший из Одессы в Москву.

Он был в прекрасном настроении, никак не соответствующем тому, что ему только что довелось пережить, и о чём он мне тогда ни слова не сказал. Не знаю из каких соображений, но он показал мне только одну реликвию своей одесской жизни — билет члена коммунистической партии. Зная социальное и имущественное положение Алёхина (сам Алёхин окончил училище Правоведения, в которое допускались только дети из знатных фамилий, его отец был предводителем воронежского дворянства, а мать совладелицей знаменитой Прохоровской Мануфактуры), я по тогдашней своей молодости был потрясён этим зрелищем пролетарского перевоплощения Алёхина. Я ведь не знал обо всём том, что довелось Алёхину пережить после революции, и о том как дошёл он до жизни такой. Об этом мне позже поведал одесский мастер Вильнер.

Заброшенный стихией разбушевавшихся революционных страстей в Одессу, Алёхин не мог обеспечить себе билета на одном из пароходов, отправлявшихся в капиталистический мир и был поставлен перед задачами: как выжить в первом в мире отечестве рабочих и крестьян и как не потерять надежды сделаться чемпионом мира по шахматам. Какой-то из поклонников его шахматного гения устроил его в наиболее надёжное место — в комиссию по изъятию ценностей у буржуазии. Были и такие учреждения в те времена! Служба в комиссии требовала обязательного вступления в партию, что Алёхин и сделал. Как Алёхин работал в упомянутом малопочтенном учреждении и каково было по пролетарским стандартам качество его работы, покрыто мраком неизвестности. Но вот в конце 1918-го года грянул гром и Алёхин был арестован местным Чека. Тайны дела Алёхина навсегда похоронены в архивах «карающего меча пролетарского правосудия». Известно было лишь одно, что Алёхин за свои преступления был судим (негласно, конечно) и приговорён к расстрелу. Вильнер сказал мне, что будучи на работе в Одесском военном трибунале, он узнал о приговоре буквально за несколько часов до того, как он должен был быть приведен в исполнение, и немедленно послал телеграмму тогдашнему председателю Украинского Совнаркома Раковскому с просьбой спасти Алёхина.

К счастью, Раковский слыхал о шахматном гении Алёхина и немедленно связался по прямому проводу с Одесским ЧК. Из дальнейшего, достоверно известно только одно: Алёхин в ту же ночь был освобождён и направлен в распоряжение товарища Раковского. Возможно, что Алёхин ни о приговоре, ни о последующих перипетиях даже и не знал, ибо пролетарская Немезида просто стреляла в затылок осуждённых, не заботясь о предварительном оглашении приговора. Как я уже сказал, его приподнятое настроение этого знания не обнаружило.

Не веря во внезапное пролетарское перевоплощение Алёхина, каюсь, я и тогда и позже осуждал Алёхина за его переход на сторону своих злейших врагов. Осуждал я и его будущую активность, о которой будет идти речь позже. Только теперь, полвека спустя, я в состоянии посмотреть на Алёхинскую эпопею глазами лишёнными всяких политических эмоций, и вижу ныне все происшедшее в ином свете. Но для того, чтобы лучше обосновать свой взгляд я должен поговорить раньше о последующих перипетиях моей жизни, отразившихся в оценках всех происшедших событий и этического кодекса поступков участников того времени.

ЖИЗНЬ СЕМЬИ МОЛОДОГО ВРАЧА ПРИ ВОЕННОМ КОММУНИЗМЕ 1919 - 1920 ГОДОВ.

О военном коммунизме написаны горы литературы и есть люди, думающие, что все темы исчерпаны, и этот ужасающий период следует предать забвению. Конечно тем, кто испытал эту разновидность коммунизма на собственном опыте, об этом времени говорить не приходится, но тем кто о нём знает лишь, так сказать, по литературе, его следует хотя бы вкратце описать.

Основной пищевой бюджет нашей семьи на день составлял: один фунт чёрного хлеба на троих, морковный чай с сахарином вместо сахара, утром и вечером, и на обед две разновидности вареного пшена — жидкого и густого. Мелкие кусочки жареного сала добавлялись к вышеупомянутым блюдам далеко не каждый день. Малолетняя дочь получала дотации в виде молока; редко — сахара и разных жиров. Все вышеупомянутые продукты надо было покупать на несуществующих официально рынках. В тех случаях, когда удавалось достать (обменять на вещи или купить) мясо либо прочую роскошь, устраивался «Лукулловский» пир. Неискушенный читатель спросит: как можно выжить при подобном, с позволения сказать, питании? Я и сам удивляюсь, но ведь выжили. Кроме гетманского, у киевлян ещё было два светлых промежутка, когда «отъедались» — при добровольцах и при поляках, в остальной же подбольшевистской российской территории (конечно, я говорю о жителях городов, которые изо дня в день имели только пшенный рацион).

Это полуголодное существование происходило при температуре 8 градусов по Цельсию, когда топилась печь. Особенно плохо было в домах с бывшим центральным отоплением. Последнее ещё работало в период Временного Правительства, после же октябрьского переворота, уголь, а с ним и отопление исчезли как дым. Но, «голь на выдумки хитра», — в комнатах начали ставить маленькие железные печки — «буржуйки» и трубы от них выводить в форточки окон. Многоэтажный дом с такими торчащими наружу трубами напоминал огнедышащее чудовище. Антигигиена такого отопления в доказательствах не нуждается. Отсутствие мыла и скудное количество горячей воды превращало телеса и одежду многих граждан в райскую почву для обитания всякого рода вшей. С этим насекомым можно было бы примириться, но прискорбно то обстоятельство, что вши, главным образом платяные, являются переносчиками инфекции. Предрасполагающим фактором к заболеванию в те времена являлось ослабление организма, вызванное недостаточным питанием и другими лишениями, в частности антисанитарными условиями, в которых жило большинство населения. Даже и в том случае, когда с большими трудностями и удавалось держать своё тело, одежду и жилище в чистоте, было невозможно избежать заражения вшами в переполненных трамваях, служивших единственным способом передвижения, и в других местах скопления. Жаждущие крови вши только и ожидали случая, чтобы переползти на очередную жертву и наградить ее вирусом. В результате возросшего количества заболеваний пришлось закрыть во многих больницах специальные отделения, превратив их в инфекционные.

Ко всем описанным материальным тяготам нельзя не

упомянуть ещё об одной — перебое в снабжении электричеством. Сплошь и рядом долгие зимние вечера городские жители вынуждены были сидеть при мерцающем полусвете свечей и коптилок. Недаром посетивший в это время нашу страну английский писатель Герберт Уэльс назвал своё описание поездки — «Россия во мгле». Такой дорогой ценой должны были платить народы России за социальные эксперименты Ленина. Возрождение частной инициативы и торговли при будущем НЭП-е ясно показали в чём нуждалась страна, но до этого благословенного времени ещё было далеко.

Для впавшего в нищету человека всегда есть надежда выкарабкаться из беды и снова зажить полной жизнью. Но если голодом и холодом охвачена вся страна, невозможно не впасть в отчаяние и погрузиться в полную апатию. Люди превратились в безвольных марионеток, живущие изо дня в день одним желанием утолить вечное сосание под ложечкой.

Как далека была эта горькая действительность от всеобщего счастья, обещанного Марксом и Лениным!

ВЫБОР МЕДИЦИНСКОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ. ПОПАЛ КАК КУР В ОЩИП. ПРИКЛЮЧЕНИЯ С ПЕРЕВЯЗОЧНЫМ ПУНКТОМ.

В 1919-м году свершилось ещё одно важное событие, определившее мою специализацию в медицинских науках. Я поступил на курсы по подготовке врачей рентгенологов и успешно их окончил. Рентгенология, в особенности рентгенодиагностика (распознавание болезней при помощи лучей Рентгена) меня прельщала обилием задач, ставящихся перед врачом и требовавших немедленного разрешения. Действительно, для шахматиста, привыкшего решать головоломки, это наиболее подходящая отрасль медицинской науки. Специальность эта была молодая и развивающаяся, и рентгенологи были нарасхват. Важно было и то, что рентгенология считалась вредной профессией и поэтому обеспечивала значительно увеличенный отпуск. Должен сказать, что хотя я и защищался как мог от вредного действия лучей, последние не были столь уж злостны и за полвека работы с ними никаких неприятностей мне не причинили. Очевидно, что те врачи, которые

имели лучевые повреждения, были жертвами своей собственной неосторожности.

После окончания курсов я получил работу по специальности, но на своё несчастье Института Физкультуры не оставил, конечно, из-за добавочного пайка, который он давал. Жизнь текла более или менее гладко до середины августа, когда по всему стало ясным, что нам предстоит очередная смена власти. Доходили слухи о продвижении к Киеву с двух сторон: Добрармии и войск Директории. И тут вдруг директор Института, охваченный патриотическим порывом, решил организовать свой перевязочный отряд на помощь отступающим товарищам. Вполне естественно, что во главе отряда должен был быть начальник медицинской службы Института, сиречь я. Достали необходимое оборудование, перевязочный материал, персонал и даже телегу с впряженной лошадью. Выдали всем нарукавные повязки с огромными красными крестами, и я стал ожидать сигнала к выступлению, в глубине души надеясь, что город будет занят раньше, чем этот сигнал будет получен. Увы, в двадцатых числах августа он был получен: следовать на левый берег Днепра и там присоединиться к энной воинской части.

Словом, я влетел в неприятную историю и надо было как-то выкарабкиваться из создавшейся ситуации, пока мой пункт не приключили к какой-нибудь воинской части и превратили тем самым меня в военного врача. Я решился пойти на риск и, как только мой пункт перешел мост через Днепр, приказал своему помощнику двигаться дальше, сказав ему, что мне надо на короткое время задержаться. Пункт двинулся дальше и когда скрылся из вида, я пошел обратно в Киев. У входа на мост стоял заградительный отряд, но моя нарукавная повязка с красным крестом и удостоверение личности не возбудили сомнений, и меня без всяких расспросов пропустили обратно. Так как возвращаться домой было небезопасно, то я решил попросить убежища на несколько дней в семье друзей Э., живших неподалеку от моста на одной из улиц, проходившей по склонам днепровских гор. Когда я сказал друзьям, что не хочу расставаться с семьёй и вступать добровольцем в Красную армию, то они приняли меня с распростёртыми объятиями. Все учреж-

дения в Киеве уже свернулись и поэтому семья была в полном сборе. Старший сын Александр был моим соперником по шахматному первенству Киева, а его брат Илья страстным игроком средней силы. Скучать не приходилось и несколько дней, отделявшие нас от прихода новой власти, пролетели незаметно. Так как частных телефонов в те времена не существовало, единственным способом узнать о семье был личный контакт с ней. Храбро зашагав по улицам, защищенный нарукавным Красным Крестом, я пришел на квартиру матери и узнал, что с женой и дочерью всё благополучно. Больше того, во время моего визита пришла моя жена и проводила меня затем в моё убежище. Так мы, к своей радости, наблюдали, что последние части красных сматывают удочки.

СЕМЬЯ Э. И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС».

Семья Э. была типичной среди интеллигенции еврейского происхождения. Несмотря на многочисленные трудности, имевшиеся при получении евреями высшего образования, оба сына закончили университет, один юридический, другой филологический факультеты. Хотя мать высшего образования не получила, она была высокообразованной женщиной и сотрудничала в каких-то газетах. В той среде, в которой я вращался, никакой дискриминации евреев не наблюдалось. Они бывали у нас в доме, и мы ходили к ним в гости. У меня было несколько друзей евреев, с которыми нас связывали общие взгляды. Знавал я и был в близких отношениях с семьями смешанных браков. Особенно отсутствовала всякая дискриминация у шахматистов. Все шахматисты были равны перед лицом богини Каиссы. Еврейская интеллигенция, с которой я общался, была почти поголовно либеральной, исповедовавшей в большинстве те же демократические взгляды, как и добрые три четверти российских интеллигентов. Я знал многих евреев, сотрудничавших в местной прессе. В дореволюционное время я нисколько не удивлялся либеральным тенденциям евреев, ибо я вместе с ними возмущался «чертой оседлости», процентной нормой для вступления в университеты и прочими художествами, сразу же отмененными после революции.

Среди тех интеллигентов, которых я знал, правовая

дискриминация нисколько не ослабила их любви к России и всему русскому. В особенности они почитали и любили русский язык, который был более родным, чем язык еврейский (многие интеллигенты совсем не знали последнего). Попытки некоторых правых кругов огульно дискриминировать евреев не встречали никакого отклика среди тех, кого я знал. Помню как все, в том числе и моя мать с отчимом, возмущались процессом Бейлиса, построенным на показаниях некоей Веры Чеберяк, состоявшей в прошлом в дружбе с уголовным розыском. Действительно трудно поверить, чтобы в двадцатом веке евреи подмешивали в мацу кровь замученных христианских мальчиков. Не получилось ничего и из желания ультрареакционных элементов доказать, что в талмуде имеются прямые указания на ритуальные убийства — суд отказался это подтвердить.

Однако, необходимо указать, что царское правительство в самые реакционные времена проводившее этническую и религиозную дискриминацию евреев не додумалось до дискриминации по крови, которую впоследствии стал проводить Гитлер. До революции еврею достаточно было креститься в православную веру, чтобы приобрести все гражданские права, при Гитлере же даже капли еврейской крови в далёком поколении было достаточно, чтобы превратить человека в заражённого еврейским микробом.

Еще будучи у Э. я узнал, что Александр хочет поступить в Добрармию, чтобы сражаться против большевизма. Мне приходилось неоднократно слышать, что в Добрармии имеется немало евреев. Я знал нескольких евреев, товарищей по гимназии, поступивших добровольцами. В условиях гражданской войны это мне всё-таки казалось рискованным, ибо всегда могла найтись кучка негодяев и погубить их, сыграв на их еврейском происхождении. По-видимому это и случилось: Александр поступил в армию и больше оттуда не вернулся. Мать его говорила, что есть основания думать, что его убили собственные однополчане. Хороший и честный был он человек и несомненно выдающийся шахматист.

После октябрьского переворота большевики издали несколько декретов, сурово карающих за антисемитизм. Может показаться странным, но именно в большевист-

ское время антисемитизм снова ожил. Случилось это потому, что в органах Госбезопасности было на служб немало евреев; конечно, они составляли каплю в море других национальностей; что много евреев было на руководящих постах в кремлёвском правительстве, и антисемитизм снова выплыл на сцену. Есть много варварских и нелепых предрассудков, от которых человечеству необходимо освободиться и антисемитизм есть один из них.

ПРИХОД ДОБРАРМИИ И ВОЙСК ДИРЕКТОРИИ. КОНФЛИКТ НА ДУМСКОЙ ПЛОЩАДИ. ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ.

30 августа мы узнали, что город занимают одновременно войска Директории и Добрармии и на следующий день на Думской площади состоится парад этих войск. Командир добровольцев поставил условием совместного парада, чтобы кроме желто-голубого украинского был вывешен на площади и трёхцветный национальный флаг. Насколько известно, командующий галицкими частями генерал Кравс согласился, и русский флаг был вывешен. Всё обошлось бы благополучно, если бы не присутствие горячих бескомпромиссных голов с обеих сторон, всегда желающих делить немедленно шкуру с ещё неубитого медведя. Один из таких героев, в кавычках, взобрался на балкон Думы и сорвал трёхцветный флаг и бросил его под ноги лошади какого-то проезжавшего командира украинской части, и тот, ничтоже сумняшеся заставил свою лошадь наступить на него. Тогда горячие головы другой стороны схватились за оружие. Вся эта нелепая история закончилась бы кровавым побоищем, если бы не вмешательство генерала Кревса, давшего приказ галицкой дивизии покинуть площадь, что и было выполнено, а за галичанами последовали и другие украинские части. Надо также отдать честь командиру добровольческих частей, не позволившему открыть стрельбу. Отступившие в район пригорода украинские артиллеристы выстрелили по городу из нескольких орудий и на том конфликт закончился.

Я, как и многие другие киевляне, присутствовавшие на площади, толком не знали, что происходит и перед

этим искренне радовались объединению всех национальных сил в борьбе против общего врага — большевизма. Узнали мы обо всём происшедшем только после того, как добровольцы стали готовиться к бою, и толпы киевлян начали разбегаться в разные стороны.

Пора благоразумия двух оказалась весьма кратковременной к вящей радости третьего — кремлевских заправил, которые, надо полагать, не могли себе места найти от радости, когда узнали о происшедшем. Необычайно тяжёлое впечатление произвёл конфликт и на киевлян, в особенности на тех здравомыслящих украинцев, которые понимали, что без объединения всех сил борьба с большевизмом осуждена на неудачу. Основной причиной происшедшего инцидента, явилось, конечно, отсутствие надлежащей дисциплины. Стрельцы галицкой дивизии, у которых дисциплина была сильна, никакого участия в конфликте не приняли и ушли с площади в полном порядке, показав этим пример другим украинским частям. Отсутствие дисциплины, это слабое место всякой войны, в особенности гражданской, где состав войск носит сплошь и рядом случайный характер.

В начале сентября украинские части ушли из города, и Киев перешёл под власть Добрармии. Украинский историк И. Мазепа, расценивая отрицательное отношение киевлян к поведению петлюровских войск во время инцидента на параде и последующее благожелательное отношение жителей к добровольцам во время пребывания Добрармии в Киеве, называет Киев «чужим». На мой взгляд, это замечание не только не реалистично, но и несправедливо. Прежде всего, отношение киевлян к украинской власти было самое благожелательное во времена первого и второго Универсалов, и при Гетмане Скоропадском. При этих властях никто вольностей киевлян не ущемлял и капиталистического порядка никто отменять не собирался. Резко изменилось в отрицательную сторону их отношение после третьего и особенно после четвертого Универсалов, о чём мы уже упоминали. При добровольцах было избрано городское самоуправление и никто в городские дела не вмешивался. За три месяца пребывания добровольцев в Киеве был только один инцидент, который мог бы нарушить хорошие отношения, если бы не было быстро выяснено, что он основан на недоразумении.

Случилось следующее: вскоре после прихода добровольцев, однажды ночью киевляне были разбужены необычным шумом, доносившимся из района густо заселенного евреями. Кричали и колотили во всё что попало и стар и млад. Часа через два всё успокоилось, и мы продолжали наш сон. На следующее утро выяснилось, что какая-то ватага подвыпивших солдат отправилась в поиски своего собутыльника, будто бы захваченного евреями, и стала стучаться в одну из квартир района. Жители же квартиры решив, что «начинается» — стали как было заранее условлено оповещать о своём страхе поднятым шумом, говорящим о том, что начинается погром. Прибывшая вскоре военная полиция сразу же нашла мирно прикурнувшего где-то собутыльника и отправила всех спать в казарму, и на том вся ложная тревога и закончилась. Больше я ни о каких подобных инцидентах не слыхал.

Недели через две в городе открылась гарнизонная лаборатория и я был приглашен заведывать рентгеновским кабинетом. Таким образом, к моей службе в царской, красной и украинской армиях прибавилась ещё и служба в Добрармии. Несмотря на то, что я проливал кровь только хирургическим скальпелем, о моей помощи врагу могли бы вспомнить в надлежащем месте у большевиков, конечно, если бы я в сие надлежащее место попал. Но судьба была всё время на моей стороне, и потому я имею возможность писать свои воспоминания.

Во второй половине ноября стало ясно, что добровольцам надо будет оставить Киев и в предвидении этого мы стали снова запасаться продуктами. Уже на Рождественские праздники мы опять имели удовольствие пребывать под властью пролетариата. Ёлки были давно объявлены буржуазным предрассудком, и мы встретили очередное Рождество без них. Значительно позже ёлки были снова разрешены, но только под Новый год. Не будучи военным историком, я не берусь анализировать причины поражения добровольческих армий и выскажу лишь моё мнение, отнюдь не претендуя на его авторитетность. Этих причин, на мой взгляд, две: отсутствие чёткой политической программы и, возможно, в связи с последним малый приток новых молодых сил в армию.

Поскольку основные кадры добровольцев составляли бывшие офицеры Царской армии, то ни для кого не

являлось секретом, что эти офицеры в своей массе придерживаются монархических убеждений. Этот факт использовала большевистская пропаганда, приписывая офицерам желание восстановить самодержавие со всеми его отрицательными сторонами. Политические декларации Командующих Добрармиями — Деникина, Врангеля и Колчака стояли на непредрешенческих позициях и ни одна из них о восстановлении монархии не говорила. Между тем, монархия — что вовсе не обязательно — самодержавие. Во всех современных монархиях, монарх является только символом единства государства. Последнее же управляется свободно избранными представителями народов его составляющих и обладающих всеми личными и культурно национальными правами. Объединяющий символ царя много лучше, чем объединяющий символ КПСС, держащий народы в тисках диктатуры. Конечно, таким самволом единства может быть президент республики, но для многих граждан символ царя представляется более авторитетным.

Мне кажется, что если бы Добрармии в самой ясной форме признали, что они борются за вышеупомянутую монархию, в которой царь есть не более чем символ объединения, то они увлекли бы за собой большие массы. Народный царь более доходчив до души простого русского человека, чем президент, понятный только интеллигентной верхушке народов. Этим признанием был бы нанесён сокрушающий удар большевистской пропаганде, ибо ничто так эту пропаганду не ослабляет, как указание на то, что она ломится в открытую дверь. Несомненно, также, что указанная политическая платформа привлекла бы на свою сторону и духовенство, влияние которого во всех народах было, есть и будет весьма велико. Чёткая политическая программа без завуалированных фраз и умолчаний нашла бы больше отклика у молодёжи и обеспечила бы больший приток добровольцев. Добровольцам необходимо было создать кадры своих пропагандистов и этого, к сожалению, сделано не было. После Февраля, слова «монархист» стали бояться так, как гоголевская баба боится чёрта.

Только неразберихой того времени можно объяснить то, что моя работа в гарнизонной амбулатории не привлекла неблагосклонного внимания органов госбезопасности, и меня о принадлежности к Добрармии никто не

спросил. К тому же, к моему счастью, растворился в воздухе и исчез куда-то и вышеупомянутый Институт Физкультуры и поэтому не было кому вспоминать мои былые «прегрешения».

ГОД 1920. СЫПНОЙ ТИФ. КРАТКОВРЕМЕННЫЙ ВИЗИТ ПОЛЯКОВ.

В начале 1920-го года не миновала и меня чаша сия, я заболел тяжелой формой сыпного тифа. Имею основания подозревать, что укусившее меня насекомое переползло на меня и поцеловало сыпно-тифозным поцелуем в то время, когда я рентгенографировал одного украинского профессора. Беднягу только что выпустили из тюрьмы, и я ему хотел оказать особое внимание. После примерно десяти дней скрытого (инкубационного периода) я заболел так тяжело, что врачи одно время опасались за мою жизнь. Такая форма, какая была у меня, даёт от 5 до 7% и больше смертности. Процент, конечно, небольшой, но как говорил мой покойный профессор Феофил Гаврилович Яновский, этот маленький процент становится весьма большим, если вы в него попадаете. Так или иначе, но из тифа я выкарабкался и начал выздоравливать. Какой это был приятный период в моей жизни! Невероятным наслаждением было чувствовать как жизнь возвращается в каждую косточку и каждый мускул моего тела. Один из моих учителей, старый земский врач, учил меня, что выздоровевшему от сыпного тифа следует начинать своё летоисчисление с момента выздоровления. Иными словами, так как в это время мне было 28 лет, то я сделался на столько же лет моложе. Период выздоровления принёс много хлопот моей жене, на которой лежала забота, чтобы доставать добавочные продукты. Не легко ей, бедной, пришлось, но она со своей задачей справилась весьма успешно, хотя ей пришлось распроститься не с одной простыней из нашего бельевого запаса, обмененной на продукты.

В начале мая, Киеву пришлось в девятый раз переживать смену власти. В первый раз это был УЦР и далее по порядку: большевики, снова УЦР, Гетман, снова УЦР, снова большевики, добровольцы и снова большевики. Теперь киевляне очутились под властью поляков, которых их пра-пра-прадеды могли бы вспомнить как прежних властителей. Нынешние потомки тех прадедов — забыли. К своему удивлению, однако, четверть века спустя я увидел на краковской ратуше доказательство того, что поляки не забыли: там висел герб Киева — Георгий Победоносец, поражающий змея. Как мне сказали, герб хранится тут с незапамятных лет как воспоминание о том, что Киев когда-то принадлежал Польше.

Поляки на сей раз задержались немногим более месяца и поскольку они киевлян не притесняли и разрешали торговать чем угодно, то население к ним относилось вполне дружелюбно, понимая, что они только временные гости. И, наконец, десятая смена власти и на этот раз без всякого кровопролития. Поляки исчезли так быстро и внезапно как и пришли, и мы снова очутились под властью победоносного пролетариата.

ДЕСЯТАЯ (И ПОСЛЕДНЯЯ) СМЕНА ВЛАСТИ. ОТКАЗ ОТ ПОЕЗДКИ В МОСКВУ НА ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ ЧЕМПИОНАТ. СЛУХИ ОБ ОТЪЕЗДЕ АЛЁХИНА ИЗ СССР.

В сущности говоря, никаких новшеств во время этой смены киевляне не ощутили. Предстояло опять такое же беспросветное существование как и раньше. Разве что появилось больше большевиков с украинскими фамилиями на передовых постах и стала выходить газета Центрального комитета УКП(б) на украинском языке. Но по содержанию все газеты остались полны такой же тошнотворно лживой пропагандой, как и раньше. Их основной задачей было приучить всех нас к мысли, что партия никогда не ошибается; только отдельные люди, отравившиеся ядом капиталистического мракобесия... и т. д.

Правду в редких случаях можно было прочитать между строками и в искусстве такого междустрочного чтения все советские граждане стали большими мастерами. Так, к примеру, если оповещалось о поездке украинских большевистских вождей в Москву для дружеских переговоров, можно было не сомневаться в том, что предстоят изменения в руководстве на Украине. Того же можно было ожидать в случае дружеского визита заправил Кремля на периферию.

За последние два с лишним года я почти не играл в

шахматы, не до игры было. Как вдруг, в начале осени, когда я пришел на работу мне сообщили, что на одном из домов Крещатика (центральной улицы Киева) висит плакат, в котором мне предлагается безотлагательно явиться к представителю местного отдела Физкультуры для переговоров по поводу моего участия в предстоящем шахматном чемпионате Советской России. У меня, конечно, взыграло ретивое, и я немедленно помчался по указанному адресу. Представитель из центра заявил мне, что в Москве будет в сентябре происходить турнир лучших шахматных мастеров нашей страны, и что я приглашаюсь принять в нём участие.

«В турнире будет принимать участие А. А. Алёхин», добавил он.

В дальнейшей беседе представитель указал, что он уполномочен предложить мне 15.000 рублей для покрытия расходов по поездке, причем расходы по пребыванию в Москве берёт на себя Отдел Физкультуры, и они в означенные 15.000 не входят. Из предложенных мне денег я мог оставить порядочную часть семье. Словом, со всех точек зрения предложение было заманчиво, в особенности перспектива снова тряхнуть шахматным оружием. Я согласился, получил деньги и направился домой поделиться новостью с женой. Упомяну также, что представитель взял на себя разговоры с администрацией Рентгеновского Института о предоставлении мне внеочередного отпуска для этой поездки, так как турниру придается важное культурное значение.

В то время советские власти впервые обратили внимание на шахматы и решили сделать их одним из орудий своей пропаганды. Я об этом, конечно, тогда не знал. Так или иначе, но по мере приближения к дому мой энтузиазм значительно ослабел, ибо я упустил из виду весьма важное обстоятельство: мог ли я быть так уверен, что во время моего отсутствия, Киев не попадет в руки какой-либо новой власти, и я в результате не буду отрезан от семьи и от любимой работы?

Когда я поведал обо всём жене, то она выдвинула новое решительное возражение, что я ещё недостаточно оправился от тифа, чтобы выдержать тяготы поездки и напряжения турнира. Долго мы взвешивали всё за и против и, в конце концов, решили не рисковать и от поездки отказаться. Забрала моя жена все денежки и отправилась сама к представителю. Не знаю, чему тот больше удивился: мотивам ли моего отказа (жена, конечно, упомянула лишь о её опасениях за моё здоровье), либо возвращаемой нетронутой пачке денег. Но он мой отказ принял и на том моя проектируемая поездка закончилась. Наши страхи не оправдались, и я пал жертвой того полного отсутствия правильной информации, которое не один раз заставляло нас принимать неправильные решения.

В состоявшемся без моего участия турнире Алёхин играл блестяще и по праву завоевал первое место. Это был последний русский турнир, в котором он принял участие. В следующем году он уехал за границу с тем, чтобы больше на родину не возвращаться. Как мне стало позже известно, он окончил институт иностранных языков в Москве и поступил на службу в одно из советских учреждений, имевших филиалы за границей. Однако, многочисленные просьбы как учреждения, так и его лично о разрешении выехать за границу неизменно отклонялись. К счастью Алёхина (и, конечно, всех шахматистов) всё образовалось совершенно неожиданным образом. Во время учебы у Алехина начался роман со студенткой Института, делегаткой швейцарской секции Коминтерна, закончившийся законным браком под портретами Маркса и Ленина. А еще позже, в установленный природный срок появилась очередная надежда на алёхинского наследника. Будучи истой швейцаркой, супруга Алёхина выразила категорическое желание освободиться от своего приятного бремени только у себя на родине — сиречь в Швейцарии. Вполне естественно, она выразила также стремление, чтобы в этот столь важный для каждой женщины момент, вблизи неё находился законный супруг. Так как власти предержащие её справедливого требования выполнить не хотели и продолжали в визе Алёхину отказывать, то настойчивая делегатка добилась приема у самого Ленина. Злые языки утверждали, что она угрожала выходом швейцарской секции из Коминтерна, если Алёхину визы не выдадут. В то время вся организация Коминтерна была шита белыми нитками, и ничего не было бы удивительного в том, что Ленин не захотел рисковать. Так или иначе, но на сей раз Алёхин визу получил.

Г-жа Алёхина благополучно родила сына и, как пола-

гается правоверной коммунистке, выразила желание вернуться на родину всех трудящихся. Что произошло между супругами покрыто мраком неизвестности. По-видимому, Алёхин отказался возвратиться и супруга укатила в Москву одна, оставив плод любви несчастной на руках Алёхина. Но и тут, как всегда, очутившемуся в пиковом положении гроссмастеру пришли на помощь шахматисты. Известно, что шведский шахматный меценат Кольин предложил взять молодого Алёхина на своё попечение. Бедняге Алёхину не оставалось ничего другого, как согласиться. Известно, что Кольин честно выполнил взятое на себя обязательство и не только обеспечил сына Алёхина первоклассным уходом в первые годы жизни, но и впоследствии предоставил ему возможность получить высшее образование. Известно также, что во время Олимпиады 1965 года, молодой Алёхин, не говоривший ни слова по-русски, был в числе не игравших членов шведской делегации. Как часто бывает, сыновья гениальных отцов не обладают ни влечениями, ни гениальностью своих родителей. Такова истинная эпопея Алёхина, о которой известный советский шахматист (и кагебист) Котов не упоминает ни слова. О дальнейших известных мне этапах жизни Алёхина я расскажу позже, сейчас же буду продолжать свои воспоминания в их хронологическом порядке.

Последнюю зиму военного коммунизма мы пережили только благодаря живучести человеческой натуры. В сытое и тёплое время мы не догадывались какие лишения в состоянии переносить человек без ущерба своему здоровью. Голод, как известно, является важным методом для лечения многих болезней, мы это своими глазами наблюдали на многих болезнях, связанных с расстройствами пищеварения. Я знал многих больных язвой желудка, совершенно вылечившихся за период военного коммунизма. В нормальных условиях лечение голодом требовало бы значительной выдержки и силы воли, тут же оно было естественным результатом марксизма в действии. Подзакалили мы наши тела и в отношении холода, хотя пальто мы снимали только тогда, когда ложились в постель. Всё вышесказанное указывает на мудрость поговорки: «Не бывать бы счастью да несчастье помогло», но никак не дела[illegible] большевиков врачами, достойными подражания.

НЕРАВЕНСТВО СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН.

Уже со времени военного коммунизма стало ясным, что всеобщее равное для всех материальное благополучие не более чем несбыточная утопия. Исправлять недостатки этой лживой теории равенства, большевики начали по-своему, признав его негласно существующим и принявшись создавать на фоне всеобщей нужды и лишений класс своих чиновников, обеспеченных всем необходимым. Была создана сеть так называемых закрытых распределителей, доступных только ограниченному количеству высших партийцев и чиновников. В эти распределители направлялись те продукты и товары, которые удавалось награбить у населения (иначе как грабежом это «изъятие» назвать трудно). В распределителях можно было купить, и при том по ценам значительно ниже рыночных, все необходимые товары и продукты. Распределители помещались либо при самих учреждениях, либо были в городе под самыми невзрачными вывесками. Ясно, что в такой магазин впускали по специальным пропускам. Так осуществлялась практика, о которой Орвелл говорит в своей знаменитой книге «Ферма животных». «Все, конечно, были равны, но одни больше, а другие меньше». Эти же избранные представители «нового класса» (по определению югославского писателя коммуниста Милована Джиласа) получали отдельные квартиры, лечились в специальных закрытых санаториях и лечебницах и пользовались всеми благами жизни недоступными для рядовых граждан. Конечно, всё это неравенство во времена военного коммунизма было только в зародыше и расцвело пышным цветом только значительно позже, но его фундамент был заложен ещё в двадцатых годах. Так как в газетах об этой стороне жизни социализма никогда ни одного слова не писалось, а наоборот подчёркивалась счастливая жизнь всех без исключения граждан, то все мы мало-помалу стали приучаться к той лжи, которой пронизана официальная сторона советской действительности, той лжи, о которой Пастернак сказал, что она обладает «нечеловеческой властью». Так и мы были вынуждены, чтобы выжить, крепко держать язык за зубами и не позволять никому узнать о наших истинных мыслях и чувствах. Уже в эти ранние годы, настоящий, независимый смех и добродушный юмор стали исчезать из советского обихода, и им на замену пришла унылая серость.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

В марте 1921 года советские граждане были поражены, как гром среди ясного неба, так называемой «Новой Экономической Политикой (НЭП), возвещенной Лениным на X-м съезде ВКП(б). Мы не могли поверить своим глазам. Ведь по сути говоря, НЭП был неприкрытым возвратом к тому самому капитализму, против которого была направлена большевистская «социальная» революция. Была вновь узаконена свободная торговля и выпущена твердая валюта: червонец, равный десяти золотым рублям и обеспеченный золотым запасом Государственного Банка.

Мы на Украине знали, как быстро возрождается страна после возвращения к капитализму, то же мы имели возможность наблюдать и в России. Капиталистические отношения устанавливались, основываясь на опыте веков и их нельзя отбросить одним росчерком пера. НЭП возродил к жизни один из могучих стимулов капитализма — частную инициативу. Магазины и предприятия вырастали как грибы после дождя. Русские люди в то время ещё не разучились верить словам и приняли за чистую монету уверения Ленина на том же съезде, что НЭП вводится «всерьез и надолго». Вместо многочисленных задач, стоявших перед рабочим и служащим, обязанных до НЭП прокормить семью, осталось теперь только одна как достать червонцы, на которые можно было купить всё. Чтобы удерживать валюту на высоком уровне советские власти были вынуждены до крайности ограничить выпуск новых денег и поэтому платили хорошо только своим сановникам, рядовой же рабочий и служащий должен был искать на стороне подработков, чтобы свести концы с концами. Лучше всего устраивались химики, производившие мыло, спирт и некоторые лекарственные снадобья. Не отставали и другие, производившие всё до зажигалок включительно и торгуя ими на базарах. Решил и я не отставать от своих коллег и открыть свою частную практику. Но как? Чтобы купить необходимое оборудование надо было иметь деньги, которых у меня не было. Оставалась единственная возможность взять нужные приборы в аренду. При физическом кабинете одной из школ я нашел всё необходимое. Школа в добавочных деньгах нуждалась с охотой сдала мне все инструменты в аренду. С ними я открыл свою частную практику, которая развивалась столь

успешно, что через несколько лет я скопил достаточно денег, чтобы купить собственное оборудование. Так без особых хлопот я превратился из пролетария в капиталиста, правда замухрышного по западным стандартам, но имевшего гораздо больше презренного металла, чем мне платили любая партия и правительство.

В то время, как все мы наслаждались передышкой, предоставленной НЭП-ом, большевики использовали это для укрепления своей полицейской власти над гражданами нашей страны. На поверхности ничего особенного не было видно. ЧЕКА была переименована в ГПУ (Государственное Политическое Управление) и последнее пока ещё не показывало как цепко оно держит в своих лапах всех нас. Об этом усилении полицейского контроля мы могли только догадываться, читая в газетах отчёты о так называемых, показательных процессах вроде Промпартии, Шахтинского дела и других. Тогда же был пущен в обиход термин «вредитель». Мы стали привыкать к тому, что все подсудимые на этих процессах неизменно сознавались в своих злодеяниях и горько в них раскаивались. Но истинной подоплёки всех этих «сознаний» мы ещё не знали. Что-то было не то, и заставляло насторожиться, но ничего больше. На всех процессах государственным обвинителем выступал главный прокурор и затем Нарком Юстиции Н. В. Крыленко. Я его хорошо знал, ибо он по совместительству возглавлял Всесоюзную Шахматную Секцию. О полноте противоречивых контрастов его личности я буду говорить позже.

ОБРАЗОВАНИЕ УКРАИНСКОЙ ЛЕКТУРЫ ПРИ МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ. ПРОФ. Е. Г. ЧЕРНЯХОВСКИЙ — ДУША ЛЕКТУРЫ — ПИОНЕР ПЕРЕСАДОК ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОРГАНОВ.

В 1922 году усилиями группы украинских учёных при медицинском факультете Киевского Университета была организована «лектура», в которой всё преподавание велось на украинском языке. Одним из главных активистов лектуры был профессор Евгений Григорьевич Черняховский. Он был хирургом — Божей милостью. Не так давно я прочитал о будто бы впервые в истории произведенной операции: пришивания оторванного пальца (нес-

частный случай). Палец прижил и американские хирурги были рады своему почину. Но я своими глазами наблюдал подобную операцию 53 года тому назад, когда Е. Г. пришил не один, а два оторванных пальца, которые привезли вместе с пострадавшим в нашу больницу. Мне казалось тогда, что подобное приживление совершенно невозможно. Но Е. Г. был другого мнения, спокойно и аккуратно пришил послойно оторванные к здоровым тканям. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что оторванные пальцы приросли и их функция полностью восстановлена. Этот скромнейший человек сам в своей операции ничего изумительного не находил и, сколько мне известно, о ней нигде в медицинских журналах не сообщил. Слыхал я и о других чудесных операциях этого выдающегося хирурга. Он был прекрасным лектором и его лекции на украинском языке охотно посещались даже не украинцами. Он был одним из тех сподвижников украинской культуры, которые её внедряют своим личным примером и творчеством своего духа, а не насильственным внедрением. Подобных Черняховскому взглядов был и другой организатор лектуры, профессор И. Ф. Студзинский, тоже известный, особенно высоко зарекомендовавший себя в академической работе. Было ещё и много других ученых и специалистов, о которых надо будет упомянуть будущему историку. Я лично не могу забыть своего друга, доктора Миколу Антониновича Кудрицкого, бывшего одним из тех небольших винтиков, без которых невозможна работа большой машины. О нём ещё будет речь позже.

Я примкнул к лектуре в качестве ассистента при кафедре рентгенологии, которую возглавлял профессор Е. Ф. Вебер, выдающийся специалист в этой, молодой тогда, специальности. Украинская лектура просуществовала два года и потом была ликвидирована ввиду того, что весь университет был целиком украинизирован.

В 1923 году я получил приглашение принять участие во Втором Всесоюзном шахматном чемпионате в Петрограде. Помимо спортивного интереса я хотел посмотреть на бывшую столицу и поэтому приглашение принял.

⚜

ПЕТРОГРАД, 1923. ВТОРОЙ ЧЕМПИОНАТ СССР.

Каким убогим показался мне нынешний город «великого» Ленина по сравнению с виденным мною 10 лет назад городом Великого Петра. Прошло уже два года после введения НЭП-а и надо себе только вообразить, что было до этого. Блестящий Невский Проспект, который я видел десять лет тому назад, увековеченный Гоголем, с его блистающими огнями, витринами магазинов, превратился в улицу, отличающуюся только своей шириной от центральных улиц провинциальных центров. Куда девался по-европейски одетый петербуржец, с его говором, безукоризненным по грамматике и синтаксису. Вместо него появился бедно и небрежно одетый индивидуум, говорящий как попало и вечно куда-то торопящийся. В особенности поражали своим убожеством платья женщин, носимых только для того, чтобы прикрыть свою наготу. Много раз меня обуревало желание выйти на середину улицы и возопить истошным голосом: «За что боролись, товарищи?! Неужели за эту нищету?». Театры в то время только начинали становиться на ноги и в выборе репертуара ясно принимал участие цензор. Лучше обстояло дело с музеями, хотя и здесь гиды были инструктированы подчёркивать всюду где можно ужасы капитализма и прелести жизни в пролетарском государстве. Но здесь большевики не могли пририсовать красный галстук к какому-нибудь персонажу Рембрандта.

В турнире я получил звание мастера и понравился многим своей предприимчивой игрой. Шахматный рецензент И. Голубев написал про меня, что я «могучий, малороссийский черноземный дар». Умри, Денис, лучше не скажешь!

МОСКВА 1924. ТРЕТИЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ ЧЕМПИОНАТ.

Приехал я в Москву для участия в третьем Всесоюзном Чемпионате, уже будучи «капиталистом». Три года НЭП-а уже ясно показали своё благоприятное влияние на внешний облик столицы. Хотя товаров было маловато, и их качество заставляло желать много лучшего, они всё же лежали на полках магазинов и их можно было купить без карточек. На перекрёстках больших улиц появились

полицейские, управлявшие движением. Люди стали одеваться много опрятнее и можно было даже увидеть элегантно одетых. Словом, жизнь начинала брать своё.

В турнире приняли участие мастера Е. Д. Боголюбов и А. Е. Селезнев, приехавшие из Германии. Боголюбов ещё не принял германского гражданства, решив, очевидно, прежде посмотреть что и как. Оба новопришельца были безукоризненно одеты, что сразу бросалось в глаза по сравнению с нашим убогим одеянием. Особенно выделялся Боголюбов. Я ещё помнил его по Киеву, где он учился в духовной семинарии и был очень скромен и застенчив. Единственно в чём он был до крайности самоуверен — что он обязательно выдвинется в ряды первых шахматистов мира. Это самовосхваление так не гармонировало тогда с его внешним видом, что мы слегка над ним посмеивались. Теперь уже подшучивать не приходилось. Он вполне обладал присущей славянам способностью к иностранным языкам и, живя в Германии, говорил уже по-немецки как настоящий немец.

В те времена отели были не по карману Шахматной Секции, и нас разместили по частным квартирам. Я с Боголюбовым и Селезневым жили на квартире у инженера Ю. Г., крупного специалиста в какой-то области, приносившей ему изрядный доход. Они с женой были исключительными хлебосолами с московско-купеческим размахом. Это гостеприимство не вытравила революция, и супруги нас приняли так, как за границей принимают принцев королевской крови. Наблюдательный и пытливый Боголюбов сразу же разобрался в обстановке. Инцидент со мной ему открыл глаза на многое.

Произошло следующее. Моя жена мечтала о меховой горжетке, и я решил купить её в Москве. Так как меховых магазинов было мало и цены в них были астрономически высокими, то я, согласно укоренившейся практике, решил купить у частного лица. Через несколько дней, прочитав в газете объявление о продаже нужной мне вещи, я отправился по указанному адресу. Квартира большая, жильцов много и нужному мне персонажу надо было звонить столько-то раз. Звоню. Дверь открывает какой-то молодой человек и ни слова не говоря, приглашает войти в комнату, расположенную напротив входной двери. Вхожу, но не понимаю куда я попал. Комната, по-видимому,

бывшая гостиная полна народу. Много детей. Сразу же узнаю, что попал в засаду ГПУ. Ищут какого-то человека, который должен прийти к одному из жильцов. Обилие детей объясняется тем, что в квартире живет учитель музыки, известный детский педагог. Утром детишки отправились к нему на урок, их задержали, за ними вскоре пришли встревоженные мамы и папы, и все вместе вынуждены были ожидать появления неизвестного преступника. Вынужден был ожидать и я, хотя продавец горжетки никакого отношения к искомому лицу не имел. У двери сидел какой-то страж из ГПУ, каменное лицо которого показывало совершенно ясно, что ни жалоб, ни расспросов он не приемлет. Знаменитое русское гостеприимство скрасило и тут минуты и часы ожидания. Откуда-то появилось кофе с вкусными булочками, и мы утихомирили своё сосание под ложечкой. Комната всё время пополнялась новыми посетителями, но тот кого ожидали так и не появился. Должен указать ещё и на то, что моя досада и возмущение усугубились ещё и тем, что продаваемая горжетка оказалась ниже всякой критики, ибо была по-видимому сделана из меха какого-то домашнего животного. Но всё на свете проходит, минуло и наше глупое время препровождение. Часа в четыре явилось какое-то начальство и после тщательного допроса и выяснения наших намерений нам было разрешено отправляться восвояси.

Я опоздал к партии на 20 минут, и мои часы шли полным ходом. Не шахматисту — должен указать, что, если бы я не явился в течение двух часов, то мне был бы засчитан проигрыш. Но в данном случае я был разъярен происшедшим и играл столь зверски хорошо, что партию выиграл.

Вечером в дружеской беседе с хозяевами выяснилось, что метод засад в квартирах часто практикуется ГПУ и считается весьма эффективным для поимки «врагов народа». Ну, а как с гражданскими правами задержанных, ни в чём неповинных людей, включая малолетних? Читатель, не смейтесь! Интересоваться нарушением этих прав никому из властей и в голову не приходило. Наш Боголюбченко (так его часто называли ввиду украинского происхождения) только почесал затылок и, вероятно, подумал: «У нас в Германии про такие полицейские меры я не слыхал». Но ведь все описанное о деятельности ГПУ только цветоч-

ки, ягодки будут впереди. В тот же вечер в моё утешение Александр Сергеевич Селезнев усладил наш слух своей прекрасной игрой. Сын богатых московских купцов он получил прекрасное образование, говорил на всех европейских языках и был первоклассным пианистом. По своему незлобивому характеру этот холостяк, оставшийся таковым до самой смерти, очень напоминал князя Мышкина из повести Достоевского «Идиот», причём, как и князь Мышкин был очень умным человеком. Шахматисты всего мира знают его по его этюдам, некоторые из них поражают своей гениальностью. Боголюбов в турнире играл блестяще и, показав явное превосходство над всеми нами, легко завоевал первый приз.

Я играл неплохо и попал в первую пятерку победителей.

В том же году я услыхал о выдвижении нового диктатора — Сталина. Первое время после смерти Ленина партийный режим временно несколько ослабел, и мы, к своей радости, (увы, преждевременной) следили за борьбой на партийных верхах в «Дискуссионном листке», печатавшемся как приложение к «Правде». В эти годы все ещё на что-то надеялись и чего-то хорошего ждали. А между тем, Сталин и компания опутывали страну, мысли и сердца народа покрывались всюду проникающей паутиной, подчиняющей нас их воле. Вскоре по возвращении в Киев был еще один случай убедиться в вышеуказанной паучьей работе.

Я встретил на улице бывшего директора сахарного завода П. Г., по поручению семьи которого я ездил десять лет тому назад в тогдашний Петербург. П. Г. поразил меня своим видом. Несмотря на то, что ему не было еще 60 лет он производил впечатление глубокого старика, для которого жизнь стала непосильной обузой. Оказалось, что беднягу выпустили на днях из ГПУ, где продержали изрядное время. Рассказ П. Г. о пережитом не отличался от тех, которые мы слыхали от сотен других, побывавших в этом малопочтенном учреждении. Сперва его посадили на неделю в одиночку, где он пребывал в полной изоляции от внешнего мира. Никаких справок ни его родным, ни друзьям в это время не давали — исчез человек и баста. Не вызывали и на допрос, предоставляя самому арестованному мучиться в догадках, в чем его могут обвинить. Эта пытка изоляцией и молчанием сама по себе эффективна для ослабления воли заключенного. Через неделю П. Г. разбудили среди глубокой ночи и повели на первый допрос. Ночные допросы уже тогда становились одним из обязательных методов следствия. Воля разбуженного от сна имеет гораздо меньшую сопротивляемость, чем воля бодрствующего, в особенности если допросы продолжаются несколько ночей подряд. Измученный бессонницей арестант готов себя обвинить в любых небылицах лишь бы ему позволили выспаться. А следователь ведь заинтересован не в правде, а в той нелепице, которую он сам придумал. У заспанного П. Г. в первую и последующие ночи следователь стал требовать сознания в принадлежности к контрреволюционной организации, о которой П. Г. и слухом не слыхал.

Бедный П. Г. не знал, что в то время проводилась кампания по изъятию «классов чуждых элементов», и поскольку он попал в список последних, состав преступления для него являлся лишь простой формальностью. «Был бы человек, а статья против него всегда найдется», цинично говорили эти поборники пролетарского правосудия. Во время первого ночного сеанса игры кошки с мышкой следователь потребовал не только личного сознания, но и полной информации о всех членах «преступной шайки». Первой реакцией у П. Г. на предложение следователя был категорический отказ. «Ну что ж, подумайте, посидите месяц, другой станете сговорчивее», бесстыдно заявил «гепеушник» (так мы их тогда называли) и отправил П. Г. обратно в камеру «думать». В конце концов, П. Г. пришел к естественному в его положении заключению, решив сознаться в принадлежности к фиктивной организации.

Одного психического воздействия оказалось достаточным, чтобы превратить П. Г. в послушного попугая, повторяющего то, что хотелось следователю. П. Г. сказал мне, что он был убежден в реальности угрозы продержать его в тюрьме пока он не сознается. И действительно, он был полностью во власти этого субъекта и некому было на него жаловаться.

П. Г. был убежден, что после «сознания» его горести кончились, но не тут то было. От названия имен «сообщников» удалось уклониться. Он сказал, что они ему были известны только по конспиративным кличкам и их настоя-

щих имен он не знает. К счастью его допрашивали еще тогда, когда физических пыток не применялось. Если бы ему начали вырывать ногти или прижигать половые органы, как стали делать во второй половине тридцатых годов, то ему пришлось бы назвать любые пришедшие в голову имена, лишь бы избавиться от мучений.

Сколько мифических преступных организаций было создано при помощи подобных методов, одному Богу известно.

На принятии версии П. Г. о сообщниках, мучения не закончились. Следователь стал требовать открытия потаенных мест, где он прятал оружие и боеприпасы. И тут П. Г. пришла в голову гениальная идея, которой, возможно, он был обязан своим освобождением. П. Г. заявил, что легкого оружия у него не было, но что он прятал танкетку. Следователь был явно обрадован поимкой такого крупного зверя и спросил, где сейчас находится эта танкетка.

«Я её прятал на чердаке, но потом члены организации решили, что это не безопасно и убрали ее к какому-то Коле, которого я никогда даже в глаза не видел», не сморгнув глазом покаялся П. Г. Через неделю после «сознания» П. Г. был освобожден.

Мы решили, что начальство следователя сочло за благо ввиду явной нелепости «сознания» поставить на нём точку и дело прекратить. Такой счастливый конец был возможен только в двадцатых годах, в тридцатых его отправили бы на десяток лет на Колыму или подобное отдаленное место, даже если бы и не «сознался».

Ещё один важный психологический вопрос: для какой цели ГПУ и НКВД добивались «сознания» арестованных в преступлениях, никогда не совершенных и иной раз явно бессмысленных? Ведь имея никем не контролируемую неограниченную власть в своих руках этот «карающий пролетарский меч» мог попросту назначать любое наказание, включая смертную казнь (т. н. ликвидацию по большевистскому жаргону) всем тем, кого эти органы считали опасными, вредными или бесполезными для государства трудящихся. Ведь «законность» этих мер могла быть подтверждена многими ссылками на цитаты из произведений Ленина. В чем же дело? Причиной такого явного логического противоречия отнюдь не является сентиментальное желание всякого палача казнить преступников, сознавшихся в своих злодеяниях. Этим «интеллигентским хныканием» большевики никогда не отличались. Причина одна — желание через палачей создать кадры людей, связанных душой и телом с советской властью, людей, без которых советская власть не может существовать, равно как и они не могут существовать без нее. Чем больше таких палачей, тем крепче советская власть. Опираясь на эти кадры палачей, Сталин провел впоследствии такие мероприятия как принудительная коллективизация и массовые чистки партийного аппарата. Хотя функции палачей в настоящее время уменьшены, они всё ещё продолжают властвовать над многомиллионным народом и кремлевские заправилы всё ещё могут спать спокойно.

* * *

Практика у меня развивалась успешно, и я уже скопил достаточно денег, чтобы купить собственное оборудование. Я решил двух зайцев убить одним ударом — поехать в Германию и Австрию, чтобы обогатить свои знания по рентгенологии, заодно познакомиться с новыми методами рентгенодиагностики и терапии, а также купить заграничное оборудование.

Больница, где я работал, выдала мне заграничную командировку, и я без труда получил заграничный паспорт.

Во второй половине 1925-го года я был готов к поездке, но перед отъездом решил принять участие в международном турнире.

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРНИР В СССР, МОСКВА 1925-го ГОДА.

Турнир был действительно выдающимся шахматным событием. В нём приняли участие: тогдашний чемпион мира Хозе Рауль Капабланка и Граупера (от одного его имени московские красавицы приходили в экстаз), бывший чемпион Эммануил Ласкер, кандидат в чемпионы Ефим Дмитриевич Боголюбов, другой кандидат Акиба Рубинштейн и ещё восемь иностранных мастеров. Против них выступали кроме Боголюбова девять советских мастеров.

Началось с курьёзов. Торре приехал из знойной Бразилии в холодную Москву в одном тропическом костюмчике и ему спешно надо было купить теплое пальто, которое он, наверное, демонстрировал, как редкую диковинку у себя на родине.

Шпильман, как элегантный венец, захватил с собой целый сундук костюмов. На таможне решили, что он хочет спекулировать ими и заломили такую астрономическую пошлину, что у бедного Шпильмана встали дыбом волосы на голове. Вмешательство турнирного комитета спасло положение. Шпильман получил свой сундук и каждые несколько дней появлялся в другом костюме.

Но, конечно, всех затмил изяществом своих манер Рауль Капабланка, весьма падкий на женскую красоту, несмотря на то, что в своем бумажнике он хранил портрет своей красавицы жены и двух сыновей. Снимок он всегда любил показывать при всяком удобном случае. Во время турнира с ним произошел следующий забавный инцидент.

В один прекрасный выходной день на турнире, в Турнирный комитет позвонил администратор отеля, в котором были размещены иностранные гости, и сообщил, что Хозе Рауль пригласил несколько часов тому назад в свой номер продавщицу из Моссельпрома и что-то чересчур долго покупает её товары.

— За это время можно было закупить целый магазин, — добавил он.

Я должен указать, что в расцвет НЭП-а Моссельпром нанял на службу целый ряд молодых красивых девушек и высылал их продавать товары «с лотков», которые они на себе носили.

Из Турнирного комитета позвонили Капабланке и сообщили, что столь длительные покупки противоречат правилам отеля. Капабланке пришлось подчиниться, но он долго потом возмущался этим вмешательством администрации в его частные дела.

Все иностранцы были шахматными профессионалами, среди же русских в то время кроме Боголюбова, только Дуз Хотимирский и, отчасти, Романовский и Верлинский жили на шахматные заработки. Результаты турнира показали, что хотя не профессионалам и трудно достигнуть самых высоких мест в турнирной таблице, они с успехом

могут бороться даже с чемпионами мира. Так Ильин-Женевский выиграл сенсационную партию у Капабланки, Левенфиш у Ласкера и я у Рубинштейна и у Торре. Были и другие победы подобного типа. Из всех спортивных игр, шахматы, пожалуй, единственная, в которой не профессионал может бороться с профессионалом даже международного калибра. Так нам удалось из 11-ти призов отнять у профессионалов — 4. Мне посчастливилось взять последний одиннадцатый приз. Шутили, что киевляне забрали все призы от первого до последнего. Киевлянин Боголюбов взял первый приз.

Турнир возбудил интерес не только шахматистов. Мосфильм заснял веселый фильм «Шахматная горячка», в котором запечатлел этот интерес. В фильме одну из ролей играл Капабланка, покоритель сердец москвичек. Капабланка был влюблён в свою молодость и силу. Когда, через десять лет этот фильм снова показывали участникам Второго Международного Турнира, я услыхал неподалёку от себя всхлипывания — это плакал Капабланка о своей молодости, с каждым днём уходящей в вечность. Он не был философом и не мог примириться с неизбежным: «Каждый должен пройти через эту дверь».

Не обошлось и без анкет типичных для советского быта. Институт психологии заинтересовался психологией шахматистов и просил нас ответить на ряд вопросов. Как водится, среди них были вопросы имеющие весьма отдалённое отношение к психологии. Так, к примеру, предлагалось назвать книги самых любимых и самых нелюбимых авторов. В то время ещё можно было говорить более или менее откровенно, с оглядкой, конечно, и я назвал в числе самых любимых — «Бесы» Достоевского и из самых нелюбимых — «Капитал» Карла Маркса. Лет через десять такой ответ мне бы даром не прошел, тогда же Александр Федорович Ильин-Женевский только посмотрел на меня с укоризной. Он был одним из немногих известных мне коммунистов, искренно веривших в величие своего пророка Ленина. С ним можно было даже спорить на скользкие темы и высказывать мысли, не боясь того, что он донесет куда надо. Во времена большой чистки он тоже попал в число арестованных, но неведомо мне почему, не был репрессирован. У этого коммуниста было действительно человеческое лицо, но таких, как он — раз, два и обчёлся.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ. БЕРЛИН ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Поехал я в Германию, не заезжая в Киев и в Берлин прибыл во время рождественских праздников. Мои ожидания увидеть поверженную в прах страну, тяжело платящую за несчастья, навлеченные на человечество войной, начатой по её инициативе, не оправдались. Как и до войны, улицы блистали чистотой, поезда ходили с исключительной точностью, магазины были переполнены товарами и покупателями и залиты электрическим светом. На улицах Берлина, который был первым пунктом моей командировки, появились такси, а на некоторых перекрестках улиц радио рупоры. Берлинцы тоже не производили впечатления побежденных людей, подавленных жизненными заботами. Как и прежде — переполненные кафе и рестораны, и битком набитые театры.

Я сначала не понимал почему я привлекаю всеобщее внимание на улицах. Оказалось, что предметом этого удивления являются мои казацкие усы, которых уже никто не носил...

Ещё в Москве меня снабдили адресами недорогих меблированных комнат, и я нанял одну из них неподалёку от медицинского учреждения, где я начал работать по своей специальности. Вечерами я был по горло занят посещением концертов и театров и не имел даже времени поиграть в шахматы. Только один раз я дал сеанс одновременной игры для шахматистов советских представительств в Германии. Должен сознаться, что сделал это с утилитарной целью, надеясь получить разрешение на ввоз домой того оборудования, которое я предполагал купить. Последнее я вскоре купил на знаменитых заводах Сименса и Гальске, и разрешение на ввоз получил без труда. Насколько я помню, из тридцати партий на сеанс я выиграл 28, так что было за что дать разрешение.

Обедал я в знаменитом на весь Берлин русском ресторане «Медведь», в котором встретил много русских иммигрантов. Они все от меня сторонились как от чумно зараженного. У них, как я узнал позже, было твердое убеждение, что из СССР выпускают только коммунистов, т. к. командированных сюда научных работников было до смешного мало и, действительно, среди них изрядный

процент партийцев. Так как мне было отнюдь небезопасно разубеждать их в этом заблуждении, то я пребывал в горделивом одиночестве Чайлда Гарольда. По понятным причинам, приятелей в советских представительствах у меня тоже не было. Так или иначе, но скучать не приходилось, было достаточно и работы и развлечений. Помню, посчастливилось мне даже увидать фильм знаменитого Чарли Чаплина, который заставил меня смеяться таким гомерическим смехом, который я не забыл до сих пор.

Рентгеновским центром в то время была Вена, куда я решил поехать для завершения своего курса усовершенствования.

ВЕНА. КУРСЫ ДЛЯ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВРАЧЕЙ РЕНТГЕНОЛОГОВ. НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА С УЧИТЕЛЕМ — ПРОФ. Е. Ф. ВЕБЕРОМ.

Вена имела для меня двойную притягательную силу. Помимо упомянутого рентгенологического центра, там жил мой первый учитель по рентгенологии проф. Евгений Фердинандович Вебер, которого я очень уважал и любил не только как выдающегося рентгенолога, но и как высококультурного и образованного человека. К тому же не любил он большевиков не меньше, чем я.

Столица побеждённой Австрии ещё меньше, чем Берлин обнаруживала следы поражения. Конечно, меня можно упрекнуть в весьма поверхностных суждениях. Я жил и в Берлине, и в Вене очень короткое время и, не будучи ни экономистом, ни социологом, ни политиком, могу высказывать только мнение обывателя обладающего ушами, глазами и, как надеюсь, непредубеждённым здравым смыслом. Если я видел на улицах толпы изящно одетых мужчин и женщин, подобных коим я не видел у себя на родине даже во времена расцвета НЭП-а, если видел в магазинах несравнимо больший чем в Берлине ассортимент товаров и толпы покупателей, если видел переполненные кафе и рестораны, то заключал, что уровень материального благосостояния здесь гораздо выше чем у нас. Подкрепляло это впечатление и то, что жилищные условия тут были просто несравнимы с нашими. Ни о каком

нормировании жилплощади тут не было и речи; газеты пестрели объявлениями о сдающихся квартирах и комнатах. На улицах и в домах я встречал гораздо больше весёлых и смеющихся людей, чем у нас, где людям вечно надо было торопиться, боясь, что потеряют очередь.

Вена и сейчас жила веселой и элегантной жизнью. Я владел уже достаточно хорошо немецким языком, чтобы общаться с интеллигентными людьми, но с диалектом венцев низшего и среднего класса испытывал немалые затруднения. Конечно, никаких трудностей в общении с рентгенологами у меня не было, и я многому научился.

Мой профессор Вебер встретил меня с исключительным радушием, и мы не мало вечеров провели в задушевных беседах. Оба мы, к сожалению, очень ошибались в оценках существующей политической ситуации. Мы были убеждены, что большевики могут продержаться только считанные годы и затем либо вернуться в лоно капитализма, либо погибнуть, окончательно развалив свою экономику.

Мы ошибались, ибо недооценили значение власти в руках людей, готовых погубить целые классы народонаселения для достижения своих целей. Ошиблись мы и в прогнозах в отношении Австрии. Мы думали, что здесь нет никаких экономических и социальных оснований для насильственного свержения существующей власти. Но оказалось не так. Примерно через год после возвращения в Киев, советская пресса с торжеством сообщила о восстании рабочих в Вене и о том, что восставшими сожжен Дворец Правосудия, считавшийся чудом архитектурного искусства. Восстание вспыхнуло из-за оправдания трех националистов, обвинённых в убийстве двух социалистов. Хотя правительство никакого отношения к оправдательному приговору не имело, и участие обвиняемых в убийстве было далеко не доказано, толпы рабочих, находившиеся под влиянием социалистов, устроили настоящий погром в Вене и держали в течение двух последующих лет город под постоянной угрозой нового взрыва беспорядков. Вот тебе и спокойная жизнь! Оказывается, не только бытие или материальное благополучие определяет сознание людей, но они всегда представляют собой весьма благодарный материал для демагогической агитации.

Восстание было в конце концов подавлено, но оно подобно неспокойным взрывам недовольства в Германии открыло путь к национал-социализму и Гитлеру.

Вена действительно была европейским рентгенологическим центром. Тут жили многие выдающиеся рентгенологи. Самый знаменитый из них, Гольцкнехт потерял пальцы на правой руке, ампутированные из-за рентгеновских ожогов. Гольцкнехт, как и многие другие пионеры рентгенологии, получил ожоги в то время, когда медицине не было известно о вредоносном действии лучей, и поэтому не защищались от них так совершенно как современные рентгенологи. В центральных рентгенологических кабинетах Вены было установлено оборудование, сделанное по последнему слову техники того времени. Всё вышеуказанное делало Вену тем магнитом, который притягивал сюда рентгенологов со всей Европы. Важно и то, что венские рентгенологи принимали гостей с открытой душой и были отличными педагогами. Должен сказать, что мне действительно удалось подковаться в своих рентгеновских знаниям и заполнить бывшие в них пробелы.

ВЕНСКИЙ ФЕНОМЕН — ВЕЧНЫЕ ШАХМАТИСТЫ.

В Вене шахматная жизнь сосредоточена в кафе. В одном из них по имени «Герренгассе» я наткнулся на любопытное зрелище.

В углу большого шахматного отделения стояла группа столиков, за которыми сидели несколько пар весьма пожилых благообразного вида людей, погруженных в раздумье над своими шахматными ходами. На протяжении своего визита я несколько раз заходил в кафе в разное время и заставал этих стариков углубленными в шахматную игру. Причем, наблюдая за игрой, я убедился в том, что играют они весьма посредственно, никак не выше чем в среднюю силу. Однажды я спросил официанта, что это за люди и как долго он их знает.

— Я служу здесь уже больше десяти лет и вижу их неизменно каждый день, разве за исключением тех случаев когда они болеют. Но это случается очень редко, — со смехом добавил он, — ибо, очевидно, такое времяпрепровождение к болезням не предрасполагает.

Далее он сообщил мне, что только один из них женат, а остальные холостяки и, очевидно, каждый из них имеет какие-то средства, ибо никто из них нигде не работает.

— Не спрашивайте их, где находится знаменитая венская опера, (она находилась в двух кварталах от кафе), потому что я уверен, они в ней наверное ни разу не были за всю свою жизнь, — пошутил он.

На другой день официант сказал мне, что от старшего коллеги он узнал, что тот их помнит уже 25 лет. Воистину, жизнь этих жрецов богини Каиссы текла так тихо и равномерно, как в монастыре. Воображаю, как они были возмущены, когда во время восстания они были вынуждены нарушить привычный распорядок и отказаться от посещения кафе. Многим читателям такая жизнь, какую вели эти шахматные маралы, покажется бессмысленной тратой самого совершенного дара, которым Бог наделил человека — его осмысленной жизни. Они постоянно переживали войну и победу на 64-х полях шахматной доски. А один из них (женатый) по-видимому познал сладость и экстаз любви, иными словами, по упомянутому ранее О. Генри, они испытали самые ценные в жизни чувства. Но многие ли согласятся так прожить свою жизнь, не отходя от алтаря шахматной богини? Но разве только этими тремя чувствами определяется полнота жизни? А где стремление взять все возможное от нашей короткой жизни? Всё это включено, пусть в волшебный, но всё же мир только деревянных фигур.

Единственное, чего не знали они — это тех горестей, которыми наполнена жизнь каждого культурного человека. А ведь культурными они как-никак всё же были, судя хотя бы по их привычкам, изящным костюмам и галстукам. Даже и шахматных амбиций у них не было, никто из них, наверное, и в мыслях не имел сделаться чемпионом Вены, или хотя бы своего кафе не говоря уже о мечтах стать Капабланкой. Единственное, что сравнивает их с Петром Великим, Пушкиным или Линкольном — это всё нивелирующая смерть, приводящая всех к одному знаменателю.

Конечно, память о стариках умрет вместе с официантами кафе «Герренгассе», а память о Шекспире продержится тысячи лет. Но, во-первых, от этой памяти — Шекспиру не холодно и не жарко, а во-вторых, кому из нас

близки дела великих фараонов, живших 5.000 лет назад? И не так ли забудут Шекспира через 5.000 лет, как мы забыли фараонов?

Какой-нибудь читатель с чувством юмора скажет:

— Ишь расписался. Да ведь твою книгу забудут ещё при твоей жизни!

Правильно, я на большее время и не рассчитываю, но какой-то живчик в моём нутре все же побуждает меня писать, и потому пишу, а вот у них этого живчика не было. Вот и вся разница. Суета сует и всяческая суета.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В ВЕСЁЛОЙ НЕУНЫВАЮЩЕЙ ВЕНЕ. СНОВА К РОДНЫМ БЕРЕГАМ ДНЕПРА.

Что ещё сказать о Вене? Побывал я, конечно, в опере. Слушал «Фауста». Голоса были, на мой дилетантский вкус, средние, и я слыхал у нас, даже в Киеве, получше. Туалеты у венок умопомрачающие, но мне, женатому человеку, особенно засматриваться на женщин не приходилось.

Я был удивлен, увидев в серьезном оперном репертуаре — «Весёлую вдову» и другие оперетты, но ведь это весёлая и жизнерадостная Вена, а не хладный Петербург. Побывал я и на весёлом Пратере, месте развлечения среднего класса. У нас в Киеве на Контрактовой ярмарке было не хуже. Пожалел я, что весёлой жизнью этого маленького побеждённого народа не можем наслаждаться и мы, живущие в раю Ленина, упаковал большой сундук подарков и айда домой. На границе еле уресонил таможенников не брать с меня пошлины, и вот я снова в Киеве.

ГОД 1926 И ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ НЭПОВСКОЙ ПЕРЕДЫШКИ.

Шестой год НЭП-а ещё был терпим в материальном отношении, в особенности для меня. Я установил свой новый рентгеновский аппарат, вскоре прибывший из Германии и продолжал развивать свою практику. Таким образом, я разрешил свою личную жизненную проблему вполне удовлетворительно и мог бы почить на лаврах,

если бы не видел и не слышал того, что творится кругом. На поверхности ущемлений НЭП-а ещё не чувствовалось но косвенные признаки того, что петля на шее у наших народов затягивается всё туже — были. Самым основным из этих признаков было усиление налогового пресса на частный сектор. Ясной политикой правительства было благоприятствование развитию т. н. государственного капитализма. В связи с этим многие частные торговые предприятия стали закрываться и взамен открылись государственные магазины. В новых магазинах товаров было мало и качество из ниже среднего, но даже и за ними выстраивались длинные очереди. Начали давить налогами и меня, но пока ещё терпимо.

Между тем, техника работы ГПУ (вскоре переименованного в НКВД) всё более совершенствовалась. Стало известно, что при всех почтах организованы перлюстрационные отделы, которые просматривают не только все без исключения письма, посланные за границу и оттуда полученные, но и письма идущие внутри страны, всех тех, кого НКВД уже взял «на мушку». Об этом нам сообщали многие, побывавшие в НКВД, рекомендовавшие нам воздержаться от переписки с родственниками и знакомыми, живущими за границей. Поползли слухи, вскоре подтвердившиеся, что приступлено к организации концентрационных лагерей для «специально чуждого элемента». Создавались лагеря главным образом на Севере. Начинал вводиться институт доносчиков, обязанных сообщать в НКВД о всяких опасных мыслях и настроениях жителей. В доносчики шли по доброй воле не только коммунисты и комсомольцы, но и оппортунисты и все попутчики, сочувствующие партии; хотя последних был и небольшой процент населения, но они все же были. Особенно легко попадались в лапы НКВД те, у которых были родственники за границей. Следователь вызывал такого кандидата в доносчики и потрясая пачкой перлюстрированных писем говорил:

— В этих письмах есть немало материала, чтобы вас арестовать и репрессировать по статьям, карающим за передачу секретных сведений врагам пролетарского государства.

И он цитировал одну или две совершенно невинные фразы, которые по желанию можно было понять в компрометирующем смысле. Надо войти в положение будущего сотрудника НКВД. Ведь ему негде было искать защиты, чтобы доказать нелепость обвинений. Под угрозой строгих репрессий он не имел права рассказать об этой беседе даже членам своей семьи. И если это делал, то только тем, кому он абсолютно доверял.

— ...Однако, — продолжал следователь, — вы знаете как великодушна пролетарская власть в отношении тех, которые помощью нам хотят загладить свои ошибки. Мы предлагаем и вам искупить свою вину тем, что вы будете сообщать нам о всех антисоветских настроениях и разговорах среди ваших сослуживцев, знакомых и родственников. Каждую неделю вы должны будете составлять рапорт о всём виденном и слышанном. Имейте также в виду, что подобные сведения нам даёте не только вы один. Поэтому, не советую вам замалчивать или искажать смысл этих разговоров, ибо мы о правде так или иначе узнаем.

Только считанные люди имели волю и мужество отказаться от предлагаемой им роли. Но о твёрдости этих людей НКВД заранее знало и их обычно к «работе» не привлекало. Дьявольским приёмом было вербовать в доносчики таких людей, которых по их репутации либо положению никак нельзя было заподозрить в их гнусной работе. Об одном из таких случаев расскажу позже.

ГОД 1927 И МОЁ ВОСХОЖДЕНИЕ НА ВЕРШИНУ СОВЕТСКОГО ШАХМАТНОГО ОЛИМПА.

В этом году я добился наивысшего успеха в своей шахматной карьере, разделив первый и второй призы в Пятом Всесоюзном Шахматном Чемпионате с Петром Арсеньевичем Романовским, о котором я уже неоднократно упоминал. Хотя мне и Романовскому было только по 35 лет, нас уже стали причислять к группе «стариков». Будущему чемпиону мира Ботвиннику исполнилось тогда четырнадцать лет. Неудивительно, что нас считали ветеранами, ибо в числе семи призеров кроме Ботвинника было ещё двое — Макогонов и Модель, которым тоже было около двадцати лет каждому.

Я, как всегда, играл по-любительски, очень неровно. К примеру, у шести первых призеров я выиграл пять

партий из шести, а у шести последних еле набрал полтора очка. Приходится удивляться тому, что я всё же оказался среди первых двух.

Во время турнира мы пережили лёгкий шок. В зал вошел торжествующий Крыленко и прочитал телеграмму, полученную им от Алёхина, в которой тот поздравлял нас, советских шахматистов, с годовщиной октябрьского переворота (названного в телеграмме «революцией» и желал нам успеха в области шахматного искусства, способствующего развитию пролетарской культуры. Я всё готов простить Алёхину, но не эту телеграмму. Очевидно, она была написана во время одного из приступов «тоски по родине», которой страдал наш шахматный гений.

Телеграмма звучала явным диссонансом, ибо в то время уже было очевидно, что «НЭП хотя введен „всерьёз и надолго", но... не навсегда» (фраза из тогдашней речи Сталина). Уже не было сомнений, что нам вскоре снова предстоят тяжелые дни. Не говоря уже о том, что телеграмма никак не гармонировала с известным нам поведением Алехина.

По условиям турнира, в случае дележа первого и второго призов между победителями, должен был состояться матч на звание единоличного чемпиона. Ввиду того, что для меня отъезд из Киева был каждый раз сопряжен с большими финансовыми убытками из-за потери частной практики, то я позволял себе отлучки только один раз в году, во время отпуска. Поэтому я потребовал от Всесоюзной Шахматной Секции, хотя бы частичного, возмещения своих потерь, если матч состоится вне Киева. Шахматная Секция, насколько мне известно, была склонна удовлетворить мою просьбу, когда вдруг появилось новое осложнение: мой сочемпион П. А. Романовский, узнав о том, что я могу получить финансовое возмещение, потребовал вознаграждения и для себя в равном размере. Я никак не осуждаю П. А. за это требование, возможно, что он даже не знал подоплёки моей просьбы. Так или иначе, но гонорар обоим участникам шёл вразрез с политикой шахматной секции, которая никому гонораров не платила и возмещала лишь расходы по переезду и пребыванию во время турнира вне родного места жительства. Поэтому было решено матч отменить и считать нас обоих чемпионами СССР.

После эмиграции из СССР я не избежал общей участи всех попавших за границу.

Меня не только вычеркнули из списка советских мастеров, но и стали упоминать Романовского, как единоличного чемпиона СССР того года.

В том же 1927-м году, все русские шахматисты возрадовались победе нашего чемпиона Александра Александровича Алёхина над чемпионом мира Хозе Раулем Капабланкой в Буэнос-Айресе. Алёхин выступал от имени демократической Франции, не желая очевидно связывать своего имени с кремлевскими узурпаторами. Это отчасти примирило с посылкой вышеупомянутой телеграммы. Но он готовил нам ещё большие неожиданности, о которых будет идти речь позже.

ПОЛИТИКА КНУТА И ПРЯНИКА В ОТНОШЕНИИ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В 1928 - 1929-х гг.

Путем введения «диктатуры украинского языка» (выражение В. Винниченко), Кремль всё время пытался заигрывать с украинскими националистами, но кроме членов Украинской коммунистической партии, эти реверансы не могли никого обмануть. Слишком много раз устами Ленина и других своих лидеров большевики заявляли об интернациональной сущности коммунизма, чтобы кто-нибудь мог поверить в их националистические чувства. Не нужно было быть мудрым и искушенным политиком, чтобы понять, что Украинская Советская Социалистическая республика — только марионетка в руках Политбюро КПСС, выполняющая беспрекословно их желания. Но так или иначе, насильственная украинизация продолжала проводиться в жизнь, несмотря на явное и скрытое сопротивление населения, в числе которого было не мало коренных украинцев.

Официальный печатный орган УКП, газета «Коммунист», выходила на украинском языке, судопроизводство проводилось на украинском языке, как и преподавание в большинстве школ. Правда, зачастую язык этот был такого весьма низкого качества, что Шевченко приходилось беспрерывно вертеться в своём гробу, но большевики, как всегда, заботились только о том, чтобы распо-

ряжения выполнялись. Население выражало свой негласный протест против насильственной украинизации тем, что стремилось отдавать своих детей в русские школы. В результате не все украинские были полностью укомплектованы, в то время как русские были переполнены.

Это всё был пряник, хотя и не всегда достаточно сладкий. Кнут же загулял впервые по спинам в 1929-м году, когда с большой помпой был проведен показательный процесс над членами «Союза Освобождения Украины» (СВУ). Главным обвиняемым по иронии судьбы был профессор С. Ефремов, человек весьма умеренных социалистических убеждений. Среди обвиняемых был также мой друг М. А. Кудрицкий, о котором я уже упоминал. В то время начали входить в обиход радиоприёмники, и я мог слушать речи сторон и показания обвиняемых непосредственно из зала суда.

Главным обвинителем был Н. Любченко, назначенный впоследствии за свои «заслуги» председателем Украинского Совнаркома и еще позже покончивший жизнь самоубийством во время чистки 1937-го года. На суде над СВУ он вёл себя по прокурорским образцам пролетарского горе-правосудия, основы которых были заложены Н. Крыленко и А. Вышинским.

По установившемуся уже тогда обычаю, все подсудимые признавались во всех своих прегрешениях против советской власти и в них раскаивались, обещая в будущем быть коммунистическими пай-мальчиками. Приговор был вынесен необычно мягкий: несколько подсудимых были оправданы или получили условные наказания. Основанием для мягкости было полное отсутствие конкретных обвинений, несмотря на то, что подсудимые подверглись специальной обработке, произведённой опытными палачами, присланными с Лубянки.

Насколько ужасны были условия во время предварительного следствия, мне рассказал оправданный доктор М. Кудрицкий, пришедший ко мне за медицинским советом.

На просвечивании я увидел к своему ужасу, что его оба лёгкие пронизаны многочисленными туберкулёзными кавернами из-за обострившегося процесса. Этот здоровый человек был теперь инвалидом на пороге смерти.

Его удалось послать в знаменитый южный санаторий Абастуман, но это задержало неизбежный конец только на очень короткое время.

Благодаря своему радиоприёмнику я мог слушать правдивую информацию о том, что творится на свете. В связи с этим я серьёзно взялся за изучение английского языка, что увеличило количество понимаемых мною передач. Вскоре я овладел английским настолько, что мог читать лондонские газеты, которые иногда можно было ещё достать в газетных киосках. Хотя я и раньше догадывался о том, насколько лживо и односторонне советская пропаганда трактует мировые события, то теперь я сам мог в этом убедиться сравнивая советские и заграничные сообщения. За последние два года быстро ликвидировались остатки НЭП-а, пока мы полностью не сделались жертвами акулы — государственного капитализма.

К 1930-му году власть была захвачена столь крепко, что Политбюро решилось на закабаление крестьянства — единственного, до тех пор, класса населения, относительно пощажённого большевистскими экспериментаторами.

УЖАСЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ГОЛОДА В НАЧАЛЕ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ.

О том, что творилось в деревнях во время коллективизации, я знаю только по рассказам очевидцев. О них написано не мало в литературе, цитировать которую я здесь не собираюсь. Сообщу лишь о том, что видел и слышал своими глазами и ушами в Киеве и других городах, в которых мне приходилось бывать. Так как у крестьян их собственный хлеб государство отобрало, заплатив за него по смехотворной цене, то эти несчастные люди вынуждены были пытаться купить его в соседних городах. Но их ждало горькое разочарование, они могли купить отобранный у них хлеб в государственных магазинах, но по ценам во много раз превышающим те, которые им были заплачены. В Киеве часто приходилось видеть целые семьи таких обездоленных людей, тщетно бродящих по улицам в поисках дешевого хлеба. Изнурённых детей родители тащили на спинах, а те малыши, которые в состоянии были ходить, протягивали ручонки к прохожим и умоляли дать хотя бы корочку хлеба.

Трудно представить себе более вопиющую несправедливость, чем невозможность купить свой собственный хлеб, ибо государство продавало его по астрономически высоким ценам. Если бы подобную торговлю позволил себе вести частник, то его немедленно арестовали и судили за спекуляцию по всей строгости законов. Государству же всё было позволено.

Однажды, какой-то совершенно истощенный старик крестьянин умер с буханкой хлеба в руках, которую он крепко прижал к своей груди очевидно сберегая для детей. Так он пролежал всю ночь на пригорочке неподалеку от моей квартиры и никто не осмелился отнять у него этот драгоценный, но теперь уже ему не нужный хлеб. Только на следующее утро приехал автомобиль санитарной части, на котором беднягу вместе с его хлебом, отправили в морг. И всё это творилось на нашей хлебородной Украине, которая не так давно считалась житницей Европы!

Вблизи больницы было какое-то недостроенное здание, которое власти решили разобрать на строительные материалы для постройки в другом месте. Сотрудники больницы, по дороге на работу наблюдая эту разборку, окрестили её «добыванием кирпича по методу Ильича». В те мрачные времена лишенному всяких прав советскому гражданину действительно не оставалось ничего другого, кроме как горько смеяться над «достижениями» советских планировщиков. Ведь допусти они частную инициативу, немедленно появились бы и кирпичи и другие дефицитные товары. Но тогда, вместе с последними появились бы и «капиталисты», которых марксисты боялись больше всего на свете. Но даже и смеяться советским гражданам надо было с оглядкой, чтобы не услышал тайный осведомитель НКВД. Было известно, что за подобные остроты ссылали «куда Макар телят не гонял». А что оставалось кроме смеха гражданину «первой в мире свободной страны»??? За критику или протест он легко мог попасть в ряды «социально чуждых», а то и «врагов народа» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Большинство погрузилось в политическую апатию. Куда-то далеко высылали Троцкого, вцеплялись друг другу в горло представители правой и левой оппозиции, утверждался новый пятилетний план, но поскольку советский обыватель ни в какой мере не мог выразить своего мнения по поводу ни одного из этих событий; он пребывал в своей норе, положив на уста печать молчания. Думали ли, гадали ли советские граждане, что левые социалисты, криком кричавшие в царское время о подавлении свободы правыми реакционерами, окажутся первыми её гробовщиками, когда в их руки попадет власть? Дорого заплатили народы России за своё простодушие.

ПРОДУКТ СОВЕТСКОГО БЫТА — «БЕСПРИЗОРНИКИ». РАЗРУШЕНИЕ СЕМЬИ — ПРИЧИНА БЕСПРИЗОРНИЧЕСТВА.

В конце двадцатых и начале тридцатых годов в Киеве (и других больших городах СССР) можно было видеть толпы подростков обоего пола. Все они были одеты в невообразимое тряпьё и только часть имела на ногах какое-то подобие обуви. Вели они себя вызывающе непристойно, ругались и даже плевали в лицо прохожим. Это были «беспризорники» или лишенные родительского надзора дети. Днём они слонялись по улицам, наводя страх на прохожих и мелких торговцев, ночью же спали где и на чем придется. Сначала милиция смотрела на них сквозь пальцы, но затем стала бороться обычными пролетарскими средствами вплоть до заключения в тюрьму и ссылки в концлагеря. Как мы позже узнали из «Архипелага ГУЛаг» Солженицына, эти малолетние «блатные» превращали и без того нелегкую жизнь политзаключенных в сущий ад. Но у кого найдется желание бросить камень в этих несчастных обездоленных существ? Винить надо не их, а те ненормальные условия, в которые была ввергнута страна после большевистского переворота, и в которых они выросли, «воспитывались», лишившись родительского надзора.

Ослабление духовной связи между родителями и детьми наблюдается во всём мире уже не одно столетие. Дореволюционная Россия не была исключением из этого процесса. Медленно, но верно деградируют такие традиционные основы семьи как авторитет отца и матери, этико-морально-религиозные принципы, на которых опиралось воспитание, и исчезает «отчий дом», в котором

дети проводили лучшие годы своей жизни. О сложных экономических, социальных и политических причинах отчуждения между молодым и старым поколениями я не буду говорить на страницах настоящей книги, ни, тем более, пытаться его анализировать. Упомяну лишь о тех специфических особенностях советского быта, которые усилили процесс отчуждения и вылились в такие уродливые формы как беспризорничество.

Сразу же после захвата власти большевики окрестили авторитет родителей и указанные выше принципы воспитания «буржуазными предрассудками», наделив высшим авторитетом единственно дозволенную партию большевиков и объявив высшей моралью только то, что идет на пользу «первому в мире отечеству трудящихся». Иными словами, только соответствующее интересам той единственной партии, эти, с позволения сказать, истины стали вбивать в головы молодому поколению в школах и молодёжных организациях, и в немалом числе случаев добились своего результата. Ярким примером растлевающего влияния подобных догм, явился беспримерно подлый поступок Павлика Морозова, сообщившего властям об утайке его отцом зерна, которое у него намеревалось забрать государство. В результате отца расстреляли, но не посчастливилось и Павлику, убитому односельчанами, возмущенными его предательством. На этом можно было бы поставить точку, но не таковы кремлевские вожди, чтобы забывать имена своих «героев». На могиле Павлика был сооружен монумент, увековечивающий его преданность «первому в мире отечеству», коммунистические же барды воспели его в своих песнях. К счастью, однако, общепринятые традиционные принципы из души русского человека не вытравишь никакими песнями и памятниками, и большинству родителей удается охранить детей от пагубного действия кремлевской морали. В тех же семьях, где это не удается, подготавливалась почва для будущего отрыва от семьи и ухода в беспризорничество.

Беспрерывное пополнение рядов беспризорники получали из семей жертв политического террора. Как правило, семьи репрессированных «врагов народа» выселялись из квартир, а дети в случае ареста обоих родителей направлялись в детдома. Условия жизни в последних

были если не сказать больше, далеко не сладки, и дети бежали из них примыкая к беспризорникам. Большое пополнение беспризорники получили в годы принудительной коллективизации из рядов детей раскулаченных крестьян.

Словом, о пополнении полчищ беспризорников большевикам заботиться не приходилось, это делала за них их собственная политическая система.

ШАХМАТНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ 1928-го — 1930-го ГОДОВ.

Ухудшившееся экономическое положение страны, в связи с отменой НЭП-а, отразилось и на шахматных соревнованиях. За указанные три года состоялся только один всесоюзный чемпионат в Одессе в 1929-м году. Он был проведен по новой групповой системе, выявившей больше недостатков, чем достоинств. Достоинством было то, что в турнире могло принять участие большее чем обычно число участников, т. е. 36. Недостатком — более слабый, чем обычно, состав участников. Не обошлось и без сюрпризов. В финал не попал Ботвинник, несомненно уже тогда сильнейший из участников. Весьма неожиданным был также взлет и исчезновение никому доселе неизвестного метеора Измайлова, о котором никто не слыхал до турнира, и исчезнувшего во время его, чтобы больше никогда на шахматной сцене не появляться. Так как в те времена люди часто исчезали без следа в недрах НКВД, то и на исчезновение Измайлова никто особенного внимания не обратил и в печати о нём было только два слова. В связи с упомянутым казусом, в финале приняло участие три вместо четырех игроков. Первый приз завоевал глухонемой Б. Верлинский (победитель Капабланки в 1925-м), уже не раз доказавший, что его врожденные физические недостатки нисколько не препятствуют блестящей игре в шахматы. Я принимал участие только в киевских турнирах, на которых неизменно был на первом месте. Кроме того, я всё время председательствовал в шахматной области и старался способствовать развитию шахмат на Украине, давая сеансы одновременной игры, читая лекции и т. д.

В основном, однако, я был поглощён своей научной и учебной работой. Отмечу ещё два интересных события 29-го года.

Первое из них несколько комического оттенка.

В Париже состоялся матч между чемпионом мира А. Алёхиным и гроссмейстером Е. Д. Боголюбовым — чемпионом Германии. Мне кажется что и французы и немцы должны были чувствовать некоторую неловкость. С другой стороны, этим матчем подчеркивалось то, что представлять страну в любом соревновании могут не только её уроженцы, но и обосновавшиеся там пришельцы из других стран, если они могут это сделать лучше, чем националы.

Вторым событием явилась организация при больнице и затем при Втором Медицинском Институте, так называемого «спецотдела», иными словами — одного из филиалов НКВД. Об этом я узнал, придя однажды к главному врачу и увидев рядом с его кабинетом комнату, дверь в которую была наглухо инсулирована. На мой вопрос главный врач ответил, что в комнате будут храниться особо важные документы. Больше я не спрашивал, ибо можно было не сомневаться, что речь идет о «личных делах» на каждого сотрудника.

Итак, ещё один признак паучьей работы и намерения опутать нас своей паутиной. Как принято говорить в таких случаях: комментарии излишни.

Я ВЫСКАКИВАЮ БЛАГОПОЛУЧНО ИЗ «ЗОЛОТОГО ПОТОКА».

Взятый в первом пятилетнем плане 1928-го года курс на индустриализацию СССР требовал больших средств в золоте и иностранной валюте. Аморальная сущность советской власти позволяла ей применить грубое насилие, в просторечьи называемое грабежом, для выкачки необходимых средств. Техника грабежа была весьма проста. Намеченная жертва приглашалась к следователю НКВД, ведавшему этой кампанией, который требовал от неё отдать на пользу индустриализации все сбережения в золоте, иностранной валюте и драгоценных камнях.

— Вы знаете, — говорил он, — что для выполнения нашей задачи, мы вынуждены покупать у капиталистов оборудование для фабрик и заводов в уплату за которые капиталисты не хотят брать наших рублей! — и цинично добавлял: — Вы наверное откладывали что-нибудь на чёрный день, так это и есть Ваш чёрный день.

Не соглашающемуся предлагалось подумать в специальной камере нагревавшейся до температуры близкой к тропической. Через несколько дней пребывания в такой комнате арестованный готов был отдать всё что угодно, лишь бы вырваться на свободу.

В распоряжении следователя были фотографии особенно отличившихся «ударников», сфотографированных у стола, на котором были выложены отданные ценности.

Так как всем было известно, что частнопрактикующие врачи, не доверяя твёрдости советского рубля, начавшего катиться вниз по наклонной плоскости с возрастающей быстротой, стали покупать иностранную валюту и золото, то НКВД решило прибегнуть ещё к одному трюку. Они пообещали продавцам валюты не только полное прощение за незаконную спекуляцию, но и известный процент с конфискованных сумм, если они укажут покупателей.

Однажды и я получил вызов в НКВД, а на следующий день наблюдал указанный трюк в действии. Арестованных усадили на стулья у стен большой комнаты и по одному стали впускать маклеров, каждый из которых должен был пройти вдоль ряда и вглядываясь в лица арестованных указать на тех, которые у них покупали ценности. Хотя мне бояться было нечего, так как официально было известно, что я потратил свои сбережения на покупку рентгеновского оборудования, я почувствовал себя не совсем уютно, когда в меня стал вглядываться маклер, у которого я покупал валюту. Но во всякой профессии бывают разные люди и мой продавец оказался честнейшим человеком. Он не только впился в меня взглядом, но и приблизившись к моему лицу прошептал:

— Никогда, никогда, никому не скажу.

Прошло более сорока лет, но я до сих пор не могу забыть этих слов. Вызвавшему меня следователю я предъявил документы об истраченной мной за границей валюте и был отпущен с миром. Меня, очевидно, посчитали мелкой сошкой, из которой ничего не выжмешь. Другим коллегам не так посчастливилось. Многих из них ограбили на довольно значительные по тем временам суммы.

Одновременно с населением были ограблены остатки золота и драгоценных камней, которые еще оставались в православных храмах. Никогда и нигде никаких официальных данных о золотом потоке не было опубликовано. Можно не сомневаться в том, что советское правительство будет отрицать это циничное ограбление своих собственных граждан и церковных святынь.

Я не удивляюсь, если когда-либо найду официальный отчёт о количестве ценностей, «добровольно пожертвованных гражданами СССР на цели индустриализации».

Но власти не ограничились грабежом имущего населения. Путем принудительных займов правительство грабило и малоимущих рабочих и служащих. Техника этой, так называемой «добровольной подписки на займы» была трафаретно простой. Собиралось общее собрание, на котором приезжий товарищ ораторствовал о том, что для индустриализации страны мы должны проявить максимальную жертвенность и предлагал вынести резолюцию о добровольной подписке на заём (имя рек) в сумме стольких-то процентов ежемесячного заработка. Эта же лживая добровольность хорошо подчеркнута в модном в то время анекдоте: «Милиционер, описывая мертвое тело, отмечает, что на теле не было найдено никаких знаков насилия, кроме облигаций государственных займов».

ТРИ КИТА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ — ЛОЖЬ, НАСИЛИЕ, ЦИНИЗМ.

К началу тридцатых годов паутинизация воли народов России была закончена и вступила в эру, которая по своей мрачности не может быть сравнима ни с одним периодом истории человечества. Власть воистину могла делать с народом всё, что хотела, не боясь ни критики, ни протеста. На эстрадах артисты распевали песню: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек, я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». И ни у кого из певцов не выступала краска стыда при пении последних строк.

В застенках НКВД свершались такие гнусные дела, которым могли бы позавидовать самые заправские мастера заплечных дел средневековья. А кремлёвские заправилы, которых народ никогда не выбирал, имели бесстыдство называть себя его представителями. Философия марксизма — диалектический материализм, позволял его адептам подходить к любой этической проблеме диалектически, трактуя её так, как было выгодно «пролетариату», иными словами — большевикам.

Западный человек, выросший в стране, где он выбирал своих представителей, говоривших от его имени, не мог себе вообразить, что народ имеет чуждое ему правительство. Ещё до настоящего времени приходится иной раз слышать фразы вроде: «Если правительство так уж плохо, то почему Вы его не сбросите»?

В связи со всепроникающей ложью, у большевиков выработался даже специальный лексион, в котором слова имели иное от общепринятого значения. Слова вышеприведенной песни Дунаевского яркое тому доказательство. Однако, свободомыслящего человека должно порадовать то, что стремление к свободе в душах народов России можно подавить, но нельзя задавить и искоренить.

В то время как я пишу настоящие воспоминания, советская эмиграция чуть ли не каждый день пополняется новыми беглецами и выходцами из СССР. Более полувека террора и удушения свободы не могли вытравить из их сердец стремление к самому дорогому в нашей жизни — к свободе. Этот факт внушает уверенность в том, что когда с наших народов спадут оковы марксизма и возродится свобода, в стране найдутся не только обезличенные роботы, но и свободолюбивые люди, которые поведут нашу Родину к новым культурным высотам, достойным той высокой репутации, которые наша культура имела в прошлом.

Ложь, однако, имеет одну неприятную сторону, часто забываемую лгущими. «Солгавший единожды, кто тебе поверит?» — сказал Козьма Прутков.

Ложь, подобно бумерангу, бьет по лжецу, и ему перестают верить даже и в том редком случае, когда он говорит правду. Так, к примеру, во время экономического и финансового кризиса тридцатых годов в США, советская пресса давала в общих чертах правдивую картину тех трудностей, которые тогда переживала Америка. Никто в СССР этим описаниям не верил, считая их досужими

выдумками советских борзописцев. Я лично был очень удивлён, когда узнал, что депрессия была сущей правдой. Позже мы были обмануты описанием зверств, творимых гитлеровцами над евреями. Никто, включая евреев, этим «выдумкам» не верил, и многие евреи поплатились за неверие своей жизнью.

Другой отрицательной стороной всепроникающей лжи является абсолютное недоверие к себе подобным, даже к самым близким друзьям и родным. А это недоверие влечет за собой парадоксально обратную крайность — человек начинает верить только в то, во что он хочет, отбрасывая все нежелательное как ложь. Я допускаю, что следователи верили в правдивость показаний их обвиняемых, наговаривающих на себя всякие небылицы. Уверен я также в том, что Сталин верил в реальность его бредовых идей.

ВСТРЕЧИ И НАБЛЮДЕНИЯ В 1931 — 1932.

В 1931 году я снова побывал в Москве, приняв участие в VII Всесоюзном Чемпионате.

Турнир был крупнейшим успехом для семнадцатилетнего Михаила Ботвинника, завоевавшего первый приз и звание чемпиона СССР. Его успех особенно ценился большевиками, ибо Ботвинник был единственным комсомольцем. Его сразу же окружили большим вниманием и всячески способствовали развитию его выдающегося шахматного таланта.

На этом турнире я сделал с ним единственную ничью, выиграв все три партии в последующих трех турнирах, в которых я вместе с ним принимал участие. В этом турнире я изменил своему обычаю — набирать очки у призеров. Из восьми партий с лидерами турнирной таблицы я набрал всего три очка, а из последних девяти, выиграл семь, набрав в общей сложности десять очков и разделив третий и четвертый призы с Алаторцевым (талантливый ленинградский мастер).

В Москве, впервые тогда, стали говорить о Сталине, как об уверенно продвигающемся к единоличной диктатуре, хотя он в то время ещё крупных партийцев не трогал, за исключением высланного из СССР — Троцкого.

Меня лично, борьба за власть на партийной верхушке мало интересовала. Я также как и многие друзья, ожидал, когда эти «вожди» перегрызут друг другу горло. К сожалению процесс этого перегрызания затянулся до настоящего времени и неизвестно когда закончится.

В 1933 году, в Ленинграде состоялся самый неудачный для меня Восьмой Чемпионат — я очутился на восьмом месте. Утешением для меня было, что я попал в число членов команды СССР, которая должна была принимать участие в шахматной Олимпиаде в Стокгольме, и что я выиграл у Ботвинника.

Не знаю почему, но поездка в Стокгольм была отменена, и мне так и не удалось побывать в этой стране, о которой имеется столько противоречивых сведений. Однако, хотя меня в мой 41 давно уже зачислили в разряд шахматных «стариков», своего оружия складывать не собирался. В следующем году мне представился случай себя реабилитировать.

В начале зимы 1934 года состоялся, снова в Ленинграде, Девятый Всесоюзный Чемпионат. По дороге туда, в купе вагона, где я был, вошёл какой-то взволнованный человек и показывая на газету сказал:

— Вы слыхали, Киров убит! — и добавил с мрачным видом. — Теперь начнётся!

Что начнётся, было ясно — усиление террора. И действительно, в один из следующих дней по приезде я прочитал в газете, что в порядке красного террора расстреляно 300 белогвардейцев, бывших в тюремном заключении. Даже те, кто уже пережил ужасы гражданской войны и тогдашнего террора, были потрясены этим бессмысленным варварством, тем более потому, что Кирова убил молодой член партии, а не какой-либо «реакционер». Но в это время власть и возглавлявший её Сталин, полностью распоясались и издевались над народом решительно как хотели. Волна террора прокатилась по всей России и стоила жизни тысячам ни в чём не повинных людей. Как намекнул позже Хрущев, не исключена возможность, что вдохновителем убийства был сам Сталин, желавший развязать себе руки в дальнейшем походе на партийных соперников. Последовавшие вскоре процессы над Зиновьевым и другими вождями КПСС подтверждают это предположение.

Так или иначе, но мрачное предсказание вышеупомянутого пассажира моего купе полностью оправдалос открылся шлюз, по которому снова потекли реки крови с той только разницей, что теперь текла кровь не противников большевизма, а и его основателей и вдохновителей.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВСЕСОЮЗНОМ ЧЕМПИОНАТЕ 1934 года.

Вначале мы думали, что турнир будет отменён, но он состоялся в установленные сроки. В первых турах я играл очень хорошо и за пять туров до конца был на первом месте, имея на два очка больше чем ближайший конкурент. Моя победа была настолько вероятной, что я получил даже телеграмму от киевских шахматистов, в которой они заранее поздравляли меня с победой. Но, увы! Они забыли каким неисправимым любителем был я. В последних турах я проиграл двум игрокам, замыкавшим турнирную таблицу, и сделал две ничьи, отбросившие меня на пол-очка ниже Левенфиша и И. Рабиновича, поделивших первый и второй призы.

ГОДЫ ПЕРЕД ГРОЗОЙ, 1935 — 1936. «ОСВОБОЖДЕНИЕ» САНИТАРА ВАРФОЛОМЕЯ ОТ КАПИТАЛА И ДАЧИ. ПОСЛЕДУЮЩИЕ «ЗАБОТЫ» О НЕМ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Внешне жизнь обывателя вошла в свою колею. Жить становилось всё дороже и всё труднее было доставать всё необходимое. Особенно ухудшилось положение малоимущего класса населения. Санитар моего рентгеновского отделения в Медицинском институте, Варфоломей, получал 100 рублей в месяц и при больнице имел в полуподвале одного из зданий комнату с кухней, за которую он ничего не платил. Насколько ничтожна была эта плата можно видеть из того, что фунт масла стоил около двух рублей, а фунт мяса около рубля.

В девяностых годах прошлого столетия отец привез пятнадцатилетнего Варфоломея в нашу больницу, тогда

обслуживавшую еврейское население, и определил на службу в качестве помощника санитара на жалованье 10 рублей в год. Так как он был в больнице на полном иждивении, то он все эти деньги клал на книжку. Кроме того, будучи приветливым и готовым всегда услужить парнем, он снискал расположение больных, охотно даривших ему деньги. Короче говоря, ко времени февральской революции у Варфоломея была своя дача в Ворзеле (пригород Киева) и около 25 тысяч рублей капитала в банке. Октябрьский переворот освободил его от этих буржуазных ценностей, и он остался гол как сокол, полностью перейдя на иждивение победившего пролетариата. Его материльное положение утруднялось тем, что будучи санитаром при рентгеновском кабинете, он не имел никакого отношения к питанию больных и не мог подкармливаться за их счёт, как делали санитары других отделений. Словом, бедняге приходилось весьма туго. Так как он научился у меня многим специальным процедурам и был для нашего отделения незаменимым человеком, то я, естественно, боялся, что он уйдет от нас, найдя более хлебное место. Поэтому я решил просить начальство о повышении его жалования. Главный врач выслушал мою просьбу и изрёк:

— Нам известно, что вы о себе позаботились вполне хорошо и ни в чём не нуждаетесь, предоставьте же Партии и Правительству заботиться о рабочем классе и, в частности, о вашем санитаре.

Не встретив сочувствия и хорошо зная как заботятся Партия и Правительство, я сказал Варфоломею, что главный врач снизошёл к моей просьбе и будет ему выплачивать через меня добавочную зарплату, с тем условием, чтобы об этом никто не знал. Не трудно догадаться, что эти добавочные деньги я платил из своего кармана.

ОЧЕРЕДНОЕ КРУШЕНИЕ НАДЕЖД — ПРИЗНАНИЕ СССР СОЕДИНЁННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ.

В 1934-м году последовало признание Советского Правительства Соединёнными Штатами Америки. Шестнадцать лет крепились американские политики признать пра-

вительство, пришедшее к власти после разгона законно избранного Всероссийского Учредительного Собрания, удерживающее власть путем неслыханных методов насилия и террора, и, наконец, как тогда говорили — покорились неизбежному. Ясно, что был признан только свершившийся факт, а не его этические и политические основы, но от этого стало не легче.

Кануло в вечность и другое изречение, что: «Деньги не пахнут». Появилось на политической сцене так называемое, общественное мнение, всегда протестующее против актов насилия и произвола и никогда не могущее с последним примириться. Этот голос народа, вернее его передовых интеллектуальных сил, можно временно придавить, но уничтожить нельзя. Признание СССР нанесло удар по этим скрытым оппозиционным силам и ободрило коммунистов в один из самых трудных для них периодов закрепления насильственной коллективизации. Для оппонентов политики Сталина внутри страны и даже внутри партии погас тот факел, который освещал их тернистый путь и страна снова погрузилась во мрак. С другой стороны, американские политики весьма скоро убедились в том, что они признали не нейтральное или дружественное, но враждебное правительство, по своей идеологии стремящееся к мировому господству.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРНИР, МОСКВА, 1935.

Стремясь, по-видимому, отвлечь внимание от назревающих в стране политических событий, советские власти всячески старались развивать различные культурные мероприятия. В течение, к примеру, двух лет было организовано два международных турнира, стоивших правительству не мало денег. Все эти начинания сопровождались типичным пропагандным боем, явно обнаруживающим скрытую боязнь перед появлением на политической сцене новых врагов коммунизма: итальянского фашизма и германского национал-социализма. Надо было показать, что в то время как эти новые политические течения разжигают военные страсти, советское правительство проводит созидательную работу на пользу всеобщего мира.

Турнир был во многих отношениях примечательный. Участвовали восемь иностранных мастеров во главе с бывшими чемпионами мира Капабланкой и Ласкером, двенадцать советских во главе с новой восходящей звездой на мировом шахматном горизонте — М. М. Ботвинником. Блистали своим отсутствием тогдашний чемпион мира А. А. Алёхин и чемпион Германии Е. Д. Боголюбов.

Среди иностранных участников была чемпионка мира у женщин Вера Менчик, первая, в истории шахмат, женщина, состязавшаяся с мужчинами. Играла он совсем неплохо, но не могла выдержать мужского напора: из девятнадцати партий она проиграла шестнадцать и сделала три ничьи, в том числе со мной (см. дальше).

Турнир был организован с большой помпой и происходил в залах Архитектурного музея. Первый и второй призы поделили Ботвинник и Флор, третьим был Ласкер и четвертым, на пол-очка от него отставший, Капабланка. Я оказался на шестнадцатом месте с восемью с половиной очками (первые два набрали по 13 очков). Как ни странно, но я очень повлиял на результат турнира. Прежде всего, я выиграл свою третью партию у Ботвинника, (больше я не принимал участия в турнирах вместе с ним), и сделал ничьи с Капабланкой и Ласкером. Партия с Флором была отложена в положении, где у меня было небольшое преимущество, но играть на выигрыш было крайне рискованно. Мне посоветовали узнать каково мнение Капабланки. Подобные обмены мнениями об отложенных партиях часто неофициально практиковались всеми и не запрещались. Капабланка взглянул на позицию, подумал и категорически заявил, что кроме ничьей я ничего из позиции выжать не смогу, а при попытке выиграть, рискую проиграть. Конечно, ни один профессионал не пренебрег бы советом такого авторитета как Капабланка, особенно в концах игры, которые он разыгрывал поистине виртуозно. Но я всё же рискнул играть на выигрыш... и проиграл. Позже Флор мне сказал, что он моё предложение ничьей немедленно принял бы. Когда я на следующий день встретил Капабланку, то он сказал мне, что таких неисправимых любителей как я, он бы в международные турниры не допускал, ибо они только портят результаты первых призёров. Мне до сих пор невдомёк, почему я должен беспокоить-

ся о результатах первых призёров и забыть об интересах игры. Я ошибся, ну и что-ж, но если бы моя попытка удалась, то я был бы более счастлив, чем от того несчастного полу-очка, которые я получил бы в случае ничьей.

Второй интересный инцидент произошел во время моей партии с Верой Менчик. Чемпионка мира весьма уверенно разыграла дебют, но потом начала путать и к перерыву я имел уже лучшее положение с большими шансами на выигрыш. Во время игры около нашего стола сидел какой-то молодой человек, как потом оказалось, жених Веры. Он всё время внимательно наблюдал за игрой. Во время перерыва он подошел ко мне и сказал:

— Надеюсь, вы меня извините за мою необычную просьбу, но я жених Веры и наша свадьба должна состояться вскоре после турнира. Уже прошла половина турнира, а Вера не сделала хотя бы одной ничьей. Я знаю, что ваше положение в турнире неважное и поэтому решаюсь просить вас сделать с Верой ничью. Для вас это значения не имеет, а для неё большое счастье.

Я ответил, что в принципе не возражаю, но со спортивной точки зрения должен спросить согласия Турнирного Комитета. Так как мой результат в этой партии интересов кого-либо не затрагивал, то Комитет дал свое согласие. Когда после перерыва мы сели на наши места, я предложил В. Менчик ничью, которую она (ещё бы!) немедленно приняла за свой первый успех и была награждена бурными аплодисментами всего зала. После партии она в укромном уголке и в присутствии жениха наградила меня чемпионским поцелуем. Я должен упомянуть также, что в конечном результате моих очков было достаточно для подтверждения моего звания международного мастера.

АРЕСТ СЕКРЕТАРЯ ШАХСЕКЦИИ г-на С. ВМЕШАТЕЛЬСТВО Н. В. КРЫЛЕНКО.

По возвращении в Киев меня ждала неприятная новость. Секретарь возглавляемой тогда мною шахматной секции Н. С. был арестован НКВД и его жена прибегала ко мне умоляя помочь. Н. С. был отцом пятерых

детей, весьма скромный и тихий человек. Я никогда не замечал, чтобы он интересовался чем-нибудь кроме шахмат и своей семьи и, конечно, меньше всего на свете помышлял о политическом выступлении против советской власти. Справляться о причинах ареста в местных организациях было делом совершенно безнадежным. Поэтому я решил взять быка за рога и поехать в Москву, чтобы просить о заступничестве самого Крыленко, всесильного тогда Наркома Юстиции и Председателя Всесоюзной Шахматной Секции. Как мне было известно он помогал шахматистам, попавшим в беду. Узнав в чем дело, он предложил приехать к нему. Наслышавшись о показательных процессах с его участием, в которых он всегда требовал высшей меры наказания пресловутым «врагам народа», я не ожидал чудес и в своем случае. Однако, чем чорт не шутит. Жил он неподалеку от центра в скромном на вид многоэтажном доме, в котором, по-видимому, жили и другие советские сановники. Впустивший меня в дом страж был, очевидно, предупреждён о моём приезде. Он привез меня в лифте (невероятная роскошь по тем временам) на тот этаж, где помещалась квартира Наркомюста. Квартира была скромно обставлена, только немного лучше той, которую я занимал в Киеве. Легендарного главковерха и генерального прокурора СССР я видел неоднократно при исполнении им шахматных обязанностей. Это был среднего роста, склонный к полноте человек с открытым и даже добродушным, но в то же время волевым лицом, никак не выдававшим той жестокости и беспощадности с которой он требовал высшей меры наказания для всех тех «врагов пролетариата», которых он обвинял. Лицо и манеры его никак не гармонировали с рассказами о той личной кровожадности, с которой он расправлялся с генералами и офицерами, попадавшимися в его руки на фронте. Словом, он был одним из тех палачей с человеческим лицом, о которых мне приходилось читать в литературе. Фанатичные последователи какой-либо идеи, без колебаний подписывавшие смертные приговоры тысячам воображаемых и настоящих врагов, тоже ведь способны проливать слёзы над своей смертельно пораненной кошкой или собакой.

Крыленко выслушал меня и пошел в соседнюю комнату, где у него был правительственный телефон. Минут

через 15 он вернулся и сообщил, что только что говорил с председателем Украинского НКВД Балицким, но к сожалению, уже ничего сделать нельзя, так как Н. С. вчера сознался в своём преступлении. Слово «сознался» было сказано им с непередаваемым оттенком сочувствия, ибо кому, как не ему были известны те методы, при помощи которых эти «сознания» получались. По иронии судьбы он сам во времена Ежовской чистки вынужден был «сознаться» в своей антисоветской деятельности и был ликвидирован вместе с другими «врагами народа».

Крыленко мне ничего не сказал о составе преступления Н. С., но добавил, что от себя просил отнестись к Н. С. «помягче». Эта просьба подействовала и Н. С. отправили в ссылку только на два года. Вернувшись, он рассказал мне, что его преступление состояло в том, что, будучи четырнадцатилетним мальчиком, он помогал расклеивать на стенах домов антисоветские листовки. Он даже не знал о содержании листовок, а просто хотел помочь своему старшему приятелю. Когда последнего арестовали, тот показал, что ему в антисоветской деятельности помогал Н. С. На очной ставке Н. С. вынужден был сознаться. На этот раз сознание было правдивым и никаких особых методов для его получения не применялось. Другое дело, насколько содеянное Н. С. было преступлением, могущим поколебать устои советской власти. Я уверен все же в том, что без вмешательства Крыленко, Н. С. дали бы по меньшей мере десятку с последующим запрещением жить в Киеве.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТРЕТЬЕМ МЕЖДУНАРОДНОМ ТУРНИРЕ, МОСКВА, 1936. ПОСЕЩЕНИЕ КИЕВА ЛАСКЕРОМ И КАПАБЛАНКОЙ. ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ШАХМАТНОГО КЛУБА

В Третий Международный турнир я приглашения не получил. Имею основания думать, что в этом не приглашении не последнюю роль играли, угрожавшие стать хроническими, мои выигрыши у Ботвинника, шахматной карьере которого советское правительство столь усиленно способствовало. Мое предположение нисколько не

соответствует мыслям Крыленко, выраженным во вводной статье к сборнику партий Второго Международного Турнира, в которой он указывал, что спортивный, а не политический интерес играл для советской власти первенствующую роль во всех турнирах. В подтверждение своей мысли он приводил мой и Кана выигрыши у Ботвинника в последнем турнире. Однако, во-первых, — Кан все же проигрывал Ботвиннику, а я никогда, и во-вторых, политика Советской власти всегда отличалась своей «гибкостью» и поэтому-то все что было хорошо для 35-го года могло стать плохим для 36-го. К примеру, мой визит в отдел пропаганды (см. ниже) доказывает обратное тому, что утверждал Крыленко.

Капабланка приехал в Киев по дороге на Юг в обществе двух актрис Московского Художественного Театра, решивших сопровождать Рауля в путешествии по чужой стране. Мы покатали его и актрис по Днепру, но окунуться в хладные воды Днепра он не пожелал. Подозреваю, что причиной тому явилось его нежелание снять в нашем присутствии корсет, который он носил для придания осанки своей фигуре.

Как всегда, с неподражаемой быстротой он распрощался с нашими шахматистами и укатил на Юг отдыхать от трудов праведных.

После утверждения у власти Гитлера, Ласкер был вынужден покинуть Германию; хотя в то время германский диктатор ещё полностью своего звериного антисемитизма не проявил. Ласкер предвидел, что в будущем жить тут еврею будет нетерпимо, поэтому он принял предложение Всесоюзной Шахматной Секции занять пост инструктора-консультанта. Он получил, кроме отдельной квартиры в Москве и очень приличного жалования, также право издавать, печатать и получать доходы от своих книг не только в СССР, но и за границей. Один из первых его визитов был сделан в Киев.

ПРИЕМ ЛАСКЕРА В СОВНАРКОМЕ УССР.

Для того, чтобы помочь нашей секции в получении необходимых средств, Ласкер выразил желание посетить Украинский Совнарком. Принял нас один из заместителей председателя. Фамилия его значения не имеет,

т. к. весь Совнарком был в следующем году репрессирован, а его председатель покончил жизнь самоубийством.

Я присутствовал при приеме в качестве переводчика. Дело заняло недолгое время, после чего подали кофе и завязалась непринужденная беседа. Заместитель немного говорил по-немецки, так что трудностей в обмене мнениями не было. Содержания всей беседы я не помню, но одно место из нее врезалось мне в память.

Заместитель спросил Ласкера, как ему понравилось в СССР. Ласкер вежливо ответил, что ему многое нравится, но он одного не понимает, почему слова у нас не всегда соответствуют тому значению, которое они имеют во всём мире.

— Так, например, — сказал он, — я откручиваю у себя в номере кран, на котором написано — «горячая», а вода льётся либо холодная, либо нет никакой. Ни разу мне не посчастливилось получить горячую воду. Или, вчера в ресторане я заказал имевшегося в меню цыпленка, а мне принесли свиную отбивную котлету и ещё обиделись, когда я отказался, так как по мнению официанта, котлета очень хорошая. . .

Заместитель что-то начал говорить о трудностях роста и, чтобы загладить неловкость, пригласил Ласкера приехать через два года в Киев, когда будет построена новая водопроводная станция, которую «капиталисты не удосужились построить». Ласкер посмотрел на заместителя рыбьим взглядом и ничего не сказал. Вряд-ли он мог поверить в то, что капиталисты оставили такой большой город без водопровода и понял, что скорее это результат той бесхозяйственности, образцы которой он видел на каждом шагу.

Я вскоре узнал, что Ласкер отказался и от квартиры в Москве, и от прочих материальных благ и эмигрировал в США, где его материальное благосостояние было далеко не из блестящих. Умный старик раскусил, что пропагандный фасад скрывает за собой весьма безотрадную действительность. Он предпочел уехать туда, где слова имеют привычное значение. По-видимому он прекрасно понял, что между Гитлером и Сталиным разница весьма не существенная.

В том же 36-ом году меня вызвал к себе председатель Украинских профсоюзов и предложил организовать шахматный клуб «достойный столицы УССР». Теперь я вижу, что эта организация входила в общий план отвлечения внимания от внутренних неурядиц. Я составил смету, она была утверждена. Было получено прекрасное помещение в центре города, и в короткое время мне удалось организовать клуб, считавшийся лучшим в СССР. (К сожалению, он сгорел во время пожара 1941-го года.)

ГРОЗНЫЙ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ! ПАНЫ ДЕРУТСЯ, А У МУЖИКОВ ЧУБЫ ТРЕЩАТ.

Уже со времени процесса Зиновьева и других партвождей, и чистки высшего командного состава Красной Армии во главе с Тухачевским, киевляне стали замечать, что волна террора начинает захлестывать партсановников. Но это было где-то далеко и никто не жалел этих фанатиков, пожинающих то, что они сами посеяли. Но, в 1937-м году террор распространился и на мелких партийных работников, которые тоже стали исчезать один за другим. Даже добрые и сердечные люди теперь злорадствовали — довольно нашей кровушки попили, туда им и дорога, говорили они про себя. К сожалению, однако, партийные паны не забыли и про простых смертных. Время от времени продолжали исчезать профессора и служащие нашего Медицинского Института и других академических и научных учреждений. Но теперь власти решили придать всем арестам, с позволения сказать, демократический характер. С этой целью был выработан специальный трафарет, схожий с тем, который мы описали при добровольной подписке на заём. Вспоминаю процедуру одного из них.

Арестовали моего друга, профессора акушерства и гинекологии д-ра В. В. В. Примерно через неделю было созвано общее собрание, на котором директор Института товарищ Л. зачитал пространный доклад на тему о необходимости сугубой бдительности в отношении врагов рабочих и крестьян, использующих все средства, чтобы проникнуть в нашу среду с целью её разложения. «Один, мол, из таких, профессор В., благодаря бдительности родного НКВД, изловленный на «горячем», сознался в своих преступлениях и теперь ожидает справедливого суда и наказания».

О том, каково именно это «горячее» в специальности акушерства и гинекологии, коим посвятил свою жизнь профессор В. — докладчик не разъяснил.

Своего друга я, конечно, великолепно знал и никак не мог заподозрить его в преступных деяниях против власти. Больше того, я его даже часто упрекал в том, что он склонен чересчур терпимо относиться к большевистским экспериментам. Закончив свою филиппику товарищ Л. предложил желающим высказаться. Так как всё собрание должно было развиваться по выработанному заранее плану, то были подготовлены и соответственные ораторы, санитар и сестра из отделения проф. В., которые заявили, что они давно подозревали своего шефа в преступной деятельности и рады тому, что враг народа наконец разоблачён. В общем: «Ату-ату его!» К моему стыду я не рискнул выступить в защиту своего друга как не выступили и другие его коллеги. Засим последовала самая драматическая часть собрания. Товарищ Л. зачитал текст резолюции, которую он предложил принять и направить в органы. В ней было сказано, что собрание с негодованием и возмущением узнало о преступной деятельности д-ра В. и выражает глубокую благодарность бдительному оку пролетариата за поимку врага народа, и оно выражает также пожелание, чтоб карающий меч пролетарского правосудия покарал негодяя по всей строгости советских законов. Следует особо отметить, что ни в речах, ни в резолюции не было ни слова сказано о том, что же такое ужасное совершил проф. В., за что его следует столь сурово покарать. Засим, директор предложил поднять руки тем, которые **против** резолюции. Никто, решительно никто, руки не поднял. Я был в числе этих малодушных трусов. Не поднял никто руки при следующем вопросе директора — **кто воздержался?** После этого «голосования» директор объявил, что резолюция принята единогласно и закрыл собрание. Я назвал себя малодушным трусом и не отрицаю того, что таковым был, но я должен в своё оправдание сказать: «Что бы случилось, если б я поднял руку против или воздержался». Возможно, что на этом же собрании, но наверное после него, в спецотделе, меня спросили бы о мотивах. Причем поставили бы вопрос так, что всякому стало бы ясно, что я не доверяю ни НКВД, ни «сознанию» проф. В., а это возможно лишь в случае, если я разделяю преступные взгляды проф. В. и сочувствую его преступной деятельности. Возможно, что я не был бы сразу после собрания арестован, но несомненно был бы взят «на мушку» органами. Несомненно также, что мой одинокий голос ни в какой мере не повлиял бы на участь проф. В. Слишком крепка была советская власть в тот момент, чтобы кто-нибудь мог с ней бороться. Я просто, при первом удобном случае, исчез бы и никто не знал бы за что и почему меня арестовали. Даже и собрания по поводу моего ареста не созвали бы.

На этом дело с арестом проф. В. не закончилось. Одновременно с ним был арестован служащий хозяйственной части Института (имени не помню). Месяца через три стало известно, что проф. В. сослали на десять лет в лагерь особо строгого режима, а упомянутого служащего выпустили. Вскоре он пришел ко мне для рентгеновского исследования и рассказал о том, что с ним случилось после ареста. Ему предъявили обвинение в участии в контрреволюционной организации. Так как он это отрицал, то ему устроили очную ставку, с кем бы Вы думали? — с проф. В., которого он видел один или два раза в своей жизни, но который утверждал, что этот служащий был активным членом организации.

— Позвольте, — взмолился служащий, — ведь я вас знаю только по наслышке, а вы за ничто губите меня и моих детей.

По словам служащего, проф. В. заявил:

— Ваши личные интересы ничто в сравнении с интересами пролетарского государства, которому мы должны честно служить и признавать свои ошибки. Вы должны также честно сознаться, как это сделал я.

Я не знаю, правда ли то, что мне рассказал служащий, но меня мороз продрал по коже. Ведь проф. В. мог указать на любого из друзей, включая меня, как на мифического члена столь же мифической организации. Не было сомнений, что он подобно другим несчастным жертвам террора, был доведен до отчаяния нестерпимыми физическими и психическими муками и просто подписал то, что от него требовал следователь.

У кого поднимется рука, чтобы бросить в него камень?

НАЧАЛО РАБОТЫ НАД ДИССЕРТАЦИЕЙ НА СТЕПЕНЬ ДОКТОРА МЕДИЦИНСКИХ НАУК. ПРОФ. А. А. БОГОМОЛЕЦ И ВОЗГЛАВЛЯЕМЫЙ ИМ ИНСТИТУТ.

Хотя я всё время работал в сфере практической медицины, у меня всегда была склонность к работе на теоретическом поприще. Начиная последнюю, в 45 лет от роду, требовалось прежде всего установить свою репутацию, как потенциального научного работника. Этого можно было достигнуть, получив звание доктора медицинских наук, наивысшего, кроме академика, научного звания как в старой России, так и в СССР. При моём звании кандидата наук, для этого требовалось представить оригинальную научную работу, желательно на новую, не разработанную наукой тему и защитить тезисы её на заседании Совета Профессоров Медицинского Института.

Я решил провести свою работу в Институте Экспериментальной Биологии и Патологии, находившемся в Киеве, возглавляемом академиком Александром Александровичем Богомольцем. Богомолец был беспартийным, но его авторитету и влиянию могли позавидовать многие партийные сановники. Репутации Богомольца, как прогрессивно мыслящего человека, конечно, в большевистском смысле этих слов, способствовало то, что он родился в тюрьме от матери, арестованной в царское время по политическому делу. Он был высоким и представительным мужчиной, всегда хорошо, по европейски аккуратно одетым и выбритым, с лицом человека, у которого мозговая деятельность является основной в жизни. Он сразу к себе располагал и я никогда не чувствовал стеснений, обращаясь к нему с моими проблемами.

Сначала я решил включиться в главную тематику, разрабатываемую Институтом, избрав темой диссертационной работы изучение комбинированного действия лучей Рентгена и антиретикулярной цитотоксической сыворотки на экспериментальные опухоли. Сыворотка называлась: анти или противо-ретикулярной и цитотоксической (клетки разрушающей), потому что введенная в больших дозах она должна была разрушать клетки органов ретикуло-эндотелиальной системы, к которой принадлежали печень, селезёнка и лимфатические железы. Богомолец думал, что малые дозы сыворотки должны наоборот поднимать активность клеток системы. Поскольку ретикуло-эндотелиальной системе приписывается важная роль в защите организма от болезней, включая опухоли, легко понять почему столь важным является повышение активности клеток системы. О других сторонах действия сыворотки я буду говорить ещё дальше. Скажу теперь, что я вскоре разочаровался в моей первоначальной теме, так как она сводилась к счёту клеток опухоли под микроскопом, и поэтому избрал другую тему более близкую к лучам Рентгена. Для последней требовалась реорганизация того довольно примитивного рентгеновского оборудования, которое имелось в Институте.

С помощью Богомольца все добавочные инструменты удалось вскоре приобрести, и я приступил к работе над новой темой. Впервые применённый метод имел дело с использованием лучей Рентгена для микроскопических исследований тканей и кровеносных сосудов, и был предложен только в предыдущем году французским профессором П. Ламарком. Моей задачей было изучение рентгеновской картины мельчайших кровеносных сосудов при различных заболеваниях, включая опухоли.

СНОВА АРЕСТ СЕКРЕТАРЯ ШАХМАТНОЙ СЕКЦИИ И ПРИГЛАШЕНИЕ В НКВД ДЛЯ ПОДАЧИ ПОКАЗАНИЙ.

В начале года арестовали моего второго секретаря шахматной секции Н. Г. Он был прислан ко мне из Москвы и приехал в Киев по его словам потому, что континентальный климат столицы плохо отражался на его здоровьи. Его культурность и высшее образование никак не совмещались с весьма скромным жалованием и положением секретаря секции, но, поскольку он был хорошим организатором и игроком первой категории, я в детали его решения поселиться в Киеве не входил. Тем более потому, что разговаривать с ним было чистым мучением, ибо он был страшным заикой, и я всегда предпочитал его письменные отчёты устным. И вот, спустя несколько месяцев его вдруг арестовали. От некоторых комсомольцев я узнал, что он был исключен из партии,

членом которой он был, и притом — за принадлежность к ультралевой троцкистской группировке. Словом, как говорят на Украине: «Не мала баба хлопоту, так купила порося».

Время было весьма тревожное, и я предпочитал никаких справок о нём не наводить, тем более потому, что его дело было, по-видимому, по партийной линии. Но о нём мне скоро напомнили.

Позвонил следователь и попросил меня явиться для дачи показаний. Сие мне весьма не понравилось, т. к. в то время, приглашённые в НКВД весьма часто из него не возвращались. При входе в здание (по иронии судьбы в нём помещался в царское время Институт Благородных Девиц) я получил два пропуска, один из коих был нанизан на штык часовым здания, в котором находился вызывавший меня следователь. Второй пропуск я должен был предъявить следователю, без визы которого я не мог бы выйти обратно. Пришел, отдал пропуск, сказали подождать и притом стоя, ибо в коридоре около двери стульев не было. Только минут через сорок приглашают войти. В комнате кроме следователя находился ещё один военный, сидевший у окна, видимо секретарь. Однако, поскольку следователь, маленький, щупленький и невзрачный, а секретарь дюжий мужчина, не исключена была возможность того, что последний использовался для физических «убеждений» непокорных арестантов. Следователь предложил мне сесть и с места в карьер предложил рассказать всё плохое, что я знал о Н. Г.

— Хорошего мне не надо, — добавил он, — Н. Г. сам об этом только и говорит.

Я сказал, что знаю об Н. Г. только по работе, которую он делает аккуратно и добросовестно и поэтому ничего плохого о нём по этой части не знаю.

— Как, — вдруг вспыхнул пигалица-следователь, — вы хотите меня заставить поверить в то, что вы никогда не приглашали Н. Г. к себе и не вели с ним никаких разговоров за стаканом чая или за рюмкой водки? Меня, конечно, интересуют разговоры о политике советской власти или о коммунизме вообще. Постарайтесь вспомнить! — с угрозой в голосе добавил он.

Говоря эту тираду, следователь мял в руках мой пропуск, как бы желая его порвать. Признаюсь, я почувствовал себя весьма неуютно, но к счастью не растерялся.

— Я вижу, что вы сами не вели разговоров с Н. Г., — возразил я, — ибо в противном случае знали бы, что иногда ему требовалось несколько минут, чтобы выговорить одно слово, а на задушевную беседу надо было бы потратить не меньше суток.

О том, что мы переговаривались иногда при помощи листа бумаги и карандаша я, конечно, не упомянул.

Следователя мой ответ, по-видимому, удовлетворил и после нескольких добавочных вопросов он завизировал мой пропуск и отпустил с миром. Когда я отдал последний часовому у дверей, тот посмотрел на меня с доброжелательным видом и украдкой перекрестился. Когда он увидел, что то же сделал и я, лицо его расплылось в улыбку. Доброй, русской души человек, видно, не часто видел людей, выходящих обратно из этого учреждения, в которое только вход лёгок. Через несколько дней один из комсомольцев шахматистов, имевший какие-то связи с НКВД, сообщил мне, что якобы Н. Г. снял комнату неподалеку от товарной станции и его обвинили в том, что он считал поезда с военным снаряжением и передавал эти сведения членам троцкистской группы при помощи невидимых чернил, будто бы найденных у него при обыске. Больше я Н. Г. не видел и ничего о его судьбе не знаю.

СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ «КОММУНИСТ» И ВЫЗОВ В ОТДЕЛ ПРОПАГАНДЫ УКП.

Летом 1937-го года в центральном органе Украинской Коммунистической Партии газете «Коммунист» появилась громовая статья за подписью трех местных подкомунивающих шахматистов: Погребысского, Поляка и Константинопольского, под красочным названием — «Растратчик народных денег», в которой я обвинялся в тратах крупных сумм на организацию шахматного клуба, на приглашение гастролеров Ласкера и Капабланки, и на прочие «ненужные» мероприятия. Моё намерение, говорили авторы статьи, совершенно очевидно: отвлечь сколько можно больше народных денег от социалистического строительства: **«о времена, о нравы!»** — подумайте только, дорогой читатель, какие нелепые обвинения мож-

но было предъявить в то время. Далее в статье я упрекался в том, что спустя рукава отношусь к работе нашим молодняком, а занят только собственным буржуазным благополучием. Не мало было в статье и другой подобной белиберды. Писать опровержение, конечно, было бы совершенно бесполезно и потому ничего не оставалось другого как ждать дальнейшего развития событий. Таковые не замедлили последовать. Я получил письменный вызов в отдел пропаганды УКП.

Как и в НКВД, часовой нанизал мой пропуск на штык, и я предстал пред светлые очи руководителя отдела. Тот показал мне на статью и попросил объяснений. Я указал, что инициатива постройки клуба исходила не от меня, а от председателя украинских профсоюзов (имя рек), я же был только организатором. Далее, все деньги на постройку клуба были потрачены в согласии с утверждённой сметой и никаких перерасходов не было. Что касается гастролей чемпионов мира, то последние были присланы Всесоюзной Шахматной Секцией, и размеры их вознаграждения тоже были определены Москвой, а не мной.

Видя, что тут всё гладко, руководитель решил пустить в ход другое оружие:

— Знаете т-щ Богатырчук, и напечатание статьи в газете и другие проявления недовольства вашей работой явились результатом того, что вашему политическому облику наша общественность больше не доверяет. Возьмём, к примеру, ваш выигрыш у Ботвинника в турнире 35-го года. Все мы знаем, что у вас в турнире было плохое положение и что вы знали какое громадное значение для престижа СССР являлось бы получение Ботвинником единоличного первого приза. И несмотря на это, вы приложили все усилия, чтобы эту партию выиграть.

— Я прежде всего спортсмен, а не политик, — ответил я, — и поэтому заинтересован в игре, а не в очках.

Далее я рассказал ему об инциденте с Верой Менчик и ядовито заметил, что, если бы жена Ботвинника или кто-либо другой попросили меня сделать ничью, то, возможно, я, с согласия Турнирного Комитета, предложение принял бы. И в третьих, я ему упомянул о статье Крыленко (тогда еще не репрессированного), в которой

он указывал на мой и Кана выигрыш у Ботвинника как доказательство спортивного, а не политического отношения к шахматам со стороны советских шахматистов и, конечно, Советского правительства. По-видимому, мои возражения убедили руководителя, и он выдал мне обратный пропуск, снова нанизанный на штык часовым у входа. Этот страж не перекрестился, хотя и ему несомненно приходилось видеть случаи, когда и отсюда увозили в «чёрном воронке» (специальная окраска автомобилей НКВД), по известному назначению.

ШАХМАТНЫЙ ЧЕМПИОНАТ УКРАИНЫ 1937-го ГОДА

Хотя я был по горло погружен в работу над своей диссертацией, я все же принял участие в чемпионате Украины и завоевал первое место. В те времена денежные призы в местных турнирах не выдавали, и этот результат был для меня только платоническим утешением за неприглашение на Третий Международный Турнир.

РАЗГУЛ ВСЕПОЖИРАЮЩЕЙ ЕЖОВЩИНЫ. АРЕСТЫ РЕНТГЕНОТЕХНИКОВ.

К счастью, в то время у меня свободной минуты не было, чтобы вникать в те ужасы, которые творились в застенках НКВД под руководством обер-палача Ежова. О том, что происходило в партийных верхах, я знал из скудных газетных сообщений, но это самопожирание меня мало трогало. Хуже было то, что круг сотрудников по работе и друзей суживался с каждым днём и каждую минуту можно было ожидать того, что кто-нибудь из несчастных, вовлеченных в ежовскую мясорубку, донесёт и на меня и тогда — доказывай, что ты не верблюд, как говорили мрачные юмористы.

Осенью арестовали группу рентгенотехников, каждый из которых был со мной в достаточно близких отношениях. Этого было достаточно, чтобы возбудить бредовые идеи следователей НКВД. Как мы узнали позже, обвинения не стоили выеденного яйца. Так, к примеру, одному из них, предложившему военному ведомству специальный стол для укладки больных при рентгеновских снимках, поставили на вид, что последний будет чересчур

тяжел и громоздок для транспортировки и что настоящим намерением изобретателя было затруднить обслуживание раненых во время военных операций. Всё это было бы смешно, если бы не было так грустно: все техники исчезли без следа и есть все основания предполагать, что их расстреляли, «ликвидировали», как было принято выражаться. Царившую в то время атмосферу взаимного недоверия характеризует такой факт: когда через несколько дней после ареста я зашел проведать жену одного из техников, то она необычайно обрадовалась моему приходу и сказала, что после ареста мужа, её стали бояться, как зачумлённую, не только многие знакомые, но и соседи по квартире. Мне с большим трудом удалось её устроить на работу в своём кабинете.

Или ещё: я с женой условился, что она будет выставлять на балконе во время моего отсутствия горшок с цветком в том случае, если придут меня арестовывать, чтобы я имел возможность либо скрыться, либо заранее обдумать и приготовиться к своему поведению. Не прошедшему через все эти испытания человеку трудно представить себе тот кошмар, в котором мы жили.

ГОД 1938-й — ОСЛАБЛЕНИЕ ТЕРРОРА. ЭПИЗОД С ТУРНИРОМ.

В последующем году террор несколько ослабел, и все мы вздохнули спокойно. Это был один из самых горячих годов моей работы над диссертацией.

И вдруг, Центральная Шахматная секция решила организовать Всесоюзный Шахматный Турнир молодых мастеров в Киеве и не только отпустила необходимые средства на его организацию, но и прислала из центра людей на помощь. Хотя я тогда уже считался стариком, меня все же пригласили в нём участвовать. Я отказался под понятным предлогом занятости. Через день меня вызвал Богомолец и сказал, что, хотя ему и понятны мои мотивы отказа от участия, он вынужден настойчиво просить меня играть.

— Из городского партийного Комитета, — сказал он, — мне сообщили, что ваш отказ будет трактоваться к к нежелание работать с молодежью на важном участке культурного строительства, — добавил он.

Было ясно, что Богомолец из-за меня ломать копья партийным Комитетом не собирался, и поэтому, скрепя сердце, мне не оставалось ничего другого как подчиниться. Откровенно говоря, мне эта пресловутая «работа с молодежью» опротивела до чёртиков и я не считал себя быть ей чем-нибудь обязанным. Кроме того, за последние годы я натерпелся не мало неприятностей, чтобы пылать энтузиазмом к советской власти. Но, как у нас говорят на Украине — «Могло бути гирше (хуже)».

Перегруженный научной работой, я не имел времени ни анализировать, ни готовиться к партиям. Все же, совмещая впервые такой серьезный турнир с не менее ответственной работой, мне удалось постоять за честь «стариков», заняв второе место.

Это был мой последний турнир в СССР. В воздухе запахло войной и стало не до турниров.

ПЕРВАЯ В МИРЕ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ СТАРОСТИ.

В 1938 году состоялась в Киеве конференция ученых-геронтологов СССР. Её организация обязана исключительно инициативе А. А. Богомольца, выступившего с программным докладом на тему предупреждения ненормальной старости. Богомолец прежде всего выразил своё несогласие с изречением греческого философа Сенеки — «Старость есть неизлечимая болезнь» — и выразил уверенность в том, что современная наука позволяет не только продлить жизнь, но и насытить её содержанием, делая её интересной и для старика, и для общества. Этот девиз гласил — «Прибавить не годы к жизни, а жизнь к годам». Когда было организовано Международное Объединение Геронтологов, вышеприведенные слова были приняты как девиз для его работы.

Как я уже указал, Богомолец придерживался мнения, что одним из основных факторов полноценности человеческого организма является состояние его ретикуло-эндотелиальной системы или, в более широком смысле, — его соединительной ткани.

Со времени этой первой Конференции, изучение проблем старения разделилось на два ответвления: одно —

изучающее проблемы нормального или физиологического старения — «геронтологию» и другое — «гериатрию», изучающую болезни старых людей и их предупреждение и лечение. О разных задачах геронтологии, которые я ставил перед собой, я буду ещё говорить в дальнейшем. Нет сомнений в том, что мировая медицина должна быть благодарна А. А. Богомольцу, истинному пионеру на поприще этой отрасли науки.

КРУШЕНИЕ НАДЕЖД НА ФАШИЗМ КАК НА ОСВОБОДИТЕЛЯ ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТИРАНИИ.

Приход к власти и возвещенная им вначале борьба против коммунизма окрылили меня и иже со мной живущих надеждами на гибель коммунизма в неминуемой схватке между Сталиным и Гитлером. Поскольку я считал большевизм колоссом на глиняных ногах, то я не сомневался в том, что он рухнет при первом серьезном ударе. Расистская и антисемитская подоплёка гитлеризма и национал-социализма до нас не «доходила», так как слишком уж был ненавистен основной враг.

Из радиопередач, насыщенных, как мы теперь знаем, сплошной пропагандой полуправды и явной ложью, тоже нельзя было составить себе ясного представления. Антисемитизм в пропаганде проскальзывал, но никакого упора на него не делалось. Поэтому даже евреи национал-социалистов не боялись, твердо веря в то, что славное прошлое германской культуры не позволит её носителям превратиться в кровожадных зверей.

И тут вдруг произошло совершенно неожиданное: газеты с торжеством возвестили о переговорах для заключения соглашения о дружбе и ненападении, ведущихся в настоящее время между Германией и СССР. А ещё через некоторое время было сообщено о подписании пакта о вышеуказанном договоре приехавшим для этой цели министром Иностранных дел нацистской Германии Риббентропом и Сталиным. Фотографии показывали счастливо улыбающиеся физиономии обоих продувных политиков. Газеты умолчали о том, что оба грабителя согласились на раздел Польши взамен за поставки продовольствия, столь нужного для Гитлера. Дальнейшее развитие событий не заставило себя ждать, и оба хищника напали на Польшу, развязав тем самым Вторую Мировую Войну.

А где же великие принципы, возвещенные Гитлером, о священной борьбе против большевизма, либо подобные заявления Сталина о его и коммунизма ненависти к фашизму? Разочарование и крушение всех надежд были столь велики, что все оппоненты советскому режиму окончательно опустили руки. Единственным утешением было то, что западные демократы должны были увидеть истинное лицо коммунистической диктатуры, не брезгующей никакими средствами, чтобы удержаться у власти.

Пакт о ненападении был заключен 23-го августа, и уже спустя неделю гитлеровские армии вторглись в Польшу и начали Вторую Мировую Войну. Одновременно Красная армия стала прибирать к своим рукам части Польши, отошедшие к СССР по секретным статьям пакта. Оставалась смутная надежда на то, что западные союзники объявят войну и второму грабителю — Сталину. Но, увы! Этого тоже не последовало. Политики союзников того времени, позволившие Гитлеру взять под свой контроль добрую половину Европы, обнаруживали скорее свой страх перед военной мощью Гитлера, но никак не показывали об их желании бороться за идеалы демократии. Было ясно, что никто народам России в их стремлении освободиться от коммунистического ига помочь не может и не хочет.

На Западе господствовали в то время две концепции: английская — «плохая или хорошая, но это моя страна» и американская — «каждый народ имеет то правительство, которое он заслужил». Они были правильны для тех времён, когда не было ни современных средств связи, ни современного оружия. Первые позволят узнать о вспышках недовольства в самом их зародыше и сразу же пресекать их, современное же оружие позволяет держать безоружный народ в полном послушании.

Оставалось крупица надежды на то, что диктаторы начнут грызть горло друг у друга, но тогда признаков этого не было видно.

ГОД 1940-й. ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ.

В этом году я защитил диссертацию и получил звание доктора Медицинских наук. Звание не давало мне никаких материальных преимуществ, но теперь я себя твердо поставил в научных сферах. Частое появление моего имени в газетах в связи с шахматами давало основания многим думать, что я из-за игры забросил медицину. Теперь они увидели, что это не так, и что наука для меня на первом плане. Конечно, это мелочь, но практически она тоже важна.

Если бы не опостылевший политический режим, то я мог бы брать от жизни всё то, к чему я всегда стремился и, в первую очередь, право свободно мыслить и поступать так, как подсказывала мне моя совесть. Читатель знает, как далека была действительность от моих желаний.

Между тем, советские власти, в разрез с заключённым пактом, продолжали готовиться к войне. О том, что такая подготовка идет полным ходом, население могло видеть по увеличивающемуся количеству войск в пограничных районах и по изменяющемуся с каждым днём содержанию речей пропагандистов. Теперь уже можно было услышать, что фашисты — наши заклятые враги, которые притаились и выжидают только удобного момента, чтобы на нас напасть. Эти намёки, естественно, поднимали настроение, и мы снова начали чего-то ждать, что принесет избавление от неприглядной действительности.

ИЮНЬ 1941 ГОДА — НАПАДЕНИЕ ГИТЛЕРА.

Несмотря на долгую психологическую подготовку, начало войны было совершенно неожиданное. В воскресенье, 22-го июня утром, когда я собирался в очередную экскурсию по Днепру, к нам прибежала жена моего друга-акушера д-ра Х. и взволнованно сообщила, что в Александровскую больницу привезли много раненых. В первый момент я не мог поверить своим ушам, ибо ещё накануне всё было тихо и спокойно, и ни о каких военных действиях не было слышно. О воздушных бомбардировках мы тогда знали только понаслышке и связывать их с ранеными ещё не научились. Включив радиоприемник, я услышал, что в 11 утра будет выступать народный комиссар иностранных дел Молотов, но о предмете его выступления ещё не сообщалось. Вскоре мою жену, работавшую в Институте по переливанию крови вызвали экстренно в Институт для подготовки к взятию крови у большого количества доноров. Словом, в 11 утра товарищ Молотов путем обычных трескучих фраз объявил о вероломном нападении фашистов на пролетарское отечество. Война началась.

Нападение Гитлера действительно было вероломным, но в то время противники большевистского режима расценивали войну как схватку двух враждебных политических систем. Согласно украинской пословице — «пусть чёрт, но только б другой» — у всех антибольшевиков было одно лишь желание — избавиться от ненавистной большевистской власти. Поэтому и случился парадоксальный в истории факт. Население было на стороне напавшего врага и с нетерпением ожидало его прихода.

Так как никто ни одному слову газетной пропаганды не верил, население сразу же стало кормиться слухами. Сведениям, полученным из «достоверных источников» и услышанным от «очевидцев», верили, а сводок вооруженных сил даже не читали, считая их сплошной выдумкой.

В результате такой всеобщей враждебности к большевикам, вызванной их прежним к нему отношением, население думало, как бы спасти себя и своё имущество не от немцев, а от большевиков, поражения которых все ожидали и немцев нисколько не боялись.

Власти сразу же объявили о конфискации автомобилей, моторных лодок и радиоприемников. Автомобиль в нашем Институте имел только один доктор, и его лишение мало кого тронуло, моторные же лодки имели многие, в том числе и я. Чтобы спасти свою лодку, нагрузил ее камнями и пустил на дно. Когда пришли нацисты, я лодку поднял, но не долго ею попользовался — её вскоре конфисковали победители. Так как в то время у меня было два радиоприемника, я отдал только один, а на другом жадно продолжал ловить сообщения о немецких победах. В течение первых дней клиники нашего Института переполнились ранеными. Все они в один голос говорили о неразберихе, творившейся на фронте, и угрожа-

ли расправиться с большевиками после окончания войны. Увы, большевиков спасли от поражения союзники, позволив Сталину после войны ещё крепче сковать народы России.

В то время в семьях многих жителей Киева возникла дилемма: посылать ли своих военнообязанных детей идти воевать за режим, не пользовавшийся любовью, ни уважением, либо прибегнуть к любым ухищрениям, чтобы спасти их от мобилизации.

Но не всем удалось, как тогда говорили, «лично войну выиграть», и эти неудачники вынуждены были прибегать к другому методу — к сдаче в плен. Они пополнили ряды тех миллионов военнопленных, которые были взяты немцами в первые недели и месяцы войны.

Вначале наступление немцев было столь стремительно, что падение Киева ожидалось чуть ли не через месяц после нападения, ибо передовые части немцев через пять недель были уже в окрестностях города. Однако, эти части были вскоре оттянуты, и в Киев стали возвращаться некоторые учреждения, в том числе и НКВД. Ещё недавно, проходя мимо домов, где помещалось это славное детище пролетариата, я наслаждался дымом от спешно сжигаемых его архивов, теперь же в окнах снова замелькали фуражки с малиновыми околышами.

У нас прибавилась ещё одна проблема, как спасти себя от принудительной эвакуации вглубь СССР. К чести киевских врачей должен указать, что они помогли всем желающим остаться, как могли, выдавая справки о несуществующих болезнях, вынуждающих иметь постельный режим. Я знаю даже о случаях ложных операций, когда, например, производился поверхностный кожный надрез в паховой области как будто бы для удаления аппендикса, которого врач и не думал вырезывать. Или такой-же кожный надрез в области почки для такого же «удаления» камней. Либо укладывание в гипсовые повязки несуществовавших переломов конечностей. Для всех вышеуказанных случаев, рентгенологи использовали снимки настоящих больных из их архивов, а лабораторные работники писали несуществовавшие анализы крови и мочи, будто бы полученные у таких воображаемых больных. Врач-психиатр выдавал справки о воображаемых «тяжелых» психических заболеваниях и даже помещал таких

псевдобольных в психиатрическую лечебницу. Об одном из подобных случаев, закончившемся трагически, я расскажу после.

Хотя мне, как рентгенологу, принудительная эвакуация не угрожала вплоть до того момента, пока в городе оставались какие-либо раненые, я тоже решил принять меры. Меня «укусила» никогда не существовавшая бешеная собака, и я проходил курс воображаемых прививок у местного бактериолога.

И кто бы вы думали защищал город от наступавших немцев? По иронии судьбы, этим защитником был никто иной, как генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов. О том, что творилось в душе этого человека, мы узнали много позже, теперь же считали его преданным сталинистом.

ПРИХОД НЕМЦЕВ. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.

...И, наконец, мы дождались! 19-го сентября немцы вступили в Киев, бывший затем в их руках до 6-го ноября 1943 года. Вздохнули свободно все мы, вышли на свет Божий сотни прятавшихся на чердаках, в подвалах и пригородных лесах. Никто не думал, что в городе было столько молодых мужчин призывного возраста! Тротуары центральной улицы Крещатика заполнили тысячи празднично одетых киевлян. У многих женщин в руках были букеты цветов, которые они бросали проходящим солдатам и офицерам. Наблюдался редкий в истории случай, когда побеждённые радовались приходу победителей. Первыми оккупантами были военные, показавшие себя с самой лучшей стороны. Было слышно только об единичных эксцессах, неизбежных на войне. Настоящее горе мы узнали позже, когда в город пришли так называемые желтые фазаны (гражданская администрация), носившие форму из материала горчичного цвета, и части СС (внутренняя охрана).

Сначала всё было тихо и мирно, и даже выстрелов не было слышно. Фронт сразу же откатился на довольно далёкое расстояние. Как вдруг, 24-го сентября, возвращаясь с профессором П. С. Шидловским с работы, и ещё будучи на окраине города, мы услыхали несколько взрывов и увидели столбы чёрного дыма, поднявшиеся, по

нашим предположениям, где-то в районе Крещатика. Придя домой, мы узнали, что взрывы произошли в доме на углу Прорезной и Крещатика, и там сразу же возникли пожары, которые начали распространяться во все стороны. Потом мы узнали, что взрывы и пожары начались и в других домах Крещатика. Так как водопроводная станция была при отступлении большевиками взорвана, то тушить пожары было нечем, и скоро весь Крещатик превратился в бушующее море огня. Через день из Германии были доставлены по воздуху длинные шланги, и появилась возможность тушить водой, накачиваемой прямо из Днепра.

Однако, подрывные элементы, оставленные большевиками, стали прорезать кабеля, препятствуя подаче воды. Нескольких таких комсомольцев, у которых на подошвах ботинок были специальные гвозди, которыми они наступали на шланги, прокалывая их, — немцы расстреляли и их трупы оставили лежать на месте преступления. Но это помогало мало, прокалывания продолжались.

Сначала немцы решили, что спасти город вряд ли удастся и предупредили население через радиорупоры быть готовым к поголовной эвакуации, но потом нашли разрушительный, но эффективный метод борьбы, взрывая дома, находящиеся рядом с горевшими. Всеми этими мерами пожары в три дня удалось остановить. Я ушам своим не поверил, когда услышал, что большевики обвиняют немцев в намеренном разрушении Киева. Из всех ложных пропагандных обвинений, это было самым возмутительным и нелепым. Больше того, позже, уже будучи в Польше, я сам слыхал по радио, что некоторые оставшиеся в Киеве профессора действительно утверждали, что немцы сами начали сжигать и взрывать город. Спрашивается, почему же они остановились на полпути? Я далёк от того, чтобы этих лжесвидетелей обвинять. Им ничего другого не оставалось, чтобы спасти себя и свои семьи.

После прекращения пожаров, 27-го сентября было созвано общее собрание киевских врачей, на котором я был избран их представителем для связи с немцами.

Мне пришлось иметь дело, главным образом, с главврачем гарнизона, доктором Р., исключительно культурным и порядочным человеком, который не менее нас

возмущался всеми последующими зверствами, но ничего сделать не мог. А задачи, стоявшие перед ним и косвенно перед врачами города с населением, близким к миллиону, были поистине грандиозны. Не было ни воды, ни электричества, ни самой элементарной санитарии. Запасы муки и хлеба были истощены, а такие роскошества, как сахар и жиры, полностью отсутствовали. При таких условиях можно было ожидать вспышки эпидемических заболеваний, которые угрожали бы не только населению, но и оккупантам.

Без преувеличений можно сказать, что честь спасения города принадлежит тем специалистам, которые остались в нём и, не покладая рук, работали каждый в своей отрасли. Благодаря их жертвенной помощи, жизнь стала мало-помалу налаживаться. Между тем, в город стали прибывать гитлеровские палачи — части СС.

ПЕРВЫЙ ЗЛОВЕЩИЙ ПРИЗНАК ГРЯДУЩИХ КОШМАРОВ.

УБИЙСТВА ПСИХИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ.

26-го сентября д-р Р. сообщил мне о секретном приказе, согласно которому должны быть уничтожены все психические больные. Эти убийства были прямым следствием бредовых теорий Гитлера об оздоровлении расы и производились не только в побеждённых странах, но и в самой Германии. Я немедленно связался с главным врачем Кирилловской психиатрической больницы, доктором Ч., который сообщил мне, что почти всем мнимым больным, укрывшимся здесь от мобилизации и эвакуации, удалось вовремя выписаться, остались лишь немногие и среди них д-р О., который в силу каких-то причин с выпиской замешкался. Все усилия д-ра Ч. спасти несчастного после получения приказа не увенчались успехом.

— Больница изолирована от внешнего мира отрядом СС, и их командир никаких аргументов слушать не желает, — добавил он.

Я снова бросился к д-ру Р., но и он отказался что-либо предпринять, т. к. приказ исходил чуть-ли не от самого Гитлера, и поэтому д-р Р. считал всякие попытки

бесцельными. Единственно, что мог сделать д-р Ч., это дать д-ру О. и другим большую дозу снотворного, та что больных погрузили в автомобиль-убийцу крепко спавшими. Всех же остальных, ничего не подозревавших больных, заставляли раздеться (подумайте только, какая циничная жестокость, чтобы не тратить усилий на стягивание одежды с мертвых!), и затем вталкивали в герметически закрытый кузов автомобиля. После этого в кузов впускался какой-то смертоносный газ, в течение нескольких минут убивавший всех тех, кто был внутри.

Для палачей жизнь «расово неполноценного человека» не стоила ломаного гроша...

БАБИЙ ЯР.

29-го сентября на улицах Киева появились объявления, в которых приказывалось всем евреям — жителям Киева, без различия возраста и пола, явиться на следующий день в район еврейского кладбища, захватив с собой документы, драгоценности, продовольствие на три дня и теплые вещи.

Сначала все киевляне ломали себе голову, что мог означать этот сбор. Очевидно, думали многие, евреев хотят отправить на работы куда-то. Находились даже такие оптимисты, которые своими глазами видели специальные составы поездов, приготовленные для этой цели на вокзале. Однако, к чему тогда собирать всех? Какую, к примеру, работу могли выполнять малые дети, глубокие старики или пожилые женщины, которым тоже предлагалось явиться? Неужели всех хотят заключить в концентрационный лагерь? Возможность жуткой правды массового убийства мало кому приходила в голову. Слишком уж чудовищным казалось такое преступление.

Части СС так тщательно скрывали от людских глаз и ушей факт массовой экзекуции, что только через несколько дней мы узнали о жутких убийствах в Бабьем Яру, на окраине кладбища. Эсэсовцы не выпускали обратно с кладбища никого, расстреливая всех без исключения, даже случайно оказавшихся в районе убийств. Так погибли многие не евреи, пришедшие на кладбище со своими близкими родственниками, чтобы их проводить.

Передавали, что были применены глушители, чтобы выстрелов не было слышно. Но ведь можно скрыть убийство одного или нескольких человек, скрыть же убийство тысяч никак не возможно. Нашлись счастливцы, ускользнувшие из рук палачей, поведавшие о жуткой правде. Рассказали о ней и те, которые были привлечены к сортировке вещей убитых евреев.

Но, утром тридцатого сентября я еще не мог знать о происшедшем и встречал по дороге на работу массу евреев, идущих на кладбище с каменными, застывшими от ужаса лицами. Они уже инстинктивно предвидели, что с ними произойдет. Не подозревали только дети, деловито бегущие, с котомками в руках или ранцами за плечами. Помню группу евреев, несших на носилках седовласого старца, по-видимому раввина, и певших какую-то заунывную песню. К сожалению и стыду своему, должен сказать, что видел не мало своих единоверцев, наблюдавших этот исход с радостными лицами. Эти недальновидные и ослепленные ненавистью люди просто не ведали того, что творится.

Прошло несколько дней, и я уразумел, что Киев попал из объятий одного разбойника в объятия другого, не менее жестокого и беспощадного. Но ничего делать не оставалось, как только покориться судьбе, надеясь на лучшее.

Через несколько дней после того, как была уничтожена главная масса евреев, эсэсовцы стали вылавливать и так называемых полуевреев, крещеных в православную веру и давно забывших своё еврейское происхождение, замужних жён и неевреев, женатых на еврейках. Среди этих групп было не мало врачей, и они обращались ко мне за помощью как представителю киевских врачей. Однако, я был бессилен сделать что-либо для них, как не мог и доктор Р., и об этой своей беспомощности должен был говорить всем обращавшимся ко мне. Некоторым более близким, я указал на единственную возможность бежать из Киева, куда глаза глядят, ибо в своём городе всегда могли найтись доносчики, потенциально могущие выдать их на расправу. Я знаю, что многие и без моего совета приняли это единственно правильное решение и тем спасли свою жизнь.

ПОДПОЛЬНАЯ ГРУППА УКРАИНЦЕВ ИЗБИРАЕТ МЕНЯ НА ПОСТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ УКРАИНСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА.

Ко мне явились представители антибольшевистской подпольной группы украинцев и предложили с их помощью организовать Украинский Красный Крест (Украинский Червонный Хрест) и занять пост его председателя. Несмотря на то, что немецкие гражданские власти никаких украинских организаций не признавали, они выдали разрешение при условии, что Красный Крест будет работать в полном контакте и под высшим контролем вновь организованного Генерального Комиссариата, ведавшего всеми гражданскими делами на оккупированной Украине.

Хотя у меня уже давно погас всякий энтузиазм в отношении германской оккупационной политики, я предложение принял, ибо видел в нём единственную возможность хотя бы в самой малой мере помочь страдающему населению и военнопленным, находящимся в лагерях на территории Украины. О том, сколь ужасно положение последних, мы знали из показаний тех, которым посчастливилось оттуда вырваться. В первые месяцы войны таковых было не мало, ибо немцы охотно отпускали на свободу уроженцев Украины. В дальнейшем, в связи с развитием партизанщины, эти послабления были сведены к минимуму.

Одним из первых мероприятий Красного Креста было открытие бюро по розыску военнопленных, которое совершенно безвозмездно эти розыски производило. Поэтому явной неправдой являются утверждения советчиков и им сочувствующих, что мы на этом «розыске» заработали много денег. Точных цифр я не имею, но знаю, что мы помогли не одной тысяче жителей Украины разыскать своих близких.

Вторым важнейшим мероприятием была организация сбора продуктов и их распределение среди нуждающихся горожан и военнопленных. Это была первая и основная причина конфликта между УКК и германскими оккупационными властями. Последние, своей задачей имели всемерную выкачку продовольствия с Украины и отправку его в Германию. Сборы продуктов немецкие

комиссары производили грубо и бессистемно, ставя иногда невыполнимые требования, и жестоко наказывали тех, кто этим требованиям сопротивлялся. Успех наших добровольных сборов приводил немцев в бешенство. В то время, как с большим трудом удавалось выполнить их разверстки, для нас в продуктах отказа не было и в киевских амбарах УКК всего было вдосталь.

Из горожан от голода или недоедания больше всего страдали представители интеллигентных профессий, которым мы помогали, как могли. Конечно, наша помощь была каплей в море нужды. Во всяком случае, доступ в наши питательные пункты был открыт для всех, и ни одной жалобы ко мне на отказ в помощи за все время существования УКК не поступило.

ОТРЫЖКИ НЕДАВНЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. ВИЗИТ ДОКТОРА С.

Однажды в УКК пришел известный в Киеве специалист одной отрасли медицины, доктор С. Бедняга был страшно расстроен и поведал мне, что только что его опрашивал следователь по особо важным делам, состоявший в штате Городской Управы. Кто-то донёс на доктора С., что он, якобы, был сотрудником НКВД.

— Что мне делать? — сказал доктор, — ведь это правда. Я был сотрудником, но не по своей воле! — и рассказал мне, как его вынудили быть доносчиком.

История этого вовлечения не отличалась от тех, о которых я уже говорил раньше. Мне от души жалко было этого высоко порядочного интеллигента, попавшего в сети энкаведистских ловцов человеческих душ. Я мог его лишь заверить, что я лично винить его в сотрудничестве с НКВД никак не могу и думаю, что и следователь оставит его в покое. Сколько мне известно, так и случилось, и о его «службе» было забыто. Но, в сущности говоря, д-р С. был очень опасен для всех, его окружавших, так как они с ним были совершенно откровенны. Заподозрить такого человека в подлой осведомительной работе никак не было возможно. Кто из читателей все же решится бросить в него камень? Я не решусь!

ПОЕЗДКА В РОВНО К КОМАНДИРУ ЛАГЕРЕЙ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА УКРАИНЕ.

В конце 1941 года, начальники лагерей для военнопленных начали чинить сотрудникам УКК различные препятствия, вплоть до того, что стали даже иногда забирать себе продукты, предназначенные для пленных. Для того, чтобы ликвидировать все препятствия в нашем снабжении лагерей и с целью добиться официального права посещать их нашими сотрудниками, я решил съездить в Ровно, где помещалось Управление лагерями. Это посещение состоялось в январе 1942 года. Моё свидание с генералом Х., ведавшим делами лагерей, было с глазу на глаз. Старый генерал был весьма приветлив и выслушал мои жалобы и просьбы с большим вниманием. Когда я кончил говорить, он достал из папки особо важных и секретных документов одну бумагу и сказал:

— Я не имею права ни показывать кому-либо, ни говорить по поводу документа, который у меня в руках, но, будучи уверен, что вы о нём никому не скажете и меня не подведете, я его вам показываю. Пожалуйста прочтите!

Прочитав, я ужаснулся. В нём совершенно с циничной откровенностью подчеркивалось полное отсутствие у Германии интереса к заботе о советских военнопленных и предлагалось свести их паёк к абсолютному минимуму. Указывалось, что у Германии никаких обязательств в отношении советских военнопленных нет, так как СССР отказался подписать Женевскую конвенцию. В заключение говорилось, что каждый фунт хлеба, съедаемый военнопленным, вырывается изо рта немца и поэтому лучше дать его своему, чем чужому.

После войны были обнародованы многие подобные документы за подписями Гитлера, Гиммлера и прочих нацистских вождей, но в 1942-м году мы о них не знали и впечатление от документа было потрясающим.

— Вы видите, — сказал генерал Х., — что если бы я дословно исполнял этот и подобные приказы, которые у меня в этой папке, то весьма быстро переморил бы добрую половину пленных. Я, однако, этого не делаю и дальше моей папки приказы не идут, — добавил он.

Если бы не генерал Х. и не многие, подобные ему порядочные люди Германии, то бредовые идеи Гитлера и

его подручных нанесли бы ещё больше вреда, чем на деле. В заключение свидания генерал Х. обещал дать (что и сделал) распоряжение по лагерям о беспрепятственной выдаче нашим уполномоченным нужных им сведений и запретил отнимать передачи. Хорошие бывают люди у всех национальностей и при всех режимах. Жаль только, что их маловато.

РАЗОЧАРОВАНИЕ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ. ЖУРНАЛ «ЧЕЛОВЕК НИЗШЕЙ РАСЫ» («УНТЕРМЕНШ»)

В начале войны у украинских националистов были надежды, что нацисты сочувствуют их стремлениях к созданию самостоятельного Украинского государства. Однако, в своём желании расширить немецкие территории на Востоке путём завоевания земель Европейской России, Гитлер думал превратить все местное население в послушных рабов, и не дать ему возможность развивать свою культуру. Для этого одержимого бредовыми идеями параноика, все славяне были «унтерменшами», не заслуживающими никаких жизненных благ и предназначенными работать для благополучия высшей арийской расы, главная роль в которой должна принадлежать немцам.

И в книге Гитлера «Моя борьба», и в многочисленных других публикациях на эту тему, об этом совершенно ясно говорится. Согласно этим «идеям», на оккупированных восточных землях все интеллигентные профессии должны были быть в руках немцев. В связи с этим для местного населения могло быть доступно только низшее и среднее образование, но никак не высшее. То же относилось и к местным властям, которые должны были быть в руках немцев. Об этих параноидных теориях мы узнали полностью только после войны.

Но столкнуться с ними нам пришлось в первые месяцы оккупации, когда мы возбудили ходатайство о возобновлении работы Университета. Пришлось потратить не мало усилий, чтобы с помощью людей, подобных генералу Х., добиться разрешения на открытие только одного факультета — медицинского, да и то потому, что оккупационные власти хотели иметь побольше врачей, чтобы не допустить распространения эпидемий.

— Вообще же молодые люди нам нужны на работах в Германии, а не здесь, — заявляли чиновники Генерального Комиссариата.

При таком подходе к образованию населения, можно ли было ожидать покровительства развитию у него политического самосознания? Ни о каких культурных объединениях комиссары и слушать не хотели. Не желали слышать ни о каком-либо правительстве или даже городском самоуправлении. Их политика была столь безнадёжно глупа и настолько шла в разрез с былыми надеждами, что все, ждавшие немцев, как манны небесной, были вне себя от горя и негодования. Новые властители вели себя не лучше прежних, и мы с горечью думали, что променяли «шило на швайку». Ничего другого, однако, не оставалось, как жить с новым дьяволом.

Как я уже говорил, никакого украинского правительства и в помине не было. Единственной смехотворной поблажкой для украинцев было разрешение им оставить себе уже раз отобранные радиоприемники. Весьма сомнительной милостью к ним была преимущественная вербовка украинцев в местную полицию. Поскольку последних посылали на выполнение самых неприятных заданий, то слово «полицай» стало вскоре нарицательным в отрицательном смысле.

Если в отношении евреев нацисты показали себя средневековыми варварами, их политика по отношению ко всему населению в целом также никаких иных чувств, кроме ненависти, возбудить не могла. Киевлян уже с первых недель оккупации начало тошнить от всюду появившихся вывесок «только для немцев». Они появлялись на дверях лучших кафе и ресторанов, и даже на центральных входах в оперный театр. По восстановлению электростанции, местному населению было разрешено пользоваться электричеством только в исключительных случаях и притом в очень ограниченном количестве в то время, как квартиры немцев блистали полным светом. Не было ни одной мелочи, в которой они не подчеркивали бы свое, «расовое превосходство». В особенности, как я указал, это делали гражданские власти. Короче говоря, они вооружили против себя всех и вся.

Хотя начавшая вскоре печататься украинская ежедневная газета была всецело в руках галицких журналистов и отличалась своей непримиримой сепаратистской установкой, для киевлян она представляла некую отдушину в свободный мир. Однако, не прошло и полгода, как всю редакцию арестовали, редактора и главных сотрудников расстреляли и ввели такую строгую цензуру, которой могли позавидовать большевистские сатрапы.

УСИЛЕНИЕ ТЕРРОРА ГЕСТАПО. ЛИКВИДАЦИЯ УКРАИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И АРЕСТЫ ИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ. МОЙ АРЕСТ И ПЕРЕЖИТОЕ В ГЕСТАПО.

Как мы узнали позже, в конце 1941-го года, Гитлер издал секретный приказ под названием «Ночь и туман» (Нахт унд Небель), в котором предписывалась полная ликвидация местных самоуправлений и уничтожение их руководителей. Для усиления террора, Гестапо не должно было сообщать о судьбе арестованных так же, как это практиковалось в НКВД, даже и в том случае, если они не были немедленно расстреляны.

Для Киева гром грянул в первых числах февраля 42-го года. Когда я утром 6-го февраля пришел на работу в УКК, то я нашел всех служащих в волнении. Мне сообщили, что только что Гестапо нагрянуло на Киевскую Городскую Управу и учиняет там полный разгром. Короткое время спустя прибежал другой сотрудник, сообщивший, что всех руководящих чиновников, во главе с Городским Головой, арестовали и сейчас садят на грузовики. Непрошенные гости не заставили себя ждать долго и у нас. Гестаповцы сразу же рассыпались по разным комнатам, приказали всем не двигаться с места и начали собирать и опечатывать все документы. Меня заставили открыть сейф и забрали оттуда все документы и деньги. Затем всех членов нашей Управы погрузили в автомобиль и повезли в Гестапо, не предъявив никакого ордера на арест. В помещении Гестапо нам объявили, что мы арестованы и рассадили по одиночкам, находившимся в подвале здания.

Через несколько часов меня неожиданно отпустили домой с обязательством явиться в понедельник утром. Я ушел в радужном настроении, ибо был уверен, что, оче-

видно, Гестапо меня так легко не выпустило бы, если бы имело какие-нибудь серьезные обвинения. Я настолько был уверен, что ничего плохого не случится, что на следующий день отправился с женой в театр на сборный концерт, на который у нас были билеты. Помню, с каким удивлением смотрела на нас публика, уже знавшая о том, что произошло накануне.

На следующий день я отправился, не подозревая подвохов и не взяв с собой никаких вещей, к тому же следователю. Он встретил меня весьма любезно, но заявил, что вынужден снова арестовать меня, так как появились новые данные. Таким образом, я был опять водворен в одиночку в подвале.

В этом доме до Гестапо помещалось НКВД и всё было приспособлено для работы этого почётного учреждения. Кроме камер, так сказать, для жилья, в том же подвале были и клетки, в которых заключённые должны были часами стоять, ожидая допроса.

Моя камера была на двух, но мне никого не подсадили. Параши не было, и меня при нужде выпускали в уборную. Еду давали исключительно скудную и, если бы не передачи жены, то пришлось бы так же плохо, как тем, кто передач не имел.

Однажды, какой-то человечный страж передал мне просьбу моего заместителя по УКК, д-ра Л., поделиться с ним моей передачей. Я послал ему кусок курицы и хлеба. Много лет спустя, я встретил д-ра Л. в Нью Йорке, и он рассказал, что тогда был так голоден, что съел всю курицу вместе с костями.

Днем заключённых водили на допрос и всё было тихо, но ночи часто были кошмарные, особенно под утро, когда везли на казнь. Некоторые просили и молили пощадить их, либо порицали за убийство.

До сих пор слышу голос какой-то, по-видимому, культурной женщины, которая бросала в лицо палачам горькие слова обиды и возмущения: «И ещё имеете наглость называть себя носителями культуры. Не прикасайтесь ко мне, я боюсь о вас запачкаться».

Однажды ночью открылась дверь и моей камеры. «Не минует и меня чаша сия». — подумал я. В дверях стоял высокий офицер с длинным списком заключенных

в руках. Он спросил отрывисто о моём имени, посмотрел на меня пристально и, не говоря ни слова, захлопнул дверь. Так я и остался в неведении: ошибся ли он камерой, либо была просто проверка. Так или иначе, но я был доволен, что он ничего не спросил, ибо выдавать своё знание немецкого языка было опасно. Будучи уверенным, что из местного населения только евреи говорят по-немецки, он мог меня принять за еврея и отправить на расстрел, не входя в детали — разберут, дескать, на том свете.

Мрачный юмор мрачных дней!

По-видимому, ошибка подобного охотника за черепами, стоила жизни А. Сингалевичу, выдающемуся украинскому деятелю и прекрасному человеку. Он попал в одну из облав на улице и, не говоря по-немецки и не имея при себе документов, не мог объяснить поймавшим его немецким полицейским, кто он. Ретивые полицейские, не желая терять времени на расследование, отправили его на расстрел. Это ещё один пример тому, как мало стоила тогда жизнь человеческая.

Остальные ночи я мог спать спокойно, ибо гестаповцы в то время ещё не додумались до ночных допросов. Позже, как я слыхал, додумались и до них.

Следователь не сразу познакомил меня с существом обвинения. Во время первых допросов мы разговаривали с ним о чём угодно, но только не моём деле. Моё знание немецкого языка было достаточно, чтобы не нуждаться в помощи переводчика. Скоро я убедился, что против меня нет никаких обоснованных обвинений. Обвинять, к примеру, меня и УКК в связи с большевистскими партизанами и их поддержке было явно нелепо и недоказуемо. Гестапо тогда ещё не выявило себя достойным учеником НКВД и не устроило мне очную ставку с каким-либо псевдопартизаном, который бы утверждал, что он вёл со мной переговоры на эту тему.

Так мы разговаривали примерно дней десять, когда вдруг во время одного из таких разговоров открывается дверь и входит моя дочь. Она ужаснулась при виде моей небритой физиономии. Хорошо владея немецким языком, она осведомилась и выяснила у следователя, что меня ни в чём серьёзном не обвиняют и, обрадовавшись, попросила меня выбрить. Из того, что следователь обе-

щал позвать ко мне парикмахера, я понял, что мне бояться нечего. Действительно, после того, как позванный парикмахер выбрил меня в присутствии следователя, меня перевели из подвала в светлую большую камеру на первом этаже. Это было явно признаком грядущего освобождения. Со мной в камере сидел один из сотрудников Управы, которого обвинили в присвоении каких-то вещей, принадлежавших убитым евреям. Всё это обвинение было построено на доказательстве, известном под именем: «Одна баба сказала», и его несерьёзность была очевидна. Но беднягу держали уже месяц здесь и продолжали держать ещё некоторое время после того, как меня выпустили. Моя камера была на этаже привилегированных. В одной из камер здесь был Городской Голова Багазий, вскоре расстрелянный, в другой его заместитель, а в соседней со мной камере — профессор Л., видный деятель украинского национального движения. Старик страшно кашлял по ночам. Его выпустили через несколько дней после меня.

В радостный день моего освобождения, старший надзиратель вошел в камеру и обратился не так, как обычно — «заключённый номер такой-то», а «г-н профессор, прошу вас взять ваши вещи и следовать за мной». Он подвел меня к парадной двери и отпустил на все четыре стороны.

Я шёл домой, уверенный в том, что мне сюда возвращаться не придется. Однако пришлось. Придя домой, я узнал, что вчера в мою квартиру пришли несколько гестаповцев и ходили по всем комнатам, по-видимому желая убедиться в том, что у меня нет вещей, награбленных у евреев. Как я узнал после, это была обычная практика перед освобождением каждого заключённого. Убедившись в том, что моя квартира не представляет собой музея из присвоенных антиков, они удалились, сопровождаемые весьма нелестными напутствиями моей престарелой тёщи.

В один из следующих дней я отправился искать работу, но немецкие комиссары всюду встречали меня очень прохладно, а один из них откровенно сказал, что он не заинтересован в работнике, только что выпущенном из Гестапо. «Чудно! Прямо так, как было у товарищей», — подумал я. Был март месяц и весна в полном разгаре,

только у меня на сердце была суровая зима. Ухудшило настроение и то, что в газете появилась явно инспирированная Гестапо заметка о закрытии УКК ввиду обнаруженных там крупных злоупотреблений.

Я решил взять быка за рога и попросить объяснений у Гестапо. Когда я пришёл к своему следователю и сказал, что, по-видимому, одного освобождения недостаточно, чтобы меня обелить, а нужно иметь письменную справку от него, что против меня нет больше обвинений, следователь сказал, что подобных справок он не выдаёт. Но, что он позвонит куда надо, и мне работу дадут.

ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА — ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ.

Через несколько дней ко мне явилась делегация из сотрудников Институтов Рентгеновского и Экспериментальной Биологии, Физиологии и Патологии с просьбой организовать и возглавить новый объединенный Институт, используя сотрудников и имущество, оставшихся после эвакуации. Я узнал, что в числе оставшихся имеются известные учёные как В. Брунст, Н. Сиротинин, популярный хирург Ш. Хахутов и многие другие научные работники. Осталось также много животных с экспериментальными опухолями, а у профессора В. Брунста и его жены Е. Шереметьевой была целая коллекция их. Разрешение на открытие Института было дано безо всяких проволочек, и я получил назначение на пост директора. Работа закипела. Немцев особенно прельстило предложение проф. Н. Сиротинина разработать новую сыворотку, предохраняющую от сыпного тифа, вспышки эпидемии которого немцы очень боялись.

Весной того же года инициативная группа профессоров получила разрешение на открытие Медицинского факультета, о котором я уже говорил. Теоретические кафедры были все обеспечены профессурой, хуже обстояло с клиниками, заведующие которыми были увезены или эвакуировались по своей воле. Остались, однако, ассистенты, которые могли продолжать работу. После объявления об открытии, набралось до полусотни студентов старших курсов, выразивших желание продолжать прерванное учение. Чего-чего, а больных было вдоволь.

ДОБРОВОЛЬНАЯ И ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ОТПРАВКА НА РАБОТЫ В ГЕРМАНИЮ.

С начала 1942 года, благодаря всеобщей мобилизации внутри Германии, стала чувствоваться нехватка рабочих рук. Сначала нацисты пробовали разрешить эту проблему, взывая к антибольшевистским чувствам. Нашлось небольшое количество, главным образом, бывших заключённых в концентрационных лагерях, откликнувшихся на эти призывы и уехавших добровольно. Среди них был мой бывший секретарь С., который недавно перед войной вернулся в Киев после отбытия своего срока заключения. Большинство же осталось глухо к этим призывам. Нацисты уже успели достаточно плохо себя зарекомендовать, чтобы их обещаниям и посулам мог кто-нибудь поверить. А чего только они не обещали — и одежду, и обильное питание и прекрасные бытовые условия. Чего они не позаботились сделать — это запретить обмен письмами между рабочими и их семьями, оставшимися на Украине. В этих письмах рассказывалось о далеко не райской жизни уехавших. Самое возмутительное было то, что их всех — добровольцев и принудительно увезённых, одинаково третировали, как полурабов. Все рабочие с Востока должны были носить сначала громадный, а потом маленький, но всё же весьма заметный значок «ОСТ» (восток) на правой нагрудной части их одежды. Никто из западных рабочих-иностранцев никаких отличительных знаков не носил. Этот значок запрещал рабочему посещать театры, кино и рестораны, и обладатель его не имел даже права сидеть в трамваях, если для немца не было сидячего места. Содержались «остовцы» в лагерях, в некоторых из которых женщины не отделялись от мужчин. О моральных устоях нацисты не заботились, но вынуждали делать аборты в случае беременности. Условия жизни в лагере всецело зависели от личных качеств его коменданта. У человечных начальников условия были во много раз лучше, чем у звероподобных последователей гитлеровских расистских теорий. Обо всех этих безобразиях остовцы писали домой и отбивали всякую охоту ехать. Поэтому нацисты стали посылать на работу насильственно, применяя для вербовки самые грубые и жестокие меры, войска и полиция окружали деревни, рынки и целые районы города, и забирали на работу всех тех, кто

вербовщикам казался пригодным. Всех пойманных направляли на сборные пункты и после поверхностного медицинского осмотра отправляли в Германию. При таких способах вербовки, очень часто в число будущих рабочих попадали многие представители интеллигентных профессий, никогда не занимавшиеся физическим трудом.

Так, придя однажды на работу, я узнал, что в облаву попала библиотекарша института, маленькая и щупленькая женщина средних лет, не весившая и ста фунтов. Наведя справки, я отправился на сборный пункт, куда её взяли. В царское время помещения пункта служили казармами. Начальник милостиво разрешил мне самому найти библиотекаршу. В нескольких домах пункта и во дворе было, наверное, больше тысячи угодивших в беду людей. Среди них не мало было горожан, но по большей части это были парубки и девчата окрестных сёл. Долго я искал нашу библиотекаршу в многочисленных комнатах казарм и, наконец, нашел забившейся в уголок, сидящей на вещах, переданных ей, с далеко не веселым выражением лица.

Вы можете вообразить её радость, когда она меня увидела. Повторен был поцелуй Веры Менчик. Она рассказала, что на своё несчастье, начала что-то доказывать поймавшему её немцу на прекрасном немецком языке, и тот немедленно сказал: «Вот нам такие и нужны, будете переводчицей в лагере».

К счастью библиотекарши, мне её удалось вызволить, и она улетела домой, паря на крыльях блаженства.

ПОЕЗДКА В БЕРЛИН ЗА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫМИ ЖИВОТНЫМИ.
«ОБЕЗВШИВЛИВАНИЕ» НА ГРАНИЦЕ.

В начале 1943 г. в Институте возникла новая проблема: иссяк запас теплокровных животных с экспериментальными опухолями. Возникла идея попробовать достать их в Германии, где до войны их было вдоволь.В апреле мне и сотруднице Института, д-ру О. Черняевой, выдали разрешение на поездку, и мы поехали.

В это время, дела на фронтах ещё не были плохи, и поезда ходили довольно аккуратно, хотя и были пере-

полнены. Подъехали к пограничному пункту, где нам предстояло пройти процедуру так называемого «обезвшивливания», иными словами тщательной дезинфекции как наших бренных тел, так и багажа. По окончании «обезвшивливания», мы были осмотрены санитарами с мощными фонарями, освещавшими самые потаенные уголки телес и после этого получили специальные удостоверения, позволяющие вступить на землю «самой чистой в мире расы». К нашему удовольствию обесвшивливались все пассажиры, включая нацистов.

Приехали в Берлин без особых приключений на тогда ещё существовавший вокзал Фридрихштрассе, и отправились пешком в отель, находившийся напротив вокзала. Бомбардировки и воздушные тревоги только начинались. За десять дней пребывания в Берлине мы пережили только одну воздушную тревогу и даже не спускались в бомбоубежище. Не было видно ещё и повреждённых домов.

На следующий день я начал поиски экспериментальных животных и сразу же столкнулся с затруднениями. Основным животным, носителем экспериментального рака, выращенного Брауном и Пирсом, был кролик, который в дни войны превратился в одно из самых любимых блюд для берлинцев. Иными словами, чтобы получить кроликов, надо было преодолеть сапротивление бюрократов, ведавших распределением мяса в городе.

Пока мои просьбы шли по инстанциям, я решил навестить инженеров рентгеновского отдела заводов Сименса и Гальске, с которыми у меня завязались дружеские отношения во время моего посещения Берлина в 1926 г.

Германия ещё в то время не начала катиться по наклонной плоскости к поражению, поэтому я был несколько удивлен теми антигитлеровскими настроениями, которые у них были выражены вполне определенно. Я ещё подлил масла в огонь, рассказав о том, что части СС и Гестапо натворили на Украине.

В тот же день вечером инженеры пригласили меня на ужин в один из лучших ресторанов Берлина. Там я нашёл новый предмет для удивления, увидев, что большинство официантов являются членами национал-социалистической партии и носят свастику в петлицах своих

фраков. Для нас уже был приготовлен стол и меня посадили на почетное место, сказав официантам, что я уважаемый гость с Востока и мне должно быть оказано особое внимание. Не знаю, понравилось ли это приказание нацистам или нет, но они виду не показали. Во время ужина велись такие беседы и провозглашались такие тосты, что я не был уверен в том, что буду спать на своей кровати в отеле. Однако, здесь в то время Гестапо было, очевидно, мягче, и так жестоко, как в СССР, с инакомыслящими не расправлялось.

На следующий день я был свидетелем ещё одного проявления антигитлеровских настроений. Зайдя в одно из роскошных кафе на Курфюстерндамм (фешенебельная улица Берлина) и посидев немного, услышал очередную хвастливую сводку Главной квартиры Гитлера, передаваемую через мощный радиогромкоговоритель, установленный в кафе. И вдруг, к моему удивлению, я увидел, что добрая половина посетителей, многие, не допив своего кофе, встали и демонстративно направились к выходу, смеясь и обмениваясь шуточками и закатываясь от смеха. Что это было демонстрацией против Гитлера, не вызывало никаких сомнений.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ГЕНЕРАЛАМИ А. А. ВЛАСОВЫМ И В. Ф. МАЛЫШКИНЫМ. ОСНОВНАЯ ЧЕРТА ЛИЧНОСТИ ВЛАСОВА — ПРЯМОТА, ДОВЕРЧИВОСТЬ И ВЕРА В СВОЮ МИССИЮ. ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАРОДОВ СССР.

Ещё в Киеве мне дали письмо к служащей в одном из департаментов Министерства по делам Востока. Она меня очень мило приняла и пригласила на следующий день на обед, на котором будет также, как она выразилась, — «восходящая звезда», — советский пленный, генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов вместе со своим другом, тоже советским генерал-майором Василием Федоровичем Малышкиным.

О Власове, его пленении и переходе на сторону Германии я слышал, ещё будучи в Киеве. Доходили до меня смутные слухи о какой-то «Смоленской платформе», выпущенной Комитетом Российского Освободительного

Движения, и добровольческих частях в составе германской армии. На улицах Берлина я видел не мало советских солдат со значком РОА на рукаве, как мне сказали, добровольно выступивших на борьбу с большевизмом, примкнув к немецкой армии. Как мне потом стало известно, нацистские лидеры категорически запретили информацию о Власове в районах, оккупированных германскими войсками. Этим объясняется скудность сведений, дошедших до меня в Киеве о нём и его инициативе. Все полученные теперь сведения и личные наблюдения увеличили интерес к предстоящему свиданию.

Генерал Власов пришел вместе со своим ближайшим помощником, также пленным генералом Малышкиным.

Читатель понимает, что я, будучи принципиальным противником марксизма, относился отрицательно ко всякой ленинско-сталинской продукции, включая генералитет Красной армии. Поэтому я ожидал увидеть малоотесанных субъектов, говорящих на советском жаргоне с типичным шаблонным трафаретным взглядом на все проблемы России. Поэтому я был удивлён культурностью и интеллигентностью их манер и речи (справедливости ради должен сказать, что до настоящего свидания я никогда лично с советскими генералами не соприкасался и вид их только на экранах кино. То, что я увидел, было совершенно неожиданным. Оба генерала были одеты весьма просто и не носили никаких военных знаков отличия, за исключением генеральских красных лампасов на брюках (сразу же упомяну, что из генералов — членов Президиума КОНР-а только один Жиленков носил полную немецкую форму генерала). Внешним видом оба генерала резко контрастировали друг другу: Власов был высок, более 2-х метров, и худ, Малышкин же среднего роста с наклонностью к полноте. Оба имели военную осанку, типичную для кадровых военных. Обращало на себя внимание и запоминалось лицо Власова. Высокий лоб, волевая напряженность мускулов, широкие роговые очки, придававшие ему профессорский вид. Его глаза проникали вам в душу и внушали доверие. На этого человека можно было положиться. Я сам был свидетелем обаятельности его личности, когда видел остовцев, бросавших целовать ему руку. Внешнее впечатление усиливалось его приятным голосом, отчетливо выделявшим каждое произносимое слово. Этот крестьянский сын, поднявшийся только благодаря своим личным способностям от стрелка до командира армии, был одним из тех самородков, которые в своё время построили великую Россию. Нет ничего удивительного в доминировании Власова над окружающими его людьми. К примеру, даже сейчас, спустя 33 года, я сохранил в памяти как его самого, так и многие детали нашей беседы; воспоминание о Малышкине во время первого свидания почти изгладились из моей памяти. А ведь Василий Федорович был тоже незаурядным человеком. Он был не только выдающимся военным специалистом, но и всесторонне образованным человеком, одним из немногих генералов, владевших иностранными языками. Его любовь к поэзии была известна всем товарищам по работе.

Основной темой беседы была принципиальная возможность выступления русских на стороне Германии против сталинской клики (выражение Власова), не принимая ни бредовых расистских теорий, ни человеконенавистничества, возвещенных Гитлером и нацизмом. Хотя А. А. в отношении политического устройства будущей России стоял на непредрешенческих позициях («пусть народ сам решает, чего он хочет»), он сам был убеждённым демократом и поборником свободных гражданских прав. Поэтому его политическое кредо было прямо противоположно нацистской идеологии. Главным аргументом в пользу вышеупомянутого выступления, по мнению Власова, были исторические факты подобных союзов между государствами с различными политическими системами с целью борьбы с общим врагом. «За примерами не надо далеко ходить, — добавил он, — союз демократических стран со Сталиным яркое тому доказательство». Затем Андрей Андреевич указал, что Германия вступила в полосу неудач на всех фронтах, и что немцы начинают понимать, что без помощи самого русского народа им Сталина не одолеть. «Правильно сказал наш Чехов — если зайца долго бить, то он спички научится зажигать», — добавил он с усмешкой. (Вот тебе и советский генерал, подумал я, даже Чехова читал!).

Все эти аргументы были весьма убедительны и отвечали мыслям антикоммунистов. Увы, уже тогда Власов и все мы начали впадать в ошибку, отождествляя Гитле-

ра с германским народом, предостерегая одновременно от отождествления Сталина с народом русским. Ни один из этих вождей народов их не представляет и с их мнением меньше всего считается. Многие рядовые немцы и представители интеллигенции были настроены в пользу поддержки инициативы Власова, но не желавший слушать ни о каком компромиссе, фанатик Гитлер был против, не позволив Освободительному Движению развиться в то, каким оно должно было быть. Из протокола заседания в ставке Гитлера, два месяца спустя после моего первого свидания с Власовым, читатель позже узнает, что в это время Гитлер и в мыслях не имел изменить своё отрицательное отношение и к Власову, и к его идее. Но все мы в то время блуждали в полном мраке, ощупью пытаясь найти правильный путь.

Зная, что Власов и Малышкин были членами партии, я в конце нашей беседы задал им вопрос, как они себе мыслят участие коммунистической партии в политическом устройстве будущей России.

«Ведь вы знаете, — добавил я, — что большинство бежавших на Запад считают не одного Сталина и его клику виновными в установлении в СССР тоталитарного режима удушения свободной мысли и гражданских свобод. Главная ответственность и за разгон Учредительного Собрания, и за красный террор лежит на партии большевиков в целом и её вожде и инициаторе — Ленине. Антибольшевики никогда не согласятся, сбросив одних коммунистов, посадить себе на шею других в любых вариантах». (Термина «коммунизм с человеческим лицом» тогда ещё не существовало).

Андрей Андреевич сказал: «Да, я был членом партии, и вступил в неё не из-за того, чтобы добиться выгод, а потому, что я поверил в коммунистические идеалы. Жизнь и война меня убедили, что последние только утопия, и на практике они неумолимо вызывают те отвратительные формы правления, свидетелями коих мы все были. Поэтому, как бы красивы и увлекательны ни были идеалы коммунизма, о них можно только говорить в школах и университетах, но никак нельзя допускать их практического осуществления. Мы с Василием Федоровичем больше не коммунисты. Все вышесказанное мы надеемся с помощью всех противников коммунизма изложить в Манифесте, разработка которого уже началась».

Все эти примечательные пункты беседы я записал, но они и без того до сих пор свежи в моей памяти. На прощанье А. А. пригласил меня принять участие в организуемом Освободительном Движении и обещал войти со мной в связь, когда оно будет официально оформлено.

Беседа с генералами произвела на меня большое впечатление и я решил всячески поддержать их инициативу. Однако, киевский опыт работы с нацистами больших надежд на успех не внушал.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИЕВ. ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ НАДВИГАЮЩЕЙСЯ КАТАСТРОФЫ

Доставить в Киев клетки с экспериментальными животными мне удалось без всяких затруднений, каждый пассажир с охотой помогал мне переносить их из вагона в вагон. А также теперь мы были обеспечены перевивочным материалом по крайней мере на год.

Между тем, ситуация на фронтах продолжала ухудшаться. Ничего хорошего это приближающееся поражение Германии не сулило, т. к. большевики волею судеб превратились в союзников демократии, и их власть над народами России закреплялась всерьез и надолго. Как ни парадоксален сам по себе этот факт, но нацисты — кровные враги наших народов, оставались нашей единственной опорой в борьбе с большевизмом.

Моё свидание с Власовым и Малышкиным побудило меня обратить большее внимание на начавшееся развиваться Освободительное Движение. Пораженческие настроения в среде советских военных возникали совершенно стихийно. Те неуклюжие попытки пропаганды, которые нацисты предпринимали в этот период, достигали скорее обратных результатов. Чего стоят такие листовки, сброшенные с аэропланов в тылу, как «Бей жида-политрука, рожа просит кирпича», либо пропуска для свободного перехода на немецкую сторону? Немцы скоро убедились, что на вышеприведенных пропагандных лошадках далеко не уедешь и стали искать более серьёзного подхода, каковой они нашли в лице генерала Власова.

Подробно анализировать идеологические, стратегические и тактические основы Освободительного Движения

Народов России (ОДНР), часто называемого «Власовским», будем позже. Теперь же расскажем о тех первы листовках за подписью Власова, которые я увидел по возвращению в Киев. Первая из них была датирована сентябрем 1942 года и гласила:

«Я, нижеподписавшийся ген.-лейт. А. А. Власов, бывший командующий Второй ударной армией и заместитель главнокомандующего Волховского фронта, являюсь сегодня военнопленным № 16901 и нахожусь в Германии.

В Красной Армии я поднялся от стрелка до командира. Я был командиром 9-й стрелковой дивизии, которая по своей подготовке занимала первое место в Красной Армии. Во время войны я командовал 27-й армией. Свыше двух месяцев я защищал Киев. После разгрома Юго-Западного фронта, я, согласно приказу Сталина, с боями пробился из окружения. Под моей командой 20-ая армия защищала Москву в труднейших условиях и, перейдя в наступление, взяла Солнечногорск и Волоколамск. Наконец, я, командуя 2-й Ударной армией, находясь в окружении, продолжал борьбу до крайней возможности. Продолжая драться, я попал в плен. Перед лицом безмерных страданий нашего народа в этой войне, и тяжело страдая от наших военных неудач, передо мною стал естественный вопрос: «Кто несёт за это вину?».

Если оглянуться на 12-15 предвоенных лет, поневоле приходишь к выводу: во всём этом несчастье виновата только сталинская клика. Она разрушила страну своей колхозной системой, она уничтожила миллионы честных людей, она убила в 1937-38 годах лучший костяк армии. Широко развивая низкопоклонство и сея недоверие, при помощи лживого воспитания и образования, она растерзала народ и армию. Каждая живая мысль в народе была задушена. Эта сталинская клика ввергла страну своей авантюрной политикой в ненужную и бессмысленную войну за чуждые ей интересы. Теперь, после того как она потеряла поддержку масс, она ведет страну к поражению. Она разрушила аппарат управления и разорила хозяйство. Германские армии, после взятия Крыма и уничтожения Юго-Западного фронта, вышли к Волге и, не встречая серьезного сопротивления, заняли Северный Кавказ. Бойцы, не желая больше драться за чужие интересы, бросают оружие и снаряжение и сдаются в плен.

Сталинская клика не в состоянии организовать дальнейшую защиту страны. Не видя перед собой исхода, она пытается только удержаться у власти. Гибель миллионов людей и уничтожение столетиями накопленного народного достояния — такова цена этого управления. Непрерывно пускаются в бой всё новые, наспех сколоченные, неподготовленные и безо всякого плана, боевые комплекты.

Положение офицеров на фронте безнадежно. Сталинская клика подсовывает им вину за неудачи. При этом, офицер связан в своих действиях комиссаром, политотделом и НКВД, которые ровно ничего в военных делах не понимают. Очень часто честные люди — офицеры, инженеры, врачи, учёные — не видя выхода из положения, прибегают к самоубийству.

На Родине полный хаос и всё растущая небывалая разруха.

Многие миллионы погибают от голода, прежде всего — ваши семьи, которые оставляются правительством и местной властью почти безо всякой помощи.

Сталинская клика сильно надеется на помощь Англии и Америки и на открытие второго фронта. Большинство из вас хорошо знает, что политика Англии и Америки — это драться до последнего русского солдата и их руками таскать каштаны из огня, измотать Германию при помощи русских, за всё это обещая русским открыть мифический второй фронт.

Обернитесь назад и взгляните на историю. Это не в первый раз, когда русский народ проливает свою кровь за англо-американские интересы.

Лживая пропаганда хочет запугать вас рассказами о фашизме, о расстрелах и жестокостях в немецком плену. Она распространяет сведения о голоде и исчезновении германских резервов. Миллионы пленных могут засвидетельствовать прямо противоположное. Они воспринимают Германию так, какой она является в действительности, где война вовсе не ощущается, где каждый солдат может по меньшей мере провести свой отпуск в своей семье.

О немецкой культуре, организации и дисциплине не стоит говорить — это давно всем известно.

Где же выход из этого тупика, в который сталин-

ская клика завела нашу страну? Есть только один выход, другого история не дает. Кто любит свою Родину, кто хочет счастья для своего народа — тот должен всеми силами и всеми средствами включиться в дело свержения всем ненавистного сталинского режима, тот должен способствовать созданию нового антисталинского правительства, тот должен бороться за окончание преступной войны, ведущейся в интересах Англии и Америки, за честный мир с Германией.

Лучшие люди страны, как находящиеся в местах, остающихся в руках у Сталина, так и находящиеся в плену, думают, а частично уже и работают в этом направлении. Дело теперь за вами.

Бывший командир 2-й Ударной Красной Армии
Генерал-Лейтенант ВЛАСОВ.

Сентябрь 10, 1942
Винница.»

Я привел полностью этот в некотором роде примечательный документ, в составлении которого Власов, несомненно, принимал непосредственное участие. Жаль, что я о нём не знал во время нашего свидания в Берлине. Прежде всего — ясно, что в момент его обнародования Власов не имел представления ни об истинном положении внутри Германии, ни о ситуации на фронтах, находясь всецело под впечатлением немецкой военной мощи, позволившей так легко разгромить Красную Армию. Это восприятие мешало ему объективно и трезво оценить военную и политическую ситуации. Можно не сомневаться, что он не знал об истинном положении в лагерях военнопленных и полагался на информацию военных немецких советников, вольно или невольно давших ему неправильные сведения. Я уверен в том, что в 1944 году он с такими словами к военнопленным не обратился бы. Иронией звучат теперь слова листовки о том, что в Германии войны не чувствуется. Год спустя руины в больших городах Германии говорили сами за себя.

Фразеология листовки показывает, что Власов основное зло видит в руководстве «сталинской клики», как её называет. В то время Власов, очевидно, ещё не излечился от своих партийных иллюзий. И, наконец, выпады

листовки против англичан и американцев, совершенно необоснованные и сделанные, несомненно, по настоянию немецких друзей, принесли огромный вред и ему, и ОДНР. И всё же, несмотря на указанные недостатки, нельзя не признать, что листовка для того времени имела огромное политическое значение. Впервые за всю историю ВКП(б), политическому руководству партии и её вождю Сталину был брошен вызов членом партии, достигшим высот коммунистического Олимпа и притом брошен не «буржуазным или капиталистическим выродком», а крестьянским сыном, которого никак нельзя было причислить к классово-враждебным элементам. Оставалось ждать дальнейшего развития событий, надеясь на то, что Власов и иже с ним поймут, в конце концов, кто главный враг.

ЛЕТО 1943 г. ПРИЗНАКИ ЯВНОГО СПАДА ГЕРМАНСКОЙ МОЩИ. БЕГУЩИЕ «ТЕНОРА».

Хотя главная квартира Гитлера, по-прежнему, время от времени продолжала фанфарами и трубами сообщать о победах германского оружия, все те, у кого были глаза и уши, могли видеть и слышать о симптомах заката немецкого военного превосходства. В недавнем прошлом победоносные армии безнадежно толклись на месте под Сталинградом и в Африке, в то время, как здешние нацисты с нескрываемым беспокойством ожидали высадки союзных войск в Европе.

Воздушные бомбардировки усилились настолько, что порой приходило на ум то, что они одни могут решить исход войны. Летом мы узнали об отставке Бенито Муссолини и о последовавшей вскоре (в июле) высадке союзных войск в Сицилии. Осенью стало известно о капитуляции Италии, хотя немцы на её территории и продолжали борьбу.

Отголоски выхода Италии из войны мы увидели в конце лета этого же года в Киеве, когда город наводнили итальянские солдаты, ушедшие с фронта под Сталинградом.

Комендантом Киева был издан строгий приказ,

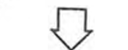
запрещающий населению под страхом суровых кар оказывать какую-либо помощь беглецам. Находясь в безвыходном положении, итальянцы продавали всё, что могли, включая ружья и пулемёты; предлагали выполнять любые работы и даже пели, чтобы заработать на хлеб. Передавали, что один из них спел арию из Риголетто — «Сердце красавицы» с таким чувством и таким прекрасным голосом, что растроганная миловидная торговка, хотя ни слова не поняла, отвалила певцу кучу своих товаров. Отсюда и название «бегущие тенора», которыми киевляне окрестили этих трубадуров. Так или иначе, но этим детям солнечного Юга пришлось плохо, и сердобольные киевляне, несмотря на запрет, помогали им, чем могли.

Неожиданно скоро вслед за итальянцами пришла и наша очередь.

Автор и Е. Боголюбов.

Автор на фронте в 1916-ом году.

1946. Сеанс одновременной игры в Бад Вильмсгофене. Один из трех выигравших у автора, был наш соотечественник Ю. Семенко.

Удостоверение об «обесвшивливании» обязательное для каждого въезжавшего в Германию во время войны.

E-Schein

Entlausungsschein

Der Inhaber dieser Bescheinigung

Professor Bohatyrtschuk

(Dienstgrad) (Name) (Feldpost-Nummer)

Bohatyrtschuk

(Leserliche, eigenhändige Unterschrift des Inhabers)

ist heute hier entlaust worden.

Er ist frei von ansteckenden Krankheiten und Ungeziefer und somit zur Benutzung der vorgesehenen Beförderungsmittel zur Erreichung seines Bestimmungsortes zugelassen.

Die Bescheinigung ist in das Soldbuch einzulegen und auf Verlangen den Überwachungsorganen der Wehrmacht vorzuzeigen.

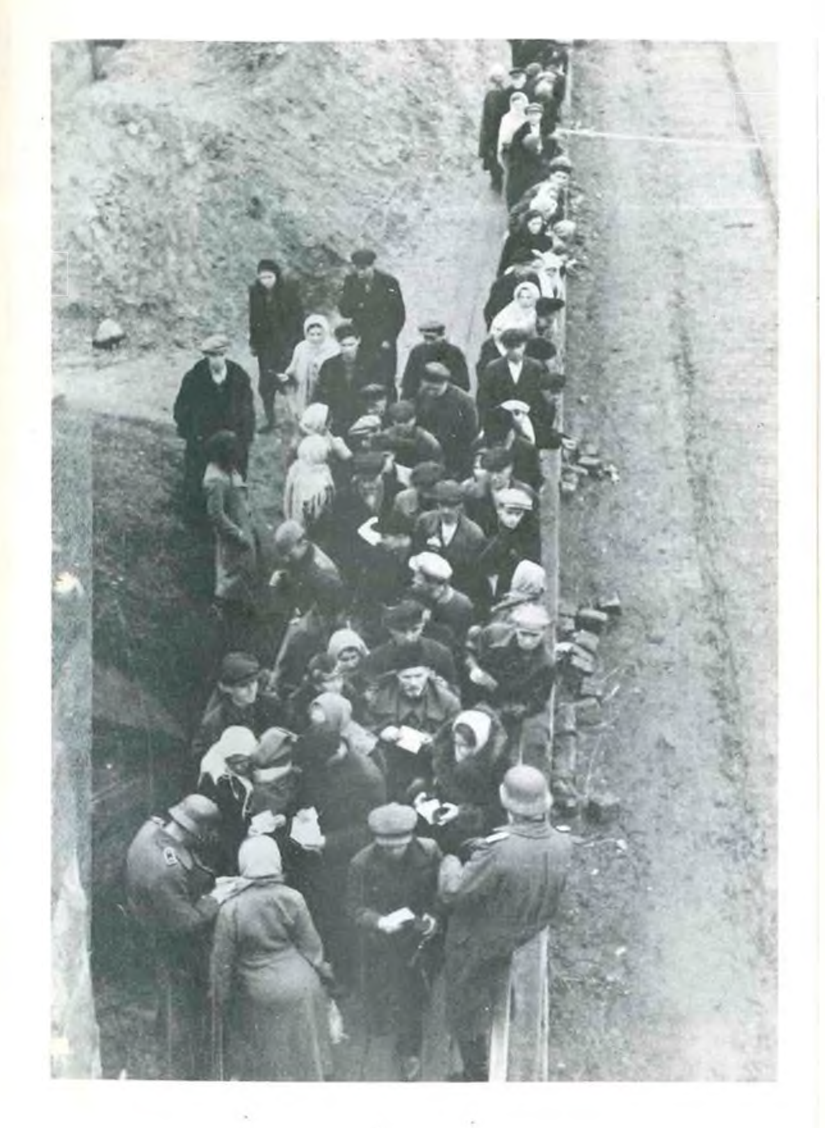
11. April 1943

Tagesstempel

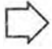
ENTL... UNGS
AN...

Stempel der Entlausungsanstalt

5000 003 DRB 11 41

1932. Безнадежность. Украинка с сыном, приехавшие в Киев в поисках хлеба во время голода и насильственной коллективизации.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВВЕДЕНИЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КОММУНИЗМЕ И РОДИНЕ.

Как было указано раньше, воспитанный на либеральных идеях российской интеллигенции, я в начале десятых годов считал (и продолжаю с некоторыми поправками считать и поныне) демократический строй наилучше обеспечивающим народу его права на свободу и справедливость в пределах им самим установленных законов. При этом строе народ сам выбирает своих пра-

— Страшен чёрт, да милостив Бог, — отвечал я, приводя в бешенство будущих подлабузников.

Я не знаю, что сталось с ними. Вполне возможно, что даже им самим не помогли гарантии вышестоящих партийцев, и что они доживают свои дни в тех местах, «куда вителей, исполняющих его волю, а не навязывающих ему свою. Именно такой строй все либералы, включая меня, мечтали установить в послереволюционной России, смертельно боясь, что правые реакционеры помешают осуществлению нашей мечты. Однако, опасность пришла со стороны ультралевых элементов, которые вопили о подавлении свобод реакционным царским правительством. Разогнав законное избранное Учредительное Собрание и силой захватив власть, Ленин и его соратники одели на шею народов России ярмо, во много раз худшее, чем то, какое бывало в самые реакционнейшие царские времена. Опьянённые властью и кровью действительных и воображаемых врагов, большевики превратились в тот тип двуногих, о которых ницшевский Заратустра сказал: «Человек — это стыд и позор, и его надо преодолеть».

Вдвойне тяжело было покидать родину, оставляя свой народ во власти этих непрошенных благодетелей, но иного выхода не было. Там при большой удаче мы могли только выжить, в свободном же мире была, хотя бы и маленькая, но всё же возможность помочь ему.

Большевизм вытравил из нас всякий патриотизм, превратил когда-то столь любимую родину в страну, где возвеличивают чекистов, стреляющих в затылок нашим братьям и сестрам, и где ставят памятники павликам морозовым, выдающим своего отца на расправу кремлевским палачам.

Поезд уносил нас всё дальше и дальше от родной земли, приближая с каждым километром к тому неизвестному, что нас ждало впереди. Однако, прочь тоска, прочь печаль — ведь драгоценный Божий дар — наша жизнь ещё ощущается в биении сердца, мыслях и желаниях, и пока она есть, печалиться нечего и нужно брать от неё всё, что возможно.

НАЧАЛО СТРАНСТВОВАНИЙ В КАЧЕСТВЕ «ПЕРЕМЕЩЁННЫХ ЛИЦ». ПЕРВАЯ ОСТАНОВКА — КРАКОВ.

Возвращаясь домой в один из тех тёплых осенних дней, которыми так славились киевские погоды, я обратил внимание на шеренги грузовых автомобилей, медленно ползущих по гористым улицам нашего города. Сердце у меня ёкнуло. На сосредоточенно-хмурых лицах солдат, сидевших в машинах, было ясно написано, что дело плохо, и волна отступления скоро докатится до Киева. Явно начинался тот перелом в военном счастье, который привёл через неполных два года к сокрушительной победе западных союзников и, увы, их «друга» — доброго «дяди Джо».

В один из следующих дней был получен приказ об эвакуации. В тот же день на улицах Киева появились сообщения военных властей о превращении Киева в крепость, которая будет служить опорным пунктом армии. По этой причине населению предлагалось покинуть город и либо уйти, куда заблагорассудится, либо ехать на Запад в приготовленных для этой цели поездных составах.

Я отдал приказ об эвакуации по Институту, ещё не решив окончательно, как самому поступить. В тот же день ко мне явились два молодых технических работника Института и заявили, что они — члены подпольной коммунистической ячейки и гарантируют мне лично полную безопасность в том случае, если я останусь в Киеве.

Вскоре после них пришёл заведующий хозяйством Института и предложил мне и моей семье убежище в одном из пригородов Киева, где у него имелся небольшой домик.

И, наконец, из Генерального Комиссариата сообщили, что предоставляют Институту пять вагонов для эвакуации служащих и их ручного багажа. Словом, у меня была возможность выбора — «или-или», как говорил Вольтер.

Вечером на семейном совете мы начали обсуждать все эти предложения. В сущности говоря, при всех них мы были вынуждены волею судеб, фигурально выражаясь, прыгать в неизвестное.

Конечно, менее всего можно было полагаться на реальность гарантий безопасности со стороны коммунистической ячейки. Зная ситуацию в СССР, мы не имели сомнений в том, что только один Сталин мог бы дать такие гарантии, да, по совести говоря, я бы и ему не поверил. И что нас всех ждало бы в случае, если бы мы решили остаться? В лучшем случае — продолжение прежнего беспросветного существования, да ещё с клеймом «фашистского коллаборанта». В моём и моей жены возрасте на это мрачное будущее, во второй половине жизни, ещё можно было бы кое-как пойти, но для молодых бегство из советского рая сулило шансы найти свободную жизнь в свободной стране.

Было решено ехать... Как ни покажется странным, но в нашем решении уехать нас очень ободрила наша молодая домашняя работница Варя, заявившая, что она хочет разделить нашу судьбу и поедет вместе с нами. А ей то было труднее всего: кроме украинского и русского, она никаких языков не знала и оставляла на Украине своих близких. Я рад тому, что ей удалось во время наших скитаний найти своё счастье.

Самым неприятным промежуточным этапом нашей эскапады нам представлялась Германия в её современном нацистском оформлении. Но, ведь, ничто не вечно под луной, и развивающиеся события позволяли надеяться на то, что гитлеризм доживает свои последние дни.

Когда я на следующий день объявил о своём желании ехать, то те, которые решили эвакуироваться, очень обрадовались, те же, кто подпал под влияние коммунистической ячейки, не скрывали своей враждебности.

Меня даже стали пугать тем, что партизаны спустят под откос и наш поезд, как это делается со всеми предателями.

— Страшен чёрт, да милостив Бог, — отвечал я, приводя в бешенство будущих подлабузников.

Я не знаю, что сталось с ними. Вполне возможно, что даже им самим не помогли гарантии вышестоящих партийцев, и что они доживают свои дни в тех местах, «куда Макар телят не гонял». Во всяком случае, я уверен в том, что им жилось и живется хуже, чем тем счастливцам, которые вырвались из ленинско-сталинских тенёт.

Наших вагонов было достаточно не только для сотрудников, решившихся отряхнуть прах коммунизма от ног своих. В отдельном вагоне ехали хладнокровные экспериментальные животные. Последние, состоявшие под опекой четы Брунст, были особенно драгоценным научным сокровищем, ибо столь совершенных экспериментальных опухолей не имела ни одна патологическая лаборатория в мире. Эти прожорливые земноводные ящерицы (т. н. аксолотли) съедали не менее фунта свежего мяса в день, достать которое в тех полуголодных условиях, в которых мы жили, было возможно только благодаря героической настойчивости Брунстов. Аксолотли проехали не только через всю Европу, добравшись в целости и сохранности до Мюнхена, но и переехали через океан, найдя своё пристанище в Экспериментальном Раковом Институте г. Баффало в США.

В этом учреждении сыновья, внуки и правнуки киевских благодетелей человечества пребывают по сегодняшний день. Я не ошибусь, если скажу, что эти труженики на благо науки подарили онкологии (наука о раке) не менее двух сотен работ, посвящённых разным проблемам опухолей. И притом никаких жалоб с их сторон на плохое обращение не поступало. Я знаю, что у Брунстов были плохие времена, когда приходилось туго затягивать пояса на животиках, но у аксолотлей подобных лишений не было.

Среди теплокровных животных экспериментального вагона была жирная овца, распростившаяся с жизнью в трудный момент нашего путешествия. Кстати, аксолотли к овечьему мясу питали непонятное для нас отвращение и не лишили всех нас наших законных порций.

В памятный день, 23-го сентября 1943 года, наш бронепоезд покинул родной Киев и отправился в неизвестное будущее, двигаясь черепашьим шагом по нашей любимой Украине. Бронепоездом он мог называться потому, что впереди паровоза шла прицепленная платформа, груженная железнодорожными рельсами, а на платформе восседали двое солдат, зорко вглядывавшиеся в даль насчёт возможных появлений партизан. Поэтому и ехали только днём и потому шли таким шагом, которому не страшны никакие повреждения путевых рельс. Слава Богу, в те времена до современных взрывчаток ещё не додумались, не то б лежали мы вместе с аксолотлями на припутевых откосах.

Так, примерно, через неделю, доехали мы до древней столицы Великой Польши — Кракова. Стояли мы на вокзале несколько дней. В это время Брунсты делали попытки задержаться в этом привлекательном городе. И, о чудо! На сей раз аксолотли с лихвой отплатили за съеденное ими мясо. Остатки нашего Института были приняты в состав «Института Восток», который находился в Кракове.

Директор этого Института, д-р Питч, и его заместитель, д-р Гирш, прониклись к нам симпатией и предоставили нам с аксолотлями убежище в своих стенах. До сих пор мы только читали о настоящих жрецах науки, давших Германии славу научной столицы мира. Теперь мы их увидели.

Наши директора были одними из таких беззаветных тружеников. Специалисты по химии, они собрали и приютили в стенах Института целый конгломерат русских ученых других специальностей, бежавших от высокого покровительства большевиков. Среди них были биологи, медики, архитекторы, геологи, химики, историки и представители ещё многих неслыханных мною доселе специальностей гуманитарного цикла. Словом, это был настоящий муравейник жрецов науки, в котором каждому было место и дело.

В перенаселённом Кракове наши директора достали нам помещение для жилья в закрытом нацистами Университете имени Коперника и мы целый год жили и работали под их крылышками. Они же выхлопотали удостоверения личности для чужеземцев, приравненные к нан-

сеновским паспортам и дававшие право на получение немецких продуктовых карточек.

Парадоксальное было время хотя бы потому, что мы получили возможность продолжать нашу научную работу в лабораториях, в которых ранее работали высланные в концлагеря польские профессора.

С польскими научными работниками мы установили дружеские отношения, и они великолепно понимали наше двойственное положение, относились к нам с искренней симпатией. Этого никак нельзя сказать о поляках неинтеллигентных профессий, считавших нас коллаборантами нацистов. Подобно чехам (об этом позже), эти простые сердцем люди ждали прихода большевиков, не зная, что те наденут им на шею ярмо, отнюдь не лучшее, чем нацистское.

Краков был воистину хлебной жемчужиной в Восточной Европе. На базарах было такое изобилие продуктов, которого мы не видели ещё с царского времени. Причем, цены были доступными даже для наших карманов. То, что где-то бушует война, давало себя знать по полицейскому часу, запрещавшему появляться на улицах после 8 часов вечера. Бедные поляки чувствовали войну много тяжче. Несмотря на изобилие продуктов, у них не было денег для покупок. Гордая и самолюбивая нация должна была, стиснув зубы, взирать на нацистские художества... и терпеть, сдерживаемая в своих протестах длинными списками заложников, расклеенными по стенам домов. Время от времени из списка вычеркивались десятки, а то и больше фамилий. Это означало расстрел этих невинных жертв в отместку за убийство или поранение представителей власти. А однажды, несколько десятков заложников было расстреляно у стены дома, рядом с которым было убито два немецких полицейских.

На следующий день на месте расстрела появилось несколько зажженных свечей. Как ни бесились нацисты, стараясь убрать свечи, невидимые руки доставали и зажигали их вновь.

Работы было сравнительно немного, и я решил заполнить досуг шахматами. Мне сообщили, что немецким чемпионом города является д-р Валькер, переехавший сюда из Прибалтики. Как многие балтийцы, он вполне принял русскую культуру, прекрасно говорил по-русски и далеко не был поклонником Гитлера.

Как я узнал потом, в его гостеприимном доме часто останавливались: чемпион Мира и Франции А. А. Алёхин и чемпион Германии Е. Д. Боголюбов, наезжавшие нередко сюда, чтобы подкормиться на краковских хлебах.

Полякам было в шахматы играть, по сути говоря, запрещено, ибо они не имели права устраивать свои турниры, а в немецкие их не допускали. Познакомившись с доктором Валькером и заявив ему о своём пребывании здесь, мне предстояло преодолеть первое препятствие — полицейский час, ибо во всём мире в шахматы играют, главным образом, по вечерам.

С помощью Валькера эта помеха была легко устранена, и я получил ночной пропуск. Правда, жутковато было возвращаться поздним вечером по пустынным улицам. Неровен час, могли меня принять за подвыпившего немца и на мне «отомстить» за все то горе, что причиняли представители «высшей расы». Но, в общем, всё обошлось благополучно.

Чтобы показать польским шахматистам своё сочувствие к их положению, я предложил дать им сеанс одновременной игры. Сеанс состоялся в помещении редакции газеты «Краковский голос». Сыграл я с неплохим результатом, но был удовлетворен не столько им, сколько дружеской реакцией польских шахматистов на моё выражение симпатий к ним. О ней я узнал из небольшой заметки в той же газете. Но самое приятное было то, что 30 лет спустя у меня в гостях был краковчанин, участник тогдашнего сеанса, снова мне повторивший о подъёме настроения у шахматистов, вызванном моим сеансом, и привезший вырезку из газеты с упомянутой выше заметкой. Это, конечно, мелочь, но для меня очень приятная. Между прочим, мой гость был хорошим игроком и даже выиграл у меня в хорошем стиле одну из партий, которые я с ним сыграл в Оттаве.

В начале 1944 года в Краков приехал Боголюбов, которого я не видел с 1925-го года. С приходом Гитлера к власти он, несмотря на свой брак с коренной немкой, начал испытывать большие затруднения благодаря своему не немецкому происхождению. Его, к примеру, не приглашали во все клубы, и это чувствительно отражалось на его заработках. После объявления войны его положение ещё более ухудшилось и отразилось даже на двух

его дочерях, которых не принимали в университет. Когда Боголюбов предложил свои услуги для обслуживания раненых военных шахматистов, то ему было прямо заявлено, что он может получить место такого шахматного инструктора только в том случае, если вступит в нацистскую партию.

Ни для кого не было секретом, что Е. Д. не любит большевиков, но мало кому было известно, что он с не меньшим отвращением относится к бредовым идеям Гитлера. Долго крепился Ефим Димитриевич и, наконец, решился вступить в партию, оставаясь только формально её членом. Но тут новая проблема: потребовали, чтобы он в петлице пиджака носил значок свастики. Случай помог ему избавиться от этой неприятной обязанности.

Однажды, когда Боголюбов давал сеанс одновременной игры в госпитале, какой-то раненый солдат изловчился и сорвал опостылевшую свастику с груди Е. Д. С тех пор Боголюбов перестал носить значок, чтобы не давать повода к повторению подобных инцидентов. Так или иначе, но в Кракове и позже, в Радоме, Е. Д. значка не носил.

Самое же важное для счастливого отца было достигнуто — обе его дочери были приняты в Университет. Я могу лишь подтвердить, что Боголюбов только формально был членом партии. В чемодане, в котором он возил комплекты шахмат для дачи сеансов, у него хранился также радиоприемник, на котором он слушал милые его сердцу английские сводки о военных неудачах нацистов. Как я их слушал вместе с ним, скажу позже.

От Боголюбова я услыхал также о злоключениях Алёхина. После завоевания Франции, нацисты стали нажимать на чемпиона Мира в не меньшей степени, чем на чемпиона Германии. А. А. был женат на богатой американке, и супруги имели поместье вблизи Парижа, в котором была богатая коллекция картин и других предметов искусства. Вилла была реквизирована оккупантами, и в ней жил какой-то важный эсэсовский чин, а хозяевам из милости было разрешено занять несколько комнат на задворках. Алёхин имел все основания бояться, что вся его коллекция уедет в один прекрасный день вместе с упомянутым высоким чином к берегам Рейна. С другой стороны, будучи шахматным профессионалом, он нуждался в разрешении на поездку по оккупированной Европе. И для получения последнего, и для обеспечения сохранности своего имущества, требовалось в чем-либо снискать расположение нацистов. Последние были великодушны и не заставили его, как Боголюбова, вступить в партию, но предложили написать что-либо на антисемитскую тему. Почему Алёхин согласился уступить — никому неизвестно, и всякие догадки о мотивах были бы плодом досужей фантазии. Зная Алёхина, я могу лишь высказать уверенность, что, будучи любящим свободу космополитом, он никак не мог разделять гитлеровских расистско-тоталитарных тенденций. Так или иначе, но его статья в нацистском журнале «Евреи и шахматы» лила воду на мельницу бредовых идей Гитлера. Эту статью я сам читал и подпись Алёхина под ней видел. Основное положение статьи, что евреи любят шахматы только из-за жажды обогащения, в опровержении не нуждается, настолько оно несправедливо и смешно. Но нацистам статья понравилась, и Алёхин получил разрешение для поездок.

Однако, вторая надежда — спасти свою коллекцию — не оправдалась. Эсэсовец дочиста ограбил виллу и увёз с собой в Германию все её ценности. Ясно, что опус Алёхина не понравился французам и после падения Рейха А. А. был вынужден покинуть Францию и переселиться в Испанию.

Он умер непобеждённым чемпионом Мира в начале 1946 года в португальском городке Эскориал вблизи Лиссабона. Официальная причина смерти — сердечный припадок (вскрытия тела произведено не было, что дало повод различным необоснованным слухам).

Через десять лет его прах был перевезён в Париж, где на кладбище Монпарнасс над могилой воздвигнут памятник. Так исчезает мировая слава (Sic transit gloria mundi), сравнявшая смерть гения с уделом обычных смертных.

Я СНОВА БЕРУ В РУКИ ШАХМАТНЫЙ МЕЧ. РАДОМ И ПРАГА.

Я получил приглашение участвовать в турнире чемпионата Польского Генерал-Губернаторства (так тогда называлась оккупированная Польша).

Турнир состоялся в феврале 1944 года в г. Радоме. Польские шахматисты, конечно, допущены не были, так что чемпионат носил в некотором роде куцый характер. Боголюбов пытался добиться приглашения нескольких польских мастеров, но получил решительный отказ. Чемпион Германии без труда одержал победу, я был вторым. Мы с Боголюбовым жили в одной комнате гостиницы и по ночам иногда занимались тем, что вытаскивали из шахматного чемодана Е. Д. заветный радиоприемник и принимались слушать иностранные радиопередачи. Слушали, конечно, в наушниках, ибо не хотели попасть в Гестапо. Выслушав некоторые из них, Боголюбов принимался в ярости бегать по комнате и отпускал по адресу его партии и любимого вождя такие комментарии, каким не место в печати. Он не прошел советской школы, всегда, при всех обстоятельствах держать язык за зубами.

За время турнира я хорошо познакомился с истинной политической и военной ситуацией и не имел сомнений, что конец Гитлера не за горами.

По возвращении в Краков, я вскоре получил приглашение сыграть серию партий, по одной с каждым из семи сильнейших шахматистов Праги. Я давно хотел побывать в этом историческом городе и поэтому согласился приехать.

Приняли меня шахматисты с исключительным радушием, и я до сих пор сохранил об этом визите самые лучшие воспоминания. Я выиграл пять партий и две сделал ничьи. Проигравший мне тогдашний чемпион Праги, Л. Пахман, вёл себя по отношению ко мне вполне дружелюбно, хотя даже и в то время он не мог не знать о причинах моего бегства из СССР.

Поэтому несколько неожиданным для меня явился резкий выпад против моего письма в редакцию журнала «Чесс» (шахматы), о котором будет идти речь позже. Правда, я был поражён тогда прокоммунистическими настроениями в среде чешской интеллигенции. Польские интеллигенты тоже ждали большевиков, но по украинской пословице: «Пусть чёрт, только б иной!». Они не могли забыть, что демократическая Польша погибла благодаря сговору Сталина с Гитлером. Чехи от мала до велика ждали большевиков, как манны небесной. Все, с кем я говорил, включая сравнительно крупных капиталистов (к примеру — владельца нескольких многоэтажных домов), не могли понять, по какому праву коммунисты могут отнять собственность. Все разговоры о терроре они тоже считали либо пропагандой, либо были убеждены, что у русских коммунизм плохой, потому, что они, дескать, азиаты, а вот у нас, европейцев, коммунизм будет хорошим.

От этой святой простоты излечивает только собственный опыт. Теперь, надо полагать, чехи от своих иллюзий навсегда излечились.

В Праге есть что посмотреть туристам, и недаром чехи так влюблены в свою столицу. Уехал я никак не предполагая, что в ноябре этого же года я приеду сюда снова, чтобы подписать Манифест ОДНР.

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ КРАКОВСКОГО БЛАГОДЕНСТВИЯ.

В Кракове у меня в это время была отдельная квартира из трёх комнат, полученная, конечно, с помощью шахматистов; маловатая для семи человек моей тогдашней семьи, но всё же гораздо лучшая, чем общежитие. Квартира была в недавно построенном доме, диссонировавшим с краковской стариной. Любителям антиков в этом чудесном городе есть чем полюбоваться. В здании Городской Думы, называемом «Ратушей», на стене висят гербы городов, которыми когда-то владела Великая Польша. Среди них я увидел герб своего родного Киева — Св. Георгия Победоносца, пронзающего копьем змея. Как я слышал, лишенные чувства юмора большевики, сняли герб и отвезли его домой в Киев. По-моему в Краковской ратуше он выглядит много поэтичнее. Но, наряду с памятниками старины, были образцы и современного варварства.

Так, например, на окраине города находился концентрационный лагерь для евреев, обнесённый рядами колючей проволоки. У врат лагеря сидел вооружённый до зубов страж, символизирующий тупость варваризма. На улице лагеря, которую я видел через забор, весело играли обречённые дети обречённых родителей. Даже мне, уже видавшему виды, по счастью или случаю находив-

шемуся на свободной стороне забора, было жутко наблюдать эту живую картину Дантова ада. Язык не поворачивается, чтобы назвать такой лагерь проявлением большей гуманности, чем расстрел в Бабьем Яру...

МЫ СНОВА В ПОИСКАХ ПРИСТАНИЩА В РАЗБОМБЛЁННОЙ ГЕРМАНИИ.

В конце лета кончилось наше благословенное житие и нам заявили о предстоящем переводе Института в Германию, иными словами — захват Красной Армией Кракова — дело недалёкого будущего.

В это время тучи на политическом горизонте начали явно сгущаться. В третьей декаде июля мы узнали о покушении на жизнь Гитлера, произведённом группой немецких военных. Теперь уже ни у кого не было сомнения, что внутри Германии существовала значительная оппозиция Гитлеру и его бредовым идеям. Миф о единстве германского народа вокруг её вождя затрещал по всем швам. До нас дошли слухи о невероятно жестоких репрессиях не только против участников заговора, но и против их жён и детей. Но было ясно, что кровью этой политической катастрофы не смоешь.

Приказ о немедленном отъезде пришёл в начале августа столь неожиданно, что мы терялись в догадках о его причинах. Только позже мы узнали, что он был связан со вспыхнувшим в Варшаве восстанием.

Я уже успел подружиться с некоторыми краковскими врачами, и они предложили мне остаться, обещая спрятать на первое время так, что ни один большевик меня не найдет. В том, что они своё обещание выполнят, я не сомневался. Но ведь спрятать меня и мою семью от большевистских глаз можно было бы только «на первое время». А как со вторым, третьим и т. д. временем? Когда-нибудь ведь надо будет выйти на свет Божий. Я сердечно поблагодарил краковских коллег и стал готовиться к отъезду.

В начале нашего путешествия у нас не было места назначения. «Поедем туда, где Институт получит помещения для работы и жилья сотрудников», — заявил нам заведующий хозяйством Института г-н Шумахер. В тех

труднейших условиях, в которых мы тогда находились, он был («папа», как его окрестили сотрудники) настоящий маг и кудесник, достававший из своего цилиндра совершенно невероятные вещи. Однако, найти в разбомблённой и поверженной в руины Германии нужные для нас помещения было и ему не по силам.

В начале нашего путешествия, несколько городов выразили готовность приютить нас. Но события менялись с такой калейдоскопической быстротой, что по мере нашего приближения к намеченному городу, его успевали разбомбить, и мы вынуждены были двигаться дальше.

Последняя и самая длительная остановка была на станции П. по дороге в Киль, муниципалитет которого выразил согласие нас принять. Однако, приехав на эту станцию П., мы узнали, что и Киля не миновала общая участь, и он тоже не может нас принять.

Пока «папа» Шумахер вел переговоры по телефону и телеграфу с другими возможными городами, наш поезд жил своей жизнью.

Произошло одно радостное событие — наша Варя сочеталась гражданским браком с техником одного из отделений Института, бывшим советским военнопленным. Обряд брака совершал в своем вагоне наш «папа», устроивший в честь жениха и невесты великолепный прием с обильными возлияниями. Молодожёны решили в дальнейшем остаться в Берлине, а затем возвратиться на Украину, выдав себя за насильно вывезенных остовцев. Варе такая метаморфоза могла легко сойти с рук, что же касается её супруга, то он вполне мог угодить в один из пунктов Архипелага ГУЛаг.

КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА: БЕРЛИН — ГРЮНЕВАЛЬД ПОТСДАМ — БАБЕЛЬСБЕРГ.

Через несколько дней мы узнали, что ни один город весь Институт не может принять, и нет ничего лучшего, как ехать в Берлин.

Эта громадная столица, несмотря на значительные разрушения, причинённые бомбардировками, всё же имела помещений больше, чем любой другой город. Сотрудники были размещены вблизи Берлина в Грюневальде,

в охотничьем доме какого-то магната; часть отделов устроилась в уцелевших зданиях Берлинского университета, а другая часть мало-помалу пристраивалась в других местах.

С помощью тех же шахматных друзей, мне удалось получить комнату для себя и жены в Бабельсберге (около Потсдама), и мы вступили в берлинскую фазу нашей жизни.

Всего полтора с небольшим года прошло со времени моего последнего посещения Берлина, но какой ужасающий контраст с прежним величавым красавцем. Я не видел теперь ни одной улицы без разрушенных домов; отель, в котором я жил когда-то, был превращён в груду развалин, равно как и расположенный вблизи центральный вокзал. Весь город представлял собой какой-то дьявольский винегрет из беспорядочных куч кирпича, остатков былой архитектурной славы. И при этом много раз в течение дня и ночи — новые завывания сирен и новые разрушения. Теперь оставаться в домах в случае воздушной тревоги было очень опасно и надо было при первых звуках сирен бежать, сломя голову, в ближайшее бомбоубежище. А в это время небо полосовали огни прожекторов, прерываемых вспышками разрывающихся бомб и снарядов. Особенно жутко было появление осветительных бомб над теми районами, где требовались точные попадания. К световым добавлялись и слуховые эффекты от разрывов бомб и снарядов на фоне рокота разрушающихся зданий.

Несколько раз, бывая в городе, мне приходилось прятаться в центральном бомбоубежище вблизи зоологического сада. Это многоэтажное здание, построенное из бетона, вмещавшее в себя много тысяч человек, было снабжено элеваторами и многочисленным персоналом, поддерживавшим порядок. На крыше бомбоубежища были установлены мощные прожектора и орудия. От пальбы здание иногда сотрясалось, как в лихорадке, но его нельзя было существенно повредить даже прямым попаданием аэропланной бомбы. Тогда я себя чувствовал в полной безопасности, но сейчас мне жутко делается от мысли, что случилось бы с этим человеческим муравейником, если бы в него угодила атомная бомба. Ведь вполне

возможно, что её могли испытать не в Хиросиме, а в Берлине. Хорошо, что никому кроме немецких учёных не приходила в голову такая возможность, не то б чувствовали бы себя не столь уютно даже в таком совершенном бомбоубежище. Вообще счастье для человечества, что война остановилась вовремя, ибо известно, что германские учёные к моменту капитуляции Германии были весьма близки к изготовлению атомной бомбы, и успели только реализовать свои «научные достижения» в виде ракетных снарядов. Прогресс науки — великое дело, но, как у нас говорят на Украине: «Бодай його бис», когда он касается самоуничтожения человечества.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА С ВЛАСОВЫМ. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С МАНИФЕСТОМ ОДНР.

Вскоре по приезде в Берлин я узнал, что вокруг Власова стали группироваться, наряду с военными, и штатские лица и, притом, не только старые эмигранты, покинувшие Россию сразу же после большевистского переворота, но и новые оппозиционеры режима Ленина-Сталина, бежавшие во время второй мировой войны. Узнал я также, что группа выработала свою политическую программу, содержащуюся во второй листовке А. А. Власова, выпущенной во второй половине сентября 1942 года. Эту листовку я здесь не привожу, т. к. пункты её программы почти идентичны с программными положениями Манифеста.

Договорившись о встрече, я решил поехать к А. А., чтобы подробнее осведомиться о происходящем. Жил он в то время в окрестностях Берлина в пригороде Далем, не подвергавшемся бомбардировкам. У дверей дома — часовой в форме РОА. Я попал в свободную минуту и сразу же был принят. Власов встретил меня очень дружелюбно, он не забыл нашего свидания полтора с лишним года назад.

С того времени А. А. почти не изменился, хотя ему пришлось пережить не мало неприятностей. Настроение у него было бодрое, голос звучал твёрдо и уверенно. Его письменный стол был завален папками с документами. Неизбежная бюрократия поглощала сейчас не мало его времени.

— Ну, что ж, видите я был прав, немцы пошли на большие уступки и разрешают оформить наше Освободительное Движение, — сказал он, как всегда, убедительным тоном. — Я дам вам копию Манифеста, который мы предполагаем выпустить. Вы познакомьтесь с ним в соседней комнате, и затем мы продолжим нашу беседу, — добавил он, протягивая копию. Привожу его полный текст, выделив черным шрифтом его особо примечательные места, заслуживающие более подробных пояснений.

Текст гласит:

Соотечественники! Братья и Сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней своё счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войны народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель её — ещё больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всём мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революцию 1917 года народы, населявшие Русскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошёл за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоёванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на социальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожитель-

ства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять своё место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоёванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетённых.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупами сделать её оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, **наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.**

Всё это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остаётся при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — её бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. **Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению.** Поэтому усилия всех народов должны быть

направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоёванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почётного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу государственности народов России Комитет кладёт следующие главные принципы:

1. Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2. Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3. Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4. Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5. Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние; установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6. Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7. Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9. Обеспечение социальной справедливости и защиты от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10. Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11. Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12. Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вёл ли он её по убеждению или вынужденно.

13. Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сёл, фабрик и заводов за счёт государства.

14. Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединённые усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России **является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость.**

Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего чем в революции 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооружённых сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Войска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооружённых сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в **объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков.** Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооружённую борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших своё мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск!

Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас

общая цель. Общими должны быть наши усилия. **Только единство всех вооружённых антибольшевистских сил народов России приведёт к победе.** Не выпускайте полученного оружия из рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. **Освободите их!**

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе!

Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии!

Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Братья и сестры на родине!

Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

* * *

В этой редакции Манифест был прочитан и принят на торжественном засецании в Праге ноября 14, 1944. Там же он был подписан генералом А. А. Власовым, 37-ю членами и 12-ю кандидатами КОНР-а. В оригинале также указано, что фамилии некоторых членов и кандидатов Комитета не публикуются в связи с их пребыванием на территории СССР или в целях их личной безопасности.

Конечно, читая Манифест я ожидал, что его каждое слово пройдет через нацистскую цензуру и некоторые, типично гитлеровские, высказывания будут навязаны его авторам. Во-вторых, надо принять во внимание, что всякий политический документ той эпохи должен быть оценен с точки зрения специфики того времени и места, в которых он писался и воспринимался.

Ясно, что в Лондоне и Вашингтоне и при том сегодня, а не тогда, его написали бы другим языком, и он содержал бы другие положения.

Знакомясь впервые с Манифестом в комнате рядом с кабинетом Власова, я прежде всего думал, насколько эффективен он будет в борьбе против Сталина, а не о том, насколько он поможет в борьбе западных демократий против Гитлера. Прежде всего, мне бросилось в глаза полное отсутствие всякого упоминания об евреях. Это было большой победой авторов Манифеста и Власова, понимавших, что связать Манифест с бредовыми расистскими теориями, это значит — лишить его всякого исторического значения в борьбе против большевизма. Однако, меня сразу же поразил и основной дефект Манифеста: нацистские цензора, несомненно, навязавшие все вводные фразы Манифеста, этой фразировкой дали в руки советским пропагандистам довод, который невозможно опровергнуть. Из всех этих вводных фраз ясно следует, что не Гитлер, а Сталин и западные союзники начали войну против Германии, народ которой «хочет сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней своё счастье».

Ясно, что гитлеровские ловушки слегка перехватили, так как всякому младенцу известно, что войну начал Гитлер, прибравший к своим рукам земли других предков. Переборщили также гитлеровские цензора в их выставлении нацистской Германии как свободолюбивой страны, в противоположность сталинской России. Ни для кого ведь не было секретом, что власть у одного «свободолюбца» осуществлялась через Гестапо, а у другого через НКВД.

Только впоследствии, хорошо разобравшись во введениях к Манифесту, я увидел, что все эти хлесткие фразы бьют по Гитлеру не в меньшей степени, чем по Сталину. Долгая советская практика читать и писать между строками, научила составителей Манифеста выразить не только антибольшевистские, но и антинацистские, иными словами, антитоталитарные чувства.

Разве только Сталин уничтожал другие страны и порабощал другие народы, а пай-мальчик Гитлер этого не делал?

Разве только Сталин разрушал памятники культуры и цивилизации, а «носитель культуры» Гитлер не следовал его примеру?

Разве только Сталин уничтожал целые народы, а ангелочек Гитлер не делал это ещё в большей степени?

Перестарались также цензоры в обвинениях англичан и американцев в культурном варварстве. Кроме улыбки, этот вздорный поклёп ничего вызвать не может.

Очень важными мне представились фразы о том, что Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма и предупреждением о грозной опасности, нависшей над Европой и всем миром.

Эти пророческие слова Манифеста должны сейчас особенно остро чувствоваться западным миром, мечтающим о сосуществовании, разрядке напряжённости и прочих химерах.

Очень важно также стремление к объединению всех сил, особенно национальных, в борьбе против большевизма. Это стремление было подчеркнуто в замене прежнего названия «Российское Освободительное Движение» новым — «Освободительное Движение Народов России».

Как всякое истинно демократическое, ОДНР не лишает ни один народ голоса о своём праве на самоопределение, вплоть до отделения, и добиться решения в свою пользу в общероссийском, свободно, избранном Парламенте. Однако, такое решение должно быть принято большинством народа, а не кучкой горячих голов, затуманенных пропагандой со стороны, или в интересах соседнего государства. У каждого народа имеются свои романтики, мечтающие о национальном величии и пренебрегающие экономическими, политическими, социальными и культурными факторами, говорящими в пользу содружественного сосуществования с другими родственными по крови, вере и истории народами в объединённом мощном государстве. Но эти крайние элементы почти всегда оказываются в меньшинстве, когда дело доходит до свободного волеизъявления всего народа. Трезво оценивающих перспективы людей всегда оказывается больше, чем мечтателей.

Основоположники движения были убеждены, что связывающая всех его участников **русскость** окажется выше местных интересов, и поэтому нисколько не побоялись вышеуказанный пункт включить в свою программу. «Насильно мил не будешь» — одинаково верно как для людских, так и для междунациональных отношений. Патриотам национальных культур также нечего бояться за их подавление в условиях демократического государства. В Европе мы имеем пример трехъязычной Швейцарии, а за океаном — двуязычной Канады, где разные культуры веками уживаются друг с другом в едином демократическом государстве, несмотря на попытки местных сепаратистов разъединиться.

В остальном, социально-демократические основы программы отвечали чаяниям каждого русского интеллигента. Таким образом, принципиальные пункты Манифеста были для меня вполне приемлемы. Труднее была поддержка вооружённого выступления против Родины, да еще и на стороне такого заклятого врага славянства, каким был Гитлер.

Одно ведь дело поражать врага словом, разоблачая низость его поступков и ложь пропаганды, а другое — стрелять в своих собратьев, которых большевики гонят в бой против их воли.

Я и другие участники ОДНР, которые не принимали участия в боевых действиях, тоже не можем отговариваться тем, что «моя хата с краю, ничего не знаю». Наша моральная ответственность не менее велика, ибо наше участие побудило не мало колеблющихся взять оружие в свои руки. На все эти вопросы, связанные с моралью и этикой нашего поведения, мы ответим позже в специальной статье.

* * *

Власов встретил меня словами:

— Если бы вы знали, сколько трудностей нам пришлось преодолеть, чтобы добиться санкции немцев на настоящее содержание Манифеста, то у вас язык бы не повернулся, чтобы его критиковать. Мне кажется, что он выполняет нашу основную задачу — призыв к объедине-

нию всех сил, вооружённых и гражданских, для борьбы против большевизма. Мы должны бить врага кулаком, а не растопыренными пальцами. (Власов любил применять подобные меткие народные определения).

Я отметил с удовлетворением, прежде всего, — прогресс Власовского мировоззрения в том, что он считает теперь большевизм, а не только «сталинскую клику» виновником несчастий, постигших нашу Родину. Я указал также, что трактовка Манифестом национальной проблемы представляется мне вполне правильной и что некоторые редакционные погрешности не являются существенными (про глупость цензоров я не упомянул).

— Ну что-ж, — сказал А. А., — вы видите теперь, что санкционировав обнародование Манифеста, немцы поняли, что выпустили в моей персоне, чертика из бутылки и загнать его обратно уже невозможно. (Снова народная мудрость вместо общепринятого «ящика Пандоры»). — Думаю, что теперь, на краю поражения, они честно выполнят свои обязательства и нас больше обманывать не будут.

Далее он предложил мне вступить в организуемый Комитет Освобождения Народов России. Я ответил, что хотя в принципе я решил войти и подписать Манифест — я хочу ещё посоветоваться со своими друзьями.

ПОСЕЩЕНИЕ НАСТОЯТЕЛЯ БЕРЛИНСКОГО СОБОРА ОТЦА АДРИАНА И РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Первый мой визит был к отцу Адриану (теперь Епископу Андрею), которого я знал ещё по Киеву и всегда почитал за его стойкость и выдержанность в вопросах веры и морали. Я рассказал ему о той уверенности в перерождении нацистов, которая питает энтузиазм Власова, и выразил свои сомнения на этот счёт, основанные, главным образом, на киевском опыте.

— Допустим, что вы правы, и нацисты нас, как и прежде, хотят использовать только для пропаганды, — сказал отец Адриан. — Возникает вопрос, не будем ли мы в состоянии, даже в этом наихудшем случае облегчить участь наших соотечественников, находящихся здесь в очень тяжелых условиях? Ответ ясен, конечно, можем.

Ваше сердце, несомненно, выскажется за участие в ОДНР, а через наше сердце с нами говорит Бог. Поэтому вступайте без колебаний. — И с этими словами он благословил меня частицей мощей Великомученицы Варвары, которые он всегда возил с собой.

От многих эмигрантов я узнал, что Русская Православная Церковь за границей, и её глава, Митрополит Анастасий, всецело поддерживают ОДНР. Среди многих старых эмигрантов, с которыми мне довелось беседовать на темы ОДНР, мне особенно запомнилось мнение генерала фон-Лампе, председателя Общевоинского Союза. Разговор наш происходил в бункере, в котором мы оба укрылись во время воздушного налёта. Генерал фон-Лампе сказал, что являясь убежденным монархистом, он считает сейчас необходимым поддержать ОДНР, несмотря на то, что в основном оно возглавляется бывшими коммунистами, ибо первоочередной задачей должна быть победа над коммунизмом.

— Только с убежденными коммунистами нельзя разговаривать. Со всеми остальными, включая разочарованных партийцев, можно, — сказал генерал и добавил, — я уверен, что перенесённые нами страдания помогут нам найти общий язык со всеми эмигрантами.

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВИЧ МАЛЫШКИН.

Как я уже упоминал, с заместителем председателя КОНР-а я познакомился ещё в конце 1942 г. Он на меня всегда производил впечатление своей серьёзностью и молчаливостью. Генерал Малышкин происходил из малообеспеченной семьи (отец его служил бухгалтером в каком-то мелком предприятии) и, по-видимому, нужда и лишения, перенесённые в детстве, наложили отпечаток на его сдержанность. Другой причиной замкнутости, и при том ещё более понятной, были арест и тюрьма, из которой В. Ф. был выпущен незадолго перед войной с полным восстановлением в правах. Всякое лишение свободы побуждает человека спрятаться в свою скорлупу. А тут, к тому же, обвинение было явно вздорным и наказание несправедливым, иначе так легко из цепких лап НКВД не выпустили бы. Поэтому ничего удивительного

не было в том, что этот невинно пострадавший партиец стал на сторону Власова.

Малышкин принадлежал к тем людям, с которыми можно проговорить неделями и так и не докопаться до их нутра. Впоследствии он поразил меня тем, что, однажды, в интимном кругу стал декламировать наизусть целую главу из «Евгения Онегина». Женат он был на культурной и образованной женщине. Добавлю ещё, что Власов высоко ценил его как военного специалиста.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТРУХИН.

Генерал Трухин по своей открытости был полной противоположностью Малышкину. По росту чуть ниже Власова, он одевался всегда с иголочки и бросался в глаза изяществом и непринуждённостью своих манер. Как мне сказали, его родители принадлежали к высшему классу Петербургского общества. Он получил хорошее образование и владел иностранными языками, в том числе и немецким. Мы сразу же с ним нашли общий язык и к концу беседы говорили так, как если бы были знакомы много лет. Он сразу высказывал себя пессимистом в отношении честности нацистских намерений. Ф. И., один из немногих из власовского ближайшего окружения, понимал различие между гитлеровцем и немцем. Ф. И. стал жаловаться на те трудности, которые ему приходится испытывать при организации частей ОДНР.

— Нацисты не особенно заботятся об идеологии наших бойцов, — сказал он. — Так, к примеру, они настаивают на включение в состав наших частей всей бригады Каминского, которую они сейчас расформировали. Бригада оказала им ценные услуги в борьбе с партизанами, и они хотят теперь её куда-либо приткнуть. Однако, большинство солдат бригады меньше всего думает о каких-либо высоких материях, заботясь только о своей выгоде. Таких нам не надо, и мы готовы принять только идейных людей, — добавил он. Сам Каминский был незадолго перед этим расстрелян по приговору военного суда.

Как я узнал потом, Трухин на своём настоял и бригаду в целом не принял. Он предложил мне пост начальника медицинской части, но я отказался на том основании, что у меня есть уже другие нагрузки, которые мне больше по духу.

Трухин придавал большое значение организации гражданской части при ОДНР и не был счастлив, что на этот пост выдвинут другой генерал: Д. Е. Закутный. Расстались мы друзьями. Я считаю его одной из выдающихся фигур нашего движения.

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖИЛЕНКОВ.

Если другие генералы были членами партии больше по форме, чем по убеждению, то Жиленков был стопроцентно убеждённым коммунистом и до мозга костей диалектиком. Он был чуть ли не с юношеского возраста членом партии и занимал весьма ответственные посты в партийном аппарате, а перед войной был секретарём одного из районов парткома Москвы. В разговоре с такими людьми как Жиленков вы чувствуете, что они всегда знают заранее ваше мнение и к нему подготовлены. Их трудно чем-нибудь удивить, и всех несогласных они сразу же списывают со счёта. Я не хотел бы попасться ему в руки, когда он был у власти. Но, в общем, он был изысканно любезен и всегда был готов ввернуть льстивое словечко. Сказать откровенно, он не принадлежал к числу моих фаворитов и до сих пор я не понимаю, как и почему он очутился среди участников ОДНР. Он был выдвинут на пост заведующим отделом прессы и информации.

ДМИТРИЙ ЕФИМОВИЧ ЗАКУТНЫЙ.

Хотя генерал Д. Е. Закутный был выдвинут на очень ответственный пост Начальника Гражданского Управления, его имя почти не упоминается в литературе ОДНР. Он не упускал случая подчеркнуть, что он стоит в стороне от военной акции. Это был типичный советский человек, желавший только улучшить аппарат власти, но никак не отвергавший большевизм в целом. Я имел с ним один-два разговора на вышеуказанную тему и их было достаточно, чтобы убедить меня в коммунистической твёрдокаменности генерала. В отношении судьбы Освободительного Движения, Закутный не скрывал своего пессимизма. «У меня веревка на шее болтается», —

мрачно шутил он. Однако при всей своей преданности коммунизму, он, будучи честным человеком, не мог видеть недостатков системы, но с упорством, достойным лучшей участи, приписывал их неэффективности работы или бесчестности отдельных лиц, пролезших на командные посты.

ВСТУПЛЕНИЕ В КОНР И ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ЕГО СТРУКТУРЕ И ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ.

Хотя с самого начала было ясно, что во всей работе КОНР-а будет задавать тон генеральское засилье, я решил все же в него вступить и Манифест подписать, надеясь, что как ни слаба гражданская прослойка, она будет в силах оказать какое-либо влияние на направление подведомственной нам работы. В двух отраслях такое участие представлялось наиболее желательным:

1. В организации Красного Креста и, через него, всемерной помощи военнопленным, продолжавшим пребывать в ужасающих условиях, и

2. В политической организации национальных меньшинств, в особенности украинцев, находившихся всецело под влиянием сепаратистской линии Министерства Розенберга. Такое направление противоречило основному требованию Манифеста — необходимости спросить у **народа** его мнение о будущем политическом устройстве и поэтому было для нас неприемлемо.

Власов с указанными двумя направлениями всецело согласился, включив в деятельность Красного Креста помощь рабочим с востока, и во всех наших затруднениях он просил обращаться непосредственно к нему.

Прежде всего, предстояло выяснить структуру возможного аппарата и взаимоотношения с нацистами. Через гражданское Управление я получил небольшой штат и помещение для работы медицинского управления, главой которого я был назначен.

Генерал Закутный сказал мне, что кроме него, перед выдачей всяких распоряжений я должен буду «советоваться» (весьма деликатное слово, обозначающее предварительный контроль) с нацистским комиссаром. На счастье, этот непрошенный наблюдатель попался мне очень

покладистый, и никаких недоразумений я с ним не имел, наоборот — старался мне помочь, чем мог. Комиссар не возражал против организации всемерной помощи военнопленным и «остарбайтерам». Вместе с ним мы стали собирать информацию о возможности организации Красного Креста и дошли до самого Министра иностранных дел, Риббентропа. Организация Красного Креста была важна (об этой стороне дела, я, конечно комиссару не сказал) для нас не только по гуманным, но и по политическим соображениям, ибо через Международный Красный Крест мы надеялись связаться с западными союзниками и информировать их о наших истинных целях.

Однако, Риббентроп решительно отказался дать свою санкцию по той причине, что в Женеве уже есть один признанный русский (читай — советский) Красный Крест, и поэтому они нас всё равно не признают. Логика этого отказа была малоубедительна, ибо, во-первых, нацисты вообще мало заботились о международных санкциях своих деяний и, во-вторых, Красный Крест был нашим русским, а не германским делом и поэтому немцам меньше всего надлежало о нём беспокоиться. Было ясно, что хитроумный дипломат предвидел для нас вышеупомянутую политическую лазейку и потому ей воспрепятствовал.

Так или иначе, но запрет был весьма чувствительным разочарованием. Вместо Красного Креста решено было организовать «Народную Помощь», но и тут не обошлось без осложнений.

Как только в эмигрантской среде стало известно о новой организации, нам стали присылать всякие пожертвования, большей частью, продуктовые. Поскольку Народная Помощь числилась при Медицинском управлении, то эти продукты, в том числе и скоропортящиеся, стали стекаться ко мне в Медицинское управление. Это было весьма неприятно, так как при нем не было ни помещения для хранения, ни аппарата для их контроля и распределения.

Шутники стали говорить, что у меня возникли трудности с «поглощением» присланных продуктов, а не имевший чувства юмора Закутный потребовал от меня строгий отчёт. Эту бурю в стакане воды пришлось прекратить напечатанием в газете просьбы — продуктов нам не при-

сылать. Но все же характерна та жертвенность русских людей, которая всегда готова проявиться даже и в том случае, когда у самих есть нечего.

Когда я рассказал об этом Власову, он показал мне коробочку, в которой хранились золотые монеты, кольца и прочие драгоценности, пожертвованные ему эмигрантами для общего дела.

— Это ещё пока только капля в море, — сказал он, — но вообразите, сколько было бы пожертвовано, если бы мы были уже в России! Наверное, получили бы не меньше, чем Минин и Пожарский.

Затем А. А. пригласил меня пойти с ним на богослужение, которое будет совершать в одном из лагерей Митрополит Анастасий. Этого богослужения я никогда не забуду.

Большой зал был битком набит. Мы прошли к импровизированному алтарю между рядами рабочих в праздничных одеждах. Трудно передать обожание, светившееся в их лицах при взглядах на Власова. Это ведь был свой, крестьянский сын, их плоть и кровь, пришедший, чтобы освободить их от обоих диктаторов. Несколько остовцев бросились к нему с очевидным желанием поцеловать руку, чего Власов не позволил.

Митрополит Анастасий приветствовал Власова, тот смиренно склонил колено и поцеловал благословлявшую руку. В конце Митрополит произнес прочувствованное слово, выразив надежду, что Бог поможет Власову выполнить ту грандиозную задачу, которую он взял на себя, и обещал ему полную поддержку Православной Церкви за границей. Казалось, что только из-за этого одного богослужения стоило жить и гордиться участием в великом деле.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ПОМОЩИ РАБОЧИМ С ВОСТОКА

Хотя в октябре 1944 года мы ещё официально оформлены не были, к нам уже стали поступать тысячи писем с жалобами на плохое обращение в лагерях, плохую пищу и т. д. от «остарбайтеров». Поведал мне о своих горестях и мой бывший секретарь С., добровольно приехавший сюда на работу. Так как он физически не был достаточно силён, то его назначали на самые грязные работы, нисколько не принимая во внимание добровольчество, хотя было сколько угодно других работ, для него приемлемых. С большим трудом мне удалось добиться перевода его в другой лагерь, где были лучшие условия.

Вообще, всё зависело от человечности начальника лагеря, а некоторые из них были настоящими зверьми. Мало-помалу мы стали вытягивать из лагерей лиц, не способных к физическому труду, попавших туда по недоразумению, разделять мужчин и женщин и, по мере возможности укрощать свирепых начальников. Конечно, наша помощь была каплей в море нужды, но если бы её не было, было бы ещё хуже.

Большую битву начали за снятие значка «ОСТ», иными словами, за приравнение наших рабочих к рабочим других национальностей. Но тут мы натолкнулись на упорное сопротивление. Собственно говоря, значок касался только украинцев, насильственно вывезенных во время оккупации. Неисчислимое количество раз, и Власову, и всем нам давались обещания снять значок, но так он и остался до самого конца. В этом вопросе, как и в других, нацисты остались верны своему принципу — «обещать всё, но не делать ничего». Как мы увидим дальше, также они морочили голову Власову и Трухину в делах формирования армии ОДНР. Но пока что у нацистов была отговорка, что, дескать, наше движение ещё официально не оформлено, после же признания всё образуется. Проработали весь октябрь и, наконец, дождались этого официального признания.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ К ОФИЦИАЛЬНОМУ СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВ КОНР-а. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ МЕЖДУ НИМИ.

10-го ноября 1944 года состоялось предварительное деловое заседание членов КОНР-а, на котором был избран председателем А. А. Власов, его заместителем В. Ф. Малышкин, членами Президиума — ген. лейт. Е. Баладин, проф. Ф. П. Богатырчук, Н. Н. Будзилович, ген. Г. Н. Жиленков, ген. Д. Е. Закутный, проф. С. М. Руднев и ген. Ф. И. Трухин; кандидатами — проф. П. Н. Иванов и журналист К. А. Музыченко.

О распределении обязанностей между членами Президиума я упоминал выше. Манифест на заседании прочитан не был, так как каждый его знал и имел возможность заранее предлагать свои поправки. Затем А. А. Власов сообщил, что 13-го ноября вечером будет подан специальный поезд, на котором все члены КОНР-а поедут в Прагу для официального подписания Манифеста на торжественном заседании, которое состоится на следующий день. Разошлись мы в праздничном настроении, думая, что теперь, наконец, мы будем в состоянии что-то сделать. Увы, следует повторить опять украинскую пословицу: «Не так склалось як жадалось».

ИДЕЙНОЕ ПОБРАТИМСТВО С Д-ром РУДНЕВЫМ.

Мы приехали в Прагу с большим опозданием из-за того, что ехали кружным путем. В этот день был разгромлен Дрезден, находящийся на прямом пути в Прагу. С вокзала нас отвезли в отель и оставили отдыхать до следующего утра.

Я был в одном номере гостиницы с Сергеем Михайловичем Рудневым. Этот выдающийся хирург эмигрировал из СССР в начале двадцатых годов, после того, как отказался осмотреть Ленина, раненого пулей эсерки Каплан. С той встречи в Праге между нами завязалась дружба, продолжавшаяся все время нашей совместной работы. С. М. был в Берлине в начале прихода Гитлера к власти и, обладая исключительной наблюдательностью и здравым смыслом, составил ясное представление о Гитлере и о других нацистских вождях, о движущих силах германской политики в то мрачное время, как внутри страны, так и вне её. Являясь высоко интеллигентным человеком, он, конечно, не мог одобрить или согласиться с человеконенавистническими и расистскими теориями Гитлера.

«Тот период человеческой истории, который мы переживаем и из которого я от души желаю человечеству выйти целым и невредимым», — говорил он, — вообще полон парадоксов. С одной стороны — «не убий» и «люби ближнего как самого себя», с другой — организованное убийство тысяч ни в чем неповинных людей, ненавидящих войну так же, как мы с вами». (Этот запомнившийся мне разговор происходил в берлинском бомбоубежище, куда мы спрятались во время воздушной атаки, и под аккомпанемент плача грудного ребёнка, которого держала на руках сидевшая неподалеку от нас молодая женщина). «Это хладнокровное убийство летящими с неба бомбами ещё можно пытаться объяснить разными высокими материями вроде тех, что нацисты сами навлекли на свою голову это несчастье, но как оправдать убийства таких же женщин и детей на том основании, что они являются представителями «низшей» расы», — задавал себе вопрос, на который не было ответа. — «Мы с вами врачи и знаем, что никаких анатомических или физиологических различий в структуре и функциях человеческих органов между людьми различных рас и цветов кожи — нет, но, если бы они даже и были, то разве это даёт право одной расе уничтожать другую? И притом в ту историческую эпоху, когда наука и техника достигли такого совершенства, что могут легко поднять благосостояние людей, обеспечив им максимально продолжительную жизнь в наилучших условиях. Вместо этого, эти же наука и техника концентрируют свои усилия, чтобы создать наиболее эффективные средства для уничтожения друг друга (заметьте, что во время этого разговора ещё не было венца научного творения — атомной бомбы). И не нелепо ли, что мы с вами, глубоко мирные люди, не совершившие никаких преступлений, должны были уехать с нашей родины и начинать новую жизнь в возрасте 40 лет и позже? И самое трагичное в том, что бежать мы были вынуждены из-за непрошенных благодетелей Сталина и Гитлера, пытающихся разрешить все государственные проблемы путем террора и насилия».

По поводу своего отказа оказать врачебную помощь Ленину, С. М. говорил, что некоторые коллеги упрекали его за это и говорили, что он будто-бы нарушил Гиппократову клятву оказывать помощь всякому больному человеку (как известно, до революции такая клятва давалась каждым, получающим диплом врача).

«Но ведь Ленин — не человек, он принадлежит к особому виду человекоподобных существ, называемых большевиками», — отвечал С. М. своим критикам. Впоследствии, когда об отказе С. М. в ЧЕКА вспомнили, то Ленин, будто бы, запретил его трогать и даже разрешил ему выехать за границу. Передавали, что Ленин сказал при этом, что «для мировой революции было бы гораздо хуже, если

бы этот явный враг советской власти начал бы меня так «лечить», что отправил бы в ту страну, из которой не возвращался ни один путешественник». Было ли сказано «Ильичем» подобное мудрое изречение, покрыто мраком неизвестности, но в циничных устах вождя мирового пролетариата оно вполне вероятно. Надо только пожалеть, что С. М. по своей честности не осуществил мысль Ленина.

С. М. прекрасно владел немецким языком, имел обширнух практику и многочисленных друзей. Благодаря этому он был гораздо лучше нас осведомлен о том, что творится в нацистских верхах. Ясно также, что он, будучи исключительно умным и наблюдательным человеком, лучше нас разбирался в принципе вождя (см. дальше) и в силах, движущих политику нацистской Германии. Очевидно, он не мог недооценивать и зловещее молчание Гитлера по поводу ОДНР. И все же этот вполне обеспеченный и независимый человек вступил в наши ряды. Ясно, что вступил не потому, что искал для себя каких-либо выгод, а потому, что верил в принципы свободы и демократии, возвещенные в Манифесте ОДНР, и в то, что только они могут привести Россию к светлому будущему. Пример С. М. явно опровергает огульное обвинение эмигрантов в том, что они вступили в ОДНР только потому, что находились в отчаянном и безвыходном положении, в котором терять было нечего. Наоборот, С. М. терял свой шанс оставаться в стороне, вступая в ОДНР, и все же вступил. Честь и хвала его мужеству и принципиальности В заключение — деталь, важная для тех, кто желает сохранить свою бодрость и достичь долголетия. Совет С. М. — ездить на велосипеде. В момент нашего знакомства, С. М. был в начале седьмого десятка и разъезжал всюду по Берлину на своем велосипеде. По счастью, даже в таком громадном городе, как Берлин, это можно было делать без риска для своей жизни. Когда я, по приезде в Канаду, попытался следовать его совету в маленькой Оттаве, то был вынужден это отставить, ибо «траффик» этого континента никак не рассчитан на велосипедистов, и я вынужден был ограничить свои велосипедные упражнения ближайшими к моему дому безопасными районами. Позже я потерял С. М. из виду и слыхал, что после краха он переехал в Южную Америку, где и умер в 60-тидесятых годах. Да будет легка чужая земля праху этого достойного сына России.

ПРАГА, НОЯБРЬ 14. ПОДПИСАНИЕ МАНИФЕСТА И ОФОРМЛЕНИЕ КОНР-а. ПРИЕМ В ПЕНКЛУБЕ. НЕЗАБЫВАЕМАЯ РЕЧЬ РАБОЧЕГО. ВСТРЕЧА С ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Заседание началось менее торжественно, чем многие ожидали. Никто из первостепенных членов правительства нас своим присутствием не осчастливил. Были лишь протектор Чехословакии Франк и заместитель Риббентропа, вице министр Лоренц, сказавший весьма бесцветную вступительную речь. Приветственную телеграмму прислал Гиммлер, а не Гитлер, продолжавший хранить упорное молчание.

Это, конечно, мелочь, но если бы Гитлер считал оформление ОДНР сколько либо важным делом, то у него, наверное, нашлась бы минутка, чтобы подмахнуть телеграмму.

С большой речью о целях и задачах ОДНР выступил А. А. Власов. Манифест был единогласно принят, и Комитет Освобождения Народов России учрежден. Председателем был избран А. А. Власов, его заместителем В. Ф. Малышкин. В Президиум КОНР-а, кроме А. А. Власова и ранее упомянутых четырех советских генералов, был введен генерал Царской Армии Е. И. Балабин и три гражданских лица: проф. Ф. П. Богатырчук, Н. Н. Будзилович и проф. С. М. Руднев; кандидатами — проф. П. Н. Иванов и Ю. А. Музыченко. Заседание было заснято на фильм, попавший в числе военных трофеев в руки большевиков. Они включили его как кадр в большой пропагандный фильм «Уроки Истории», который затем демонстрировался в СССР. Пояснял фильм (конечно, по шпаргалке властей) известный в прошлом монархист и редактор ультраправой киевской газеты «Киевлянин» — В. Шульгин. Я узнал потом, что ленинградские шахматисты, увидав меня на экране за столом Президиума, получили истинное удовольствие.

Во время парадного обеда после заседания я сидел между нацистским командиром добровольческих частей, генералом Кестнером и министром иностранных дел марионеточного чехословацкого правительства (фамилии не помню). Генерал Кестнер был одним из друзей нашего движения, которых насчитывалось не мало в среде выс-

шего командного состава германской армии. Известно, что к числу их принадлежали генералы Браухич и Гудериан. Ген. Кестнер возгласил во время обеда тост за здоровье Власова, выразив свое удовлетворение скорым переходом русских добровольческих частей под его команду.

Во время обеда у меня завязался разговор с упомянутым чешским дипломатом, который выразил своё сожаление, что наша акция начинается столь поздно, «когда уже слышна канонада советский орудий».

— Конечно, жаль, — ответил я, — но в этом запоздании не наша вина. Однако, мы написали Манифест не только для мрачного настоящего, но и для светлого будущего, которое, я уверен, будет наше, а не ленинских прихвостней. Кроме того, мы хотим показать всему миру, что в СССР всегда существовала и существует оппозиция диктатуре и террору коммунистической партии.

Власов, сидевший напротив и слышавший нашу беседу, поднял бокал в знак одобрения.

В тот же день, вечером, состоялся прием в чешском ПЕН-клубе. Среди многочисленных тостов, обычных для такого рода приёмов, мне запомнилась речь какого-то простого «остарбайтера», выразившего в искренних словах надежду, что царство лжи и обмана, существующее сейчас на Родине, уступит вскоре место царству правды и справедливости, залог которому он видит в ОДНР.

Когда я возвращался в Берлин, в одном со мной купе ехал военный летчик со значком РОА, с весьма приятным и умным лицом. Один из всезнающих адьютантов сообщил мне, что этот летчик — кавалер многих орденов и дважды Герой Советского Союза. В завязавшемся разговоре я спросил его о мотивах вступления в Освободительное Движение.

— Сказать откровенно, — ответил он, — я вступил в ОДНР потому, что не хочу во второй раз подвергнуться репрессиям и, несомненно, на этот раз всерьез и надолго.

Далее он сказал, что вскоре после начала войны он был арестован по обвинению в агитации против советской власти, которая состояла в его критических замечаниях по поводу некоторых военных операций.

— Поверьте мне, что во время моего заключения, со мной обращались не лучше, чем с заправским бандитом,

а то пожалуй и хуже, — добавил он, уклоняясь от описания деталей методов, примененных при его допросе. — Единственной надеждой избежать всего этого варварства является для меня победа войск ОДНР. Я знаю, что ожидать пощады от бесчисленных сатрапов мне не приходится, даже при наличии заслуг перед Родиной, — закончил он с чувством горькой обиды.

Эта жуткая правда о неразумном и, если можно так выразиться, компьютерном отношении к человеку, несмотря на все его прошлые заслуги, что весьма характерно для всё нивелирующей советской бюрократической машины, оттолкнула от «первой в мире» многих её приверженцев, включая нашего героя.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БЕРЛИН И ДАЛЬНЕЙШИЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ.

Возвратившись в Берлин, мы снова одно время предались сладким надеждам, что теперь, после официального признания, всё изменится. Увы! Дальше новых деклараций и торжественных заявлений, дело не двигалось.

Вскоре после обнародования Манифеста состоялось многолюдное собрание эмигрантов в берлинском «Доме Европы», выразившее свою поддержку генералу Власову и всем членам КОНР-а.

Запомнились две речи. В одной из них протоиерей, Александр Киселев, указал, что в Манифесте, наряду с обычными, имеются и «золотые» слова о нежелании мстить тем большевикам, кто честно сознает свои ошибки и примкнет к ОДНР. Во второй речи, какой-то неизвестный солдат РОА указал нацистам, что ни он, ни другие русские добровольцы не являются их наемниками, но что все они борются за русское дело — освобождение родины от цепей большевизма. С этими прекрасными словами отнюдь не гармонировали дела, настроившие на пессимистический лад даже самых заядлых оптимистов.

Ухудшению нашего настроения способствовало получение, вскоре после Праги, всеми членами КОНР-а официальных удостоверений личности. На одной стороне последних удостоверялась наша принадлежность к КОНР-у за подписью Власова, на другой стороне, написанной по-не-

мецки, за подписью какого-то чина СС, говорилось о нашей принадлежности к частям СС. В простоте душевной наі... сты вообразили, что мы будем счастливы официальным приобщением к «великой миссии Гитлера». И без слов ясна отрицательная реакция членов КОНР-а на эту профанацию нашего дела. Некоторые были так возмущены, что на моих глазах порвали удостоверения на мелкие кусочки. На моих глазах это сделали Закутный и Руднев. Я не последовал их примеру и, стиснув зубы, ожидал дальнейшего развития событий.

Забежав немного вперед, укажу, что в первой половине января состоялось заседание президиума КОНР-а — самое бурное из тех, на которых я присутствовал. Пунктом раздора было наше отношение к продолжающемуся саботажу нацистов всех наших решений об остовцах, в особенности, в отношении значка «ост». Не на шутку сердился Закутный, требовавший предъявить ультиматум о немедленном снятии значка и, в случае отказа, — самороспуска КОНР-а.

Власов решительно возражал: «Не для того я столько терпел и добился столь многого, чтобы погорячиться и свести на-нет всё достигнутое», — сказал он. Закутный остался в меньшинстве, но разошлись мы с весьма тяжёлым чувством, хотя Власов и пообещал заявить решительный протест. Увы, трудности с формированием наших воинских частей поглощали всё его время, и воз по-прежнему не двигался с места.

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНР-а И ОБРАЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОВЕТОВ. Я ИЗБРАН ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ РАДЫ.

Декабря 17, 1944 г. состоялось второе заседание КОНР-а, на котором было решено образовать внутри КОНР-а следующие национальные советы: Великорусский, Украинский (Украинська Национальна Рада), Белорусский (Белоруська Национальна Рада), Народов Кавказа, Туркестанский (Маслахат) и Главное Управление Казачьих Войск. На состоявшихся вскоре собраниях национальных групп председателем Великорусского Совета был избран генерал В. Ф. Малышкин, Украинского —

проф. Ф. П. Богатырчук, Белорусского — Н. Н. Будзилович и Кавказского — проф. А. С. Цагол. Об остальных двух объединениях я сведений не имею.

Перед Украинской Национальной Радой стояли две первоочередные задачи: 1. Осведомиться в деталях о положении на украинском национальном фронте и 2. Начать сколачивать вокруг УНР единомышленников.

Все украинские националисты, занимавшие самостийницкие позиции, были сгруппированы вокруг двух центров: восточного министерства Розенберга и Гетмана Скоропадского. Большинство составляли первые, которых сближали не только национальные, но и социалистические устремления. Более правые и умеренные элементы держались бывшего Гетмана, который уже давно отказался от своих федералистических взглядов и подпал под влияние самостийников.

Обе группы встретили образование УНР при КОНР-е с нескрываемой враждебностью. Гетман открыто возмущался:

— Как может неизвестный доселе в украинских кругах доктор, да ещё и шахматист, возглавлять Украинский совет. Ещё шахматистов он кое-как может представлять, н. никак не украинцев, — говорил он не раз с явным желанием, чтобы об этом его мнении стало известно широким кругам украинцев.

Когда я передал об этих его словах Власову, то он с присущим ему юмором заметил:

— Гетман забыл, что шахматы очень популярны в России и, в частности, на Украине. Поэтому, если бы дело дошло до свободных выборов, то я не уверен, кто из вас получил бы больше голосов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ РАДЫ ОДНР И УКРАИНСКИЕ СЕПАРАТИСТЫ.

Несмотря на то, что в Манифесте ОДНР (см. пункт 1 программной части) с предельной ясностью указано право каждого народа России на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность, эта фразировка встречала возражение непримиримых укра-

инских националистов. По их мнению, украинский народ, в подтверждении его права на государственную самостоятельность, не нуждается, ибо Украинская Демократическая Республика была декретирована Четверым Универсалом Украинской Центральной Рады, организованной после февральской революции 1917 года. Она существует и теперь в виде Украинской Советской Социалистической Республики.

«Мы возражаем только против политического строя этой республики, но не против её самой», — говорили они.

Забыто было то, что эта суверенность была провозглашена только в Четвертом, так называемом «большевистском» Универсале. Первые же три Универсала той же УЦР о ней не говорят ни слова. Не вспоминалось также и то, что украинские политики, провозгласившие самостоятельность, всем народом выбраны не были, а были лишь представителями некоторых украинских обществ и партий.

В связи с бурно развивавшимся послереволюционным хаосом и большевистским переворотом, эти представители не имели времени спросить мнение народа об их политической деятельности.

Что касается большевиков, то они вообще мнением народа никогда не интересовались и декретировали УССР административным путем, навязав украинскому народу свою систему.

Восстановление отнятых у народов прав являлось первоочередной задачей КОНР-а и служило основным стимулом в борьбе с большевизмом. До тех пор, пока народ не сказал своего окончательного слова, эта борьба должна продолжаться. Мы указывали также на то, что национальная проблема на российской части Украины осложняется духовной близостью и тесно переплетающимися экономическими, бытовыми и политическими интересами великорусской и украинской ветвей славянского племени, возникших в результате многих веков существования в едином государстве. Великорусский народ и его интеллигенция, всегда относившаяся с глубокой симпатией к украинской культуре, не могут взять на себя ответственность за все те утеснения и несправедливости, которые терпела украинская культура и её представители при свергнутом революцией царском правительстве.

В демократическом государстве, к которому стремится ОДНР, этим несправедливостям не может быть места. Указанной духовной близости способствует и единая православная вера, исповедуемая великороссами и украинцами.

Таковы вкратце те положения, которые составляли основу политической платформы нашей Рады. Для многих они показались вполне убедительными, и они примкнули к ОДНР, другие же продолжали упорно держаться сепаратистской линии.

Следует упомянуть также, что мы всегда считали нужным подчеркивать сугубую теоретичность всех наших платформ и деклараций. До тех пор, пока большевики будут сидеть в Кремле, все наши словесные перепалки будут весьма походить на споры при дележе шкуры неубитого медведя.

ЧЕРЕПАШИЙ ТЕМП ФОРМИРОВАНИЯ ВОЙСК ОДНР. НАЗНАЧЕНИЕ А. А. ВЛАСОВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ОДНР.

Прошло уже два месяца со времени подписания Пражского Манифеста, а какого-нибудь решительного движения вперед не было заметно. Неужели снова окажется справедливым древнее изречение: «Кого Бог хочет погубить, того Он прежде всего лишает разума»? В то время, когда буквально каждая минута была дорога, продолжалась та же черепашья тактика. Надо было кричать во весь голос о формировании Освободительной армии, об открытии фронта этой армии на Востоке, напрячь все силы, чтобы экипировать эту армию всем необходимым и тем самым поднять на борьбу падающий дух солдат и офицеров, а вместо этого продолжалось бессмысленное топтание на месте.

Неужели Гитлер ещё верит в возможность победы, неужели он не видит, что терять ему больше нечего? Конечно, слепому ясно, что Власову и нам надо было доверять раньше, что драгоценное время упущено, но ведь это безумие — продолжать ту же политику, которая доказала свою несостоятельность! Так рассуждали мы с Серге-

ем Михайловичем Рудневым во время наших прогулок по Берлину.

Приказ о назначении генерала Власова Главнокомандующим появился только 28 января 1945 года и, притом, за подписью Гиммлера, а не Гитлера, продолжавшего хранить упорное молчание в отношении ОДНР и Власова.

Приказ означал передачу Власову только одной Первой Дивизии и, притом, далеко не стопроцентно экипированной. Но даже с этой маленькой горсточкой людей можно было бы многое сделать, если бы действительно свершилось долгожданное чудо и нацисты по-настоящему переродились бы.

Не приходится отрицать, что значительная часть немцев всегда была на стороне русских антикоммунистов и, не щадя своих сил, они старались помочь Власову и ОДНР. Такие люди, как Герре, Штрик-Штрикфельд, Фрейлих, Кестнер и многие другие вписали свои имена в скрижали борьбы за демократическую Россию. Но, к сожалению, не мало немцев было на стороне Гитлера и продолжало считать русских «унтерменшами», относясь с нескрываемым подозрением к каждому шагу Власова. Часто все участники ОДНР, включая Власова, соприкасались, главным образом, с друзьями или благожелателями, не всегда даже догадываясь о том, что в это время делали и говорили враги Движения. Только после войны были опубликованы некоторые протоколы заседаний в Ставке Гитлера, вскрывшие каинову работу врагов. Один из таких протоколов заседания в Ставке Гитлера от 8-го июня 1943 года приведен целиком в книге Б. Двинова — «Власовское Движение в свете документов», Нью Йорк, 1950. Об этом протоколе мы будем говорить позже, в главе о причинах неудачи Власовского Движения, теперь же скажем, что до самого конца Рейха, все документы, попавшие в руки союзников, свидетельствуют об отрицательном отношении к Власову, Вооруженным силам и даже самой идее ОДНР.

В свете этой враждебности, спускаемой сверху через твердолобых расистов, становится ясно, почему всё «не так склалось як жадалось». Естественно также, что этот скрытый и явный саботаж вызвал возмущение не только в рядах руководителей ОДНР и командиров Вооруженных

сил, но и среди солдат. В конце концов, это, нараставшее, как снежный ком, возмущение саботажем нацистов вылилось в открытое неповиновение приказу немецкого военного командования и даже выступлению против нацистов. Но об этом мы будем говорить позже.

КРЕДИТНОЕ СОГЛАШЕНИЕ. ПРИКАЗ ГИММЛЕРА.

17-го января друзья и нейтралисты ОДНР с немецкой стороны добились кредитного соглашения с Германией, по которому ОДНР предоставлялся неограниченный беспроцентный кредит. Это кредитное соглашение имело не только практическое, но и политическое значение, ибо КОНР признавался в своём роде Правительством в изгнании.

Как всё было спутано в сознании нацистов показывает хотя бы тот факт, что только 26-го января Гиммлер издал приказ по лагерям «остарбайтеров», запрещавший начальникам лагерей применять физические наказания к восточным рабочим. Однако, они, как и ранее, не были приравнены во всех правах к прочим рабочим.

Несмотря на этот приказ, к нам продолжали поступать жалобы на возмутительное обращение с остовцами, и теперь, после всех признаний и приказов это чувствовалось особенно остро. Жалобы теперь поступали не только к нам, но и к офицерам и солдатам формируемых частей Первой и Второй дивизий, никак не способствуя поднятию боевого духа. Угрожающим становилось также положение с проверкой личных качеств вновь завербованных бойцов. Если при наборе Первой дивизии, как я упоминал выше, генералу Трухину удалось удержать идейный уровень офицеров и солдат на должной высоте, то, к его и всех нас сожалению, того же нельзя было сказать о бойцах Второй дивизии. Ухудшало положение отсутствие обмундирования и помещений для солдат, где их можно было бы держать под контролем. В результате, в районе Первой дивизии всё было тихо и мирно, в районе концентрации Второй дивизии были частые случаи проявления недисциплинированности и даже грабежей у крестьян. Все эти неприятности удалось бы быстро свести к нулю при наличии доброй воли у властей, каковой, увы, не наблюдалось.

ПЕРЕЕЗД В КАРЛСБАД И ПОСЛЕДНИЕ ТРИ МЕСЯЦА ОФИЦИАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ КОНР-а.

В начале февраля фронт стал так быстро приближаться к Берлину, что надо было переводить КОНР в более спокойные места. Таким образом, был избран перенаселенный Карлсбад, так как о переезде вместе с моей семьей не могло быть и речи, то последнюю пришлось вывезти в расположенный неподалеку Байройт, в котором жило не мало наших соотечественников.

Штаб-квартира Власова, Национальные Советы и канцелярия КОНР-а разместились в отеле Ричмонд. Это было исключительно удобное место, так как все учреждения были сконцентрированы в одном здании.

Последние три месяца работы КОНР-а протекли в спокойной атмосфере этого живописного курорта, объявленного открытым городом и потому не подвергавшегося воздушным бомбардировкам. Последнее обстоятельство увеличивало недружелюбие по отношению к нам со стороны местного населения, боявшегося, что присутствие штаба Власова вызовет бомбардировку города. К счастью, эти опасения не оправдались и мы могли работать спокойно. Слух о нашем местопребывании быстро распространился среди эмигрантов всех политических направлений, и они стали нашими частыми гостями.

Украинская Национальная Рада пользовалась особым вниманием, и мне иной раз приходилось принимать посетителей с утра до вечера. Несмотря на нашу упомянутую выше декларацию о непредрешенческом отношении к судьбам будущего государственного устройства Украины и её связи с новой Россией, большинство посетителей настаивало на нашем личном отношении к вопросу будущего сожительства с Россией, выражая, все как один, опасения, что всякая будущая Россия, авторитарно-тоталитарная, либо демократическая, со своей более сильной культурой проглотит нас без остатка. Поэтому, единственной возможностью спасения своей национальной культуры является отгородить её своеобразной китайской стеной от другой культуры, тем более от родственной ей по своему духу. С такой логикой сражаться было бесполезно. Мы не переставали подчеркивать, что, в таком состязании культур только долголетний опыт может показать, кто более живуч и силён, а в настоящее время нам всем, всем народам России, надо не разъединяться, а соединяться, чтобы бить врага, по выражению Власова, мощным кулаком, а не растопыренными пальцами. В настоящее время, когда все эмигранты сидят у разбитого корыта наших надежд и мечтаний, этот союз должен явиться нашей основной целью. Добившись же истинно демократической России, мы сами будем ее строить и сделаем такой, как хотим. Пока же, заверяли мы, не имейте ни малейших сомнений, что мы любим украинскую культуру не менее самых непримиримых самостийников.

Многих нам удалось переубедить, и они примкнули к нашим рядам, но не менее осталось и таких, переубедить которых могут только годы собственного опыта и горьких разочарований.

Расскажу о нескольких интересных встречах.

Одной из самых колоритных фигур был ген. Омельянович-Павленко, бывший офицер царской армии. Высокий, статный вояка, очевидно, не раз смотрел смерти прямо в глаза. На это указывал офицерский Георгиевский крест на его груди, являвшийся высшей наградой за храбрость в царской армии. Приехал он в Карлсбад в своём большом шарабане, запряжённом парой вороных коней. По-видимому, не в пример прочим высшим чинам, он был состоятельным человеком и мог позволить себе роскошь такого передвижения. Хотя по своей фамилии он был несомненно украинского рода, он говорил по-украински весьма посредственно, что не мешало ему быть горячим украинским патриотом. Он сразу же был принят ген. Власовым и имел с ним сердечную беседу, после которой А. А. направил его ко мне. Как водилось со всеми украинскими деятелями того времени, он первым делом спросил меня о моих взглядах на самостоятельную и независимую Украину и, как также водилось, я изложил ему вышеуказанную нашу точку зрения. Генерал оказался покладистым человеком, обладавшим большим чувством юмора, позволившим ему понять, что все наши разговоры о будущем государственном устройстве Украины и её взаимоотношениях весьма напоминают дележ шкуры неубитого медведя. Поэтому он с милой усмешкой согласился отложить окончательное решение вопроса до того времени, пока не только русские, но и украинские большевики будут изгнаны с наших земель. Через несколько дней

он уехал согласно грибоедовскому рецепту «искать по свету, где оскорблённому есть чувству уголок», предварительно заверив меня в его полной поддержке идей Манифеста.

Вторым запомнившимся посетителем был, как он сам отрекомендовался, бывший член Директории, г-н А. Он был одним из тех неудачников, которых разбушевавшееся море революции выбросило в чужие каря, в которых они до сих бродят в поисках пристанища. До сего времени он толком не знает ни одного языка, кроме украинского и, как он сам сказал, общепонятного русского. В его кармане свистели буйные ветры. Не было ни жены, ни детей, ни специальности. Кормился случайными подработками, иной раз непосильным трудом для его щуплого тела. Его горячего патриотизма и любви к Украине не ослабили годы невзгод и лишений. Такие люди внушают к себе уважение даже у политических противников. Хотя убедить его в возможности нашей точки зрения было делом явно безнадежным, но он был одним из тех, которые признают право другого иметь свои убеждения.

Словом, приходилось иной раз исходить потом от словопрений, но твёрдо защищать свои позиции.

20 февраля состоялось единственное заседание Совета Национальностей, на котором присутствовали В. Малышкин, Н. Будзилович, А. Цагол и я. Мы узнали о тех препятствиях в формировании наших военных частей, которые чинили нам шовинисты, собравшиеся под крылышком Розенберга. Из них, особенно рьяно выступал профессор Островский, Председатель Белорусской секции.

Островского я никогда не видел и не знаю, в каком университете и какого предмета он был профессором, но он испортил нам не мало крови. Он был одним из тех убежденных сепаратистов, для коих своя страна превыше всего, и которых мало интересует мнение народа. Он был вне себя от ярости, когда узнал, что в составе Первой дивизии был один батальон, укомплектованный исключительно белоруссами. Островский бушевал даже больше украинцев, которых тоже выводило из себя, то, что командиром Первой дивизии был чистокровный украинец, генерал Буняченко, и не меньше трех четвертей солдат были уроженцами Украины.

Если у сепаратистов украинцев была своя дивизия, укомплектованная на 90, а то и больше процентов, галичанами, то Островскому не удалось сколотить даже одной роты своих приверженцев.

У кавказцев, в особенности у грузин, дело обстояло много лучше. Убежденных сепаратистов среди них было мало, и переход всех грузин под команду Власова был только вопросом времени.

Малышкин сообщил также о том, что союзники очень плохо информированы о целях и задачах ОДНР и считают генерала Власова простым изменником, продавшим родину ради своих интересов.

Узнали мы также о том, что член КОНР-а Жеребков, бывший парижанин, назначен офицером связи с неофициальным заданием правильно информировать западных союзников о целях ОДНР. Однако, до настоящего времени все его попытки установить такой контакт, оказались безуспешными.

Из февральских событий следует отметить третье и последнее заседание членов КОНР-а, 27-го этого месяца. На собрании присутствовало около 60 человек. С обширным докладом выступил А. А. Власов. Он прежде всего отметил, что формирование Первой дивизии ОДНР закончено, и она может служить ядром для будущей Освободительной Армии.

— Конечно, это горсточка по сравнению с теми дивизиями, которые может выставить против нас Сталин, но мы опираемся, ведь, не на количество, а на качество наших бойцов, борющихся не столько оружием, сколько своими идеями и желанием сделать народы России счастливыми и зажиточными. Не так давно мы имели разительный пример действия наших дней. Наш маленький противотанковый отряд был введен в бой на Одере. В распоряжении командира отряда, полковника Сахарова, было оружие, гораздо более мощное, чем противотанковые орудия — это были рупора громкоговорителей. Через них полковник рассказал советским солдатам и офицерам, кто он и почему его бойцы и он борются против коммунистов. Свершилось чудо — в течение последующей ночи несколько десятков красноармейцев и офицеров перешло на нашу сторону и влилось в наши ряды.

Далее Власов подчеркнул тот факт, что эта перебежка случилась во время победоносного марша Красной Армии: — А что бы было, если бы нашим маленьким отря-

дам дали возможность выступить два года тому назад? Но даже и сейчас ещё не всё потеряно, если мы получим реальную возможность применять наши идейные бомбы, — закончил он.

Затем выступили два украинца: бывший городской голова г. Киева С. Форостивський и примкнувший к нашей УНР научный работник М. Василакий. Как тот, так и другой в прочувственных словах обратились к нацистским лидерам с призывом отказаться от своего ошибочного взгляда на всех русских как на унтерменшей и немедленно раскрепостить всех рабочих с Востока, в первую очередь сняв позорный значок ОСТ. Эта речь приветствовалась столь горячими аплодисментами, что присутствовавшим на заседании нацистским наблюдателям наверное сделалось не по себе. На ту же тему говорил и М. Василакий.

Сидевший неподалеку от меня Андрей Андреевич поздравил меня с новыми блестящими членами УНР и признал, что это был наш украинский день. Увы, день действительно был наш, но воз оставался на старом месте.

Наше праздничное настроение рассеялось, как дым, когда чуть ли не на следующий день после заседания стали поступать сведения, что никаких существенных изменений не произошло, и значок ОСТ не отменен.

ПОСЛЕДНИЕ ДВА МЕСЯЦА БОРЬБЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ОДНР. ИХ ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ — ВЫСТУПЛЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАГИ.

Основная причина трагедии, которая свершалась перед нашими глазами, заключалась в фактическом устранении генерала Власова от руководства Вооруженными Силами ОДНР. Несмотря на то, что Власов номинально числился главнокомандующим этими силами, они получали приказы не от него, а от нацистских командиров. Последние не считали нужным консультироваться с Власовым и отдавали распоряжения, не считаясь с тем, что наша дивизия по своей силе имела больше политическое, чем военное значение. Соответственно с последним, наши Силы следовало помещать на хороших участках фронта, а не затыкать ими дыры во фронтовой линии, образовавшиеся вследствие поражения немецких частей. А ими-то

только и затыкали прорехи, и такая тактика нацистских командиров вызывала у наших подозрение, что дивизию хотят использовать, как пушечное мясо.

Возникла ситуация, когда основной мишенью нацистских приказов явился не Власов, а командир Первой дивизии генерал Буняченко. В драматической борьбе последних месяцев Буняченко поднялся от мало кому известного генерала до большой политической фигуры, оказавшей огромное влияние на историческую оценку нашего Движения.

Прежде, чем перейти к описанию того, что мне известно со слов других, я опишу то, чему я был свидетелем в Карлсбаде.

В марте и апреле состоялось по два заседания Президиума КОНР-а, на которых обсуждались, главным образом, вопросы, связанные с передвижением и экипировкой наших дивизий. Характерно, что Буняченко ни на одном из заседаний не присутствовал, так как не мог ни на минуту оторваться от своих проблем. Они начались 2-го марта, со дня получения приказа о выступлении на фронт, данного Гиммлером, как обычно, без согласования и даже уведомления Власова. Он сообщил о нём Президиуму после того, как дивизия уже отбыла на место назначения на Одерский фронт. Пришлось проглотить и эту горькую пилюлю. Между тем, парижанин Жеребков развивал энергию, стараясь связаться с Международным Красным Крестом, но по-прежнему безуспешно.

В марте, в Карлсбад зачастили представители казачьих войск, которые, наперекор своему Главному Атаману генералу Краснову, хотели объединиться с нашими дивизиями в последних их усилиях.

Всем нам поведение генерала Краснова не было понятно. Конечно, убеждённому монархисту Краснову не легко было заключить союз с бывшим коммунистом Власовым. Однако, с одной стороны, у обоих была общая цель — способствовать благу народов России и, с другой стороны, у обоих был общий беспощадный враг и одни и те же судьи, когда они попали в руки Сталину. Упомянутый выше другой монархист, генерал фон-Лампе, был гораздо более реалистичен в своих суждениях.

В то время, как бойцы и командиры Первой дивизии переживали кризис за кризисом, все мы в Карлсбаде

жили, как на вулкане, в ожидании надвигающегося краха. Власова можно было видеть лишь урывками или во время заседаний. С молчаливым Малышкиным о многом не поговоришь, так что мы в нашем триумвирате — Цагол, Будзилович и я, варились в собственном соку.

Байройт, где жила моя семья, бомбардировкам пока что не подвергался, так что хоть в этом отношении я был спокоен.

Так прошёл тихий весенний март, и наступил бесцветный для нас апрель. Далеко не спокойным был этот месяц для Буняченко и его дивизии. До нас доходили слухи, оказавшиеся впоследствии правдоподобными, что в середине апреля Буняченко самовольно снял свою дивизию с фронта и двинулся с ней на юг. Это движение было в согласии с планом Власова, но инициатива маневра принадлежала всецело Буняченко.

О плане демарша на Юг Власов сообщил на последнем заседании Президиума, в двадцатых числах апреля. Власов планировал сконцентрировать в районе Альп все русские добровольческие части (включая казаков), «ощетиниться там штыками» и сражаться там против всех до тех пор, пока Запад не пожелает вести с нами переговоры. А. А. категорически отверг другой «план», предложенный одним из генералов: получить иностранные паспорта и уехать в Испанию, где было, по-видимому, предложено убежище.

— Я создал РОА, и я разделю с ней её участь, — спокойно и без всякого пафоса сказал он.

Впоследствии стало известным, что ему был даже предложен аэроплан для полета, но он и от этого отказался.

Оба фронта, восточный и западный, разваливались с катастрофической быстротой. Первая дивизия в это время была недалеко от Праги, и перед Буняченко стояла нелегкая задача: спасти то, что можно было. Единственной возможностью спасения представлялось пробиться в расположение американских войск, надеясь, что они не выдадут наших бойцов на расправу большевикам. К сожалению, этот последний маневр спас только немногих. Но в этом не вина Буняченко. Ситуация на международной политической арене складывалась не в нашу пользу. Сталин и здесь одерживал победу за победой.

На одном из заседаний президиума КОНР-а Власов сообщил, что предложения Германии — заключить сепаратный мир с союзниками — потерпели неудачу. На конференции в Казабланке было решено продолжать войну до полной и безоговорочной капитуляции Германии. Сталин превратился в «доброго дядю Джо» и чуть ли не в борца за демократию. Не говоря уже о том, что «борцом за Россию» он был давно признан. Его истинные стремления к мировому господству коммунизма были так искусно спрятаны за фасадом русского патриотизма, что прямодушные союзники поверили и приняли его в свои объятия. Нам же оставалось терпеливо ждать и надеяться на скорое просветление мозгов у западных лидеров, после того, как Сталин сбросит свою маску.

Получив приказ об атаке на своём участке фронта (географические данные упускаю как политически не существенные), Буняченко ему сперва подчинился. Однако, он сразу же увидел, что перед ним поставлены непосильные задачи. С одной стороны, позиция большевиков была за долгое время перед атакой укреплена по последнему слову военной техники, с другой же стороны, приходилось воевать, что называется, голыми руками, без поддержки авиации и артиллерии. В результате, уже в первые часы после начала боя, дивизия понесла огромные потери. Буняченко ясно увидел, что продолжение операции при вышеуказанных условиях означало бы гибель дивизии, что называется «за ничто». Гибель того, что было создано упорным трудом и столькими унижениями, оскорблениями и обманами. На столь явное самоубийство Буняченко решиться не мог.

И он самолично (Власова в это время на фронте не было) принял политическое важное значение: во что бы то ни стало сохранить дивизию. Это можно было совершить только одним путем — отказом от предложения бессмысленной операции. На это Буняченко и решился, сняв свою дивизию с фронта и направив её на Юг на соединение с казачьими частями.

Во второй половине апреля дивизия находилась уже примерно в 70 клм. от Праги. Нацистские генералы и фельдмаршалы, конечно, рвали и метали: подобного нарушения дисциплины в истории войн Германии до сих пор ещё не было. Однако, силы были слишком слабы в то вре-

мя, чтобы наказать ослушника. В отплату за все прежние издевательства и обиды им пришлось проглотить весьма горькую пилюлю.

Но на этом расплата не закончилась. Узнав от Чешского партизанского штаба, что немцы перед отступлением собираются разрушить Прагу, партизаны просили Буняченко выступить в защиту города и, тем самым, помочь им в борьбе за независимость.

Положение Буняченко было не из легких. Власов, бывший тогда вместе с дивизией, высказался против всякого контакта с партизанами. Однако, бойцы и командиры были, как один, за полную поддержку. Я в это время был далеко и не знаю о мотивах за и против. Несомненно, Власов до конца хотел остаться лояльным по отношению к бывшим союзникам, несмотря на отсутствие у последних тех же чувств к нему и ОДНР.

Честному человеку не легко нарушить данное им кому-либо слово, даже в том случае, когда тот, кому дано слово, не оправдал надежд. Буняченко смотрел на эти вещи проще, и, по-видимому, в высокие материи рассуждений не вдавался. Он сам, его командиры и бойцы абсолютно никаких сантиментов по отношению к нацистам иметь не могли, на каждом шагу терпя от последних одни обиды и огорчения. К тому же, как я говорил раньше, за последние полгода Первая дивизия стала не только одним из центров, куда стекались жалобы остовцев, но и местом, где они могли на худой конец скрыться от преследований.

Известны случаи, когда наши бойцы отдавали свою форму таким беглецам и прятали их от нацистской полиции. Ясно, что подобные случаи только подливали масла в огонь враждебности к нацистам.

Так что с этической стороны у Буняченко, очевидно, колебаний не было. Единственными его мечтой и желанием было спасти дивизию от гибели. Выступление на стороне партизан вселяло надежду на возможность добиться у американцев лучшего понимания задач ОДНР и его Армии. Ставя себя на место Буняченко, я думаю, что решил бы в пользу выступления.

Власов, зная об этих настроениях, отказался вмешиваться и предоставил решение командирам Дивизии. Как мне довелось читать в некоторых трудах, Буняченко, перед выступлением потребовал у Чешского штаба письменного

согласия на то, что оно будет одновременно против нацистов и коммунистов. Будто-бы такое письменное заверение было дано, но об его судьбе ничего не известно. Не знаю я и о других подробностях, в частности, о количестве жертв, понесенных обеими сторонами. Знаю лишь, что выступление увенчалось успехом, и город был спасен.

Однако, когда Вторую Мировую Войну начали описывать советские историки, то выяснилось, что Прагу от разрушения якобы спасли части армии маршала Конева, и «изменники власовцы» чуть ли не старались им в этом помешать.

К сожалению, Партизанский штаб оказался не на высоте и под давлением коммунистов склонился в сторону советской версии. Что-ж, добавлена ещё одна позорная страница в «объективной» и «нелицеприятной» советской Истории. Достойные ученики «доброго дяди Джо» так научились перемешивать правду с ложью, что даже современнику не легко отыскать крупицу истины в их исторических версиях, для будущих же поколений это будет совершенно непосильной задачей.

К сожалению, надежды Буняченко не оправдались. Союзники ещё находились под обаянием улыбок и похлопываний по плечу, репатриировав множество бойцов РОА на родину, ждавшую их с распростертыми объятиями концентрационных лагерей. Много лет ещё пройдет, пока они поймут, что скрывается за показным дружелюбием, и годы неведения будут стоить жизни тысячам борцов за счастье своей Родины.

Во время драмы на фронте, в Карлсбаде было относительно спокойно, если не считать отдельных недружелюбных выступлений чехов, которые все вдруг забыли немецкий язык и только разводили руками, когда к ним по-немецки обращались.

Первого мая я был вызван генералом Малышкиным, который объяснил, что меня назначили начальником поезда, отправляемого на Юг, с гражданскими членами КОНР-а и их семьями. Я начал приготавливаться к отъезду, когда мне сказали, что только что приехал один из наших членов и сообщил, что Байройт, где жила моя семья, подвергся ужасной бомбардировке и охвачен пожарами. Я сказал об этом несчастьи генералу Малышкину, и он предложил мне ехать в Байройт, чтобы не разделяться со своими в такую тяжелую для них минуту, назначив

начальником поезда, вместо меня Н. Н. Будзиловича.

И тут снова свершился перст судьбы, спасавший меня много раз от гибели. Как я узнал потом, этот поезд невдалеке от Карлсбада подвергся бомбардировке и понес большие потери. Разрушен был вагон начальника поезда, и все находившиеся в нём, в том числе и Н. Н. Будзилович со всей своей семьей, погибли.

В это время я, вместе с двумя сотрудниками КОНР-а, семьи которых находились в Байройте, пробирался туда. Никакого сколько-нибудь регулярного железнодорожного сообщения уже не было, и только случайные паровозы с несколькими прицепными вагонами передвигались от станции к станции, главным образом, по ночам. Американские аэропланы днем летали на небольшой высоте, не боясь ответного обстрела с земли, и практически свели на-нет всякое железнодорожное движение.

Несмотря на все трудности и находясь под обстрелом не один раз, мы добрались до станции, неподалёку от Байройта. Отсюда нам предстояло завершить путь пешком.

Переночевав у одной гостеприимной немки и оставив у неё на хранение часть наших вещей, мы двинулись домой. И этот последний этап пешеходного путешествия был не менее опасен, чем прогулки по джунглям, кишащим дикими зверями. По дороге мы попали в зону между отступавшей немецкой и наступавшей американской армий. Решено было переждать момент смены власти в доме жившего неподалеку от Байройта киевлянина Л. Р. Шефлера. Приютивший нас хозяин был горячим русским патриотом и участником ОДНР. Он не только принял нас с чисто русским радушием, но и снабдил нас велосипедами, на коих свершился наш триумфальный въезд в Байройт.

Оказалось, что и тут «склалось» гораздо благополучнее, чем «жадалось». Ни наше имущество, ни семьи от бомбардировок не пострадали. Из всех русских эмигрантов тяжко ранило только одну престарелую даму, у которой оторвало руку.

Но дома меня ждало новое волнение. Когда моя жена увидела те пожитки, которые я принес с собой из Карлсбада, она всплеснула руками и голосом, полным трагизма, спросила:

— А где же твои брюки?

Я, посмотрев на сию часть туалета, бывшую на месте и в полном порядке, вдруг вспомнил, что ведь перед нашим расставанием жена вшила в этот предмет парадного убранства значительную часть наших драгоценностей. На них мы рассчитывали прожить первое время после переселения в новые края. Хочешь- не хочешь, а брюки надо было спасти и привезти в Байройт.

К счастью, теперь у нас были столь совершенные способы передвижения, как велосипеды. Сели мы на них, вместе с другим компаньоном по путешествию, и отправились к гостеприимной немке.

Преодолев снова не мало трудностей и достигнув дома, где хранились мои сокровища, мы, к своему огорчению, узнали, что в эту ночь к нашей немке забрались воры, похитившие не только её, но и наши вещи. В то время, как я, подобно шекспировскому герою готов был воскликнуть: «Брюки мои! Всё царство забрали!» — хозяйка вдруг сказала, что воры бросили часть одежды и предложила нам посмотреть в подвале на эти жалкие остатки.

И, о счастье! На самом видном месте среди брошенного тряпья, находились мои вещи. Ну, как не верить после этого в неисповедимые пути судьбы? Мало того, я обнаружил, что все зашитое, оказалось на месте. Вне себя от блаженства, пустился я в обратный путь и, только въехав на своём стальном коне в Байройт, обнаружил, что город только что был занят американцами. Ненавидимое раньше слово «остарбайтер» превратилось теперь в пароль для свободного пропуска, и военные патрули позволяли нам следовать своим путём.

ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ В АМЕРИКАНСКОМ БАЙРОЙТЕ. РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ПОЛЬСКИХ УКРАИНЦЕВ.

Итак, мы снова под оккупационной властью, но на сей раз первой в мире демократической страны. Мы теперь в положении привилегированных граждан и в то время, как немцы засыпают воронки от снарядов, убирают щебень, стёкла и заколачивают разбитые витрины, мы, засунув руки в карманы, посматриваем на них с нескрываемым удовольствием. Такая понятная, чисто человеческая черта!

Уже с первых дней прихода американцев, стало известно об одной замечательной черте их характера — они верят людям на слово, в особенности, если эти люди не немцы. Большинству американцев даже и в голову не приходит требовать от вас документ, подтверждающий ваши слова, но раз вы говорите — значит так оно и есть.

С первых дней оккупации мы узнали, что согласно Ялтинскому соглашению, все бывшие советские граждане должны быть возвращены на Родину. Можно не сомневаться в том, что большевики объяснили введение этого пункта своей боязнью, что кто-либо будет препятствовать этим обездоленным людям вернуться на любимую родину. «Дядя Джо» говорил, а американцы верили. К счастью, Сталин не мог возражать против упоминания того, что русские или украинцы, подданные других государств, или старые эмигранты принудительному возвращению не подлежат. И вот, чем мы хуже «доброго дяди Джо», — все мы вдруг превратились в украинцев — бывших польских граждан, не подлежащих репатриации. Одних наших слов было достаточно для зачисления в благословенную категорию. У кого-нибудь поднимется рука, чтобы бросить в нас камень, за наш мало этичный поступок? Конечно, я не говорю о явных и скрытых коммунистах, у тех поднимется. Так или иначе, но почти все бывшие жители Киева трансформировались в польских украинцев.

У меня лично была ещё одна проблема. Ввиду того, что моей подписи под Манифестом ОДНР никаким топором не вырубишь, можно было опасаться внесения меня в один из проскрипционных списков с требованием о выдаче как «военного преступника». Поэтому представлялось благоразумным на первое время исчезнуть с глаз людских. Это было сделано по двум линиям: во-первых, — мне достали паспорт на неизвестное мне русско-украинское имя и, во-вторых, сняли для меня комнату в одном из закоулков Байройта, в которой я предавался размышлениям о человеческой суете сует и изучал английский язык, который успел основательно подзабыть. Вообще же конспирация продолжалась весьма недолго, и как только в Байройте открылся госпиталь для «перемещенных лиц», как теперь окрестили нашего брата, я раскрыл свое инкогнито и был приглашен туда в качестве рентгенолога, а дочь, недавно окончившая медицинский институт, в качестве врача-терапевта.

К сожалению, не все эмигранты были в таком обеспеченном положении, как наша семья, жившая на частной квартире. Часть из них вынуждена была жить в лагерях для перемещенных лиц, куда часто заглядывали советские охотники за черепами, и где принудительные выдачи были. Я знаю, что в Байройте была только одна попытка внелагерной насильственной выдачи, закончившейся, к сожалению, трагически. Для цельности изложения я расскажу о ней сейчас, хотя она случилась позже.

ПОПЫТКА ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ РЕПАТРИАЦИИ И МОЙ ВИЗИТ В АМЕРИКАНСКУЮ РАЗВЕДКУ.

Во время войны и в ближайшие месяцы после её окончания, Американская военная разведка (Си Ай Си) производила аресты и высылки всех заподозренных в работе Гестапо и родственных ему учреждениях. Советские агенты часто использовали эту возможность для сведения личных счетов, либо из мести. Подобный случай имел место в нашей байройтской эмигрантской колонии.

Общим уважением всех эмигрантов пользовалась чета Каспаровых, беженцев из Краснодара. Муж, исключительно способный и знающий врач, жена, высокоинтеллигентная женщина, владевшая многими иностранными языками.

В одно прекрасное весеннее утро обоих вызвали в Си Ай Си и заявили, что им известно о работе г-жи Каспаровой в Гестапо, имевшей место во время оккупации немцами Краснодара. Г-жа Каспарова действительно служила во время оккупации, но не в Гестапо, а в Городской управе. В Си Ай Си не понимали, что, с точки зрения коммунистов, служба при немцах в любом учреждении считалась тяжким преступлением. Так как у работников Си Ай Си не было ни времени, ни желания входить в детали, то они приняли Соломоново решение — послать обоих в Краснодар, а там, дескать, разберутся, кто, где и куда. Супругу сразу же арестовали, а доктору было предложено на завтра быть готовым к отъезду.

Доктор, будучи необычайно нервным и впечатлительным человеком, решив покончить жизнь самоубийством, принял большую дозу имевшегося у него морфия. Пришедший племянник застал д-ра в бессознательном состоя-

нии и, увидев пузырёк от морфия, понял, в чём дело, и немедленно позвал врача, которому удалось возвратить д-ра к жизни, но, увы, не надолго. Под утро несчастный пришел окончательно в себя и... повесился.

Сотрудники госпиталя попросили меня пойти в Си Ай Си, чтобы вызволить г-жу Каспарову. Я сказал следователю о происшедшем трагическом случае, но тот нагло мне ответил, что, очевидно, у доктора была нечистая совесть. Я возмутился и сказал, что, как врач, о состоянии совести судить не берусь, но вполне понимаю, что несправедливыми обвинениями всякого человека можно довести до отчаяния и самоубийства. Следователь, он явно был с коммунистическими симпатиями, стал и мне угрожать.

Так или иначе, но г-жу Каспарову выпустили только через неделю и ей было решено сказать, что муж умер от сердечного припадка. Через 20 лет она умерла, уже будучи канадской гражданкой, так и не зная об истинных обстоятельствах смерти мужа.

Я хочу все же сказать, что этот случай бездушного отношения к советским беженцам является единичным, и мне известны факты, когда работники Си Ай Си не только проявляли сердечное отношение к жертвам доносов, но и помогали им эмигрировать в США.

ПРОВОДЫ И ВСТРЕЧИ РЕПАТРИАНТОВ В АМЕРИКАНСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЗОНАХ ОККУПАЦИИ.

В 1945 году большинство остовцев возвращалось на Родину из лагерей, провожаемые оркестрами музыки, букетами цветов, и грузилось в поезда со всем своим имуществом, которое они приобрели в Германии и накопили годами адского труда. Все эти простые и доверчивые люди никак не ожидали того приёма, который был уготовлен для них в советской зоне оккупации.

Я был свидетелем последнего, так как был назначен сопровождать поезд с репатриантами. Вначале всё шло как по маслу, поезд отъезжал в весьма торжественной обстановке: гремел оркестр, были букеты, и советский представитель репатриационной комиссии произнёс прочувствованную речь на тему: «Родина зовёт вас».

Однако, по приезде в передаточный пункт, находившийся в городе Пильзене, уже ни музыки, ни цветов, ни речей не было. Немедленно по прибытии, поезд был окружён красноармейцами, и приказано было выходить мужчинам и женщинам отдельно, не считаясь с родственными отношениями. Затем последовала отрывистая команда: «шагом марш», и репатриантов, построенных шеренгами, увели в разные стороны. А багаж? Он был выгружен отдельно и последовал в другом направлении. Подслушанная реплика конвоиров: «Мы свою кровь проливали, а эти паразиты жирели на немецких хлебах и обрастали имуществом».

«И это всё», как говорят англичане.

Американцы, наблюдавшие всю эту сцену, только плечами пожимали. Пройдёт ещё много месяцев, пока пелена спадёт с их глаз. Мои наблюдения не были единичными, и все они привели к значительному охлаждению энтузиастов, затосковавших по Родине. В результате, уже ко второй половине 1946 года, всё население лагерей для перемещённых лиц перешло в категорию — не подлежащих репатриации.

ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА, ИЛИ «ТЕРПЕНИЕ И ТРУД ВСЁ ПЕРЕТРУТ!»

Пока мы привыкали к американцам, немцы упорно и методически зализывали раны, причиненные бомбардировками. Уцелевшие кирпичики от поверженных в прах домов складывались в аккуратные штабеля, а чудом уцелевшие дома мылись и чистились. Закрывались бомбоубежища и бункера, превращаемые в какие-либо полезные учреждения, и ставились вновь памятники над разрушенными могилами.

Моя жена нашла человеческий позвонок вблизи разбитой вдребезги могилы Франца Листа и, вместо того, чтобы оставить его как реликвию, бросила обратно в могилу:

— А кто знает, может это не был позвонок гениального пианиста?

Та же кровопролитная работа проводилась и в других городах. Несмотря на все неприятности, причинённые нам нацистами, мы не могли не восхищаться любовью немцев к их родине. Недавние львы-командиры Евро-

пы, превратились в трудолюбивых муравьев, возвращающих Германии её былую прилизанную чистоту и порядок. Вместо недавнего обязательного приветствия: «Хайль Гитлер» (Да здравствует Гитлер), снова старое баварское: «Грюсс Готт» (Хвала Богу). Добродушие и вежливость вместо, свежей в памяти, — надменности нацистов.

Зайдя вскоре после занятия города в американскую комендатуру, я был свидетелем забавного инцидента. Вошедший вместе со мной благообразного вида пожилой немец по инерции произнес: «Хайль Гитлер!» и замер от ужаса в ожидании сурового наказания .Американцы только улыбнулись и, как ни в чём не бывало, спросили у озадаченного старика, в чём его дело. Кто-то только пошутил на тему: «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь». Война не уничтожила в них чувства юмора.

Стали и мы потихоньку освобождаться от кошмарного военного быта. Какое счастье! Не слышно ни стрельбы, ни завываний сирен, ни обязательного затемнения по вечерам. Появилось американское кино с последними произведениями Холливуда, стали поговаривать о скором открытии театров. Даже шахматисты повыползали из своих нор и начали собираться в местной пивной. Плоховато ещё с продуктами, но всё же лучше, чем во время войны, сосания под ложечкой не ощущаем. Читаем, главны образом, газету на английском языке, которую издают для американских солдат. Немного подташнивает, когда читаешь о «доблестных русских союзниках», но в общем переварить можно. Однако, в той информационной тьме, в которой мы все тогда пребывали, даже эта примитивная газетка служила щелью, через которую проникал свет из свободного мира, где нет ни опасности выдач злейшему врагу, ни вечной боязни холода и голода. Для меня и других участников ОДНР, которых приходилось в то время встречать, особенно тягостным было отсутствие всякой надежной информации о судьбе ген. Власова и его ближайших военных сотрудников. Упомянутая газета ни одним словом о них не обмолвилась и ни одним словом не помянуло об Освободительном Движении. Исчезло, как в воду кануло. Жадно, поэтому, прислушивались ко всяким сообщениям из т. н. «достоверных источников», вроде, например, того, что Власова и всех генералов спрятали где-то в Испании и ожидают только подходящего момента, чтобы выпустить их на политическую

сцену. Потому, как только железнодорожное сообщение было более или менее восстановлено, я решил поехать в центральный город Баварии — Мюнхен, надеясь там получить более достоверные сведения.

МЮНХЕН ПОЛЕ ВОЙНЫ. СНОВА НИКАКИХ ДОСТОВЕРНЫХ ДАННЫХ О ВЛАСОВЕ И ДРУГИХ РУКОВОДИТЕЛЯХ ОДНР.

Мюнхен в то время был центральным пунктом сбора эмигрантов со всей Баварии. Помимо обширного лагеря неподалеку от Мюнхена, они жили также и в других мелких окрестных лагерях и на частных квартирах. Несмотря на то, что газет было больше, и иной раз попадались лондонские и даже нью-йоркские, вполне проверенных сведений ни о Власове, ни о других руководителях. Узнал я, что наши дивизии были разоружены и интернированы в лагерях вблизи Мюнхена. Охрана лагерей в то время была весьма поверхностной, и из них бежать не представляло затруднений. Однако, воспользовались этой возможностью только немногие (как потом оказалось, счастливцы). Большинство, в том числе и генералы, были ещё во власти иллюзии, что Освободительное Движение будет признано американцами, и все его участники, в том числе и военнослужащие, будут вполне официально отпущены на свободу. При беседах с теми солдатами и офицерами наших дивизий, которые были разорены, я узнал, что Власова в момент сдачи среди них не было, и они о его судьбе знают не больше нас. Среди счастливцев был и личный адьютант Власова, полковник Поздняков, живший на частной квартире. Он также никаких вполне достоверных сведений дать не мог. Но он, по крайней мере, был более реалистичен и на оптимистический лад настроен не был, сетуя о том, что генералы не воспользовались возможностью бежать, когда это было возможно. Здешние американцы в оккупационных частях уже начинают понемногу разбираться в нечестной игре советов, но в Вашингтоне еще далеки от этого, и они в один прекрасный день могут прислать страшный приказ. Вторым видным деятелем, которого я посетил, был протоиерей о. А. Киселев. На мой вопрос о возможности возобновления

политической активности ОДНР, оба деятеля думали, что подходящий момент для последней ещё не наступил и что вести последнюю, по-видимому, придется в рамках политических союзов и партий, а не прежнего Движения. Вскоре после моего возвращения в Байройт я узнал об организации Союза Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР) и Союза Воинов Освободительного Движения (СВОД), как равно и других политических партий и объединений (о деятельности этих организаций будет ещё речь позже). Всё виденное и слышанное мной говорило о том, что ОДНР и его идеи не умерли и ожидают только удобного момента, чтобы во весь голос заявить о своём существовании.

Как мы узнали позже, большевики в это время делали всё возможное, чтобы добиться выдачи всех военнослужащих, имеющих какое-либо отношение к ОДНР. В частности, они не гнушались даже шантажом, намеренно задерживая под всякими предлогами репатриацию американцев, попавших в их руки при оккупации лагерей Восточной Германии, в которых эти военнопленные содержались. Разница между американцами и власовцами была весьма существенна. Американцы рвались домой, где их ожидали семьи и родная обстановка, власовцев же, в лучшем случае, ожидала тюрьма и ссылка в концентрационные лагеря с бесчеловечным режимом. Вскоре по возвращении в Байройт, я, к своему возмущению, узнал, что свершилось то, чего мы все так боялись — из Вашингтона пришел приказ о немедленной принудительной репатриации всех советских военнослужащих. Какие кошмары при этом творились, описано не в одной книге — они навсегда останутся несмываемым пятном на совести тогдашних политиков. Приехали к нам живые свидетели не менее бесчеловечных выдач в английской зоне. Там было ещё хуже, потому что выдавали военнослужащих бывш. царской армии, не подлежащих репатриации согласно ялтинскому соглашению. И при том не только их, но и членов их семей. Хотелось воскликнуть — «Господи, прости их, ибо не ведают, что творят», но язык прилипал к гортани.

Многие, включая меня, строившие воздушные испанские замки о судьбе Власова и генералов, узнали только через год, что в застенках Лубянки в это время начинались крестные муки наших руководителей, выданных на расправу кремлевским палачам. Происходило никому не нужное «следствие», ибо участь выданных была уже давно предрешена. Какие муки довелось претерпеть всем генералам можно себе только представить, и при одной мысли о них сердце сжимается от ужаса. Будем верить, что они не напрасны и кровь их, равно как и тысяч других умученных страдальцев, будет вопиять к небу до тех пор, пока не будет построено здание будущей свободной России. Склоним наши головы над их могилами и пожелаем мира их праху.

Возвращаюсь к эмигрантскому Мюнхену.

Кроме упомянутой выше мимикрии в «польских» украинцев и «рижских» русских, бывшим гражданам СССР надлежало рассеять ещё одно подозрение американцев, усиленно раздуваемое советскими агентами — они должны были доказывать, что они не только не принадлежат к нацистской партии, но и не сочувствуют её идеологии. Ещё легче было приклеить ярлык «коллаборационистов» ко всем тем, которые работали в учреждениях, разрешенных и финансированных немцами. От всех этих ярлыков и штампов избавиться было не всегда легко, но в конце немногие серьёзно пострадали (об одном из таких случаев, закончившемся трагически рассказано выше).

В Мюнхене довелось снова встретиться с четой Брунст и их неизменными аксолотлями. Брунсты поведали мне о тех трудностях, которые им пришлось пережить при добывании драгоценного питания для аксолотлей, т. е. первосортного мяса. Американский майор, ведавший снабжением, вначале категорически отказался его выдавать, и животным угрожала голодная смерть. К счастью, проф. Брунсту удалось найти какого-то влиятельного американского врача, который внял их и аксолотлей горю и добился у американского коменданта разрешения на регулярное снабжение мясом. В дальнейшем я узнал, что аксолотли (и Брунсты) переплыли океан в город Баффало, где они пребывают до сего времени в раковом институте. В литературе написано не мало о самоотверженной работе учёных на пользу науки. Аксолотли (и Брунсты) тоже могли бы кое-что прибавить к этим повествованиям.

ПРОДОЛЖАЮЩАЯСЯ ПЕРЕОЦЕНКА ГУМАНИТАРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ.

Во время моего пребывания в Мюнхене, шёл процесс над военными преступниками в Нюрнберге. Понатворили Гитлер и его соратники не мало ужасных дел, заслуживающих самого сурового наказания. К сожалению, главных виновников — Гитлера и Гиммлера не было, а на скамье подсудимых сидели другие высшие сановники нацистской Германии. Степень виновности каждого и меру наказания для каждого из них должен был определить нелицеприятный и справедливый суд. Конечно, ни один из подсудимых никаких симпатий к себе не возбуждал, но из-за одной антипатии вешают только «классовых врагов» и, притом, только в стране Ленина и Сталина. Риббентропа, к примеру, можно было судить за союз со Сталиным, развязавший Вторую мировую войну, но никак не за убийства евреев и концентрационные лагеря, к которым он никакого отношения не имел. Между тем, его посчитали одинаково виновным с генералом Кайтелем, отдававшим приказы об уничтожении военнопленных и евреев, присудив обоих к смертной казни через повешение. Но во все эти процессуальные тонкости определения вины я входить не буду, это дело просвещенных юристов, членов суда. На объективность решений последнего можно было бы вполне положиться, если бы в его составе не было представителей СССР, правительство которого никогда объективностью по отношению к своим врагам не страдало. Советский прокурор Руденко, пославший на смерть не одну сотню «врагов народа», теперь требовал смерти «фашистским зверям». Он же добился того, что решением суда ответственность за разрушение Киева и за расстрелы в Катыне была возложена на немцев. Если про Катынь и его большевистских палачей мы знаем из актов международных расследований, то о том, кто разрушал Киев, его жителям хорошо известно. На объективность Руденко и Ко могли надеяться только люди, ослепленные пропагандой коммунистов. В то время, как коммунисты называли вещи теми именами, какими им было выгодно, союзники придерживались общепринятой терминологии. Ничего гуманитарно-цельного из такой комбинации не получилось.

Для подсоветского эмигранта суд в Нюрнберге с участием Руденко был столь же объективным доказательством торжества права и справедливости, как и происходивший почти одновременно с ним «Шемякин суд» над генералом Власовым и другими «изменниками» в Ленинграде. Разница была лишь в том, что нацистских генералов никто не пытал, «гуманность» же методов допроса КГБ хорошо известна всему миру.

Война вообще является тёмным пятном на истории культурного человечества. Вторая же Мировая Война вписала в неё особенно позорные страницы. Во время Первой Мировой Войны ни один город от воздушных бомбардировок не пострадал. Только под конец её немцы стали разбрасывать стальные стрелы с аэропланов. Я помню, как легко от них мы скрывались даже в примитивных румынских избушках. Так легко спрятаться от бомб во время Второй Войны не было возможно, и количество жертв было несравнимо больше. К сожалению, бомбардировали не только немцы, но, в значительно большем масштабе, и союзники и, если бы победили гитлеровцы, то в зале суда над союзниками какой-либо нацистский Руденко с неменьшим пафосом произносил бы обвинительные речи за преступления против человечества.

Можно не сомневаться в его красноречии (ведь факта для него было достаточно) при требовании возмездия за насильственные выдачи многих тысяч ни в чём не повинных людей после Второй Мировой Войны. Но так уж водится — на скамью подсудимых победителей не садят, их судейские ризы всегда безупречно белы.

Три оценки Освободительного Движения Народов России: 1. лево-либеральных и социалистических кругов, 2. бывших подсоветских и 3. коммунистов — существовали после войны. 1. Левые либералы и социалисты относились к ОДНР явно или скрыто отрицательно. Эмигранты, принадлежавшие к этой группе выехали из СССР сразу же после большевистского переворота, не успев испытать на себе всех прелестей пролетарской диктатуры и сохранив некоторые иллюзии относительно возможности коммунизма с человеческим лицом. Поэтому им трудно было примириться с выступлением второй эмиграции на стороне врага. Отсюда их отрицательное отношение к ОДНР. Западные же либералы, не имевшие ни малейшего представления о том удушении прав человека и порабощении целых народов, которое имело место в СССР не

могли понять, что эта страна давно перестала быть любимой родиной для подсоветских людей. Их единственной мечтой было после того, как они очутились вне досягаемости КГБ, свержение ненавистного режима. Для достижения этой цели они готовы были заключить союз хотя бы с самим дьяволом (выражение Винстона Черчилля из его речи в Парламенте по поводу заключения союза со Сталиным). Все эти левые элементы, не понимая истинных мотивов выступления на стороне Гитлера, считали все ОДНР выдумкой нацистской пропаганды, а его руководителей и участников, включая Власова, либо изменниками, либо ничего не смыслящими в политике интеллигентами, спасающими свою шкуру. Только один член левой эмигрантской группы, Борис Иванович Николаевский, выступил в защиту ОДНР и его участников, назвав это Движение проявлением народной оппозиции большевизму, которую в условиях войны с Германией можно было выявить только так как это сделал Власов и иже с ним.

Я привел все эти взгляды либеральных противников ОДНР не для того, чтобы на них отвечать, а для того, чтобы показать как часто даже опытные и вполне добросовестные критики могут из за деревьев не видеть леса, находясь вдалеке от критикуемых событий. Кроме того, очевидная и вполне понятная ненависть к расизму и антисемитизму Гитлера послужила плохим советником в оценке всего того, к чему нацисты имели хотя бы только косвенное отношение. Непонятно только, почему эти же критики, столь резко отвергающие всякую связь с Гитлером, даже в явно антибольшевистских целях, столь же открыто не осуждают военный союз демократии с ничуть не меньшим душегубом Сталиным, обагрившим свои руки кровью не меньшего количества невинных жертв?

Теперь уже не подлежит сомнению, что проект создания Освободительного Движения Народов России зародился у Власова ещё в начале 1943-го г. О нём в общих чертах, он говорил во время нашей встречи в апреле. Очевидно, он тогда же, как тут говорят, пытался «продать» эту идею Отделу Пропаганды, включившему её, по-видимому, без надлежащей консультации с Гитлером, в число пропагандных мероприятий под именем «Просвет». Однако, выводы, сделанные из «Просвета» Власовым и нацистами были диаметрально противоположны: Власов был уверен, что название «Просвет» было дано его проекту недаром, и что у Гитлера и нацистской верхушки наступило долгожданное просветление мозгов, те с упорством, достойным лучшего применения всё время считали проект только пропагандным мероприятием, служащим для завуалирования истинных завоевательных целей Германии. В одном Власов добился своего — его «чёртик» начал выкарабкиваться из бутылки, и загнать его обратно уже не представлялось возможным. Ясно, что значение «чёртика» было не столько практическим и военным, сколько идеологическим. Среди «перемещённых лиц» и населения оккупированных областей с быстротой молнии разнеслась весть, что советский генерал Власов поднял меч не только против Сталина и большевизма, но и в защиту попранных прав свободы и справедливости подсоветских народов. Этих опасных мыслей кремлевские узурпаторы боялись больше, чем проблематических власовских дивизий. Не по душе эти идеи пришлись и Гитлеру, ибо они шли в разрез с основными принципами его расистской и завоевательной политики. Но пока политические идеи Власова не получили официального оформления, с ними можно ещё было бороться, всячески стараясь загнать «чёртика» обратно в бутылку. Это и делалось путем явного и скрытого саботажа всех власовских мероприятий. Подобное же вставление палок в колёса продолжалось и после обнародования Манифеста, когда «чёртик» окончательно вылез на свободу, и идеи ОДНР перестали быть секретом полишинеля.

2. Положительная оценка бывших советских граждан.

Идеи Освободительного Движения Народов России были с особым энтузиазмом приняты и поддержаны второй эмиграцией не забывшим еще угнетения личной свободы и справедливости, которые довелось им переживать в Советском Союзе. Эти беженцы ещё не считали себя эмигрантами и хотели вернуться на родину, освобождённую от террора и насилия. ОДНР было поддержано всеми слоями второй эмиграции — рабочим и ученым, солдатом и генералом. У всех в СССР остались близкие, которым надо было помочь. Очень важным представлялось участие в ОДНР бывшей советской знати — генералов и высших военных и партийных чинов, понявших тот антинародный характер, который присущ большевизму-

коммунизму и стремившихся создать счастливую жизнь для своих народов. Не менее важным было участие национальных меньшинств. Участие последних совместно с русскими в выступлении против большевизма противоречило политическим платформам сепаратистских национальных группировок, имевшим своим центром Министерство Восточных Областей. Такое сотрудничество всех народов России отвечало программе, изложенной в Манифесте. Наибольшая активность из национальных объединений была проявлена Украинской Национальной Радой КОНР-а, которая в дальнейшем помогла организации Объединения Украинских Федералистов Демократов. Хотя главная роль в организации ОДНР принадлежала советским беженцам, в ней и в последующей работе принимала живейшее участие и старая (послебольшевистская) эмиграция. Наиболее яркой фигурой из последней был член Президиума КОНР-а профессор С. М. Руднев.

Необычным и важным фактором явилось участие в работе ОДНР Российской Зарубежной Церкви, которая, как я уже указывал, в лице митрополита Анастасия и других иерархов всегда была на стороне КОНР-а во всех его начинаниях. У нас всех в памяти выступления протоиерея Александра Киселева в пользу ОДНР. Того самого священника, который не так давно на страницах газеты НРС выразил уверенность, что в будущем генералу Власову будет поставлен в Москве памятник за его вызов, брошенный в лицо Сталину.

Важным фактом является то, что Освободительное Движение Народов России явилось не только массовым всенародным стихийным восстанием против тирании, бесчеловечных жестокостей и угнетения всех гражданских свобод, но и тем, что оно в своём Манифесте предложило демократическую программу будущего государственного устройства России, обеспечивающую победу, право и справедливость, равные для всех граждан. Хотя в статьях Манифеста, говорящих об указанных правах, ничего нового нет, ибо они, начиная с американского президента Джефферсона, выдвигались борцами за раскрепощение народов, все эти бесхитростные слова нашли путь к сердцу подсоветского человека. Массовый характер движения показал свободному миру существование в СССР оппозиции теории и практике коммуно-большевизма.

Не вина оппозиции в том, что её, благодаря удушению свободного слова и других гражданских свобод в СССР, пришлось выявить во время войны, на стороне другого тоталитариста, с которым союзные демократии вели войну. Другого места и времени для этого выявления не было и откладывать его на будущее было нельзя. Оппозиция не сомневалась, что в случае победы, коммуно-большевизм не только ещё более усилит свою власть над народами России, но и будет угрожать всему свободному миру.

Не вина ОДНР, что все указанные соображения не были приняты во внимание, и почти все руководители ОДНР были, по указке Кремля, объявлены изменниками и выданы на расправу палачам Лубянки, а все идеи Манифеста названы пропагандным трюком нацистов.

До появления ОДНР господствовало убеждение, что в СССР существует только один вид оппозиции коммуно-большевизму, основанный на желании возвращения старых дореволюционных порядков. Массовый благожелательный отклик идеи ОДНР, выраженный в сотнях писем, получаемых ежедневно канцелярией ген. Власова, указывал на ошибочность вышеуказанного мнения. Для разбора этих писем и ответов на них (Власов категорически требовал, чтобы на каждое письмо было отвечено), был выделен штат специальных секретарей.

На массовое сочувствие демократическим идеям ОДНР указывал также наплыв добровольцев во вновь формируемые дивизии КОНР-а. Желающих было так много, что только часть можно было принять из-за отсутствия помещений, экипировки, вооружения и, конечно, саботажа, руководимого самим Гитлером. Об этих истоках саботажа мы узнали только в 1950-м г. из книги Б. Двинова «Власовское Движение в Свете Документов», Нью Йорк, 1950. Особенно характерен для понимания закулисного механизма саботажа протокол заседания в ставке Гитлера от 8-го июня 1943, иными словами, через без малого двух месяцев, после моего первого свидания с генералами Власовым и Малышкиным, когда оба они были полны радужных надежд на возвращение к нацистам здравого смысла.

Выдержки из протокола (собственные слова участников заседания приведены жирными буквами):

На заседании присутствуют: Адольф Гитлер (фюрер), фельдмаршал Кейтель (правая рука Гитлера, повешенный в 1946 по приговору суда над военными преступниками в Нюрнберге) и другие ответственные нацисты.

Кейтель: **В общем и целом мне представляется в настоящее время вопрос об отношении к военнопленным «вольно-помогающим» и к национальным батальонам на востоке следующим образом. Если я в чём-нибудь не прав, то ген. Цейцлер меня поправит. Вся пропаганда Власова, которую он, так сказать, сам по себе развил, является базой для нынешней нашей широкой пропаганды, известной под именем «Просвет», и приноровленной для перебежчиков. С этой целью выпущены листовки, которые мы согласовали с Рейхминистром Розенбергом или Министерством Востока. Они были обсуждены с ними слово в слово. Он их подтвердил и одобрил. И тогда, в начале мая, эта кампания пошла, я бы сказал, полным ходом. Когда они перебегают, то их особенно хорошо принимают. Это основа Приказа 8 139, который распространяется как летучка.**

Гитлер: **Эту летучку я видел.**

Кейтель: **Приняты меры, чтобы перебежчики были помещены в особые лагеря и к ним было особо хорошее отношение.**

Гитлер: **Это вполне в порядке вещей.**

Кейтель: **Позже они могут записаться на различные роли; прежде всего в качестве нормальных рабочих, затем как «вольно-помогающие» и, в-третьих, в известных случаях, в Национальные части.**

Гитлер: **Этого там нет.**

Кейтель: **Позже, в Инструкции, это было сказано — спустя известный срок они могут быть переведены. Это объявил Генерал, Командующий Восточными войсками. я справлялся об этом. Если после определенного периода испытания они себя оправдают, они могут заявить о своём желании быть использованными этим путём, и, при определенных условиях они допускаются как в число «вольно-помогающих», так и в Национальные части. Вся эта широкая пропаганда покоится на прокламациях, подписанных Национальными и Национальным Русским Комитетами. И вот, в этих листовках, наряду с тем, что мы всегда говорим: вас будут хорошо кормить, к вам будут хорошо относиться, вам дадут работу, вы вернётесь на родину, германский Райх в будущем не сохранит системы большевизма, не сохранит системы отнятия земли у крестьян и тому подобное; наряду с этим там сказано ещё следующее: перебегайте к нам; когда перебежите вы можете поступить в Национальную Русскую Освободительную Армию. Это действительно там сказано.**

Гитлер: **Эту листовку следовало бы мне показать.**

Кейтель: **Это необходимо сейчас исправить.**

Я привел эту подробную выдержку из вступительной речи Кейтеля и замечаний Гитлера, чтобы показать, насколько бесстыдно нацисты спекулировали на антибольшевистских чувствах перебежчиков, желая их использовать только для своих выгод. И Гитлер, и Кейтель решительно открещиваются от программы Власова, которую, по их словам, он «сам развил» и явно считают «Просвет» исключительно пропагандным мероприятием, из которого, как замечает далее Гитлер, нельзя делать никаких «практических» выводов. Из его пространной риторики приведу лишь отдельные реплики:

Мы никогда не создадим Русской Армии: это фантом первого разряда.

Мне не нужно Русской Армии, которую мне пришлось бы абсолютно всю пронизать немецкими корсетными шнурами.

Я стою за то, чтобы мы перебежчиков отправляли в Германию. Они ведь военнопленные. Если бы я мог только передать из них 30, 40 или 50.000 человек Комиссару по углю.

Я уверен, что лозунг Освободительной Армии оказывает своё действие: ведь народ там не желает сражаться и жаждет покоя.

Одно ясно: мы попробовали только в нескольких местах серьёзно пустить в бой эти части, и они не могли выдержать серьёзного испытания.

Мне вообще генерал Власов в тыловых территориях не нужен, и его активность на них надо прекратить.

Мы можем вести нашу пропаганду на той стороне, как нам угодно, но здесь нам нужна ясность.

Этими перлами гитлеровского красноречия пересыпаны все его реплики, но, мне кажется, и приведённых дос-

таточно, чтобы показать, какого врага в его лице имели Власов, идеи Манифеста и все мы, участники ОДНР. Это, с позволения сказать, «вождь» крестового похода против большевизма, всех перебегающих к нему противников Сталина рассматривал как военнопленных, которых лучше всего использовать для работы в угольных шахтах, а Русская Освободительная Армия — «фантом первого разряда» — либо пропагандный лозунг, производящий своё действие, ибо «народ не желает сражаться, а жаждет покоя». Он не затрудняется задать себе вопрос, почему эти представители жаждущего покоя народа перебежали на его сторону. Перебежали — и слава Богу, айда теперь в распоряжение комиссара по углю! Заключать союз с таким врагом было бы делом совершенно безнадёжным, и его никогда никто и не заключал. Настоящий и нерушимый союз был заключён с теми немцами, которые с самого начала поняли, что победить Сталина невозможно без помощи народов России и представляющих их Власова и ОДНР. Имя этому союзнику — легион, и они были во всех слоях немецкого народа, начиная с простого солдата и кончая прославленными генералами. Эти все люди помогали Власову и ОДНР всем, чем могли, и без их помощи он не мог сделать и тысячной доли того, что сделал. Такие друзья Власова и ОДНР как капитан В. К. Штрик-Штрикфельд, описавший своё участие в освободительной борьбе в весьма содержательной и правдивой книге «Против Гитлера и Сталина», капитаны Ф. А. Герре, Н. Гроте и С. Фрэлих вписали свои имена золотыми буквами в историю ОДНР. А сколько этих маленьких, канувших в лету помощников? Участники ОДНР могут сказать только одно — много! Им тоже принадлежит почётное место в истории ОДНР.

3. Бескомпромиссно-враждебная оценка ОДНР коммунистами.

У каждого знакомого с коммунистическим словарём значения общепринятых слов и понятий с ленинской точки зрения, не возникнет ни малейших сомнений в том, как будут квалифицировать Программу ОДНР и действия его участников коммунисты и их попутчики: Манифест ОДНР — это программа капиталистов и их прихвостней, служащая для обмана народа. Все её последователи в военное время — «изменники», а в мирное — «враги народа». Ведь согласно хрущевско-брежневской доктрине, только коммунистам разрешается «изменять» капиталистическому отечеству и устанавливать в других государствах послушные Кремлю коммунистические правительства. В последних случаях, коммунистам не возбраняется признание таких же, как они, последователей учения Маркса-Ленина по испытанному принципу — кто сильнее, тот и прав.

ЕЩЁ ОДНА РАЗНОВИДНОСТЬ — «СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТ».

Тоска по родине — дело великое, но, как все чувства человеческие, она хороша только в меру, когда не отшибает разум. Последнее прискорбное обстоятельство случилось с довольно значительной группой старых русских эмигрантов, поселившихся во Франции. Как известно, эти исстрадавшиеся от тоски люди явились к тогдашнему советскому послу во Франции, товарищу Богомолову, и заявили о своём восхищении победами Русской Армии, об их готовности забыть старые обиды, возвратиться на родные места, чтобы отдать там себя служению родине. Они то были готовы, но простили ли их «продолжатели великого дела Ленина-Сталина»?

Достоверно известно, что со многими из этих бедняг с помутившимся разумом, имевших счастье вновь обрести советское гражданство, поступили по образцам, виденным мною в Пильзене.

Известно также, что не мало из этих простачков пополнило население Архипелага ГУЛаг, чтобы познавать там на собственном опыте различие между словами — Россия и СССР. Те горе-патриоты, которые на своё счастье замешкались с получением паспортов, успели получить сведения о судьбе выехавших ранее компатриотов, от возвращения на любимую родину отказались, уразумев ещё раз мудрость изречения — «спеши медленно».

ШЕМЯКИН СУД НАД ВЛАСОВЫМ И ДРУГИМИ ВОЕННЫМИ РУКОВОДИТЕЛЯМИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ.

Будучи в Мюнхене, я не мог узнать о судьбе Власова и других генералов и не был уверен, что все они

были выданы на расправу красным палачам. О последнем печальном факте стало известно осенью 1946 года, когда появилось краткое сообщение ТАСС о «суде» над Власовым и другими «изменниками родины», о признании их виновными и о приговоре к повешению за содеянные преступления.

Кроме Власова и других генералов, в списке приговорённых к смертной казни значилось имя командира Первой дивизии С. Буняченко. Итак, и Власов, и Буняченко, и, очевидно, большая часть бойцов Первой дивизии не избегли печальной участи быть выданными на расправу Кремлю. Сколько горя и обманутых надежд было скрыто за этим лаконичным уведомлением — Ты, Господи, веси.

Если мы позволим себе сомневаться в чистоте судейских риз у членов Нюрнбергского трибунала, то о какой беспристрастности и объективности могла идти речь у членов Ленинградского трибунала? Или о каких градациях виновности подсудимых могла идти речь у судей, определивших одинаковую вину Власова и Краснова? Как дикий зверь не делает различий между своими жертвами, попавшими ему в лапы, так и пролетарское «правосудие» жаждало только крови и мяса всех своих врагов. И никто из западных проповедников морали не возвысил голос протеста против этой комедии суда и приговора. А ведь у всех в памяти должны были быть разоблачения Игоря Гузенко, шифровальщика секретного отдела Советского Посольства в Оттаве, явно показавшие Западу, с какими «союзниками» они имели и имеют дело.

Примерно пять лет понадобилось западным демократиям, чтобы освободиться от всяких иллюзий по отношению к «доброму дяде Джо», навеянных союзом с СССР во время войны. За этот долгий период политическая жизнь эмиграции свелась лишь к указанным попыткам самоорганизации, концентрировавшейся в крупных центрах Германии. Бывая в последних только наездами, я мог принимать в этих попытках лишь косвенное участие. Ничего другого не оставалось, как только примириться с временным политическим анабиозом и заняться деятельностью, дававшей больше всего возможностей для установления контактов с эмиграцией.

Я СНОВА ПОГРУЖАЮСЬ В ШАХМАТНУЮ НИРВАНУ.

В течение трех последующих лет я принял участие по крайней мере в семи турнирах, не считая местных состязаний. Это дало мне возможность, помимо шахматного удовлетворения, повидать послевоенную Германию. Чтобы не дразнить советских собак, я во всех послевоенных немецких турнирах выступал под фамилией Богенко, хотя всем участникам было известно моё имя.

То рвение, с которым немцы взялись за работу по восстановлению разрушений, уже виденному мною в Мюнхене и Байройте, я мог наблюдать повсюду. Нигде жалоб слышно не было, но я слышал шутивших остряков под аккомпанемент своих кирок и лопат.

Потянулось на родные места много евреев, которых ещё недавно можно было видеть только в концентрационных лагерях с желтой звездой на спине. Приходилось удивляться, какими быстрыми темпами восстанавливается нормальная жизнь.

В чемпионате Байройта я получил первый приз. Кроме небольшой суммы денег, его составляло также деревянное блюдо с гербом Байройта. Оно до сих пор красуется на стене в парадной комнате нашего дома.

Второй турнир был в Регенсбурге, городке на Дунае, неподалеку от Байройта. За исключением Боголюбова, турнир собрал сильнейших игроков во главе с восходящей звездой, Унцикером. В нём я тоже взял первый приз.

Помещение для игры отапливалось весьма скудно и игрокам, для того чтобы согреться, приходилось заниматься физкультурой, в то время, как их противники размышляли над своими ответами. Каждый вечер по окончании тура я получал пакетик аккуратно сложенных дровишек для растопки моей «буржуйки»*).

Затем, в начале 1947 года, состоялся турнир в Меербеке. В этом небольшом городке английской зоны оккупации находился большой лагерь перемещённых лиц, среди которых было много шахматистов. К сожалению, начальник лагеря отказался допустить двух немецких мастеров на том де основании, что он не имеет права кормить немцев. Не помогло и предложение обитателей лаге-

*) Маленькая железная печка.

ря взять их на своё иждивение. Так они и уехали, не солоно хлебавши.

В турнире я играл хорошо и опять взял первый приз, состоявший из десятка банок мясных консервов — драгоценность по тем временам.

В Меербековском лагере были представители различных европейских национальностей, и поэтому турнир был вроде как международный.

В двух следующих турнирах, в Касселе и Штутгарте, принимал участие Боголюбов. Из-за его номинальной принадлежности к национал-социалистической партии, ему пришлось пережить не мало неприятностей. Он похудел, постарел и стал играть гораздо хуже. Всё же, в Касселе он был первым, а в Штутгарте в первой пятерке, примерно наравне со мной.

Хотя Комиссия по денацификации не нашла в его поведении ничего плохого, Международная Шахматная Федерация, находившаяся всецело под влиянием ультимативных требований советской делегации, не только запретила ему участвовать в международных турнирах вне Германии, но не пригласила в матч-турнир в Гааге—Москве для определения чемпиона Мира, вакантного после смерти Алёхина. Об этом турнире я скажу в своё время.

Ефиму Дмитриевичу явно не повезло в жизни. Он был в полном смысле слова шахматным профессионалом и ничем другим, кроме шахмат, не интересовался. Гитлера он не любил из-за преследований им евреев, среди которых у него было много друзей по шахматам. Он открыто возмущался несправедливостью обвинений, брошенных огульно всем евреям в вышеуказанной статье Алёхина. Не переносил Е. Д. также и ограничения свободы передвижения, которое принёс с собой нацистский режим. Преследование его навсегда ляжет тёмным пятном на советских ком-шахматистов, у которых совести нет, и на ФИДЕ, у которой совесть была заглушена шантажом советчиков. Когда я его спрашивал, почему он не пишет трудов по теории игры, в которой он был большим знатоком, он всегда отвечал, что хочет этим заняться после того, как уйдет на покой. Шахматный мир очень много потерял от того, что он не успел этого сделать. Грустно от мысли, как много талантов погубила война и, не успевших себя проявить в полной мере, самородков.

ПЕРВЫЙ ТРЕВОЖНЫЙ СИМПТОМ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ. ДОСТАВКА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН ПО ВОЗДУХУ.

Только три года спустя, после дружеской встречи на Одере, закончился медовый месяц дружбы с большевиками. Советы попробовали по-настоящему прощупать настроения США и впервые поняли, что с ними шутить не собираются.

Без всяких к тому оснований, коммунистическое правительство Восточной Германии запретило железнодорожную перевозку грузов в Западный Берлин, думая, очевидно, вынудить переход всего Берлина под его контроль. Последующую реакцию американцев, в течение нескольких дней организовавших снабжение миллионного населения по воздуху, мы все наблюдали с нескрываемым восхищением. Сначала мы думали, что это стоющая стольких денег операция будет закончена, и американцы вынуждены будут капитулировать, но не тут то было — снабжение продолжалось, пока коммунисты не отказались от своего шантажа и не открыли вновь железнодорожные пути. Впервые мы почувствовали себя под надёжной защитой.

ВСТРЕЧИ С Б. И. НИКОЛАЕВСКИМ.

Как я уже упоминал, Б. И. Николаевский был первым из Ньюйоркской группы социалистов-демократов (меньшевиков), признавших в участниках ОДНР не изменников, либо простодушно наивных людей, попавших на удочку нацистской пропаганды, а новых оппонентов сталинскому произволу.

Он несколько раз приезжал в Германию для встречи с нами, и в один из этих приездов я имел удовольствие познакомиться и поговорить с ним. Социал-демократов я привык видеть как небольших щуплых людей с профессорской осанкой, всегда предпочитавших быть оракулом, а не слушателем. Борис Иванович был полным контрастом этому представлению. Он был грузным мужчиной с добродушным лицом, никак не выдававшим его незаурядной учёности во всех теоретических построениях марксизма. Я сразу же почувствовал к нему искреннюю симпатию,

хотя, к исповедуемому им марксизму у меня было совсем не дружелюбное отношение.

Заметив мою настороженность, Б. И. предложил не делать никаких заключений о марксизме на основании той худшей его разновидности, которую я имел несчастье наблюдать и чувствовать на своих боках в СССР.

— Бывают и хорошие марксисты, — добавил он с добродушной улыбкой.

Этот, в полном смысле идеалист, искренне верил в непогрешимость «хорошего» марксизма и в высокие качества человеческой натуры, не испорченной капитализмом. Но, по моему глубокому убеждению, человек только тогда может приносить настоящую пользу ближним, когда в своих действиях он не связан ни догмами, ни доктринами, а поступает согласно здравому смыслу и велениям совести.

Борис Иванович очень много хорошего сделал для подсоветских эмигрантов. Его трудами была организована Лига Борьбы за Народную Свободу, которая помогла многим эмигрантам найти свою новую родину в США. Я очень скорблю, что под конец его жизни наши отношения охладели, всё из-за того же погибельного марксизма, в некоторых истинах коего я позволил себе усомниться.

Политические эмигранты, **независимо от их отношения к марксизму, навсегда сохранят в своих сердцах память об этом замечательном человеке и истинном друге антибольшевиков.**

НАЧАЛО МАССОВОЙ ЭМИГРАЦИИ В США И КАНАДУ.

В 1948 году начинается массовая иммиграция перемещённых лиц (Ди Пи) в США и Канаду. В связи с возможностью последней передо мной стало несколько проблем. Самая основная из них — возраст. Я узнал, что в нормальных условиях большинство стран не принимает иммигрантов старше 40 лет, а мне было уже 56. Во-вторых, работа по специальности возможна только в случае получения соответственной лицензии. В США и Канаде, для получения последней, надо выдержать соответственные экзамены, каковые в моём возрасте особенно трудны. Но, как выяснилось потом, «не так страшен чёрт, как его малюют». И, в-третьих, проблема языка. Основной язык, английский, надо будет изучить значительно совершеннее, чем я знал. Можно было оставаться в Германии, т. к. немецким я владел лучше английского и, кроме того, были основания полагать, что здесь мой врачебный диплом будет признан скорее, чем в США или Канаде.

ПРОВАЛ ПЕРВОЙ ПОПЫТКИ ПОЛУЧИТЬ ИММИГРАЦИОННУЮ ВИЗУ В США.

Вскоре я узнал, что Толстовский Фонд открыл свой филиал в Мюнхене для помощи нашему брату. Отправившись туда, я был предупреждён своими друзьями, что прежде всего мне предстоит преодолеть подозрение в скрытом сочувствии коммунизму, ибо американцы почему-то убеждены, что получить звание профессора в СССР может только коммунист.

К моему удовольствию, вопрос о моей возможной принадлежности к столь любимой мне «партии Ленина» не поднимался, но взамен произошло другое, весьма трагикомическое событие. Присутствовавший во время интервью представитель наших эмигрантов, желая отбросить всякие сомнения в моём антикоммунизме, отрекомендовал меня как ближайшего сотрудника генерала Власова и члена Президиума КОНР-а, подписавшего Манифест ОДНР в Праге. Бедняга не знал, что в то время в США господствовали далеко не дружелюбные оценки как идеологических основ ОДНР, так и его участников.

Представительница Толстовского Фонда, вероятно, была под впечатлением громовой статьи, напечатанной в 1947 году в одной из ведущих эмигрантских газет на русском языке в США под обличающим титулом «Предатели», в коей о Власове и обо всех нас были высказаны весьма нелестные мнения. Я увидел, как отразились мысли статьи на лице представительницы и понял, что не видать мне иммиграционной визы, как своих ушей.

Ещё раз пришлось познать, что наша Дульцинея всеобщей любовью не пользуется. Получив отказ, я понял, что надо не возмущаться, а, засучив рукава, приняться за промывание здешних мозгов.

Прошло более четверти века, написаны тысячи книг и статей об ОДНР, Власове и нас всех, но ещё и сейчас,

правда, много реже, чем раньше, отрицательное мнение приходится слышать. Конечно, появление вышеуказанной статьи в нынешнем издании того же органа совершенно немыслимо. «Времена меняются, меняемся и мы».

Я ИЗБРАН ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ОБЪЕДИНЕНИЯ УКРАИНСКИХ ВРАЧЕЙ В ГЕРМАНИИ.

В 1948 году состоялся съезд украинских врачей американской зоны, на котором я к своему удивлению был избран председателем Объединения. Очевидно прослойка сепаратистов на съезде влиянием не пользовалась, и съезд, в моём избрании, руководился не политическими, а деловыми соображениями. Проявить себя в своих новых обязанностях мне не пришлось, т. к. в следующем году и я, и большинство участников объединения эмигрировали за океан.

МАТЧ ТУРНИР НА ПЕРВЕНСТВО МИРА.

В марте - мае 1948 года было разыграно пять кругов матч-турнира на звание чемпиона Мира. Шумиха, поднятая коммунистической печатью вокруг турнира, имеет большое политическое значение, и поэтому я о ней кратко упомяну.

До 1947 года советская шахматная организация не была членом Международной Шахматной Федерации (ФИДЕ), неоднократно клеймя последнюю в печати кличками: «буржуазная», «фашистская» и т. д.

В 1947 году, после победы над фашизмом, политическая атмосфера изменилась, и Всесоюзная Шахматная Секция (ВШС) вступила в ФИДЕ и сразу же начала мутить воду.

Первым её шагом было упомянутое выше лишение гроссмейстера Боголюбова права принимать участие в международных турнирах, подготавливая этим почву для запрещения ему участвовать в турнире соискателей на звание чемпиона Мира.

Позже, ВШС неоднократно пыталась лишить своих врагов шахматных титулов. В частности, я не был внесён не только в списки гроссмейстеров (на звание которого я имею право по своим шахматным успехам), но даже и в

списки международных мастеров. Только в 1956-ом году, ФИДЕ мне это звание присвоила, несмотря на протесты ВШС.

После вступления в ФИДЕ, ВШС сразу же начала подготавливать почву для завоевания её ставленником, М. М. Ботвинником, звания чемпиона Мира. Я никак не хочу набросить тень на Ботвинника, ибо я убеждён, что он в последующей пропагандной возне участия не принимал. Неоспоримыми являются также его шахматный статус и право принимать участие в соревновании на чемпионат Мира.

Однако, ВШС очевидно меньше всего думала о его правах и таланте, а хотела только одного — показать, какая великая страна есть СССР и какие великие в ней шахматисты, равно как представители и других отраслей искусства и спорта, вскормлённые и вспоённые партией и правительством. Прежде всего, никакой нужды не было наспех сколачивать турнир претендентов, не проведя перед этим никаких предварительных соревнований, которые могли бы выявить сильнейших претендентов. Шахматный мир мог бы пожить ещё год-два без чемпиона, и за эти два года вполне возможно провести отборочные турниры кандидатов во всех странах Мира.

В результате спешки (и, конечно, в интересах ВШС) в турнир были приглашены три иностранных (Эйве, Решевский и Файн) и три русских мастера (Ботвинник, Керес и Смыслов). Поскольку же Файн от участия отказался, то в окончательном составе было три русских и два иностранца. Д-р Эйве имел право на участие, являясь в прошлом, хотя и краткое время, чемпионом Мира. Что же касается Решевского, то он, несомненно, имел меньше права, чем Боголюбов — в прошлом неоднократный первый призер в Международных турнирах.

Я не хочу входить в шахматные детали матч-турнира, интересные лишь для шахматистов. Скажу только, что, хотя Ботвинник и доказал своё превосходство над другими участниками, его игра на меня большого впечатления не произвела. Во многих следующих турнирах он играл гораздо лучше. Так или иначе, но красная пропаганда добилась большого успеха и больше чем на 20 лет перенесла шахматную корону в СССР.

ПОЛУЧЕНИЕ КАНАДСКОЙ ИММИГРАЦИОННОЙ ВИЗЫ.

В 1948 году мой зять переехал в Канаду и вместе с женой и детьми начал строить свою жизнь на новой родине. Хотя материальных перспектив у меня было гораздо больше в Германии, мы решили не разбивать семьи, если зятю удастся получить для меня иммиграционную визу как для своего ближайшего родственника.

Виза была получена, и в следующем году мы с женой, пройдя все иммиграционные барьеры, пустились в плавание к канадским берегам.

Должен сказать, что кроме нежелания разлучаться с семьей, у меня были ещё две причины для эмиграции за океан. Первой из них была надежда найти в богатой Канаде и, не менее богатых, соседних США гораздо больше возможностей для продолжения и развития моей научной работы, чем это было возможно в обедневшей после войны Европе. Второй причиной была реальная перспектива для продолжения политической борьбы против тоталитарной диктатуры в СССР. На эту возможность указывал Б. И. Николаевский во время нашего свидания в Мюнхене.

Прага, ноябрь 14, 1944 г.
Д-р С. М. Руднев открывает собрание.

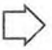
Речь Ген. Андрея Андреевича Власова.

Группа участников заседания.

Ген. В. Ф. Малышкин вносит предложение
справа от него Д-р С. М. Руднев,
слева Д-р Ф. П. Богатырчук.

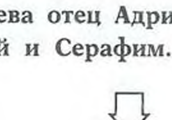

Европа Хауз.
Молебен перед обнародованием Манифеста
18-го ноября 1944 года.

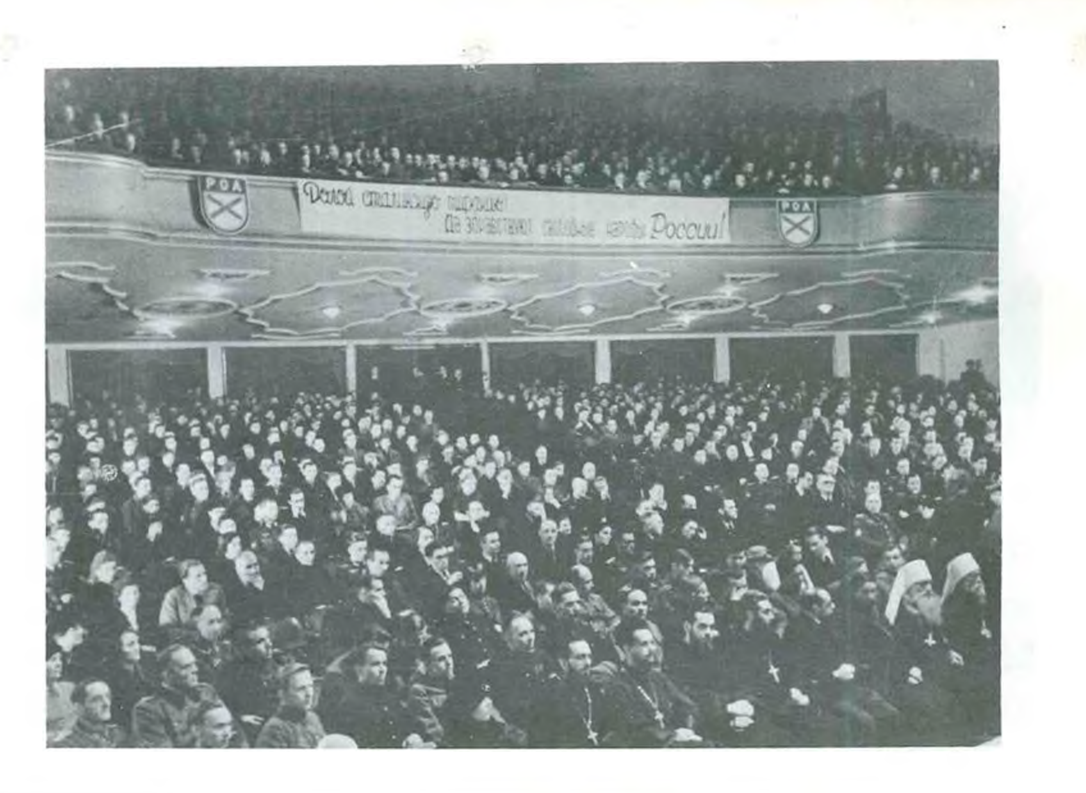
Обнародование Манифеста ОДНР
18-го ноября 1944 года.

18-го ноября 1944 года.
Иерархи среди участников собрания. Слева отец Адриан, рядом с ним Митрополиты Анастасий и Серафим.

18-го ноября 1944 года.
Обнародование Манифеста на торжественном собрании.
Общий вид зала.

Европа Хауз 18-го ноября 1944 года.
Группа участников.

Решимость и непреклонность в борьбе за Свободу
Народов России, ясно выражена на лицах участников.

Женщины «остовки» слушают Манифест.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Канадо-Американский период: 1949 — 1975.

ВВЕДЕНИЕ.

Канадский иммиграционный офицер, выдавая мне въездную визу, заметил, что делает это с уверенностью в моём желании сказать моим будущим компатриотам — коренным канадцам всю правду о причинах, побудивших меня бросить родину и искать пристанища в другой стране. «Ведь они, — добавил он, — не знали ни мировых войн, ни катаклизмов революций, и многие из них до сих пор живут с убеждением, что их прав на свободу и материальное благополучие никто не может нарушить». И действительно, в Канаде я и моя семья нашли «Новый Свет», в котором большинство граждан не понимало, почему вместо того, чтобы выгнать плохое правительство, провалив его на ближайших выборах, бежим от него на другой конец света. Бежим, даже не пытаясь сказать правителям правду в лицо в наших газетах.

Мы скоро убедились в том, что простая лобовая атака отрицательных сторон тоталитарного строя достигает скорее обратных результатов: её начинают считать необъективной и пристрастной, а самого критика озлоблённым человеком, обвиняющим в своих несчастьях всех, кроме самого себя. Поэтому для демонстрации правды пришлось применять обходную тактику. Собрав некое количество фактов, сообщённых в свободной прессе об отрицательных сторонах тоталитарного режима, мы просили канадских собеседников высказывать их мнение об этих фактах. Эти беседы оказались гораздо более эффективными для вправления мозгов здешних простаков, чем длинные жалобы о собственных переживаниях. В особенности трудно было убеждать здешних ультралибералов, которыми здесь хоть пруд пруди. Самым смешным казалось то, что количество последних было особенно велико. «Не иначе, как с жиру бесятся», — сказал бы мой бывший санитар Варфоломей, хорошо познавший на себе самом заботы о нём партии и правительства.

ПЕРЕЕЗД НА НОВУЮ РОДИНУ. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ НА ПАРОХОДЕ. ПЕРВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ РАБОТЫ.

Наступил желанный день 26 апреля 1949 года. Мы — в Бремене и грузимся на пароход, который должен доставить нас в Канаду. Мы с женой в наши 57 лет чувствуем себя стариками среди молодёжи, составляющей большинство пассажиров. Для них Канада будет действительно новой Родиной, где они найдут друзей, научатся какой-либо специальности, обзаведутся семьей и начнут служить Канаде с неменьшим рвением, чем их отцы и деды служили покинутой родной стороне. У меня вся эта пора исканий уже позади, я уже нашёл себе место в жизни и приобрёл специальность, но теперь волею судьбы приходится на закате жизни начинать всё снова. Хочешь — не хочешь, а приходится отнестись к капризам своей судьбы с философским спокойствием. Украинская пословица — «Могло б бути гирше» — всегда помогает в подобных случаях.

На пароходе вместе с нами ехала к своему мужу молодая женщина с двумя детьми. В дороге её мальчик почувствовал себя плохо и упал в обморок. Я в то время ещё связи с медицинским пунктом не имел и точно не знаю, каков был диагноз, но предполагаю, что это был припадок эпилепсии. Бедная женщина не знала, что согласно иммиграционным законам, писанным сто лет назад, это заболевание закрывает иммигранту доступ в Канаду. Наш пароход дошёл в это время до Гавра, и мы стояли тут целый день в ожидании решения эмиграционных властей. Те, в конце концов, постановили следовать букве закона и бедную женщину вместе с детьми сняли с парохода. Возникла воистину трагическая ситуация. Что делать мужу? Бросать работу и возвращаться в Германию? Или развестись с женой и, бросив её с детьми, остаться самому в Канаде? Мудрый Эдип, разреши! Несомненно одно: иммиграционные законы явно устарели и их необходимо приспособить к современным условиям.

Уже с первых же дней мне стало известно о затруднениях пароходного врача с пониманием языков пациентов. Я предложил свою помощь в качестве переводчика. Очень скоро доктор переложил на меня часть его медицинской работы. В результате, перед прибытием в Канаду,

я получил первое приглашение на работу в качестве помощника судового врача и переводчика. Однако, плавание по морям, в любом амплуа, меня никогда не прельщало. По природе я — береговой житель, любящий иметь твёрдую почву под ногами. Поэтому я поблагодарил и отказался.

Когда наш океанский пароход вошёл в устье реки св. Лаврентия, то я ахнул — вот это настоящая речища, всем рекам река! Когда-то Гоголь написал целую поэму в прозе о нашем величавом Днепре и, в частности, о его ширине, бахнул, что «...редкая птица долетит до середины Днепра». Гоголь, очевидно, никогда не был в Канаде и не знал о здешних масштабах. Тут, действительно, с одного берега простым глазом другого берега не увидишь. Наш океанский пароход встретил по дороге другого своего коллегу, и оба легко в «речушке» уместились, так что и для третьего было места более чем достаточно.

Дремучие леса, реки и водопады были видны на ближайшем берегу. Надо полагать, что и на другом берегу природа не уступала нашему ни в красоте, ни в дикости.

Не помню уж, сколь долго мы плыли по реке, пока не прибыли в овеянный романтикой Квебек. Городом Квебеком нас, киевлян, не удивишь. Если наш Днепр — малютка по сравнению с рекой Св. Лаврентия, то Квебек, столица провинции того же названия, захудалый цыплёнок по сравнению с Киевом. Язык — преимущественно французский, с местным налётом, но и английским не гнушаются, в особенности молодёжь, пересыпающая свою французскую речь английскими словечками.

После весьма поверхностного таможенного осмотра, мы погрузились в поезд и направились в самый большой город Канады — Монреаль. Поезда чистые, все сиденья мягкие. Вагоны-рестораны — по лучшим европейским образцам. Поразили приветливость и дружелюбие канадцев. Почти все, за малым исключением, чисто и опрятно одеты. Монреаль мы видели только из окна вагона, т. к. остановка здесь для пересадки на поезд в Оттаву была кратковременной. Позже мы полюбили этот город европейско-американского типа.

И вот мы, наконец, в поезде, мчащем нас к месту назначения, в столицу Канады — Оттаву. Ведь такое простое слово — Оттава, а попробуйте его произнести так,

чтобы вас поняли. Прежде всего, ударением на первом слоге. Первая буква названия совсем не похожа на наше простецкое, протяжное «О», а это какой-то мудрёный звук, более похожий на «а», чем на «о». Причём, всё название выпаливается сразу, не останавливаясь на отдельных слогах. Словом, даже теперь, после почти четверти века жизни в этом чудном городе, моё произношение его названия весьма далеко от канадского совершенства.

Приехали мы в чудный майский день и из окна вагона увидели канадскую достопримечательность, привлекающую в столицу туристов со всей Америки, — солдат Канадской Конной Горной Полиции, строющихся к ежедневному параду. Рослые, как на подбор красивые, ребята были одеты в красные мундиры с нашитыми на них аксельбантами. Зрелище весьма эффектное. За жизнь в СССР мы приобрели отвращение к красному цвету, но этот цвет здесь никаких отрицательных реакций не возбуждает.

В 1949 году всё в Оттаве было в скромных размерах: населения около 180.000. Ни одного небоскрёба, многоэтажные дома только в центре города, но земли и неба — хоть отбавляй. Город раскинулся на территории, на которой легко могло бы уместиться хороших полмиллиона, а то и весь миллион жителей. Люди здесь живут вольготно: на семью один дом, у многих большие приусадебные участки. Кроме воздуха, неба и земли, здесь воды тоже сколько угодно. Город омывает две реки (вернее река Оттава и её приток, Ридо) и через него проходит канал, связывающий оба водных простора. На окраине центра большое озеро, увеличивающее водное богатство города. Парков маловато, да они и не нужны, ибо природы, нетронутой рукой человека, сколько угодно.

Зять с семьей жили на окраине города, где снимали внаем второй этаж поместительного канадского дома. В Европе наше жилище назвали бы дачей: в двух шагах от нас протекала река и был большой, довольно-таки диковатый парк. Дом наш, конечно, со всеми удобствами, у нас своя ванная комната и собственная кухня. У приветливых хозяев свой автомобиль, которым они предлагают нам, когда нужно, пользоваться. Но пользоваться их любезностью нет необходимости, ибо в двух шагах от нас остановка автобуса, соединяющего с центром города. Что плохо — ни лавочки, ни базара вблизи нет и за продуктами надо ехать несколько километров. Для связи есть, конечно, и телефон. Дочь сообщает первую приятную новость — она говорила с профессором анатомии организующегося при здешнем университете медицинского факультета, и он готов обсудить со мной возможности привлечения меня к работе. Чем чёрт не шутит — может быть и удастся устроиться. Но, прежде всего, надо прощупать почву по двум основным линиям: медицинской и шахматной.

Профессионально канадские врачи представлены т. н. «Колледжем Врачей и Хирургов». Название звучит странно, разве хирурги не врачи? Оказывается, это разделение профессий ведет своё начало от средних веков, когда хирургом мог быть каждый, кто умел пускать кровь. Прошли века, и кровопускатели исчезли, но до сих пор только врачей зовут докторами, хирург же только «мистер»*)

Я решил отправиться в местный колледж, чтобы разузнать, как и что. Секретарь — почтенный с виду, пожилой доктор. Рассказываю ему о себе, о своей практической и научной работе в области рентгенологии и, в подтверждение, даю оттиски своих последних двух печатных работ. Старичок вежливо слушает, просматривает работы и потом вдруг огорашивает меня вопросом:

— Не понимаю, почему вы приехали в нашу страну, где предложенная вами методика неизвестна, и никто ею не пользуется, из Европы, где эта методика признана и ею пользуются?

Для меня вполне ясно, что старичок не доктор, а «мистер». Вежливо ему объясняю ,что уехал из СССР из-за политического гнёта и лишения элементарных свобод. Я выбрал Канаду своей новой родиной, ибо здесь никаких ущемлений свободы личности нет. «Мистер» как будто-бы понял, но тем не менее стал пугать меня трудностями переквалификации, особенно в мои 57 лет.

— Что ж, — сказал я, — если «Колледж Врачей и Хирургов» решит, что я окажу большую пользу Канаде в амплуа подметальщика улиц, то я согласен и на это, ибо считаю свободу личности самым важным в жизни.

---

*) В последнее время «мистер» вышло из моды и хирургов тоже называют «доктор».

Далее, секретарь снабдил меня инструкциями о допущении к практике, среди которых значится одногодичное обязательное пребывание «интерном» в одном из ведущих госпиталей Канады. Из всех инструкций мне стало ясным, что для получения врачебной лицензии, мне придется потратить не менее трёх лет, а то и все четыре. Иными словами, полностью или наполовину повторить курс давно оконченного Университета. На мой взгляд эти требования были несправедливы и чрезмерны, но поскольку они были приняты канадским правительством, им приходилось подчиниться.

Полученная мной информация о канадской шахматной жизни была малоутешительна. Шахматы в Канаде были явно непопулярны, и их поддержка была исключительно делом немногих энтузиастов. Одной из основных причин такого отставания по сравнению с Европой была огромная территория, занимаемая Канадой, и значительные расстояния между городами. Организовать турнир даже внутри провинций, требовало больших денег, не говоря уже о всеканадских соревнованиях с астрономическими расходами. Чтобы улучшить ситуацию, требовалась большая работа, за которую канадские шахматисты только начинали приниматься.

НАЧАЛО СВЯЗИ С ОТТАВСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ.

Впервые после университетов России и Европы, целиком финансировавшихся государствами, я встретился в Оттаве с университетом, бывшим всецело на бюджете католического монашеского ордена Облатов. В течение примерно сотни лет он был центром по изучению богословских знаний. Как преподавание богословских предметов, так и административное управление, проводились монахами вышеупомянутого ордена. Это был французский университет, преподавание велось на французском языке.

После войны ситуация резко изменилась. По-видимому, под давлением канадского правительства, обещавшего финансовую поддержку, орден решает расширить круг наук, преподаваемых в Университете, и учредить ряд новых факультетов гуманитарных наук, а в 1946 г. начинает организацию Медицинского факультета.

Вторым важным шагом явилось англизирование Университета. Преподавание на всех вновь организованных факультетах, за редкими исключениями, начинает вестись на английском языке. Когда я в 1949 г. вступил в число сотрудников, Медицинский факультет был целиком англизирован.

Во главе кафедры анатомии был голландский учёный, д-р Иосиф Ауэр. Выше среднего роста, коренастый мужчина, красивое интеллигентное лицо, исключительная выдержка. За двадцать лет работы с ним я ни разу не видел, чтобы он разволновался или возвысил голос, а несколько раз было отчего. Он выслушал меня и сказал, что того, что он знает о моём методе, для него вполне достаточно, чтобы привлечь меня к работе на кафедре.

— К сожалению, однако, есть два маленьких «но»: одно — у меня нет никаких добавочных денег, кроме утверждённого и очень скромного бюджета, и второе — у меня нет ни рентгеновского оборудования, ни помещения для него, — сказал он.

Кафедра помещалась тогда в деревянном одноэтажном бараке, служившем ранее казармой для мобилизованных рекрутов. Я уже успел его поверхностно осмотреть.

— С рентгеновским оборудованием не так уж плохо, — сказал я. — У меня есть передвижной аппарат, купленный в Германии, который я мог бы временно предоставить Университету. Я бы на нём мог начать демонстрацию анатомии студентам. И я уже высмотрел небольшое подсобное помещение, которое можно было бы использовать для временного рентгеновского кабинета. Что же касается вознаграждения мне за работу, то и тут дело не обстоит так уж плохо. Я живу сейчас с семьей моей дочери и могу поэтому работать некоторое время без всякого жалования, пока Университет не найдет нужных средств, — добавил я.

На том и порешили. Комнату очистили, я привёз туда аппарат и приступил к демонстрации анатомии на живом человеке, продолжавшейся 20 лет.

Ох, как трудно было на первых порах с английским языком! Моё «киевское» произношение английских слов делало их порой неузнаваемыми для студентов. Но они покорно терпели, стараясь усвоить всё, что могли. Не уны-

вал и я, по своему опыту зная, что единственное, чего студент никогда не прощает профессору — это недостаточное знание последним преподаваемого им предмета. Не знаю какими путями, но сказанное мной доходило до студентов, ибо на экзаменах обнаруживалось вполне удовлетворительное знание моего предмета даже в самом начале моей преподавательской деятельности.

МИНИМУМ БЮРОКРАТИИ — МАКСИМУМ ЭФФЕКТИВНОСТИ.

Для меня, привыкшего к максимально бюрократическим формам управления университетами в СССР, было весьма любопытно наблюдать тот минимум волокиты, с которым управляли монахи.

До начала шестидесятых годов, когда появились учёные гражданские лица в управлении, не было никакого инвентарного учёта имущества, принадлежащего Университету. Я получал, к примеру, материалы от монаха, заведующего хозяйством. Не заносил их ни в какие книги, а просто расходовал и, когда была нужда, снова обращался к монаху. То же было и с инвентарем. Никаких материальных, либо инвентарных книг у меня не было, хотя специальное оборудование стоило не одну тысячу долларов.

Удивительно отметить, что при такой системе, основанной на полном доверии работодателя к рабочему, не наблюдалось хищений, утечек и прочих язв учёта.

Канада — страна не испорченная ни войной, ни голодом, ни лишениями, так что для канадца это было нормально — не зариться на чужое добро. Но удивительно, что и никто из многочисленных европейских работников также не льстился на чужое.

Неожиданной была также исключительная религиозная терпимость монахов. В Киеве мы привыкли к нетерпимости католиков, ставивших одним из пунктов своей догмы, что только католик может спастись. Тут ничего подобного я не наблюдал.

К моменту моего выхода в отставку в 1970 году, из монахов в администрации оставался один ректор, но заложенные орденом Облатов основы порядочности и честности продолжали держаться.

МОЁ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ АНГЛИЙСКОГО ШАХМАТНОГО ЖУРНАЛА «ЧЕСС» И ВЫЗВАННАЯ ИМ ПОЛЕМИКА ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОММУНИСТАМИ ШАХМАТ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ.

Ввиду того, что целый ряд сторон советской жизни мне был антипатичен, я решил информировать западных шахматистов об истинном положении, спрятанном за завесой красной пропаганды. Письмо было напечатано в июль-августовском номере 1949 г., и ему было предпослано нижеследующее замечание редакции:

> «Мы печатаем настоящее письмо, содержащее ряд спорных утверждений, согласно традиции британской прессы давать на своих страницах места для высказывания всех различных мнений».

Должен признать, что моё письмо имело не мало недостатков. Оно было чересчур эмоционально и, вследствие этого, упускало из виду ряд доказательств в пользу его основной идеи: во-первых, показать, что покровительствуя шахматам, Советы заинтересованы не в развитии шахматного искусства, а в новом средстве красной пропаганды.

Во-вторых, я недостаточно ясно подчеркнул, что не считаю шахматный профессионализм каким-то недостойным занятием, наоборот, я его считаю вполне равноправным с другими культурными профессиями. Я просто хотел назвать вещи своими именами.

И, в-третьих, я очень бы сожалел, если бы некоторые места моего письма советские мастера посчитали для себя оскорбительными. Будучи сам советским мастером, я всегда уважал и ценил своих бывших соратников по шахматному оружию.

Нижеследующее письмо печатается в моём переводе с незначительными сокращениями и стилистическими поправками.

Текст письма:

«Г-н Редактор! Исключительные успехи советских шахматных мастеров на последних турнирах и, в особенности, превосходные достижения Михаила Ботвинника, обратили на себя внимание всего мира. Красная пропаган-

да приписывает эти успехи необычайному развитию культурной жизни в СССР, которое стало возможным только благодаря советской структуре пролетарского государства. Эта же пропаганда твердит, что в СССР не существует шахматистов-профессионалов, равно как, якобы, нет профессионалов футболистов, атлетов и других спортсменов. На бумаге получается, что все они инженеры, учителя, либо государственные служащие, для которых шахматы являются лишь развлечением. Как пример указывается, что Ботвинник — ученый, имеющий звание кандидата наук, проводящий ценную научную работу.

Однако, этот случай является исключением. Я допускаю, что Ботвинник имеет способности, близкие к гениальным, но он имел также исключительные возможности для их развития, недоступные для рядового мастера.

Когда в конце двадцатых годов советские властители решили, что шахматы могут быть весьма действенным орудием пропаганды, они начали искать молодого шахматиста, на которого можно было бы сделать ставку. Такой шахматист вскоре был найден в лице Михаила Ботвинника. Ему дали специального тренера, который сопровождал его в первоклассные курорты перед каждым турниром. Все затраты правительство взяло на себя. Надо признать, что советская власть не ошиблась в своём выборе.

Очень скоро Ботвинник выдвинулся в первые ряды ведущих шахматных мастеров СССР, но, конечно, он сделался шахматным профессионалом, у которого все другие специальности являлись лишь побочным занятием. В последующие годы он был награждён за свои шахматные успехи двумя высшими советскими знаками отличия, получил отдельную квартиру и автомобиль, что было роскошью, недоступной даже для высококвалифицированного инженера с большим стажем.

Его тренер, сначала один, мастер Рагозин, а потом, вероятно, и не один, разрабатывали новинки, и он применял их на практике в игре с другими мастерами, причём публикация этих подготовленных вариантов запрещалась до того, пока они не были применены Ботвинником.

После того, как власти увидели, что Ботвинник оправдал их надежды, они стали финансировать и другие шахматные мероприятия. На обещающих шахматистов обращали особое внимание и им всячески покровительствовали. Так, молодой шахматист без всякого специального

образования мог заработать перед войной две тысячи рублей в месяц, эквивалентных ежемесячному окладу профессора университета. Местные мастера могли увеличить свои заработки, получая гонорары за комментарии к партиям, статьи на шахматные темы, гонорары за сеансы одновременной игры и т. п. Ничего нет удивительного, что при этих условиях шахматы столь возросли в популярности. К тому же пресса и радио на каждом шагу подчёркивали культурное значение шахмат. Требовалась исключительная любовь к своей основной специальности, чтобы не сделаться шахматным профессионалом. К сожалению, было очень трудно держаться средней линии, будучи специалистом в какой-либо области и в то же время шахматным мастером, играющим только в тех турнирах, в каких ему хочется.

Советский мастер был обязан «внедрять» шахматы в массы советских людей и тем способствовать поднятию их культурного уровня. А как он может «внедрять», если в сутках только 24 часа, и он должен уделять большую часть свободного времени своей основной специальности? Он может отдать всецело своё время шахматам только во время ежегодного отпуска за счёт своего отдыха. А от него, кроме того, требуется принимать участие в турнирах своего профсоюза и междугородных встречах, читать лекции по шахматам и т. д. Все эти нагрузки поглощали столько времени, что их мог выполнять только профессионал, посвятивший себя всецело шахматам.

Например, до 1937 года, мне удавалось при помощи разных ухищрений играть не более, чем в одном турнире в год вне Киева, уклоняясь от местных нагрузок»

Далее я подробно рассказываю о вызове меня в Обком в 1937 г. в связи со статьей в газете «Коммунист» и обвинении меня во многих смертных грехах против партии и правительства, в том числе и в моём, будто бы преднамеренном, выигрыше у восходящей советской шахматной звезды — Михаила Ботвинника с целью подорвать престиж советской власти (об этой статье и всех событиях, с ней связанных, я уже упоминал при описании происшествий, относившихся к 1937 г.). Судя по последовавшим откликам, этот инцидент особенно возмутил англичан, ценящих спортивную честность выше всего на свете. В 1949 г. уже было известно о репрессировании Крылен-

ко за его буржуазные уклоны и поэтому его имя, указанное в сборнике партий турнира 1936 г., произвело меньшее впечатление, чем факт недопущения меня в этот турнир. Кроме того, в 1949 г. западный мир уже имел много доказательств двуличия советской власти, и моё письмо явилось только ещё одним их доказательством.

Дальнейший текст письма гласит:

«Утверждения красной пропаганды о том, что шахматы необходимы для культурного развития молодежи, являются лишь дымовой завесой для сокрытия истинных целей большевиков. На самом деле, они следуют завету самого реакционного царского министра Кассо, говорившего, что студентов надо учить играть в шахматы, ибо последние отвлекают молодых людей от политики. Советская власть пользуется любыми средствами, пытаясь внедрить в мозги молодёжи, конечно, не шахматы, а коммунизм.

Заграницей, у здешних интеллигентов, создается впечатление, что единственной и бескорыстной заботой коммунистов является развитие шахматного искусства, которое коммунисты так горячо любят. Само собой разумеется, что подобное покровительство чистого искусства возможно только на родине победившего пролетариата.

Я всегда протестовал и буду протестовать против превращения моей любимой игры в инструмент политической борьбы.

Подпись: Ф. Богатырчук, Канада, Май 1949.

Ясно, что моё письмо вызвало взрыв негодования у коммунистов и попутчиков, написавших в журнал письма со своими возражениями. Все их авторы с удивительным однообразием восхваляли советские власти за их поддержку шахмат и шахматистов, и ставили её в пример западному миру.

Наиболее красноречивым и, на первый взгляд, убедительным явилось письмо чемпиона Чехословакии Лодека Пахмана (оказавшегося членом коммунистической партии), напечатанное в январь-февральском номере того же журнала за 1950 год. Привожу его полностью в моём переводе.

«Г-н Редактор! В июль-август-сентябрьском номере за 1949 год было помещено письмо хорошо известного бывшего чемпиона Украины г-на Богатырчука. Я и другие чешские шахматисты видели г-на Богатырчука в Праге в 1944-м году и имеем теперь основания сомневаться как в его словах, так и в его правдивости. (Об этом посещении Праги я упоминал выше. — Ф. Б.). Тогда он сказал нам, что не эмигрировал из СССР, а был оставлен в Киеве для лечения раненых красноармейцев. После оккупации города немцами он, будучи чемпионом по шахматам и рентгенологом, не имел трудностей с немцами в его научной и шахматной деятельности. Через несколько месяцев мы могли убедиться в ложности всех его утверждений.. На этот раз он вторично приехал в Прагу в качестве сотрудника ген. Власова, двойника печальной памяти норвежского Квислинга. Это значит, что он сделался изменником своей родины во время войны, одним из тех, которые наказываются в Англии с максимальной строгостью. Ненависть изменника, сделавшего ставку на нацистов и проигравшего, звучит в каждой фразе его письма, состоявшего из клеветы и полуправды.

Г-н Богатырчук утверждает, что все выдающиеся советские мастера принуждаются быть профессионалами. Он забывает, что многие мастера награждены орденами за выдающиеся достижения. Он закрывает глаза на то, что благодаря своей перегруженности научной работой, Ботвинник очень редко принимает участие в турнирах. Конечно, многие мастера, посвятившие себя целиком внедрению шахмат в массы населения, вынуждены работать полное рабочее время и оплачиваются за свой труд наравне с другими культурными работниками. Сравнение их благосостояния с таковым же у шахматных мастеров Запада совсем не в пользу последнего. Известного французского шахматного мастера увольняли с работы каждый раз, когда он ездил на шахматный турнир. Английский мастер Йетс умер в ужасающей бедности. Чтобы подработать, западные мастера должны играть в кафе на деньги, в то время как советские мастера в таких крохах не нуждаются.

Г-н Богатырчук говорит, что шахматы служат орудием красной пропаганды. Пусть он объяснит тогда, почему советские мастера так редко ездят на Запад, а свое главное внимание обращают на развитие шахмат на Родине? Еще более смешно утверждение, что шахматы используются как средство отвлечения народа от политики. Шах-

маты являются воспитательным средством для развития логичного и точного мышления, необходимого для решения политических проблем..

На Западе также хорошо известно, что каждый советский гражданин воспитан на политике и ею живет. (Какой иронией звучат эти слова двадцать лет спустя. — Ф. Б.). Этот факт часто используется платными агентами провокаторами для распространения антисоветских идей. Г-н Богатырчук достигает, однако, кульминационного пункта в своей лжи, когда он утверждает, что советские власти принуждают мастеров играть и что его однажды упрекнули за выигрыш у Ботвинника. А это значит (в согласии с последними утверждениями письма), что люди, вопреки их желанию, вынуждены жить роскошно с жалованием профессора!

Что касается второго утверждения, то оно просто смешно. Вспоминается недавнее поражение Ботвинника гроссмейстером Котовым (кстати, известно, что Котов сотрудник КГБ. — Ф. Б.), на турнире в Гронингене. Этот выигрыш не помешал Котову быть выбранным членом Верховного Совета СССР, что не могло бы случиться, если бы г-н Богатырчук говорил правду. Я не особенно удивлен ложью г-на Богатырчука. Во время войны он получал деньги от нацистов за свою измену, теперь он служит лакеем у тех, которые ведут антисоветскую работу, желая провоцировать новую войну. Как говорится: «Чей хлеб ем, того и песни пою».

Другой герой антисоветского похода — Кравченко может хотя бы льстить Западу, утверждая, что он выбрал свободу. Г-н Богатырчук же выбрал Гитлера и нацистов. Мы очень удивлены тем, что подобное письмо появилось на страницах органа британских шахматистов. Я вместе с большинством шахматистов рассматриваю шахматы как средство для достижения взаимопонимания и дружбы между народами мира. Публикация письма г-на Богатырчука отнюдь не способствует вышеприведенным целям.

Старая британская традиция — «слушать любое мнение» — должна быть в соответствии со словами премьер-министра Эттли: «Демократия — да, фашизм — нет».

◆ ◆

Вслед за этой мало приличной попыткой г-на Пахмана прочитать журналу лекцию о правилах демократичес-

кого поведения, была помещена следующая краткая, но красноречивая заметка:

«Редакция получила нижеследующее письмо из Польши от нашего читателя, фамилии которого мы по понятным причинам не называем:

«Сердечный привет профессору Богатырчуку от польских шахматистов. Ваде (британский шахматный мастер, выступивший в том же журнале с возражения на моё письмо. — Ф. Б.) ничего не знает об истинном положении вещей здесь».

В прошлом номере того же журнала было помещено говорящее само за себя лаконичное сообщение из Бухареста: «В библиотеки Бухареста поступил июль-август-сентябрьский номер «ЧЕСС», но письмо проф. Богатырчука из него вырезано».

Хотя два вышеприведенных кратких письма дают г-ну Пахману лучший ответ, чем пространная риторика, я все же посчитал нужным тоже ответить. Привожу моё письмо, помещенное в мартовском номере того же журнала за 1950 год с небольшими сокращениями:

«Мне прекрасно известна рука, которая водила пером по бумаге в письме г-на Л. Пахмана, ибо я имею 25-летний опыт пребывания в «раю рабочих и крестьян».

Исторической трагедией было бегство моё и тысяч других из страны одного диктатора в страну другого. Бог и совесть были единственными судьями и руководителями в нашем поступке. Только будущий объективный и нелицеприятный суд может беспристрастно оценить «измену» генерала Власова и всех нас, пошедших рядом с ним на борьбу за освобождение Родины. В генерале Власове я нашел стойкого антикоммуниста и настоящего демократа. Я не стыжусь, а горжусь тем, что был одним из его ближайших сотрудников. И кому, но только не чеху, г-ну Пахману, говорить о власовцах как изменниках после того, как они спасли Прагу от разрушения, а многих чехов от гибели.

Мне очень жаль, что такой талантливый шахматист, как Пахман, ослеплен ложью красной пропаганды и из-за деревьев не видит леса. Я уверен, что в будущем он на собственном опыте познает сущность тоталитарного режима. И если тогда, г-н Пахман, Вы будете нуждаться в крове и убежище, приезжайте ко мне в Канаду, и я при всех

моих скромных финансовых ресурсах сделаю все возможное, чтобы помочь Вам найти свое место в нашей подлинно демократической стране.

Г-н Пахман просит меня объяснить, почему советские шахматисты так редко принимают участие в заграничных турнирах. Очень просто, потому что кремлевские владыки не доверяют и имеют все основания бояться того, что их спортсмены, посмотрев как «плохо» живется у капиталистов, не навострят лыжи и не побегут, куда глаза глядят из «первого в мире...»

Упрек в антисоветских настроениях, выразившихся в выигрыше у Ботвинника, никак не означает того, что меня нельзя будет выбирать в Верховный совет, а значит лишь то, что моё, будто бы антисоветское выступление, будет занесено в соответствующее «дело», имеющееся в КГБ на каждого советского гражданина. О нём вспомнят, когда представится необходимость, и оно послужит тогда добавочным отрицательным штрихом в характеристике «лояльности» моей личности».

На этом наша полемика тогда и закончилась. Вспомнить мне о ней довелось только через 17 лет в связи с событиями, разыгравшимися после оккупации Чехословакии войсками стран Варшавского договора, в которых главную роль играла Красная армия.

Для цельности повествования расскажу о них сейчас.

Как известно, при оккупации было свергнуто «либеральное» правительство Дубчека, стремившееся «придать коммунизму человеческое лицо». В числе приверженцев правительства Дубчека был и член компартии, гроссмейстер Лодвик Пахман.

Поскольку он не смирился и продолжал открыто протестовать против иностранного вмешательства во внутренние дела Чехословакии, то Пахмана подвергли воздействию пролетарского «правосудия», импортированного из СССР. Он был арестован и посажен в тюрьму, где с ним обращались по советским образцам, стремясь вынудить признание в совершенных им злодеяниях. Не добившись от Пахмана ни сознания, ни раскаяния, его через год, полуживого, выпустили из тюрьмы, лишили чехословацкого гражданства, объявили врагом народа и выслали в Западную Германию зализывать свои партийные раны.

В августе 1974 года газеты принесли известие о новом развитии событий — шахматный клуб Золлингена, членом которого состоял гроссмейстер Пахман, отказался допустить его к участию в международном турнире, организованном клубом. Сделано это было потому, что советские мастера выразили свое нежелание играть с изменником и врагом народа.

Опять пришлось Пахману, в знак протеста, выйти из состава членов клуба, но дело его от этого не улучшилось и не улучшится, конечно, до тех пор, пока наш злополучный гроссмейстер не «раскается в своих ошибках» и не возвратится в лоно «самого справедливого в мире пролетарского отечества».

Во всяком случае, я от своего приглашения Пахману — приехать ко мне в Канаду — не отказываюсь, и по-прежнему обещаю сделать всё, что в моих силах, чтобы облегчить ему найти свое место в нашей свободной стране.

ПИСЬМО К ГУЗЕНКО И ПОСЛЕДУЮЩАЯ ВСТРЕЧА С НИМ 17 ЛЕТ СПУСТЯ.

Ещё находясь в Германии, я восхищался мужественным поступком шифровальщика секретного отдела Советского посольства в Оттаве — Игоря Гузенко. Как известно, он, еще в 1946 г., рискуя своей и семьи жизнью, передал Канадскому Правительству документы, разоблачающие шпионскую и подрывную деятельность коммунистов, проводимую советскими дипломатами за фасадом дружбы к союзникам. Документы были настолько неопровержимо доказательны, что вызвали сенсацию в западном мире и привели к раскрытию многих центров шпионажа в Великобритании, Канаде и США, и аресту их руководителей. Все эти разоблачения ясно показали Западу, с какими «союзниками» они имеют дело. Вскоре по приезде я написал письмо И. Г., в котором высказал свое глубокое к нему уважение и пожелания успехов в дальнейшей антибольшевистской работе. От одного шахматиста, служившего в Канадской Горной Полиции, я узнал, что Гузенко находится сейчас под усиленной охраной и вряд ли будет иметь возможность ответить на моё письмо, но мой друг мне сказал, что он во всяком случае

позаботится о том, чтобы письмо было И. Г. передано. На том дело тогда и закончилось, ибо ответа я не получил. Вспомнил я о нём только через 17 лет, когда в один прекрасный августовский вечер кто-то позвонил во входной звонок. Я открыл дверь и увидел перед собой человека среднего роста, аккуратно одетого и выбритого. Я сразу подумал, что это какой-то коммивояжер, когда вдруг он обратился ко мне на русском языке и отрекомендовался:

— Я — Игорь Гузенко и в подтверждение своей личности могу сказать, что 17 лет тому назад получил Ваше письмо, но по соображениям личной безопасности не мог на него ответить.

Я пригласил его войти, и он сказал, что сейчас находится в Оттаве по личным делам и решил со мной познакомиться. В дальнейшем к нам присоединилась его жена, типично русская, миловидная женщина. Так неожиданно случилось, что мы провели с четой Гузенко целый вечер.

Думал ли когда-либо, будучи в Москве, этот молодой комсомолец, что ему предстоит занять столь значительное место в истории эмиграции и отношений между коммунистическим Востоком и демократическим Западом? Думали ли Гузенко, что им будет суждено вести конспиративную жизнь, достойную быть описанной на страницах детективных романов? Думали ли они, что их дети будут воспитаны и вырастут англичанами? И, возможно, никогда и не узнают, кто был их отец? Каких только неожиданных метаморфоз не случается в нашем мире.

Гузенко сказал, что в своей квартире (конечно, никому неизвестно, где он живет и под какой фамилией) он чувствует себя в относительной безопасности, но на улице он всегда настороже. Вот уже больше 17 лет он, вставая утром с постели, не знает, ляжет ли он в нее спать вечером. И при всем этом материально Гузенко не особенно счастлив. Он вынужден жить на весьма скромную пенсию, назначенную ему Канадским Правительством и одним газетным магнатом. В последнее время его финансовые дела подправились, ибо у него неожиданно обнаружился талант художника-пейзажиста, и его картины пользуются успехом.

Мне кажется, что недооценка политического значения разоблачений Гузенко совершенно очевидна. Не будь

их, демократической, ничего не подозревавший мир, был бы через несколько лет настолько опутан паутиной шпионажа и предательства, что не известно, удалось ли бы ему из этой паутины выбраться живым и невредимым. Демократический мир недооценил героя на эмигрантском фронте, взвалив на плечи одной Канады заботы о его безопасности и материальном благополучии.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ЭМИГРАЦИОННОМ ФРОНТЕ В США и КАНАДЕ.

Желая продолжать антибольшевистскую акцию, начатую в Европе, я, прежде всего, решил присмотреться к политическому облику той эмигрантской массы, среди которой мне предстоит работать.

Самыми ранними, по времени прибытия в США и Канаду, были украинцы-галичане и члены секты духоборов. Поселились обе эти группы, главным образом, в Канаде. Одни (галичане) эмигрировали по экономическим соображениям, другие — из-за преследований царским правительством. Особняком держалась довольно большая группа эмигрантов из Буковины. Они эмигрировали в начале настоящего столетия, когда их страна входила в состав Австро-Венгрии. В массе аполитичные буковинцы говорили на смешанном русско-украинском диалекте, исповедовали православную веру и имели свою церковь, находившуюся в юрисдикции тогда еще единой Американской Православной Церкви. У буковинцев сильны русофильские тенденции, дорого им обошедшиеся во время Первой Мировой Войны (о чем уже было упомянуто выше).

Никакого своего политического лица обе группы не имели. Так как, в большинстве, ранние эмигранты были хлеборобами, то их называли иногда «зеленой эмиграцией».

Политических эмигрантов до февральской революции было очень мало. После февральской революции на американском континенте появляются политические эмигранты, главным образом, монархисты, а после октябрьского переворота, — пополнившиеся высланными из Совдепии писателями, учеными и представителями других групп интеллигенции. Всю эту, политически весьма разно-

родную массу, называли «старой» или «белой» эмиграцией.

Среди «белых» было большое количество участников антибольшевистских армий Деникина, Врангеля и других полководцев. Сближало «белую» эмиграцию её ясно выраженная антибольшевистская ориентация. Характерна для «белых» указанная выше большая прослойка монархистов. Значительная часть «белой» эмиграции поселилась в Европе, главным образом, во Франции и Германии. В Канаде и США их было сравнительно немного.

К примеру, в статистических трудах Канады, «русских» среди эмигрантов до пятидесятых годов вообще не значилось. Очень мало русских было и в США. Настоящая массовая эмиграция бывших подсоветских граждан началась в США и Канаду после Второй Мировой Войны. Под руками у меня точных статистических данных нет, но принято было исчислять количество «новых» не одной сотней тысяч, принадлежавших к различным этническим группам, но считавших себя русскими. За весьма малыми исключениями, последняя эмиграция — антикоммунистична.

«ПАБЛИСИТИ», ЕЁ ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ СТОРОНЫ.

Английское слово «паблисити» значит, в переводе на русский язык, не только публикацию, но оно сопряжено с преданием гласности и популяризацией чего-либо.

Мои шахматные друзья, зная о трудностях моего устройства на работу, в один голос решили, что мне, прежде всего, необходимо «паблисити».

В условиях свободного мира я еще не давал интервью и решил на него согласиться. Сказано-сделано, и в один из следующих дней молодая и разбитная репортерша местной газеты пришла извлекать из меня интервью.

Я представлял себе это интервью в виде вопросов и ответов, но вышло иначе. Репортерша задала мне только несколько шаблонных вопросов, большей же частью мы просто беседовали, и во время разговора она беспрерывно строчила что-то в свою изящную записную книжечку. Затем мы распрощались как закадычные друзья, и через день я увидел свое интервью в газете рядом с

моей фотографией за шахматной доской. Тут я и познал впервые, что одно дело — что-либо сказать репортеру, и другое дело — как он это воспримет и передаст читателям. Репортерша не исказила ни одного факта, но представила меня, как тут говорят, барабанщиком, бьющим в свой собственный барабан. Создавалось впечатление, что я обладаю многими добродетелями, но никак не скромностью. Пришлось проглотить горькую пилюлю, но мы с моим шефом получили жестокий урок и в дальнейшем никогда не давали санкции на публикацию каких-либо заметок о нашей работе без предварительного нашего просмотра. Об интервью мы вскоре забыли и только через несколько лет узнали, что оно стоило д-ру Ауэру и мне важного гранта (см. ниже).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ЭМИГРАЦИИ В ПЯТИДЕСЯТЫХ ГОДАХ.

Опять-таки, никаких сколько бы точных цифр не было, и приходилось о количестве участников политических группировок судить, главным образом, по степени их активности.

Самой большой группировкой представлялся Народно-Трудовой Союз (НТС).

Коммунисты называют НТС фашистской организацией, отождествляя фашизм с Гитлером и национал-социализмом. Такое сваливание в одну фашистскую кучу всех противных политических течений и отдельных оппонентов вполне типично для тоталитарных идеологов. Программа Национально-Трудового Союза уже тем не следовала образцам Гитлера и Муссолини, что она была демократична и предполагала участие в управлении государством свободно избранных представителей народа.

Народно-Трудовой Союз отрицает (говорю в настоящем времени, ибо программа и деятельность его по сути не изменились) также классовую борьбу и считает необходимым сотрудничество всех граждан в политике и экономике. НТС ведет непримиримую борьбу против коммунистической диктатуры и доставляет последней не мало неприятностей.

Еженедельник «Посев» *) и ежемесячный журнал

*) Теперь тоже ежемесячник.

«Грани» являются эффективным оружием в руках НТС. Ввиду того, что центр НТС находится в Европе, его влияние в последней гораздо значительнее, чем на нашем континенте.

Необходимо упомянуть и радиостанцию НТС «Свободная Европа», которая, несмотря на свою малую мощность, в течение больше 20 лет проникает за железный занавес и служит источником надежной правдивой информации для многих советских слушателей.

Следующей по величине и силе группировкой являлся Союз Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР), который продолжает свою работу и теперь. Основала его группа бывших активных участников ОДНР. Громадное большинство членов СБОНР-а — новые эмигранты, которые всегда были и есть решительными противниками большевиков. Их политической платформой является Манифест ОДНР. Основой его надо считать стремление к созданию свободного демократического государства. Подобно НТС, СБОНР отрицает классовую борьбу и стремится к созданию в будущей свободной России режима по образцам демократии США и Канады.

За отсутствием средств, СБОНР не имел и не имеет собственного регулярного печатного органа и ограничивался выпуском ротаторного информационного листка. Кроме того, члены СБОНР-а часто помещали свои статьи в газетах «Новое Русское Слово», и «Русская Жизнь». Тогдашний редактор НРС, Марк Ефимович Вейнбаум и редактор «Р. Ж.» Ариадна Ивановна Делианич были горячими русскими патриотами и охотно предоставляли страницы своих газет для непартийных политических статей. СБОНР-у удалось выпустить ряд брошюр и книг различных инакомыслящих авторов как из СССР, так и из эмиграции. Эти издания были предназначены, главным образом, для читателей в СССР и перебрасывались туда по различным каналам.

Необходимо упомянуть об Архиве РОА, основанном при участии М. В. Шатова при Колумбийском университете в Нью Йорке. Архиву удалось собрать богатейший материал по истории ОДНР, о котором он иногда сообщает в ротарных изданиях и печати. Две небольшие группы эмигрантов социалистического образа мыслей сгруппировались вокруг народного социалиста Сергея

Петровича Мельгунова и бывшего социалиста-революционера и последнего главы послереволюционного правительства Александра Федоровича Керенского.

Первая — Союз Борьбы за Свободу России — имела своим главным центром Францию, так как Мельгунов жил неподалёку от Парижа. Группа имела вначале своим печатным органом журнал «Российский Демократ» и затем ежемесячник «Возрождение».

Группа Керенского называлась «Народники» и имела центром Нью Йорк, где проживал Керенский. Эта группа, примыкавшая по своей программе к эсэрам, была немногочисленна и своего печатного органа не имела.

Часть социалистически настроенных эмигрантов примкнула к Лиге Борьбы за Народную Свободу, возглавляемой Б. И. Николаевским, о которой я уже упоминал. Печатным органом Лиги был «Социалистический Вестник».

Следует отметить, что монархисты также делились на «непримиримых» и «умеренных». Первые никаких компромиссов не признавали и считали главой династии — Великого Князя Владимира Кирилловича. Апологетом «непримиримых» был Н. Н. Чухнов, редактор органа этой группы — «Знамя России».

Сколько мне известно, «новых» среди «непримиримых» не было. «Умеренные» были сторонниками конституционной монархии. Их органом была ежедневная газета «Россия».

В этом весьма кратком обзоре я не упоминаю о газетах и журналах сепаративных направлений и двух явно коммунистических «Вестниках», издаваемых в Нью Йорке и Торонто. Они обслуживали небольшую, весьма специфическую часть эмиграции.

Такую пеструю политическую картину мне довелось наблюдать в первые годы после приезда в Канаду.

В начале 1950 года все мы, канадские эмигранты, были приятно поражены, узнав об организации в Нью Йорке Американского Комитета Освобождения Народов России. Это была частная организация, располагавшая, по-видимому, немалыми средствами.

Многих из нас воодушевило то, что во главе АКОНР стоял бывший посол США в СССР адмирал Кэрк, известный своими антибольшевистскими взглядами, базировав-

шимися на собственном опыте познания неприглядной советской действительности. Взгляды адмирала всецело разделялись его энергичной супругой, много сделавшей для помощи нашим политическим организациям.

В числе членов Комитета было имя Евгения Лайонса. В тридцатых годах он был в Москве корреспондентом американской «Ассошиэтед Пресс» и... членом коммунистической партии. Он овладел не только русским языком, но и прелестной москвичкой, которая, надо полагать, помогла отбросить коммунистическую дурь и посмотреть на вещи нормальными глазами. То, что он тогда увидел, навсегда вылечило его от коммунистической заразы *).

На приеме по случаю открытия работы Комитета, на котором был и я, присутствовали эмигранты всех национальностей и политических убеждений. Адмирал Кэрк вкратце сказал, что основными задачами комитета он считает: первое — объединение всех эмигрантских сил для наиболее эффективной борьбы с большевизмом и второе — организацию мощной Радиостанции, которая должна будет передавать в Советский Союз правильную и объективную информацию не только о том, что творится в свободном мире, но и о том, что творится в СССР. О последнем — советские граждане большей частью знают меньше нас, граждан свободного мира. Наши средства связи не подчинены партийным интересам и поэтому могут сообщать всю правду, приятную и неприятную для власти.

Я И МОИ ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ **)

С удовлетворением мы узнали, что АКОНР смотрит на нас, бывших участников ОДНР, как на своих друзей и союзников в предстоящей борьбе.

Тогда же я познакомился с главой Департамента общественных отношений при АКОНР-е, г-ном Спенсером

---

*) Он доказал это в своей книге «Наши тайные союзники — народы СССР».

**) К тому времени я уже имел связь со многими украинцами в США и Канаде разделяющими непредрешенческие взгляды на национальную проблему, изложенные в Манифесте ОДНР.

Вильямсом, с которым мне довелось проработать несколько последующих лет. С. Вильямс довольно сносно говорил по-русски и был высокоинтеллигентным человеком, обладавшим недюжинной эрудицией в политических вопросах. Одно время он служил в Американском посольстве в Москве и хорошо изучил истинную ситуацию там. Как американца, его особенно возмущали притиснения личной свободы и ложь красной пропаганды. Он с большой симпатией относился к политическим эмигрантам и поддерживал их, чем мог, в их борьбе против большевиков. Его преждевременная смерть лишила нас искреннего друга и соратника по общей борьбе.

НАЧАЛО СОТРУДНИЧЕСТВА С АКОНР-ом. ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОБ УКРАИНСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ И СЕПАРАТИЗМЕ.

Спенсер Вильямс сказал мне, что АКОНР-у хорошо известна моя деятельность на посту председателя Украинского Красного Креста и руководителя Украинского Национального Совета при КОНР-е, и он просил меня представить Американскому Комитету докладную записку о моих взглядах на украинский национализм и его политическое значение.

Я согласился. Вот вкратце основные положения моей записки.

1). Прежде всего, автор настоящей записки, в прошлом член Комитета Освобождения Народов России, всецело разделяет непредрешенческие взгляды на украинскую национальную проблему, изложенные в Манифесте ОДНР. Поэтому он решительно отмежевывается от ультра-шовинистических взглядов российских «неделимцев», утверждающих и поныне, что украинской проблемы не существует и что она является выдумкой врагов России, иностранных ее соседей, всегда стремившихся к отрыву богатой Восточной Украины от России и, тем самым, к ослаблению последней. Эти реакционные взгляды давали ложные основания реакционным кругам царского правительства всеми доступными мерами подавлять украинскую культуру на Восточной Украине. В противоположность таким взглядам автор считает, что Украина, ее народ, язык и культура существовали и будут сущест-

вовать до того времени, пока останется хотя бы один украинец, любящий свой народ и его культуру. Именно благодаря наличию вышеприведенных непримиримых взглядов, вопрос украинской национальной проблемы так обострился в настоящее время, что образовалась непроходимая пропасть между непредрешенческим и сепаратистскими взглядами.

2). За более чем три века пребывания Восточной Украины в составе Российской Империи между нею и остальными частями государства возник ряд этнических, социальных, экономических и прочих связей, необычайно усложняющих правильное и справедливое разрешение национальной проблемы.

Этнический чистый тип украинца сохранился, большей частью, только в сельских местностях, в городах же превалировал русско-украинский или польско-украинский тип, возникший в результате смешанных браков. Такие люди говорили на русском языке, и на том же языке их дети получали образование. Семьи с разговорным украинским языком составляли сравнительно редкое исключение, особенно в числе лиц интеллигентных профессий. К примеру, дома у меня говорили только по-русски, несмотря на мое украинское происхождение, а я сам стал изучать украинский язык, будучи уже в университете, потому что заинтересовался украинской литературой и хотел читать ее в подлиннике. Я считал также, что моя украинская фамилия обязывает знать свой родной язык. В городах Украины жило также не мало великороссов, белорусов, поляков, евреев и других национальностей прадеды которых пересилились на украинские земли.

Все они привыкли считать нашу землю своей родиной, а себя русскими. Такие переселенцы составляли немалый процент населения и с их мнением необходимо было считаться. Все указанные особенности были на руку царскому правительству, игнорировавшему самый факт существования украинской национальности, и поощряли его в дальнейшей русификации. Она была возможна только в условиях авторитарного режима, и ее проведение расширило и углубляло разрыв между городским и сельским населением. Демократическое правительство, образованное после Февральской революции, изменило

это положение, предоставив Украине все права на самостоятельное развитие национальной культуры на основе самой широкой автономии в местном управлении. Эта послереволюционная политика ясно показала несогласие демократических кругов России с прежними русификаторскими тенденциями, подчеркнув отсутствие у демократов всякого желания угнетать и подавлять украинскую культуру, указывая тем самым их стремление жить в мире и дружбе с украинским народом. Подобные идеи выражены с предельной ясностью в Манифесте КОНР-а, обнародованным в Праге в 1944 г.

3). Хотя дискриминация украинской культуры была несомненным фактом, она проводилась, главным образом, из политических соображений. Последние сводились к боязни отрыва Украины от России и присоединения ее к Австрии, Германии или Польше, под властью которых уже находилась часть украинских земель. Русская интеллигенция в указанной дискриминации участия не принимала, ибо считала украинскую культуру неотъемлемой частью общерусской. Произведения Гоголя, написанные на русском языке, возвеличили Украину гораздо больше, чем произведения многих украинских писателей, написанные по-украински.

4). Многовековое раздельное существование западных и восточных частей Украины выработало совершенно различные типы украинцев, тяготевших к различным культурам. В то время, как восточные украинцы тяготели к общероссийской, западные были под влиянием германской и польской культур. Это различие сказывается не только на укладе жизни, обычаях, но и на языке — обоим типам украинцев часто не легко договориться друг с другом. Благодаря вышеуказанным отличиям, не исключена возможность, что в будущем будет существовать не одна, а несколько Украин с различными культурами.

Передавая настоящую записку, я указал Спенсеру Вильямсу, что хотя взгляды, изложенные в настоящей записке являются моими личными и о содержании записки я ни с кем не советовался, мне доподлинно известно, что такого же мнения держится значительная группа выходцев с Восточной Украины. Если АКОНР сочтет эти взгляды жизненными, то мне без труда удастся сначала организовать группу единомышленников, чтобы с ними начать подготовку к съезду сочувствующих нашим иде-

ям, живущих теперь в Северной Америке. Единственная наша просьба к АКОНР-у, добавил я, это помочь нам финансированием печатного органа нашей группы. Господин Вильямс записку принял и обещал в скором времени дать ответ.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОСТА ДИРЕКТОРА РАДИОСТАНЦИИ АКОНР-а В МЮНХЕНЕ. ПОЛЁТ В МЮНХЕН.

При этом же свидании г-н Вильямс сообщил, что АКОНР приступил в Мюнхене к организации радиостанции в этом году под названием «Радио Свобода», и предложил мне занять пост ее директора. Станция почти готова к пуску, набрана часть персонала. Назначение станции — сообщать народам России на их языках правдивую информацию не только о том, что творится за пределами СССР, но и о том, что творят большевики внутри страны, — сказал он.

— Но, прежде всего, вы сами должны быть правильно информированы обо мне. Я никогда к радиопередачам никакого отношения не имел и никак не подготовлен к занятию столь ответственной должности, — возразил я.

Г-н Вильямс сказал, что о технической стороне дела заботиться не придется, т. к. станция обеспечена весьма квалифицированным персоналом.

— Но, зная, что наибольшие трудности возникают при согласовании содержания разноязычных передач, мы решили привлечь к работе человека, имеющего опыт в этом отношении. Вы приобрели этот опыт при работе в ОДНР и поэтому наш выбор пал на вас, — добавил он.

Ситуация у меня была не из легких. С одной стороны, я понимал важность задачи, поставленной перед собой АКОНР-ом и считал своим гражданским долгом помочь в этой политической акции. С другой же стороны, принять предложение — это значило бы переселиться в Мюнхен, с головой погрузиться в политику и поставить крест на академической и научной работе.

Г-н Вильямс заметил моё колебание и нерешительность, отраженные на моем лице, и предложил мне сейчас окончательного ответа не давать, а предварительно слетать в Мюнхен, чтобы на месте познакомиться с положением дел. На это я согласился.

Первый мой прилет в Мюнхен состоялся в начале 1951 года. Всего два года прошло со времени моего отъезда из Германии, но и за это короткое время следы послевоенных разрушений почти исчезли, и на лицах баварцев засияла типичная жизнерадостность.

Я уже получил приличный номер в только что восстановленном отеле, в котором были все американские удобства, за исключением... мыла. Бывшие киевляне, не эмигрировавшие за океан, почти все устроились на работу в учреждения, финансируемые американцами.

Наиболее крупным из последних был Институт по изучению Истории и Культуры СССР. При Институте была большая библиотека, служившая культурным центром эмигрантов. Последние только начинали организовываться, и ни о каких других политических организациях, кроме упомянутых СБОНР и НТС, я не слыхал.

Директором радиостанции пока что был американец, и он меня ввел в курс дела. Основными передачами были русская и украинская, но предполагалось расширить их круг другими языками, когда будут найдены подходящие националы. Основная передача составлялась на английском и передавалась в переводе на другие языки. Каждой национальности предоставлялось также право определенную часть времени посвящать своим национальным проблемам. Эта часть программы передавалась только после санкции директора. Я понял, что в последней будет заложено ядро трудностей, ибо непримиримые националисты всегда будут пытаться делать шовинистические выпады. Но пока что национальные редакции состояли из умеренных элементов, и поэтому особых недоразумений не было. Содержание передач соответствовало духу Манифеста, и поэтому существенных возражений против принятия предложения С. Вильямса у меня стало еще меньше, чем было в Нью Йорке.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАНАДУ. НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ ДЕЛА С НАЗНАЧЕНИЕМ НА ПОСТ ДИРЕКТОРА.

По возвращении в Оттаву я узнал, что Университет изыскал средства не только на покупку оборудования

для моей научной работы, но и на выплату мне небольшого жалования. Словом, всё складывалось так, чтобы максимально затруднить для меня выбор между Университетом с весьма скромным служебным окладом и директорством радиостанции, возлагавшим на меня ответственную политическую задачу.

Но, как часто бывает, «не бывать бы счастью, да несчастье помогло». Приехав в Нью Йорк, я стал делиться с г-ном Вильямсом своими терзаниями и сомнениями. Вдруг раздался телефонный звонок. По окончании разговора по телефону, Вильямс с возмущением сказал, что ему было поставлено Украинским Конгрессовым Комитетом (экстремистская организация, состоящая главным образом из галичан) ультимативное требование не назначать меня директором Радиостанции, угрожая в противном случае, отказаться от всякого сотрудничества с АКОНР-ом. Вильямс был очень рассержен ультиматумом, но я увидел в нем перст судьбы и попросил его принять мой отказ. Я сообщил ему, что начну сейчас подготовку к организации объединения моих единомышленников.

ШАХМАТНОЕ ПЕРВЕНСТВО КАНАДЫ В АРВИДЕ, ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ФРАНЦУЗСКОЙ ЧАСТИ КАНАДЫ. КВЕБЕК ИЗ ОКНА АВТОМОБИЛЯ.

На время прерву свои воспоминания о медицине и политике и расскажу о шахматном чемпионате Канады, в котором я принял участие. Организатором и гостеприимным хозяином турнира был Канадский Аллюминиевый Комбинат, центр которого помещался в посёлке Арвида (провинция Квебек), неподалёку от столицы Квебека. Привез меня на турнир и отвез домой в своем автомобиле один из моих новых шахматных друзей.

Я до сих пор сохранил самые лучшие воспоминания об этом путешествии. Теперь я имел возможность видеть Квебек не издалека — с борта парохода, но вблизи — из окна автомобиля и с частыми остановками. Как всюду в Канаде, природа представляла собой чудесную смесь из дикости, почти нетронутой рукой человека, и любовно культивированной девственной природы. Автомобиль

плавно катил по дороге, по долам и горам, и представлявшиеся глазу картины были столь разнообразны, что скучать ни разу не пришлось. Очень коротко задержались в гор. Квебеке и понеслись затем по дороге, проходящей через огромный заповедник, в котором запрещены охота, рыбная ловля и даже, как я слыхал, поимка бабочек для коллекций. В заповеднике не редкость встретить диких зверей, живущих на свободе и дружелюбных к своему злейшему врагу — человеку. Пример облагораживания природных инстинктов свободой.

Завод Аллюминиевого Комбината в Арвиде имеет около тысячи рабочих (точной цифры не знаю). Большинство последних живет в посёлке того же названия, обычно в одно или двухэтажных домиках. Каждый новый рабочий, желавший приобрести дом, должен был только с помощью предоставленных ему машин выкопать яму и заложить фундамент для дома, в то время, как последний строился на специальной фабрике. Затем дом привозился на место и ставился на фундамент. Через несколько дней всё было готово, и семья могла переезжать в своё гнездо.

В поселке были английская и французская школы, магазины с самым разнообразным ассортиментом товаров и продуктов и спортивный стадион, на котором вскоре после нашего приезда мы наблюдали бейсбольный матч между двумя женскими командами. Размеры получаемого жалованья позволяли рабочим, квалифицировавшимся в какой-либо отрасли производства, быстро обрастать имуществом и капиталом. Казалось бы, при таком материальном благополучии не может быть места конфликтам между работодателями и рабочими. Однако, спустя 7 лет, газеты сообщили о забастовке, продолжавшейся несколько месяцев. Причиной конфликта была больше национальная гордость, чем денежные требования: канадские рабочие, возмущенные тем, что их американские коллеги получают за ту же работу и ту же производительность труда гораздо большую заработную плату, чем они, потребовали полного равенства в последней. Комбинат не пожелал выполнить вполне справедливое требование рабочих и в результате разразилась забастовка, стоившая Комбинату немало денег и закончившаяся победой рабочих.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С КАНАДСКИМИ РЫЦАРЯМИ ОРДЕНА БОГИНИ КАИССЫ.

Турнир был прекрасно организован и играть в нем было одно удовольствие. Канадские шахматисты сразу же приняли меня в свою семью, и мы погрузились в волшебный мир шахматных грез. К лучшему было то, что на турнире первый приз получил коренной канадец М. Фокс, проведший состязание с исключительной силой. У меня уже стали сказываться годы, и я мог быть доволен, очутившись в первой пятерке. Во всяком случае, полученных призовых денег не только хватило на оплату дорожных расходов, но я даже немного «подработал».

В ГОСТЯХ У РАБОЧЕГО РУССКО-УКРАИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ. ПУШКИН И ШЕВЧЕНКО РЯДОМ.

Побывал я в гостях у рабочего Комбината. Он — русский из восточной Украины, жена — коренная украинка. Трое взрослых детей — юноша и две девушки. Двухэтажный дом: на первом этаже — гостиная, столовая и кухня, на втором четыре спальни для супругов и каждого из троих детей. Конечно, все удобства. Ясно, что живет с достатком. Квалифицировался на какой-то мудреной сварке тут же, на Комбинате. Обстановка скромная, но вполне удобная, даже с претензией на вкус. На стене в гостиной висят рядом портреты Пушкина и Шевченко как символ мирного сосуществования двух культур. Девушки еще учатся в средней школе, сын уже в университете Мак-Гил (один из лучших в Канаде). «Будет инженером», — с гордостью говорит отец. Сын получает стипендию от Комбината и его образование отцу почти ничего не стоит. Родители говорили на русском и украинском языках, дети же, выросшие в Канаде, предпочитали английский.

ДОРОЖНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАРКСИЗМЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВИДЕННОГО В КАНАДЕ

Из того, что я видел за короткое время своего пребывания в Канаде и особенно в Арвиде, было ясно, сколь

безнадежно устарела основная предпосылка марксизма о диаметрально противоположных интересах и вытекающей отсюда «классовой враждебности» между работодателем и рабочим. Той резкой разницы между жизнью того и другого, которая обусловливала бы эту вражду, я не наблюдал ни в Арвиде, ни в каком-либо другом месте Канады. Исключением были т. н. «деклассированные» элементы, т. е. хронические пьяницы, наркоманы, уголовники, которые могут представлять интерес для социологов, медиков и полиции, но отнюдь не для экономистов, либо политиков. Настоящее и будущее упомянутого выше рабочего и его семьи было настолько обеспечено, что ему и в голову не приходило искать чего-либо лучшего путем политических потрясений. Иными словами, материальное и правовое положение работающего люда никаких оснований для классовой враждебности не давало.

Остается еще одна категория населения, которая могла бы оправдать марксистские выводы, — т. н. безработные. Но, если их процент по отношению к работающим увеличивался на какую-либо долю десятичной дроби, то об этом поднимали немедленный крик радио, пресса и телевидение, влияние коих Маркс не мог предвидеть. Кроме того, большой процент безработных обусловливался сезонными причинами, их нежеланием переехать в другое место, либо нежеланием переквалифицироваться. К тому же, в демократических государствах существовал ряд агентств, обеспечивавших этим категориям безработных вполне удовлетворительное пособие на полгода и больше, в течение которых рабочий при желании всегда мог найти для себя работу. Словом, ни одна из предпосылок Маркса в современном капиталистическом обществе не существовала. Не говоря уже о силе и влиянии профессиональных союзов, во времена Маркса только появлявшихся на свет Божий.

ЕВРОПЕЙСКАЯ И АМЕРИКАНО-КАНАДСКАЯ СИСТЕМЫ РУКОВОДСТВА, КОНЦЕНТРАЦИИ И ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ И БИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Опять-таки, я не собираюсь в своей книге давать полный обзор финансирования и планирования научной

работы на нашем континенте. Эти объекты чересчур многообразны, сложны и им посвящено достаточно специальной литературы. Укажу лишь на те их стороны, с которыми мне пришлось соприкасаться.

Прежде всего, я столкнулся с тем, что университет денег на финансирование научной работы не имеет, а необходимые для этой цели средства получает в виде субсидий или «грантов» со стороны. Благотворительных учреждений, дающих подобные «гранты», есть великое множество. В большинстве, они носят имя главного жертвователя, положившего крупную сумму денег в банк, проценты с которой составляют бюджет учреждения и предназначенную в основном для финансирования научной работы. Назову к примеру фонды имени Рокфеллера в США или Аткинсона в Канаде. Желающий получить субсидию обращается с соответствующей просьбой, заручившись предварительно поддержкой университета, либо того учреждения, где он работает. Затем, комиссия экспертов рассматривает эту просьбу и либо выдает, либо отказывает в «гранте».

Кроме того, в США и Канаде имеются Центральные Институты по научным исследованиям, финансируемые Правительством, которые тоже субсидируют научную работу вне своих стен.

Существуют также Фонды для научных работ в определенных областях. Например, Общество по изучению костных заболеваний, по борьбе с Раковыми заболеваниями и т. д. Богатые американские фонды финансируют научную работу во всём мире.

Так, например, я получил личную субсидию и финансовую поддержку моей работы из Центрального Института Здоровья в США.

Институтов специальных заданий, столь частых в Европе, кроме вышеуказанных, не существует. Так, к примеру, во всей Канаде и США не существует Рентгеновского Института, в котором концентрировалась бы научная работа по рентгенологии. Подобные институты существуют в Киеве, Ленинграде, Берлине и других европейских столицах.

Такая, в своем роде, децентрализованная научная работа имеет свои хорошие и плохие стороны. Хорошей, к примеру, является независимость научного работника, который сам планирует и проводит свою работу; плохо то, что субсидии выдаются на короткое время и по истечении срока, часто только годичного, судьба научной работы остается висеть в воздухе. Особенно неприятна эта неопределенность для технических работников, жалование которых черпается целиком из денег «гранта». В тех случаях, когда из сумм «гранта» оплачивается и сам научный работник, неопределенность ситуации отражается и на нем. Однако, поскольку субсидирующих Фондов много, то всегда имеется возможность сманеврировать так, чтобы перерыва в «грантах» не было.

За всё время субсидирования моей научной работы за счёт Фондов, мы только один раз встретили отказ. Это было в самом начале моей работы в Университете, когда д-ру Ауэру не дали «гранта», из которого должно было оплачиваться мое жалование. Отказ был совершенно неожиданный, и мы долгое время ломали себе голову в поисках его объяснений. Только спустя несколько лет, секретарь Медицинской комиссии, у которой мы просили субсидию, сказал, что в «гранте» было отказано из-за плохого впечатления, произведенного моим интервью в газете.

Это, конечно, мелочь, но канадские члены Комиссии должны были бы знать, что содержание интервью есть больше плод творчества репортера, чем интервьюируемого. Нам этот отказ стоил года ожиданий новой возможности.

1952-ой ЗОЛОТОЙ ГОД СОТРУДНИЧЕСТВА АКОНР-а С ЭМИГРАЦИЕЙ.

В начале 1952 года С. Вильямс известил меня, что основные положения моей Докладной записки приняты, и АКОНР готов помочь нам в издании печатного органа предполагаемого Объединения.

В марте вышел первый номер газеты «Східняк», на отдельном листе, в виде «стороннего сообщения» в газете НРС. Как и следовало ожидать, сепаратистская печать встретила появление нашего органа с нескрываемой враждебностью. Реакция эта не была неожиданной и нас нисколько не удивила.

ПЕРЕМЕНЫ В РУКОВОДСТВЕ И НАЗВАНИИ АКОНР-а АКО ВМЕСТО АКОНР. МОЙ ВТОРОЙ ПОЛЁТ В ЕВРОПУ. ОРГАНИЗАЦИЯ КЦАБ-а.

Адмирал Кэрк, (американский посол в Москве 1949-1951). Второй[1]) председатель АКОНР-а, ушел в отставку, и его место занял адмирал Лесли Стивенс. Новый председатель знал об истинном положении в СССР не меньше адмирала Кэрка. Он также в течение войны служил в Американском посольстве в Москве в должности военно-морского атташе. Его перу принадлежит книга "Russian Assignment"[2]) by L. Stivens. («Назначение в Россию»), в которой он описывает всё то, что он видел за время своего пребывания в СССР. Книга обнаруживает пытливый ум и исключительную наблюдательность её автора и поражает своей объективностью и правдивостью.

В 1952 году стало ясным, что свободному миру доведется сосуществовать с коммунистическим тоталитаризмом. Хотя АКОНР был частной организацией и никакого отношения к бюджету правительства США не имел, он не мог игнорировать политику своего государства, даже не будучи обязан это сделать. С этой политикой старое название не гармонировало, и поэтому «Американский Комитет Освобождения Народов России» превратился в «Американский Комитет Освобождения». Но свою работу по политическому объединению групп эмиграции, стремящихся к восстановлению в СССР свободного демократического государства, АКО не прекратил.

Весной 1952 года, С. Вильямс предложил мне снова слетать в Мюнхен, чтобы принять участие в подготовке этого объединения.

Как мне это ни было трудно, ибо страдала моя академическая и научная работа, но пришлось согласиться, ибо в политической важности этого мероприятия никаких сомнений не было.

И вот я снова в Мюнхене. Город продолжал зализывать свои раны и обещал в скором времени снова превратиться в жемчужину Баварии.

[1]) Первым председателем был Юджин Лайонс, бывший коммунист, впоследствии в нем разочаровавшийся и ставший непримиримым антикоммунистом.

[2]) Little Brown Publishers, Boston.

Кроме своих единомышленников, я нашел вновь организованную группу «Украинское Освободительное Движение, возглавляемую г-ном Гулаем. Эта группа стояла на мягко самостийнических позициях, но не возражала против того, чтобы прежде всего спросить украинский народ об его мнении.

Так как ни Объединение Украинских Федералистов Демократов, ни группа Гулая ещё не были официально оформлены, г-н Гулай и я принимали участие в совещании в качестве наблюдателей от своих организаций, будучи допущены к прениям и к голосованию.

Официально принимали участие: СБОНР, Народники, Лига Борьбы за Народную Свободу (группа Николаевского), Союз Боорьбы за Свободу (группа Мельгунова), Белорусский Народный Союз, Грузинское Национальное Движение, Азербайджанское Национальное Движение, Северо-Кавказское Антибольшевистское Национальное Объединение, Объединение Армянских Борцов за Свободу и Тюркель (Туркестанский Национальный Комитет).

Совершенно непонятным для меня явилось отсутствие в числе участников совещания НТС. Предполагаю, что его участию воспротивились социалистические группировки, которые возражали также против монархистов.

Очень жаль, на мой взгляд, ибо конституционные монархисты являются вполне демократической организацией, и их участие придало бы в глазах эмиграции большую авторитетность совещанию.

Заседания происходили под председательством С. П. Мельгунова. Было решено считать настоящее совещание ядром будущего Координационного Центра Антибольшевистской Борьбы (КЦАБ), официально образованного позже (в октябре того же года).

Пока же был образован Консультативный Совет при Радио «Свобода», в который вошли представители отдельных национальных групп.

Между тем, сепаратисты тоже не дремали. Их усилиям был созван съезд самостийников в Париже, учредивший «Антибольшевистский Блок Народов» (АБН), причем, как водится, русский народ в числе порабощенных не упоминался. Мы не закрывали глаза на силу и влияние, коими группа экстремистов пользовалась в

США и Канаде. Она имела своих сторонников даже в Конгрессе США и Парламенте Канады, всегда готовых поддержать их точку зрения. В начале шестидесятых годов сепаратистам удалось добиться принятия Конгрессом США резолюции о народах, порабощенных коммунизмом, опять-таки без упоминания о главной жертве коммунзма — народе русском. Ничего нет удивительного в том, что сепаратистов в США и Канаде считают единственными представителями украинского народа. И своей газетой, и другой деятельностью мы впервые показали, что существуют украинцы, не стоящие на шовинистических позициях. Надо отдать справедливость той сплоченности, которая наблюдалась у сепаратистов, несмотря на то, что у них было достаточно поводов для разногласий. Взять хотя бы вопросы религии. Среди них были группы католиков, униатов (симбиоз католицизма и православия) и православных. Ясно, что одних этих религиозных различий было бы достаточно для создания нездоровой атмосферы внутри государства, если бы таковое образовалось. В условиях же религиозной терпимости США и Канады, сосуществование различных религий было вполне естественно. Главным врагом была «русскость», и это отвлекало от всех других поводов для борьбы.

СЪЕЗД УКРАИНСКИХ ФЕДЕРАЛИСТОВ ДЕМОКРАТОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ В НИАГАРА ФОЛС.

Чтобы подчеркнуть дружеские отношения между США и Канадой, было решено провести съезд в пограничном городке Ниагара Фолс, вблизи которого находится знаменитый Ниагарский водопад. Это дало повод присутствовавшему на съезде представителю российских социалистических групп, Д. Зензинову в своем приветствии сказать, что он не желает нашему политическому кораблю попасть в бурные воды политических страстей. Увы, к сожалению, это утлое суденышко в такой водоворот попало и притом очень скоро. Съезд прошел в исключительно дружественной обстановке. Была избрана комиссия по разработке Устава объединения, в основу которого должны были быть включены нижеследующие положения:

1. Название будущего государства на месте бывшей России должно быть установлено плебисцитом. В настоящем проекте оно названо «Всеросийской Федерацией» (ВРФ).

2. Основными членами ВРФ должны быть: Восточная Украина, Восточная Белоруссия и Великороссия. Западные части первых двух национальных единиц могут войти в ВРФ либо в качестве самостоятельных членов, либо политически слившись с восточными соседями. Отделение восточных частей от России было бы подобно отсечению рук, либо ног от человеческого тела и было бы противно, прежде всего, интересам отсеченных частей.

3. Осуществление идей ВРФ станет только тогда реальным, когда во всех трех главных странах будет установлен настоящий демократический режим, покоящийся на всеобщем правовом равенстве и свободе гражданских прав.

4. Управлять ВРФ должен будет Всероссийский Парламент, избранный путем всеобщего, равного и тайного голосования всех граждан ВРФ.

5. Парламент ВРФ должен избрать Президента, либо главу и утвердить всех министров будущего правительства.

6. Порядок, детали и срок пребывания на постах членов правительства ВРФ должны быть установлены Конституцией, принятой и утвержденной Парламентом ВРФ.

7. Местные самоуправления должны осуществляться местными Парламентами, свободно избранными внутри каждой национальной единицы, входящей в ВРФ.

8. ВРФ должна иметь три государственных языка: белорусский, русский и украинский.

9. Ввиду единой Православной Веры, исповедываемой гражданами трех основных членов ВРФ, управление духовными делами ВРФ должно осуществляться через Синод и Патриарха, свободно выбранного всеми верующими.

10. Политические и гражданские права всех граждан ВРФ должны быть определены Конституцией, утвержденной Парламентом ВРФ.

11. Прием новых членов ВРФ будет производиться в соответстви с Конституцией.

12. Настоящая организация будет называться «Объединением Украинских Федералистов Демократов» (ОУФД).

13. Окончательная редакция Устава ОУФД должна быть принята на следующем съезде членов ОУФД, который установит также размеры членских взносов для членов. Пока что размеры взносов устанавливаются на добровольных началах.

После единогласного принятия проекта Устава, съезд избрал Председателем ОУФР д-ра Ф. П. Богатырчука, его заместителем Ю. И. Мешалова и секретарем И. Лапко. Председателем Редакционной Коллегии газеты «Схидняк» избран был д-р Ф. Богатырчук.

Не приходится скрывать, что в издании нашего печатного органа мы имели очень скромную, но достаточную финансовую поддержку отдела общественных отношений АКО, которая давала возможность оплачивать секретаря редакционной коллегии. Никто другой жалования не получал. Хотя и с трудностями, но я мог осуществлять редактирование, живя в Оттаве. Мое личное присутствие требовалось на короткое время, не более, чем раз в месяц.

Я уже говорил об усилившихся атаках сепаратистов на наше ОУДФ и «Схидняк». Появление их на политической сцене уже нельзя было игнорировать хотя бы потому, что количество наших приверженцев продолжало увеличиваться, несмотря на террор сепаратистов и контрагитацию их прессы. Нашим приверженцам приходилось всячески скрывать свои симпатии к ОУФД. Было несколько случаев, когда обнаружение нашей газеты приводило к травле, а иной раз, когда была возможность, даже снятию с работы .

Из многочисленных выпадов рыцарей сепаратистского пера я упомяну лишь о статье «Чи багато на Україні богатирчуків?» («Много ли на Украине богатырчуков?»), появившейся в украинской газете «Гомин Украины». Автор статьи пришел к выводу, что «богатырчуков» там так мало, что их и днем с фонарем не сыщешь. Оптимизму автора статьи могут позавидовать даже украинские националистические историки, которые были вынуждены признать, что украинское население не только городов, но и сел относилось весьма прохладно к украинским освободителям от московского гнета. Словом, ничего другого не остается, как дожидаться только того благословенного часа, когда украинский народ будет спрошен об его мнении. Верим, что такой час когда-либо наступит.

ПРОДОЛЖАЮЩИЙСЯ КУРС АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СБЛИЖЕНИЕ С СССР И ОТКАЗ АКО ОТ ВСЯКОЙ ПОМОЩИ НАМ. ПРИЧИНЫ ПЕРЕНОСА ПЕЧАТАНИЯ ОРГАНА ОУФД В КАНАДУ *)

Вначале 1953 года стряслась давно ожидавшаяся беда. Меня вызвал к себе Спенсер Вильямс и сказал, что, к сожалению, АКО не может продолжать финансирование антибольшевистской деятельности эмигрантских политических организаций ввиду предстоящего прекращения холодной войны и улучшения отношений с СССР. Хотя, по его словам, АКОНР и является частной, не правительственной организацией, он не может игнорировать это изменение курса американской внешней политики. «Единственное, что я могу сейчас сделать, — сказал он, — это познакомить вас с одним финансистом, который готов оплатить расходы по изданию, примерно, пятнадцати номеров вашей газеты (на те же деньги нам удалось выпустить 17 номеров), но при обязательном выполнении следующих его двух условий: 1. печататься ваш орган должен не в США, а в Канаде (мотивов этого условия финансист не объяснил) и 2. все это соглашение должно остаться между нами, и о нем будут знать только я и мой заместитель. Далее С. Вильямс добавил, что дальнейшая помощь не исключена, но мало вероятна.

Поскольку я считал издание печатного органа нашей организации делом исключительной важности, и поскольку у меня выбора не было, я вынужден был с предложением Вильямса согласиться, хотя и предвидел те возражения, которые встретит необъясненный перенос печатного органа в Канаду. Так и случилось. Особенно возмущены были ньюйоркские и филадельфийские члены,

*) Только теперь, спустя 25 лет, я считаю себя вправе объяснить причины переноса.

составлявшие костяк нашей организации. Некоторые из них стали обвинять меня в том, что перенос сделан в моих личных интересах и желании отстранить от участия в издании других членов редакционной коллегии, живущих в США. Мое обещание — не выпускать ни одного номера без единогласного одобрения всех членов редакционной коллегии — пыла разбушевавшихся страстей не охладило, ибо Вильямс, я и мой заместитель продолжали хранить упорное молчание по поводу истинных причин происшедшего.

Особенно мутил воду некий О. К., бывший секретарем редакционной коллегии. Его стараниями в начале мая 1953 было собрано около десятка членов ОУФД, объявивших себя «пленумом». Сей самочинный орган снял меня с поста председателя и избрал О. К. на этот пост. После этого О. К. напечатал в крайне сепаратистской украинской газете «Прометей» статью, обвинявшую старое руководство ОУФД и особенно меня во всех смертных грехах. Ожидания О. К., что его после этого пасквиля примут с распростертыми объятиями в сепаратистские организации, сколько мне известно — не оправдались, и он остался в гордом одиночестве. Недовольным пришлось созывать другой «пленум», на сей раз, примерно, из двух десятков членов, подтвердивших мое снятие, снявши О. К., и избравших г-на П. новым председателем. Всю эту мало приличную игру в демократию можно было бы прекратить только одним способом — созывом Второго Съезда ОУФД, но на это у нас денег не было. Поэтому было решено продолжать работу, сгруппировав членов, оставшихся верными решениям съезда в Ниагара Фолс, сконцентрировать их вокруг печатного органа ОУФД «Федералист Демократ».

Убедились мы на собственном опыте, что на пути работы политической организации даже в демократической стране имеется, кроме роз, не мало и терний.

Пока у нас в малюсеньком масштабе метались громы и молнии, коммунисты всего мира потеряли своего обер палача Сталина. В марте 1953 года, при до сих пор ещё не выясненных обстоятельствах, этот идеолог насилия и террора отправился в путешествие в страну, из которой ещё никто не возвратился. Он умер, но, увы, посеянное им зло не исчезло с его смертью. Паутина, которой успели опутать наши народы его последователи, остались крепкой и после его смерти, и когда ей придет конец — Ты, Господи, веси!

«ФЕДЕРАЛИСТ ДЕМОКРАТ» В БОРЬБЕ ЗА ИДЕИ ФЕДЕРАЛИЗМА.

Пока среди отколовшихся членов ОУФД бушевали страсти-напасти, мы с Ю. Мешаловым и оставшимися с нами украинцами приступили к организации нового печатного органа под названием «Федералист Демократ»*). С помощью двух энтузиастов, г-жи О. Н. Танчик и г-на Ф. И. Голдвина, работавших не за страх, а за совесть, нам удалось до конца 1954 года выпустить 17 номеров, что вместе с 30-ю номерами «Схидняка», (вышедшими под моей редакцией), составило 47 номеров. Оба печатных органа свою пропаганду идей федерализма строили на основном пункте программы ОУФД, указывавшей, что федерация является наилучшей формой сосуществования национальностей в большом многонациональном государстве.

Во многих статьях анализировалась особая выгодность федерации между Великороссией и Украиной. Особо подчеркивалось, что федерация возможна будет только тогда, когда в обеих странах будет установлена демократическая форма правления. Многие авторы подчеркивали, что начинаются вполне серьезные разговоры об организации Всеевропейского Федеративного государства наподобие Соединенных Штатов Европы. Тогда мы ещё не знали, что в шестидесятых годах будет сделан первый шаг в этом направлении: сначала в виде экономического союза между Бельгией, Голландией и Люксембургом (БЕНЕЛЮКС), а позже Европейского Экономического рынка, включающего все европейские демократические государства и Англию.

Хотя и авторов статей, и издательства никак нельзя было упрекнуть в том, что они продались за несуществующие — чечевичную похлебку, либо серебренники,

---

*) Название нового самостоятельного органа «Федералист Демократ» было предложено на съезде в Ниагара Фолс и утверждено впоследствии ЦК ОУФД.

националистическая печать встретила нас очень враждебно. Этого можно было ожидать. Однако, не к чести многих живых авторов первых трех универсалов было то, что ни один из них, даже в самой мягкой форме, не поддержал нашей газеты.

ЗИГЗАГИ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ В СВЕТЕ ЗДРАВОГО СМЫСЛА. РАЗЪЕДИНЕНИЕ С ЭМИГРАЦИЕЙ.

Послевоенная американская политика отличалась ещё большей неустойчивостью и неопределенностью, чем теперь, более четверти века спустя. В самом начале она была дружелюбной и позволила Молотову обернуть Западный мир вокруг пальца при организации Объединенных Наций. Он добился того, что все нации в составе ООН обладают равными правами при голосовании резолюций. Соответственно этому и наперекор всякому здравому смыслу, какая-нибудь малюсенькая африканская нация со сплошь неграмотным населением и не более грамотным представителем имеет при голосовании такой же вес, как США или Англия. Единственное преимущество у Великих Держав то, что они имеют постоянное место в Совете Безопасности и обладают правом вето или опротестования любой резолюции этого Совета. Этим правом, кстати сказать, злоупотреблял СССР, проваливая одну за другой неугодные ему резолюции.

Второй явной нелепостью было отсутствие у ООН собственной военно-полицейской силы, при помощи которой можно было бы сделать решения ООН более авторитетными. По Уставу, ООН может в исключительных случаях просить другие державы прислать контингенты своих войск для вышеуказанной цели. Такая посторонняя военная сила, конечно, менее эффективна, чем собственная. Но отдав дань послевоенному дружелюбию, американцы очень скоро убедились, что за приятными улыбками коммунисты продолжают вести войну, на сей раз «холодную» против демократии. Разоблачения Гузенко и Берлинский кризис их не на шутку рассердил, и они решили ответить большевикам их собственным оружием, но, к сожалению, не надолго и не до конца.

Как я уже указывал, в 1950 году был создан частными лицами Американский Комитет Освобождения

Народов России, ставивший своей целью объединение всех эмигрантских сил для политической борьбы с большевизмом. Американцы увидели, что большевизм вмешивается в их внутренние дела и посчитали себя вправе вмешаться во внутренние дела СССР. Увы, они сделали это по-честному и открыто, иными словами, и здесь не ответив большевикам их собственным оружием, скрытым и из-под полы. Большевики на их месте организовали бы «Американский Комитет Любителей Русской Музыки» и под его вывеской проводили бы свою политику.

Под какими только флагами и вывесками большевики свою помощь не оказывают и, притом, не только деньгами, но и оружием. Почему, спрашивается, в борьбе за коммунизм можно применять любое средство, в борьбе же за свободу нельзя скрыться за вывеской любви к музыке? Надо же понять, что на карту поставлена свобода: самый дорогой и истинно Божий дар!

До конца не поняли американцы этой простой истины в первые годы после войны, проявив твердость только один раз, во время берлинского кризиса. И даже успех этой твердости ничему их не научил, и они продолжали свои «умиротворения» (''appeasement'') и разрядки (''detent''), вплоть до настоящего времени.

Бедный здравый смысл, где ты?!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ГЕРОНТОЛОГОВ, ЛОНДОН, 1954. РАСШИРЕНИЕ КРУГОЗОРА ГЕРОНТОЛОГИИ.

С легкой руки Богомольца, интерес к проблемам геронтологии значительно возрос после Второй Мировой Войны. Лишения и тяготы послевоенного времени затронули, главным образом, пожилую часть населения и выдвинули ряд новых социальных и экономических проблем, разрешение которых ложилось (в так называемых капиталистических странах, в противоположность «социалистическому» СССР) не на правительство, а на общество.

Соответственно, все вышеуказанные проблемы вошли в число разработанных на местах Обществами геронтологов, а в международном аспекте, Всемирными Конгрессами.

Если не считать первым Конгресс в Льеже, 1950, на котором были представители только четырнадцати стран, на Лондонском Конгрессе присутствовали 600 делегатов, представлявших 46 стран.

Советской делегации не было, т. к. в то время пролетарское отечество трудящихся ещё не желало смешиваться с «буржуазными» организациями, не говоря уже о том, что ведь все социальные и экономические проблемы считались разрешенными в СССР.

Конгресс происходил в обширных зданиях бывшего монастыря, в непосредственной близости к знаменитым часам «Биг Бен», бой которых слышал каждый радиолюбитель, и к Вестминстерскому Аббатству, где короновались британские монархи.

Хотя на зданиях Лондона было гораздо больше заметно следов военных бомбардировок, и многие целиком разрушенные дома и церкви были окружены заборами, город, в общем, производил очень опрятное впечатление. Я быстро привык к не всегда удобоваримым английским яствам и чувствовал себя вполне удовлетворительно. Чего я не заметил — это описанной в литературе чопорности англичан и их приверженности к старинным традициям. На улицах часто можно было видеть бородатых, усатых и жутко длинноволосых молодых людей, конечно, без галстуков, которые были, по-видимому, во враждебных отношениях с правилами.

Среди участников Конгресса бросалось в глаза присутствие многих монахинь и священнослужителей, принимавших участие в работах гуманитарных секций Конгресса. Это было для меня необычно, ибо насколько я знал, членам монашеских христианских орденов запрещалось принимать участие в суетных мирских делах.

Первое нарушение этого правила я наблюдал в Оттаве, где Университет принадлежал ордену Облатов и управлялся им с исключительной преданностью делу и с умением. Сколько мне известно, на позициях невмешательства в мирские дела стоит только ортодоксальная Православная Церковь. Новое направление у католиков, протестантов и других примыкающих к ним церквей, можно выразить следующими словами: «Если жизнь облагораживается религией, то и религия должна облагораживаться жизнью». Дальнейшее модернизирование я наблюдал через несколько лет, увидев среди своих студентов нескольких монахинь, впоследствии получивших диплом врача.

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ КОНГРЕССА.

Эти работы в большинстве имели специальный интерес. Укажу лишь на исследования одной финляндской ученой над жизнью, болезнями, старением и смертью однояйцевых близнецов, имевшие положения, понятные и не врачам, либо биологам. Как известно, эти близнецы настолько похожи друг на друга, что их даже родителям иной раз трудно различить. Ученая наблюдала жизнь примерно двух десятков пар таких близнецов. В детстве они, как правило, болели одними и теми же инфекционными болезнями даже тогда, когда находились на значительном расстоянии друг от друга и жили в различных бытовых условиях. Факт, трудно объяснимый нашими понятиями об инфекции. Интересно, что в дальнейшей жизни они продолжали болеть сходными болезнями и одновременно либо умирали, либо выздоравливали. Также и старели одинаковыми темпами, находясь в различных бытовых условиях, и занятые в различных профессиях. Эти исследования, на мой взгляд, интересны не только для медиков и биологов, но и для флософов. К сожалению, мне не довелось слышать дальнейших сообщений этой ученой, которые она обещала сделать.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА В АМСТЕРДАМЕ.
ВСТРЕЧА С СОВЕТСКИМИ СОРАТНИКАМИ ПО ШАХМАТНОМУ ОРУЖИЮ.

Возвратившись из Лондона, я узнал о своем включении в состав канадской команды для игры в олимпийских матчах этого года в Амстердаме. Отказываться не приходилось, и я снова пересекаю океан. Для меня участие в Олимпиаде представляло особый интерес, ибо там мне впервые после бегства из «рая рабочих и крестьян» предстояло встретиться со своими шахматными коллегами. Представлялось любопытным увидеть, как комму-

низирующие члены советской делегации будут реагировать на то, что я, ещё даже не канадский гражданин, «явный враг» народа и несомненный «изменник», выступаю от имени Канады и не выявляю никакого страха перед карающим мечом пролетариата.

Старых коллег по шахматному оружию никого нет кроме, конечно, Ботвинника, явно желающего испепелить меня своим негодующим взором. Остальным членам делегации, очевидно, приказано не вступать со мной в общение, что они и делают, переходя на другую сторону, если встречают меня на улице.

Не знаю, по случайности, либо по любезности голландцев, но Канада и СССР играли в различных предварительных группах. Так как Канада в финал не попала, то мне так и не пришлось встретиться за доской с Ботвинником (возможно, что для этого случая меня переместили бы на первую доску). Но я давным-давно свои мосты на пролетарскую родину сжег и поэтому об упущенном счастьи нисколько не жалел. Один раз мне удалось поговорить с одним членом делегации, но о содержании разговора и об имени моего собеседника я, по понятным причинам, предпочитаю умолчать. Скажу лишь, что враждебной беседа не была (не забудьте, однако, что она имела место до разоблачений Хрущева).

КОНЕЦ «ФЕДЕРАЛИСТА ДЕМОКРАТА».

В конце 1954 года мы выпустили двадцатый и последний номер нашей газеты. Всего за два года мы напечатали 30 номеров «Схидняка» и 17 номеров «Федералиста Демократа». Я решил за финансовой помощью больше к мистеру «Х» не обращаться, так как при создавшемся положении никаких перспектив на дальнейшее развитие и распространение наших идей не было. Мы вложили свою лепту в дело освобождения всех народов России, включая и украинский, и надеемся, что когда-нибудь о нашей работе они помянут «не злым тихим словом».

ПОЛУЧЕНИЕ КАНАДСКОГО ГРАЖДАНСТВА И ПРАВА НА УПРАВЛЕНИЕ АВТОМОБИЛЕМ.

Еще два важных события 1954 года, превращающие меня в патриота американского континента. Я клянусь на

Библии быть лояльным по отношению к новой Родине, и она принимает меня в число своих подданных. Для моего с женой возраста это столь же важное, как рождение, событие кажется немного поздноватым, но лучше поздно, чем никогда. 25 лет моей жизни я был подданным Российской Империи, 24 года жил под режимом, превратившим мою мать-Родину в ненавистную мачеху, 6 лет болтался по свету, не имея ни роду, ни племени и только теперь, официально, с 1949 года, я начинаю строить свое будущее в четвертый раз и, наконец, в свободной стране. Не всё мне тут понятно и не всем я доволен, но укажи мне такую, обитель, где все было бы идеально! Одно ощущение того, что в этой стране ты вправе иметь свое мнение и его высказывать без боязни очутиться в тюрьме, стоит многого.

Там, на бывшей родине, я был бы тягчайшим преступником, подлежащим суровому наказанию, вплоть до смертной казни, тут же был свободным человеком, которого ещё ни разу не спросили, каковы его политические убеждения и почему он приехал в Канаду. Единственное, что спрашивали канадцы, это: «Как вам нравится Канада?». В остальном никому до тебя дела нет, ибо канадцы твердо (и по праву) убеждены, что в их стране пропасть от голода, холода и болезней совершенно невозможно. Достаточно проявить только минимальную инициативу, а иногда и без неё, чтобы попавшему в беду помог сосед, либо какое-нибудь правительственное или частное агентство. В канадском кодексе законов не существует таких статей как «агитация и пропаганда», либо действия, направленные к свержению государственной власти». Здесь легальна даже коммунистическая партия, призывающая к свержению демократического правительства.

Интересно, что никакого паспорта я не получил, и таковой нужен только для переезда через границу. Внутри же Канады обязанности паспорта исполняет автомобильная лицензия, которую имеют три четверти жителей.

Получил эту благословенную лицензию и я. Исключительно приятно почувствовать, что к вашим двум ногам прибавилось ещё четыре колеса автомобиля, с помощью коих можно носиться по американскому континенту. Каких-нибудь 650 км до Нью Йорка — форменная чепуха. Сел за руль, и автомобиль мчит тебя по прекрасной

асфальтированной дороге, легко глотая милю за милей. Устали — отдыхайте на периодических площадках для отдыха; проголодались — каждую сотню миль имеете возможность накормить и себя вкусной едой, и автомобиль горючим; решили, что на сегодня довольно — съезжайте с дороги и останавливайтесь на ночь в придорожном отеле («мотеле по-здешнему). Во многих отелях есть бассейны для плавания, в которых летом можно освежиться. Конечно, мотели — это роскошь, стоющая хотя и не больших, но все же денег. Те же, кто победнее и хотят экономить, могут обойтись и без мотеля — в автомобиле спать тоже можно!

Я получил лицензию в 62 года, тут же её имеют чуть ли не с 16 лет. Лицензия и автомобиль значительно расширили круг моих личных контактов с друзьями и обогатили меня новыми наблюдениями.

ГОД 1955.
Я ПОЛУЧАЮ ПРИЗ И МЕДАЛЬ ИМЕНИ БАРКЛАЯ.

Так шли годы и приближались роковые — 65, когда, по существующим в университете правилам, надо будет уходить в отставку. В 1955 году мне удалось значительно усовершенствовать свою методику, и за произведенную с её помощью работу «Стареющий Позвоночник Человека» я получил приз и медаль Имени Барклая. Основная идея работы, проведенной путем применения лучей Рентгена, заключается в том, что эти лучи показывают на рентгеновских снимках качественные и количественные изменения кальция. Как известно, этот химический элемент является главной составной частью костей и обуславливает их крепость и форму. При старении обнаруживаются два противоположных явления: а) внутренние части кости теряют свой кальций и, таким образом, становятся более хрупкими и ломкими в то время, как б) на их наружных краях количество кальция увеличивается, проявляясь в виде грубых утолщений, выростов и прочих ненормальных изменений внешней формы.

Преимущество рентгеновских исследований заключается в том, что они позволяют обнаруживать все указанные выше изменения у одного и того же человека в различные периоды его жизни. При нормальном старении все упомянутые отклонения от нормы развиваются очень медленно, и больших неприятностей стареющему человеку не причиняют. Во многих же случаях ускоряется время их развития и увеличивается количество отлагающегося кальция, что часто превращает старика в полного инвалида. Такие ненормальные признаки могут быть обнаружены на снимках в самом начале их развития и, если тогда будут предприняты соответствующие меры, то дальнейший прогресс ненормального их развития может быть замедлен или приостановлен. Позвоночник человека имеет свои особенности, но в общем следует законам старения других костей.

В 1955 году мне пришлось найти время для участия в очередном шахматном чемпионате Канады, состоявшемся в Оттаве. Сыграл я не особенно удачно, но всё же в первой пятерке был. Первым оказался очень талантливый молодой торонтский шахматист Франк Андерсон. Приходится пожалеть, что из-за своего нездоровья он очень редко мог принимать участие в турнирах вне Канады. Так или иначе, но мне кажется, что он является одним из выдающихся мастеров Северной Америки. Было приятно сознавать, что шахматная Канада начинает понемногу пробуждаться от спячки. За два последних года были два крупных события — участие в Мировой Олимпиаде в Амстердаме и настоящий Чемпионат.

ГОД 1956.
ПОЯВЛЕНИЕ ТРЕЩИН В ЖЕЛЕЗНОМ ЗАНАВЕСЕ.
РАЗВЕНЧАНИЕ МУДРЕЙШЕГО ИЗ МУДРЫХ.

В марте 1956 года, в своей речи на 21-м съезде КПСС, Никита Хрущев поверг во прах непогрешимого партийного бога, Сталина. В скором времени даже останки вождя были под покровом ночи изъяты из мавзолея и погребены у Кремлевской стены.

Новые вожди, как водится, стали все злодеяния, свершенные благодаря тоталитарной системе, ставить в вину одному Сталину. Выдумали даже пресловутый «культ личности» и свалили только на него причину гибели миллионов жертв. Выходило так, что не будь Сталина, то всё бы было «тишь, гладь и Божья благодать».

Распространению последней легенды способствовали многочисленные комиссии по реабилитации и выпущен-

ные на свободу жертвы застенков НКВД-КГБ. Вся эта шумиха искусственно раздувалась нынешними руководителями, чтобы отвлечь внимание от самого главного — от того, что власть по-прежнему оставалась крепко в руках коммунистов и, пока она была в их руках, возможны были всякие уступки и временные отступления на новые позиции. Не менее важным было и то, что стратегические принципы марксизма-коммунизма не изменились ни на йоту. Как и раньше, существовала только одна КПСС; как и раньше, была только однопартийная печать; как и раньше, всякая свобода была зажата в тиски тоталитарной диктатуры. А в остальном — чем бы дитя не тешилось лишь бы не трогало основ тоталитарной системы. В результате — двадцать лет спустя, когда пишется эта книга, вышеупомянутые основы остались непоколеблены, и под их прикрытием коммунисты продолжают разваливать «капиталистический мир» до настоящего времени.

ПАНАМЕРИКАНСКИЙ ГЕРОНТОЛИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В МЕКСИКО СИТИ.

В конце осени 1956 года я получил через Американское Общество Геронтологов приглашение принять участие во Всеамериканском Конгрессе Геронтологов в Мексико Сити, столице Мексики.

Как обычно, к приглашению был приложен чек на оплату дорожных расходов. У меня был готов доклад о морфологических изменениях при старении костей, полученных с помощью методики микрорентгенографии, опубликованной в следующем году, и поэтому были все основания приглашение принять.

Конгресс был обставлен с большой помпой. Были вступительные речи Президента, банкеты и спектакли, на которых присутствовали умопомрачительные мексиканские дамы в не менее роскошных нарядах и таких грандиозных шляпах, каких ни в Америке, ни в Европе ещё не приходилось видеть. Наперебой приглашали и здешние врачи, жившие, как заправские магнаты.

Конечно, побывал я и на местных достопримечательностях — на бое петухов и на бое быков.

Сперва о Конгрессе. В Мексике геронтология только начала развиваться, и поэтому большинство докладов

было из США и Канады. Как ни странно, но чисто геронтологических сообщений было очень мало, много же было на гериатрические темы распознавания и лечения болезней старости. Заседания происходили в новопостроенных зданиях Университета. Посередине двора возвышалась статуя какого-то местного знаменитого человека, как две капли воды похожего на «мудрейшего из мудрых» Сталина, но, к счастью мексиканцев, только по внешнему облику.

Бой петухов — зрелище мало привлекательное для тех, кто не принимает участия в петушином тотализаторе. Я лично смотрел не столько на петухов, сколько на мексиканцев, страсти которых накалялись до крайнего предела. Мне передавали, что бывали случаи, когда сторонники одного петуха вступали в бой со сторонниками другого, но вмешивался всегда в таких случаях присутствовавший отряд полиции.

Ума не приложу, почему избиения быков носят названия «боя быков». Гораздо правильнее, на мой взгляд, было бы называть их — «убой быков». Конечно, все эти тореадоры исключительно ловкие и смелые ребята, но в конечном счете весь «бой» сводится к тому, чтобы одним ударом шпаги отправить быка к праотцам, после чего беднягу выволакивают, как у нас сказали бы: «на колбасу».

Конечно, опять тот же антураж — красивые дамы с веерами и платочками и т. д. Прошу извинения за мое прозаическое описание, всякому ясно, что я не поэт.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ПО-ХРУЩЕВСКИ — ВТОРЖЕНИЕ В ВЕНГРИЮ.

Снова, как во время воздушного моста в Берлине в 1948 году, потребовалась от союзников решимость и твердость, чтобы одернуть красных империалистов, но, увы, на сей раз она проявлена не была, и Хрущеву с компанией было разрешено проглотить Венгрию. В газетах мы прочли, что по просьбе венгерских «товарищей», в Венгрию были введены советские войска для восстановления «порядка». Вскоре в нашем университете появилась чета Сабо, которым удалось бежать в Австрию и затем эмигрировать в Канаду. Они рассказали, что некая группа хоте-

ла «либерализовать» режим, или, как теперь говорят, придать ему «человеческое лицо». В результате же ним было показано «хрущевское лицо» со всеми атрибутами красного террора.

У тогдашнего президента, генерала Айзенхауэра, не хватило решимости твердо воспротивиться этому явному нарушению Устава Объединенных Наций, и захватчикам оно сошло с рук. Жаль, история могла бы быть повернута в ином направлении, если бы с коммунистами заговорили на языке силы, единственном, который они понимают.

ГОД 1957. ЧЕТВЕРТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС. «ГРАНТ» ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ЗДОРОВЬЯ США. УНИВЕРСИТЕТ ДЕЛАЕТ ДЛЯ МЕНЯ ИСКЛЮЧЕНИЕ, И Я ПРОДОЛЖАЮ РАБОТАТЬ, НЕСМОТРЯ НА МОИ 65.

Четвертый Международный Геронтологический Конгресс состоялся в Мерано и Венеции (Италия). Центральный Институт Здоровья прислал мне значительную сумму на покрытие моих дорожных расходов, и с помощ... Университета я повез на Конгресс свой доклад о дальнейших результатах изучения стареющих костей.

Поездки на Конгрессы всегда освежали дух и тело, предоставляя возможность отвлечься от повседневных забот. А тут, к тому же, предстояло насладиться прелестями итальянской природы, овеянной романтикой истории древних и средних веков.

Впервые на Конгрессе появилась советская делегация, в составе которой было два врача из Киевского Института Экспериментальной Физиологии и Патологии, где я работал перед эмиграцией. И на сей раз бывшие коллеги особого дружелюбия не проявляли, но, по крайней мере, мы пожимали друг другу руки обменивались замечаниями насчет погоды и видов природы.

Ведь прошел только год после того, как «советская общественность» узнала о жестокостях Сталина. Наблюдая бедняг советчиков, я ставил себя в их положение не удивлялся. Ведь они даже во мне могли подозревать скрытого агента НКВД-КГБ. Вбитая в наши головы аксиома — никогда, никому, ни в чем не верить и никогда, никому, ни в чем не доверяться — была такой же непогрешимой, как и в мое время.

Я был доволен тем, что мой доклад, иллюстрированный большим количеством цветных диапозитивов, показал им (все они пришли кучкой меня послушать), что в Канаде у меня отнюдь не худшие условия для научной работы, чем были в Киеве. Мой доклад слушал также профессор Коудри и выразил свое одобрение моей методике. Когда я ему сказал, что ввиду моих 65 я в следующем году должен буду уйти в отставку, он предложил мне подать прошение о «гранте» в Центральный Институт Здоровья и обещал его поддержать. «Грант» я получил и на целые шесть лет был обеспечен субсидией и для себя, и для работы. В дальнейшем, кроме Оттавского Университета меня поддерживал Канадский Центр Медицинских Исследований.

Как я сказал, первая половина съезда была проведена в живописном горном курорте Мерано, вторая в Венеции. Доклады съезда представляли, главным образом, специальный интерес.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВИЗИРОВАТЬ РУССКУЮ ЭМИГРАЦИЮ В КАНАДЕ.

Как я уже указывал, русских эмигрантов в статистическом справочнике Канады не числилось, были лишь украинцы, белорусы, армяне и другие, ещё меньшие по численности народности. Даже довольно значительная группа русских духоборов в этой статистике не отражалась и числилась канадцами. В весьма сомнительном свете, русских представляла единственная на всю Канаду газета на русском языке с явно выраженным коммунистическим уклоном. В крупных городах существовали Клубы Русских Канадцев также с коммунистическим душком.

Поэтому у меня и одного старого русского эмигранта, д-ра Л., зародилась идея основать и издавать в Канаде антикоммунистическую газету на русском языке. Но где достать нужные деньги? Единственной возможностью было найти канадского «мистера X», который хотя бы на первых порах согласился нас финансировать.

Д-р Л. знал такого мецената, который помог в свое время Гузенко. Решили попробовать счастья у него. Рассказали ему о ситуации, о том, что создается впечатление, якобы, русских эмигрантов в Канаде либо нет совсем, либо они все сочувствуют коммунизму. «Между тем, известный вам героический поступок Игоря Гузенко показывает, что далеко не все русские на стороне большевиков. Больше того, имеющиеся русские антикоммунисты хотят включиться в борьбу против большевизма, отравляющего своими утопичными теориями весь мир. Единственной возможностью такой борьбы для русских эмигрантов явилось бы издание антикоммунистической газеты на русском языке в противовес торонтскому «Вестнику». Печатать такую газету в Канаде стоило бы гораздо дешевле, чем в США, и мы уверены в том, что она вскоре встала бы на собственные ноги».

Меценат нас выслушал и вполне одобрил план. Однако, против своей единоличной инициативы в этом деле, он выдвинул такое возражение, которого я никак не ожидал.

— Вы себе не представляете, сколько собак на меня вешают за мою помощь и поддержку Гузенко, — сказал он. — Меня обвиняют в чем угодно, вплоть до вмешательства в международные дела Канады и в подрыве ее авторитета у союзников. Поэтому я решил раз и навсегда принимать участие только в таких антикоммунистических акциях, которые поддерживаются не мной одним, но и другими финансистами. Я вам дам несколько адресов, и, если эти люди согласятся, то за мной остановки не будет».

Мы взяли адреса и попробовали, но не встретили никакого сочувствия. На том наша попытка и закончилась.

РОМАН БОРИСА ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» И ПОЯВЛЕНИЕ В СССР «ИНАКОМЫСЛЯЩИХ».

После речи Хрущева на двадцатом партийном съезде начинают замечаться признаки ослабления пресса цензуры в СССР. Появляются такие произведения как «Оттепель» Ильи Эренбурга, «Не хлебом единым» Дудинцева и другие, критикующие некоторые аспекты советской жизни. Однако, настоящего гневного голоса еще не было слышно. Такой голос прогремел только в 1959 г., когда в Париже был опубликован роман Б. Пастернака «Доктор Живаго». В нем впервые была затронута и правдиво освещена тема, бывшая под запретом во время сталинского периода, а именно — страдания народа и, в особенности, интеллигенции в первые годы «военного коммунизма». Хотя роман вышел в Париже, его автор оставался в СССР и не был за свое вольнодумство репрессирован; подвергся только остракизму «советской общественности». Под давлением последней Пастернаку было отказано в разрешении поехать в Стокгольм для получения присужденной ему Нобелевской премии. Вся эта история была ясным доказательством того, что несмотря на все старания большевистских олигархов, великого свободного русского слова им задавить не удалось.

Роман вскоре был переведен на все европейские языки, и западный читатель узнал впервые, что слово правды о большевистском лихолетьи запрещено читать русским людям, ибо роман никогда не появился в официальном издании, а распространялся в СССР из под-полы. Необычайно важным для нас, покинувших родину, представился и тот факт, что теперь на обычный вопрос неискушенных в политике канадцев «почему вы уехали из СССР?» — мы могли сослаться не только на свои личные переживания, но и на свидетельство романа, удостоенного Нобелевской премии.

Роман был зеленым светом семафора, открывшего дорогу вольнодумному «Самиздату» и произведениям других смельчаков во главе с будущим героем нашего времени А. И. Солженицыным.

Тут уже советским властям пришлось призадуматься. Что делать с тем власовским чертиком, которого они сами вынуждены были выпустить из бутылки? Как его загнать обратно, иначе, даже имея в руках невиданную власть, хлопот от него не оберешься. И вот появилась на свет Божий такая статья уголовного кодекса как агитация против советской власти (западники недоумевают — а почему нельзя агитировать при помощи единственного оружия — свободного слова?) и карают ослушников разными сроками заключения не только в тюрьмах, но и в т. н. «психушках», где врачи-кагебисты пытаются

«лечить» от недуга свободолюбия. Вот, дескать, какая хорошая пролетарская власть — не только карает, но и лечит законоотступников! От души жаль, конечно, тех моих коллег, которые вынуждены работать в подобных учреждениях. Но это опоганивание всего святого типично для советской власти, и оно сгинет вместе с ней. Хорошее же в русском человеке всегда останется.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СЪЕЗДЫ РЕНТГЕНОЛОГОВ В МОНРЕАЛЕ И ГЕРОНТОЛОГОВ В САН ФРАНЦИСКО. ЕЩЕ О ВСТРЕЧАХ С БЫВШ. СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ. ИЗБРАНИЕ ПОЧЕТНЫМ ЧЛЕНОМ КАНАДСКОГО ОБЩЕСТВА РЕНТГЕНОЛОГОВ.

В 1960 году произошло весьма важное для меня событие — я был избран почетным членом Канадского Общества Рентгенологов и Радиологов. Хотя к этому времени я имел свыше тридцати печатных трудов на разные темы применения разработанной мною методики, и моя научная репутация была вполне установлена, признание её со стороны моих новых компатриотов, свидетельствовало ещё раз, что я делаю полезное научное дело.

Среди докладов Пятого Международного Конгресса Геронтологов в Сан Франциско не было ни одного, представляющего общий интерес для не медиков. Вспоминаю лишь об одном не имеющем отношения к науке, но характерном инциденте. Среди членов советской делегации я заметил одного субъекта, который всегда вертелся около членов делегации, но никогда никакого участия в разговорах не принимал, только молча слушал и, очевидно, мотал себе на ус. Однажды, в перерыве между сессиями, когда он подошёл к кружку, в котором был я, и возобновил свое молчаливое слушание, я не вытерпел и спросил его, какая секция его особенно интересует, иначе говоря, в какой области геронтологии он специально заинтересован. Нимало не смутясь, он ответил, что никакой геронтологической специальности у него нет, а он просто очень любит членов советской делегации и интересуется их мнениями.

— Чтобы потом сообщать о них, куда следует? — пошутил я.

В Сан Франциско я мог так шутить, а в Москве не рискнул бы. И за более безобидные шутки давали по «десятке».

Ответа на мой вопрос не последовало...

Один член советской делегации спросил меня (конечно, когда вблизи указанного пролетарского уха не было):

— Скажите, почему вы никого из нас не спрашиваете о том, как живется в СССР и насколько всё там изменилось?

— Очень просто, — ответил я, — я знаю об этом лучше вас. Вы получаете информацию из однопартийного источника, а к моим услугам и правые, и левые, и, даже если бы у меня взыгралась тоска по любимой родине, — коммунистические газеты.

Другой член делегации, ленинградец, с места в карьер стал расписывать, как хорошо ему сейчас живётся.

— У нас с дочерью квартира из трёх комнат, дача в Гатчине и новый автомобиль «Победа», — сказал он.

Признаюсь, я слегка рассердился и решил парировать его же оружием.

— А остров у вас есть? — спросил я.

— Какой остров? — испуганно спросил он. (Для ленинградца слово «остров» означало, очевидно, что-то непостижимо огромное).

— Обыкновенный, примерно 5 x 5 акров с двухэтажным домиком-дачей, в котором есть газовый холодильник, плита, освещение и даже пианино. Остров расположен на большом озере, в 50 минутах езды автомобилем от Оттавы, в которой у нас тоже есть собственный дом из 11 комнат на семью в 7 человек, — сказал я.

Мой собеседник был совершенно ошеломлен нашим богатством, но я его поспешил уверить, что для Канады наши дом, остров и два автомобиля не являются чем-то исключительным.

— Зять и я служим и получаем приличное, но никак не такое уж большое жалование, — добавил я.

Когда ленинградец узнал, что мы приехали в Канаду в конце сороковых годов, то его удивлению не было пределов. Хотя мне и пришлось, выражаясь по-здешнему, бить в свой собственный барабан, но в общем, я думаю, что преподал хороший урок певцу советских достижений.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АНАТОМОВ. НЬЮ ЙОРК, 1961. СТЫЧКА ПРОФ. ХИРУРГИИ П. С. ШИДЛОВСКОГО С ПОДХАЛИМСТВОВАВШИМ ЧЛЕНОМ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ, ЕГО БЫВШИМ УЧЕНИКОМ.

На этом Конгрессе я принимал участие выставкой своих работ. Нью Йорк принимал гостей очень радушно, и в честь них было устроено несколько банкетов и приемов.

На одном из последних, эмигрировавший вместе со мной профессор Киевского Второго Медицинского Института Петр Семенович Шидловский чувствительно осадил советского делегата, своего бывшего ученика. Последний, во весь голос, гулко разносившийся по обширным залам Музея Метрополитэн, где был прием (с явным желанием, чтобы его слышали те, кому надо), стал восхвалять советскую жизнь и заявил, что он на месте П. С. жалел бы, если бы был лишен возможности участвовать в культурном строительстве великой страны Ленина. Петр Семенович посмотрел на своего ученика, как надо, и не менее зычным голосом заявил: «А я нисколько не жалею!» И действительно, даже с материальной стороны проф. Шидловскому печалиться было нечего — он был одним из двух киевских профессоров послевоенной эмиграции (вторым был покойный Иван Викторович Базилевич), которые выдержали очень трудные экзамены и получили право практики. Вышеприведенные слова были сказаны столь убедительно, что ученик немедленно исчез и больше нам на глаза не попадался.

«ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» И «РАКОВЫЙ КОРПУС».

Другими эпохальными литературными произведениями были упомянутые выше повести-романы А. И. Солженицына. Первый был напечатан в 1962 году в СССР, и на нём закончилась литературная карьера писателя на родине. Вторая повесть появилась несколько позже и впервые была напечатана в Самиздате. Сила и величие выдающегося писателя заключается в том, что он умеет довести до сознания читателя основную идею своего произведения. В шедевре Солженицына главной идеей было

показать в лице Ивана Денисовича страдания мужицкой России после принудительной коллективизации и расправы с зажиточным крестьянством. На популярность повести, переведенной на все европейские языки, указывает тот факт, что имя-отчество «Иван Денисович» стало чуть ли не нарицательным даже и для западного человека.

В своем следующем, не менее замечательном произведении «Раковый корпус» Солженицын, бывший сам больным, с исключительно художественной правдивостью описывает горести советских граждан больных раком, страдающих не только от своей опухоли, но и от того злокачественного нароста, который вот уже полвека терзает тела и души народов России. Автор ясно дает понять, что единственное лечение для обеих напастей, это радикальное их удаление.

Появление подобных произведений, после столь долгого умыкания свободного слова, произвело на некоторых эмигрантских публицистов такое ошеломляющее впечатление, что кое-кто из них высказал предположение, что все эти повести написаны сотрудниками НКВД, а сам Солженицын не существует в природе. Когда вскоре выяснилось, что и Солженицын, и его произведения не миф, а неприятная для Кремля действительность, то многие западные советологи ударились в другую крайность, начав утверждать, что повести являются первым лучем того света свободы, который вскоре воссияет над Россией. Можно только вообразить, как хохотали большевистские вожди, читая последние благоглупости. Они то великолепно знали, что пока вся полнота власти находится в их руках, они могут позволить ослаблять иной раз тиски диктатуры, чтобы склонить общественное мнение демократий на свою сторону и тем самым облегчить получение долгосрочных кредитов в торговле с Западом.

Торговать в долг, ох! Как нужно СССР!

Своей неразумной экономической политикой и астрономическими тратами на вооружение Советской Армии и подрывных коммунистических организаций во всем мире, большевики довели страну до крайней нищеты и искали для себя спасения любой ценой. Конечно, было неприятно выслушивать горькую правду о советском житье-бытье, но это было меньшим злом по сравнению с тем экономическим крахом, который надвигался с ускоряющейся быстротой.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БЕРЛИНСКОЙ «СТЕНЕ ПОЗОРА».

В 1961 году, Восточно-германское правительство, озабоченное возрастающим, подобно снежной лавине, потоком из коммунистического Восточного в свободный Западный Берлин, решило построить между двумя Берлинами каменную стену высотой в несколько метров. Стена, названная «Стеной позора», была сооружена с ведома и благоволения правительства СССР. Таким простым способом — «держи и не пущай» — коммунисты превратили нелегальный переход в Западный Берлин в крайне рискованное предприятие, ибо пограничной страже был отдан приказ стрелять в каждого беглеца.

Теперь восточные берлинцы вместе с советскими гражданами имели возможность петь: «Широка страна моя родная», с заключительным куплетом: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

Хотя сооружение подобной заградиловки не было предусмотрено договором четырех держав о совместной оккупации, больше того, она даже противоречила пункту о свободном общении между зонами оккупации — союзники умыли руки, посчитав стену пресловутым «внутренним делом» Восточной Германии.

Неужели нужны были лучшие доказательства враждебности коммунистов по отношению к Западу? Характерно, что с Западной стороны никаких пограничников не было — «иди себе, куда хочешь, мы твоему счастью препятствовать не собираемся!»

Стена это — лучшее доказательство глумления над правами человека. В следующем году станет ясно, что достаточно было бы грозного окрика и стена была бы срыта до самого основания. Но тогда принцип — «моя хата с краю, ничего не знаю» — ещё господствовал в головах западных дипломатов.

В результате, «Стена позора», у которой пролито немало крови смельчаков, рисковавших своей жизнью, чтобы вырваться на свободу, продолжает и поныне оставаться памятником позора 20-го века.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КУБИНСКОМ ВЫЗОВЕ КРЕМЛЯ И ЯЗЫКЕ СИЛЫ, ЕДИНСТВЕННО ПОНЯТНОМ ХРУЩЕВУ И Ко.

В 1962 году большевистские властители, ободренные успехом своего вторжения в Венгрию, настолько осмелели, что решились приставить нож к самому сердцу США и начали сооружать ракетные установки на Кубе. Но тут-то они и просчитались. Когда тогдашнему президенту, Джону Кеннеди, стало известно, что советские суда с оборудованием и ракетами плывут в Кубу, он отдал приказ военному флоту США преградить им путь, не останавливаясь в случае ослушания перед открытием военных действий. Нота сходного содержания, написанная весьма твердым и решительным языком, была отправлена в Москву. И случилось то, что и следовало ожидать — советская армада повернула в обратную путь-дороженьку. Не вышло, пришлось утереться и проглотить горькую пилюлю.

Во второй раз после берлинского кризиса, когда СССР было твердо сказано, что всякая попытка воспрепятствовать воздушному снабжению Берлина будет встречена ответным военным ударом, твердый язык возымел свое действие. К сожалению, этот результат был, как мы увидим дальше, вскоре забыт.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОМ, КТО СТОЯЛ ЗА СПИНОЙ ЛИ ОСВАЛЬДА.

В 1963 г. весь мир был потрясён убийством популярного Президента США Джона Кеннеди. Убийца — молодой американец Ли Освальд был сразу же схвачен и заключен под стражу. Однако, на следующий день, когда Освальда переводили в тюрьму, из толпы зрителей выделился некий Руби и выстрелом из револьвера смертельно ранил убийцу, который умер, не приходя в сознание.

Новый президент, Линдон Джонсон, назначил специальную комиссию, пришедшую после долгого расследования к заключению, что Освальд совершил преступление исключительно по своей инициативе и на свой собственный страх и риск.

На том дело и закончилось, и обо всех обстоятельствах, сопровождавших убийство, стали понемногу забы-

вать. Ещё год-два и журналисты начали больше интересоваться молодой вдовой убитого Президента, Жакелиной, вышедшей замуж за миллионера Онассиса, а не самим убийством. Правда, некоторые неудовлетворенные следствием лица пробовали протестовать, но им с таинственной скоростью заткнули рот и снова воцарилась тишь, блажь, гладь да Божья благодать.

Все же, немногие обстоятельства дела стали известны и их достаточно, чтобы о многом призадуматься. Прежде всего, Ли Освальд был членом коммунистической партии, будто бы исключенным из неё за какое-то нарушение партийной дисциплины. Незадолго до убийства, он был в России и там женился на комсомолке Марине, с которой вернулся в США. Как известно, разрешение на выезд таким женам американцев давались только в совершенно исключительных случаях. Известно также, что у Освальда есть мать, проживающая в США. Сразу же после убийства она тоже обещала что-то рассказать о сыне, но также таинственно замолчала, и до сих пор ни гугу ни об Освальде, ни о деле. Известно также, что убийство было исключительно тщательно организовано и, несомненно, стоило больших денег, коих у перебивавшегося случайными заработками Освальда никак не могло быть.

Исключительно молчаливой оказалась также жена убийцы, не проронившая ни одного слова о своем покойном супруге, хотя, очевидно, было и ей что рассказать.

Весьма странным и таинственным является факт, что убийца Руби сам весьма скоро скончался, так толком и не объяснив мотивов своего преступления. Он, по его словам, действовал только по своей личной инициативе.

И, наконец, последнее: кто был заинтересован в удалении Джона Кеннеди с политической сцены?

Кубинский афронт «Великому Отечеству Трудящихся» ясно указывал тех, кто имел все основания ненавидеть Кеннеди самой лютой ненавистью. Ведь такой смелый и решительный человек был бы в состоянии противодействовать дальнейшей экспансии СССР самым категорическим образом.

Очевидно, уже тогда будущее вторжение в Чехословакию стояло на повестке дня. Всё вышеизложенное дает

основание всякому, имеющему здравый смысл, заподозрить ту могущественную силу, которая, несомненно, стояла за спиной Ли Освальда. Только она могла так искусно спрятать концы в воду, что не осталось никаких улик, кроме имеющихся в архивах НКВД и которые вряд ли когда-нибудь увидят свет. Несомненно, комиссия Воррена не могла не иметь вполне очевидных подозрений, но высказывать их значило бы отрицательно повлиять на ослабление той разрядки напряженности, которая уже тогда начинала овладевать умами политиков западного мира.

ГОД 1965. МНЕ ПРИСВОЕНО ЗВАНИЕ ОРДИНАРНОГО ПРОФЕССОРА.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС РЕНТГЕНОЛОГОВ В РИМЕ.

СНОВА ОСКАЛ ЗУБОВ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

В 1965 году была опубликована моя 35-ая научная работа, проведенная в Оттавском Университете, и мне было присвоено звание ординарного профессора. Мне уже шел 73-й год, но я ещё был полон сил и энергии, чтобы продолжать свою академическую и научную работу.

На Международный Конгресс в Риме я повез выставку своих работ и доклад на тему старения костей.

Однажды, когда я давал пояснения своих работ, ко мне подошел один рентгенолог, которого я знал по Киеву. Он входил в советскую делегацию. Обнялись, расцеловались. Я ему говорю:

— Ты, брат, поосторожней показывай свои чувства по отношению к врагу народа, а то не ровен час...

Но он только весело улыбнулся:

— Не то время теперь, я не боюсь!

Подошли другие врачи и наша беседа прервалась, но мы условились встретиться на следующий день, чтобы пообедать и поговорить по душам.

Жду его в условленный час, но его нет как нет. Тогда я попросил переводчицу позвонить к нему в гостиницу и позвать к телефону. К телефону подошел руко-

водитель советской делегации и сразу же спросил, кто просит, и когда переводчица сказала ему мою фамилию, то после продолжительного молчания последовал ответ, что д-р Х. занят и просил его не беспокоить.

Этот «вежливый» ответ достаточно ясно объясняет, почему я не раскрываю псевдонима д-ра Х. Нет сомнений, что я для них был одним из врагов народа, а всякое общение с ними советским гражданам запрещено. Не исключена возможность, что даже краткий разговор со мной, сопровожденный дружеским объятием, даже и в такой невинной форме, не прошел даром для бедного доктора.

ГОД 1966. РАСШИРЕНИЕ ТРЕЩИН В ЖЕЛЕЗНОМ ЗАНАВЕСЕ. ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА ВЫСЫЛОК — ТАРСИС. «ПСИХУШКИ».

С каждым годом появлялись новые и новые трещины в железном занавесе и каналы, по которым просачивалась информация о том, что творится в СССР на фронте борьбы за гражданские свободы. Усилились и расправы с вольнодумцами. В 1966 мы узнали о суде над писателями Синявским и Даниелем, осужденными на 7 лет лишения свободы каждый, за «клевету» и агитацию против советской власти», выразившуюся в напечатании за границей их литературных произведений. Затем в эмиграции появился советский писатель В. Я. Тарсис, автор двух капитальных произведений — «Баллада о Синей Мухе» и «Палата № 7», олицетворивший в своей персоне вновь оживленный способ борьбы с инакомыслием — высылку из СССР. В своей повести «Палата № 7» Тарсис осведомил о новом способе борьбы тоталитарного режима с политическими противниками — умыкании совершенно здоровых людей в специальные психиатрические заведения, окрещенные «психушками», в которых тренированный для этой цели персонал подвергает оппозиционеров «лечению», насильственному, конечно, наркотиками, разрушающими нервную систему. Через короткое время такого «лечения» здоровый человек превращается в полного инвалида. Нечего и говорить, что тот, кто покаялся и дал слово больше не протестовать, немедленно объявлялся выздоровевшим и его отпускали на свободу. Если «лечение» не помогало, то некоторых непокорных стали высылать насильственно за границу. Тарсис оказался в числе первых жертв последнего метода. Он тоже отсидел свой срок в «психушке», но оказался крепким орешком, которого советским экспертам разгрызть не удалось.

Скопилось уже достаточно материала, чтобы исключить «первое в мире» из числа культурных государств, или хотя бы прекратить пожимать руки советским дипломатам. Демократический мир вот уже полвека прячет свое равнодушие к судьбе других стран за удобной формулой: каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Тем более, советская власть всегда категорически отрицает существование принудительного лечения и «психушек» для политических врагов.

СНОВА КОММУНИСТИЧЕЧСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ, НО НА СЕЙ РАЗ ПО-БРЕЖНЕВСКИ. ЗЛЮКЛЮЧЕНИЕ ГРОССМЕЙСТЕРА ПАХМАНА.

В 1968-м г. очередной жертвой коммунистической агрессии стала Чехословакия. В последней господствовал в то время коммунистический режим, руководимый секретарем компартии Дубчеком, хотевшим ослабить тиски тоталитарной диктатуры, придав ей знаменитое «человеческое лицо». Это «дерзкое» намерение кремлевским заправилам не понравилось, и они решили силой восстановить старые порядки.

Теперь, однако, советскому вторжению был придан более «демократический» характер. В Чехословакию вторглись не только советские, но и войска стран «Варшавского договора» (коммунистических стран — Болгарии, Венгрии, Польши и... СССР. Румыния от посылки войск воздержалась!)

Как водится, это неприкрытое вмешательство во внутренние дела Чехословакии было произведено «по просьбе» чехословацких коммунистов, оставшихся верными заветам Ленина. Ясно, что Дубчек и «пикнуть не успел, как на него медведь насел». Так же, как и 11 лет тому назад, со стороны демократического мира никакого противодействия этому акту агрессии, кроме словес-

ных и письменных протестов, не было и коммунистическому удаву была предоставлена полная возможность переваривать проглоченную добычу.

Между тем, гроссмейстеру Л. Пахману, как я уже указывал выше, довелось пережить не мало неприятностей, закончившихся его изгнанием из Чехословакии и объявлением «врагом народа».

Я уже указал, что на недавнем турнире в Зальцбурге советские гроссмейстеры опротестовали его участие в турнире и бедному Лодвигу пришлось на самом себе убедиться в неодинаковом смысле слов в СССР и на Западе. До сих пор, однако, я ответа от него на мое, упомянутое выше последнее письмо, не получил. Очевидно, ему ещё не всё ясно.

СМЕРТЬ ПРОФЕССОРА ДЖОЗЕФА АУЭРА.

В 1968 году, в расцвете сил скончался заведующий кафедрой анатомии и Декан Медицинского факультета Оттавского Университета профессор Джозеф Ауэр. Ему было только 55 лет. Смерть в столь раннем возрасте особенно потрясает близких и друзей, давая им лишний раз почувствовать тщету человеческих устремлений, надежд и желаний.

Д-р Ауэр, как и мой друг Базилевич, умерший три года назад, производил впечатление вполне здорового человека. Однако, в его кровеносных сосудах не всё было нормально. На стенке одной из небольших мозговых артерий было небольшое выпячивание, т. н. аневризма. По неизвестной причине она разорвалась, обусловив кровоизлияние, давление на мозг и смерть. Простое, но какое трагичное объяснение! Распознать при жизни упомянутый дефект медицина не может, и человек живет с этим перстом судьбы, пока она не повелит ему закончить земное странствие.

Университет в лице д-ра Ауэра потерял не только выдающегося преподавателя и ученого, но и исключительно способного администратора. Он был требователен по отношению к себе, но не менее требователен по отношению к подчиненным. Д-р Ауэр, не будучи рентгенологом, сразу увидел, какие возможности мой метод может представить для преподавания и науки. Без его

постоянной поддержки мне было бы гораздо труднее наладить свою научную работу. С печалью и благодарностью я распрощался навеки с этим замечательным человеком.

ГОД 1969.
ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ВАШИНГТОНЕ.
КНИГА ГАРРИНГТОНА «БЕССМЕРТНЫЙ».
СОВРЕМЕННЫЕ РЕЦЕПТЫ ЭЛЕКСИРА МОЛОДОСТИ.
ДОКЛАД Д-ра БЕРНАРДА О ПЕРЕСАДКАХ СЕРДЦА.

Конгресс происходил в столице США, Вашингтоне, и по затронутым темам был одним из наиболее содержательных съездов, на котором мне довелось присутствовать. Для геронтологов особый интерес представлял доклад группы американских врачей о результатах их опытов с максимальной продолжительностью жизни тканевых культур. Многочисленные их опыты со всей несомненностью показали, что даже эти изолированные частички живого организма, будучи поставлены в идеальные условия среды обитания, температуры, влажности воздуха и прочих благоприятных для жизни факторов, живут только ограниченный период времени. После нескольких десятков лет, такие жизненные процессы как усвоение и выделение, дыхание, размножение и прочие функции начинают ослабевать до тех пор, пока этот неуклонно усиливающийся процесс старения не приводит к смерти. Иначе говоря, последняя является неизбежной и неотвратимой частью жизни, даже при самых её благоприятных условиях. В свете этих опытов и была упомянута во вводной речи председателя недавно опубликованная книга Гаррингтона «Бессмертный» ("The Immortalist").*

Автор книги не врач и не геронтолог, а просто талантливый публицист, высказывает мысль, что медицина в настоящее время достигла такой степени совершенства, что каждый человек может ожидать от геронтологии ука-

*) "The Immortalist" by Alan Harrigton;
Random House publishers, New York, 1968.

зания условий, при которых жизнь может быть продле-

на до тех пор, пока её обладателю она не надоест до такой степени, что он сам захочет от неё избавиться.

Современная медицина располагает тремя рецептами омоложения или продления жизни, но ни один из них не дает никаких реальных оснований для приведенных выше оптимистических выводов.

Самый старый из них — пересадка половых желез молодой обезьяны стареющим людям. Пересадка была предложена русским ученым Вороновым, в то время натурализованным французским гражданином. Как водится, первые результаты были сенсационно блестящими. У стареющих возвращалась половая активность, исчезали морщины и дряблость кожи и омолаживалось душевное состояние. Однако, все это чудо было весьма кратковременно, и процесс старения не только возобновлялся, но и ускорялся настолько, что приводил быстро к смерти. В ряду подобных опытов следует рассмотреть пересадки сердца, произведенные в 1967 году д-ром Бернардом, доклад которого был на настоящем съезде. В то время пациенты доктора ещё жили.

Д-р Бернард заявил, что он надеется дожить до того времени, когда пациент будет приводить к нему на веревочке козлика и просить пересадить ему сердце приведенного животного.

Прошло несколько лет, пациенты с пересаженными сердцами начали умирать один за другим, и теперь о пересадке сердца говорят только как о блестящем эксперименте, а отнюдь не как о средстве лечения или омолаживания.

Вторым средством омоложения была «антиретикулярная цитотоксическая сыворотка», предложенная киевским ученым А. Богомольцем, о которой я уже упоминал. Богомолец считал, что человек настолько стар, насколько стара его ретикулоэндотелиальная система «р-эс», к которой принадлежат печень, селезенка и лимфатические железы. Если стареющему человеку, думал Богомолец, вводить эмульсию из вышеназванных органов, взятых у молодых людей, погибших от несчастных случаев, то «р-эс» система стариков должна омолодиться. На деле, эмульсию вводили в кровь лошадям и полученную от последних через некоторое время кровяную сыворотку людям. Первые опыты с сывороткой вселили некоторые

надежды, но они в большем числе случаев не оправдались, и сыворотка для омоложения сейчас не применяется.

Третий элексир молодости был предложен румынским врачом, гжой Аслан. Он заключается во введении в спинно-мозговой канал небольших доз новокаина (наркотик, применяющийся для обезболивания). Д-р Аслан присутствовала на съезде и раздавала желающим книгу о результатах упомянутого лечения в специальном Институте для старых людей, которым она руководит в Бухаресте. На фотографиях, приведенных в книге, старики, прошедшие курс впрыскивания новокаина не оставляют сомнений в их омоложении: некоторые из них смеются во весь рот, полный зубов, а иные даже флиртуют с пациентками противоположного пола.

Однако, и тут группа американских геронтологов внесла диссонанс: врачи группы произвели инъекции новокаина более чем трехстам старикам и абсолютно никаких благоприятных результатов не получили. Больше того, решив, что их новокаин не хорош, они поехали в Бухарест и привезли оттуда новокаин д-ра Аслан. Увы! И этот магический омолаживатель не произвел нужного эффекта. Доктору Аслан был задан ядовитый вопрос, не думает ли она, что хорошие условия жизни в Институте, по сравнению с их домашним безрадостным житьем, побуждают стариков симулировать любые улучшения, лишь бы их оставили пожить подольше в этом раю? Так или иначе, но различие между результатами в капиталистической и коммунистической странах было совершенно очевидно.

Итак, до настоящего времени, никаких средств омоложения, либо продления жизни медицина не имеет и вынуждена только ограничиться советами, как эту жизнь не укоротить. По этому поводу вспоминаю о вопросе, заданном мне после моей лекции о старении и борьбе со старостью.

— Что ж, профессор, вы ясно намекаете, что не надо тратить сил и опускаться на дно, как сказал утопающему человеку его кум, сидевший на берегу?

— И так и не так, — ответил я. — Правда, что для всех действительного рецепта долголетия не существует, кроме разве одного, выбрать для себя долговечных родителей. Но, правда и то, что мы можем свою жизнь значи-

тельно укоротить, роя, например, для себя могилу своими собственными зубами.

Вопрошавший, по-видимому, любил покушать и мой намёк очевидно понял.

В заключение ещё об одном курьезе, упомянутом на Конгрессе. В 1964 г., известный физик и философ, Роберт Эттингер, опубликовал книгу «Взгляд на бессмертие», в которой он указывает на замораживание как на один из способов продления жизни и достижения бессмертия. В сущности, эта идея не нова. Она была известна под именем анабиоза, и разработкой теории его занимались в конце прошлого и начала нынешнего столетия виднейшие русские ученые, среди которых, в первую очередь, надлежит отметить безвременно умершего (в возрасте 53-х лет) энтомолога, Порфирия Ивановича Бахметьева.

Ему удавалось оживить после продолжительного замораживания не только насекомых, но и некоторых теплокровных, к примеру, летучих мышей. Работы Бахметьева встретили многочисленные возражения, а его внезапная смерть прекратила их дальнейшую разработку. В результате, и об анабиозе и о Бахметьеве вскоре забыли. Бахметьев никогда не шел так далеко, как Эттингер, который высказал смелое предположение, что путем периодических замораживаний и размораживаний человеческую жизнь можно продлить на столетие. Все эти гипотезы остались бы в сфере научной фантастики, если бы не некоторые практичные американцы, основавшие в 1967 году «Общество Замораживания».

В распоряжении названного Общества имеются пластические капсулы, наполненные жидким азотом (температура ниже 200 градусов), в которые могут быть погружены тела желающих заморозиться. Выработана и такса: за замораживание и сохранение пары супругов — 20.000 долларов. Многие интересные подробности этого фантастического предприятия я опускаю; желающие могут найти их в упомянутой книге Гаррингтона. Я не собираюсь критиковать ни идею анабиоза, ни деятельность «Общества Замораживания». Как можно критиковать действительность, претворенную в мечту? Могу лишь сказать, что при жизни я замораживаться и сам не собираюсь, и другим не советую. Живите пока живется и покоритесь неизбежному — когда смерть постучит в дверь.

ХОЛОСТОЙ ВЫСТРЕЛ ПО МОЕМУ АДРЕСУ ЛИСТКА КГБ «ГОЛОС РОДИНЫ».

В июне 1967 года поработители моей Родины почтили меня своим благосклонным вниманием. В их листке «Голос Родины» была напечатана статья «Обанкротившийся комедиант», в которой я выставлен почти как личный друг Кайзера Вильгельма и Адольфа Гитлера, испокон веков работавший на пользу немцев. Самое смешное в этом пасквиле то, что я, якобы, скрылся от пролетарского правосудия под фамилией Романова и продолжаю по сей день творить всякие гнусные дела под тем же именем.

Для меня статья была радостным событием, ибо она показывала, что моя политическая деятельность причиняет большевикам кое-какие неприятности. На большее я не смел и надеяться.

Я ПРЕКРАЩАЮ УЧАСТВОВАТЬ В СЕРЬЕЗНЫХ ТУРНИРАХ, НО ОСТАЮСЬ ВЕРНЫМ РЫЦАРЕМ ОРДЕНА БОГИНИ КАИССЫ.

В 1958 году я заболел глаукомой и был оперирован. К сожалению, один глаз был потерян, зрение же на единственном оставшемся продолжало ухудшаться. Принимая к этому же во внимание, что за год перед этим мне минуло 65, я решил мало-помалу отходить от турнирной игры.

Канадский открытый чемпионат-турнир 1960-го года был последним серьезным состязанием, в котором я принял участие. Как и следовало ожидать, сыграл я неудачно, заняв лишь пятое место.

Моему решению оставить турнирную игру способствовало и то, что моя научная и академическая работы стали занимать значительно больше времени, чем раньше. Однако, с шахматами я связи не порывал и продолжал играть в междугородных и межпровинциальных матчах. Кроме того, я начал играть не без успеха в международных турнирах по переписке. Так или иначе, но я еще полностью сдаваться и теперь (к моменту писания этой книги) не собираюсь, хотя и вынужден ограничить свою активность.

ГОДЫ 1970 — 1972. ВЫХОД В ОТСТАВКУ. ПРОЩАЙ, АВТОМОБИЛЬ, МОЙ ВЕРНЫЙ КОНЬ!

В 1970 году я вышел в отставку на 78-м году своей жизни и спустя 13 лет после предельного срока. Начав работать в Канаде только в 57 лет, я никаких взносов в пенсионные фонды не делал и поэтому права на официальную пенсию не имел. Университет, однако, принял во внимание весь 21 год моей работы в нем и назначил мне, в виде исключения, скромную пенсию из своего бюджета. Это было благородно со стороны администрации и я, конечно, был за это очень благодарен.

Однако, проработав в разных университетах около полувека, я естественно вспомнил про единственную страну в мире — Западную Германию, где при исчислении пенсии принимается в расчет весь стаж работы, где бы она ни производилась. Читатель поймет, что пенсионное законодательство последней страны я считаю наиболее гуманным.

Другим спорным вопросом, нуждающимся в исправлении, является одинаковый предельный возраст для работников физического и умственного труда, в частности, для ученых. Из всех органов нашего тела, мозг наиболее стойко сопротивляется разрушительному действию времени. Если некоторые его способности, такие, к примеру, как память на новые события и скорость реакций, с возрастом ослабевают, другие, наоборот, повышаются. Логичность мышления, возникновения новых идей на основании прежнего опыта, здоровый консерватизм в предвидении всех могущих быть осложнений — ничуть не меньше у стареющего мозга, чем у молодого. Ученые, всю свою жизнь тренирующие свою мозговую деятельность, наименее чувствуют её старение. Поэтому никакого принудительного возрастного ухода в отставку для ученых не должно быть, они сами знают, когда им надо уходить на покой. Нельзя забывать того, что, уходя в отставку, ученый уносит с собой ряд неоконченных разных проблем, разработка которых во многих случаях глохнет, либо прекращается совсем. В результате, часто ученые, начинающие работать в некоторых областях, вынуждены вновь открывать давно открытые Америки. Я уже указывал на новое «открытие» анабиоза Эттингером, пятьдесят лет спустя после смерти Бахметева. Подобные случаи наблюдались и в других областях науки.

В моем случае я должен был быть счастлив, что мне дана была возможность проработать лишних 13 лет и подарить науке более 20 напечатанных работ. После ухода в отставку я пытался ещё два года не тушить огонь в своем научном светильнике и продолжал работать без всякого вознаграждения. Но, увы, и это пришлось прекратить, так как мой грант был урезан настолько, что я не имел средств на оплату жалования лаборанта, без которого я ничего сделать не мог, и поэтому вынужден был почить на лаврах.

Мне известна только одна страна в мире, где нет принудительного ухода в отставку ученых. Это страна, страшно вымолвить, — СССР. Правда, этот либерализм в отношении ученых не является продуктом творчества «первого в мире отечества трудящихся», а он унаследован им от Императорской России, в которой тоже не было возрастных ограничений для деятелей науки. Так или иначе, но возвращаться в СССР из-за этого либерализма я не собираюсь.

То, что я упоминаю о своем прощании с автомобилем на страницах этой книги, показывает, насколько я успел об-американиться или оканадиться за свою жизнь на этом континенте. Только те, которые имеют этого четырехколесного друга, понимают, как это приятно, хоть в малом масштабе, не быть рабом пространства, сознавая, что ваш друг поможет вам преодолеть его, когда вы этого захотите. Только те, кто испытали, знают, как приятно держать руки на рулевом колесе и ногу на ускорителе, мчаться вперед, плавно покачиваясь на асфальтированной дороге. Расстаться с этой составной частью американской жизни было не легко, и я это лишение тяжело переживал. Правда, не всё было потеряно, и меня стали возить члены семьи. Но ни они, ни такси, ни автобус не могли дать мне того удовлетворения, какое давало собственное управление. Конечно, ко всему надлежит отнестись философски, как сказал один человек, которому отрезало обе ноги. Так или иначе, но прекратить езду было необходимо раньше, чем я навлёк несчастье на себя и других, а не позже. Не всё же в самом деле поте-

ряно, пока есть милые члены семьи, готовые всегда тебя отвезти, и пока существуют такси и автобусы, которыми я отвык пользоваться в Канаде.

БЛЕСТЯЩИЙ МЕТЕОР НА ШАХМАТНОМ НЕБОСКЛОНЕ — РОБЕРТ ФИШЕР.

Внимание всего мира шахматистов стал привлекать молодой американский игрок Роберт Фишер, быстро и уверенно продвигавшийся к завоеванию шахматной короны. Начиная с 1967 до 1969 гг., он принял участие в пяти Международных турнирах и в четырех из них взял первые призы, уступив только в одном первое место Борису Спасскому. В двух из турниров он опередил вторых призеров на три очка.

Подобного результата удавалось достигнуть только одному Алёхину. Уже не было сомнений, что он завоюет право играть матч на звание чемпиона мира. Это и случилось через два года после того, как он одержал ряд блестящих и убедительных побед над другими претендентами.

Это интереснейшее состязание состоялось в столице Исландии Рейкиавике в июле-августе 1972 года. Оно доставило много удовольствия шахматистам, но не принесло ничего, кроме горестей его организаторам. Вспомнилось весёлое замечание немецкого мастера Земиша:

— Глупо играть в шахматы, ещё глупее наблюдать за игрой, но верх глупости — быть организатором шахматных состязаний.

За одну из подобных шуток, сказанных по адресу Гитлера, бедняга Земиш угодил в концентрационный лагерь и просидел в нём до конца войны.

После того, как организаторы из Исландского Шахматного Союза удовлетворили основные финансовые требования Фишера, он выдвинул новые, которым, по-видимому, конца и краю не было. Причем Бобби требовал не только на словах но и на деле, отменив свой прилет в назначенный для открытия день и даже возвратив купленный билет.

В то время, как устроители колебались принять или не принять ультиматум Бобби, с неба свалился неожиданный дар — лондонский банкир и страстный любитель шахмат, Джемс Деррик Слатер, прислал исландцам 125.000 долларов на дополнительные расходы и тем самым спас положение.

Первую партию Бобби проиграл по всем правилам шахматного искусства, Спасский играл очень хорошо. На несчастье, Бобби заметил, что его позор заснял какой-то фотограф и немедленно потребовал убрать из зала все фотокамеры. В подкрепление своего ульматума, Бобби к началу второй партии не явился и выжидал решения исландцев в своем отеле.

Однако, пока организаторы снова чесали у себя в затылках, судья матча, немецкий мастер Лотар Шмидт (решительный малый, я его хорошо помню, ибо проиграл ему партию в одном из турниров), не долго думая пустил часы Фишера. По правилам матча, Фишер имел только один час, по истечении коего Бобби засчитывалось поражение.

Через полчаса стороны договорились, но Бобби потребовал поставить часы в исходное положение. Снова разыгралась буря, в которой приняла участие Москва. Стойкий, как стена, выдержанный член партии товарищ Павлов, председатель Совета физкультуры, не только настаивал в своей телеграмме на зачете проигрыша Фишеру, но и на его дисквалифакции. Спасскому же приказал немедленно возвратиться в Москву.

Лотар лаконично заявил:

— Есть пределы! — и отказался повернуть часы вспять.

Бобби же стал складывать вещи для обратного полета в США. Его принялись уговаривать, причем в последнем принял участие исключительный специалист по этого рода делам, тогдашний Госсударственный Секретарь США, Киссинджер. Спасский согласился игру продолжать, Бобби засчитали нулик, а матч возобновился.

Трудно поверить, но Бобби, разъяренный двумя нулями, стал играть, как зверь: выиграл 7, проиграл одну (кроме указанных двух) и, сделав одиннадцать ничьих, закончил матч в свою пользу со счетом 12½ против 8½.

Увы! Уроки матча пропали даром, и новый чемпион мира продолжал играть роль примадоны, да ещё какой!

Когда, в 1975 году, пришел черед защищать своё звание, он опять выдвинул новые требования, и, когда ему было в них отказано, он от звания чемпиона отказался, заявив, что потерял всякий интерес к шахматам. Жаль, конечно, очень жаль, но подождём несколько лет, может образумится.

Подробно обо всех деталях можно прочитать в интересной книге Франка Бредли «Профиль вундеркинда» ("Profile of Prodigy" by Frank Brady, David McKay Co., New York, 1973).

ПОЯВЛЕНИЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЦЕНЕ ЗАПАДА И ЕГО КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ СОГЛАШАТЕЛЬСТВА С БОЛЬШЕВИЗМОМ.

В конце 1973 года вышел из печати первый и второй том Архипелага ГУЛаг, а в начале 1974 года за этой эпохальной книгой последовал и сам маститый писатель, высланный кремлевскими диктаторами из СССР. Большинство политических эмигрантов приветствовало появление этой исключительной объективности и правдивой повести наших лет, открывающей глаза Западу на методы, при помощи которых коммунисты держат власть в своих руках.

Однако, нашлись и такие, с позволения сказать «критики», которые стали порицать автора за то, что он, дескать, выносит сор из избы. Ничего себе «сор» в виде миллионов загубленных человеческих жизней!

Кроме того, Солженицын пишет не только историю того, что свершалось и продолжает свершаться в СССР, а он хочет предостеречь свободный мир от повторения подобных ужасов у него «дома».

Неправильны утверждения многих, что происшедшее в России есть специфический, русское, основанное на тысячелетнем рабстве и подавлении свободы личности. Большевизм приходит не только изнутри, но он может быть навязан и извне. Идея мирового господства коммунизма по-прежнему является основным пунктом программы марксизма. Неважно то, что нынешний марксизм кремлевских диктаторов имеет мало общего с программой Коммунистического Манифеста. Даже то малое, что от неё осталось, приносит с собой такую беспощадную и столь совершенно организованную власть над людьми, что переменить ее можно только чудом.

Хотя Запад освободился от многих иллюзий в отношении истинных намерений нынешних большевистских вождей, он не освободился от самой главной из них, продолжая думать, что с Кремлем можно вести честную игру некраплеными картами. Эти люди помешаны на своей безграничной власти и желании сохранить её во что бы то ни стало.

И чего добиваются западные политики от большевиков при всяких переговорах?

Они почему-то убеждены, что благодаря последним ослабляется опасность атомной войны и прекращается гонка вооружений. Но целый ряд европейских государств никаких договоров не заключает, понимая их бесполезность, ибо вожди СССР всё равно будут продолжать вести свою политику.

Гораздо больше, чем договоры, помогло твердое заявление Киссинджера, что США не останутся равнодушными при попытках СССР помочь португальским коммунистам захватить власть. К сожалению, язык силы, единственно понятный диктаторам, ещё не вошел в повседневный обиход Вашингтона при всяких переговорах с Москвой. Все эти истины, угрожающие стать избитыми, теперь в устах Солженицына приобретают новую убедительность.

Но не со всем, что говорит Солженицын, можно согласиться. Его мысль, что будущая Россия должна уйти в Сибирь и отгородиться от остального мира непроницаемым забором православной веры, противоречит его основному положению, что мир теперь стал настолько тесен, что невозможно думать только о себе, не заботясь о соседях. Солженицын сам говорит, что современная техника уничтожила пространство и сблизила всех людей в одну семью.

Не убедительны также мнения Солженицына по национальному вопросу, особенно украинскому. Он предлагает предоставить всем окраинным национальностям право организовать самостоятельные государства, не связанные с Россией. Он думает, что существуют только украинцы, жаждущие такого отделения. А как с теми, коренными украинцами, которые такое разделение счи-

тают невыгодным для обоих народов? Разве было когда-либо проведено голосование, чтобы выяснить количество сторонников и противников отделения?

Так или иначе, но все попытки Солженицына образумить западных дипломатов имеют громадное политическое значение в деле вправления мозгов у многих из них, полагающих, что с брежневыми и косыгиными можно разговаривать на нормальном человеческом языке.

ЕЩЕ О ЛИЧНОСТИ ГЕНЕРАЛА АНДРЕЯ АНДРЕЕВИЧА ВЛАСОВА.

Минуло уж больше четверти века, как наш герой, умученный кремлевскими палачами, спит в земле сырой, а еще и по сию пору продолжаются попытки опорочить его честное имя. Наклепы со стороны врагов, против которых боролся Власов, никого удивить не могут, ибо клевета всегда была, есть и будет их испытанным оружием. Но мы искренно огорчены, когда на их удочку попадаются чересчур доверчивые представители культурной элиты демократического мира.

До настоящего времени среди них встречаются люди, убежденные, что Власов был обыкновенный изменник и обманщик, в глубине души смеявшийся над доверием к нему участников ОДНР. В параграфе «Продолжающаяся переоценка гуманитарных ценностей» я уже говорил, кому и чему изменял Власов, и почему эту «измену» я так высоко ценю и уважаю. Поэтому, коснусь здесь лишь второго пункта.

Всем тем, кто соприкасался с Власовым на протяжении долгого времени, казалась чудовищной мысль, что этот простой, открытый и честный человек, на слово которого Вы могли положиться как на каменную гору, был вульгарным обманщиком, продавшимся нацистам за чечевичную похлебку. Дела и речи Власова полностью опровергают эту инсинуацию. Все мы слыхали, как бесстрашно он бросал в лицо нацистам такую горькую правду, которую до него никто говорить не осмеливался. В его речах, обращенных к нам, я никогда не слыхал фальшивой нотки, они были полны искренности и веры в правоту нашего дела. Абсурдным представляется предположение, что он мог обмануть тысячи устремленных на него

глаз и ушей, превратив себя в гитлеровскую сирену. Эта постоянная ложь была бы не под силу даже прожженному наполеоновскому дипломату Талейрану, говорившему, что «язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли», и не мог, конечно, этого делать не искушенный в дипломатии крестьянский сын.

Нелюбовь А. А. к неискренности и двуличию ведет начало со времени, когда он был военным советником у тогдашнего китайского диктатора Чан Кай Ши. «Двуличие и неискренность составляют часть их этикета, — с возмущением говорил он и продолжал, — сижу я однажды в приемной, дожидаюсь вместе с несколькими китайскими сановниками и вижу, что вышедший из кабинета какой-то высокий чин бросился к другому китайцу и стал расточать знаки своего уважения и преданности. Уж как только они ни кланялись друг другу и как только ни обнимались! Можно было прийти в умиление, наблюдая такую закадычную дружбу. Когда вышедший ушел, я спросил у своего переводчика, откуда и почему между ними такая дружба?» «Какая там дружба», ответил переводчик, «это два самых злейших врага, ожидающих только удобного случая, чтобы уничтожить друг друга». О неискренности либо двуличии Власова нет упоминания ни в одних литературных либо документальных данных об его личности, опубликованных после войны в немецких, союзных, либо даже советскх источниках. Нет в них ни намека в упомянутом выше протоколе заседания в ставке Гитлера от 8-го июня 1942 г. Наоборот, из протокола ясно, что сам Гитлер и его ближайший помощник фельдмаршал Кайтель озабочены деятельностью Власова и высказывают опасения, что она кой у кого может вызвать «опасные иллюзии». Так о купленных двурушниках не говорят — им просто приказывают направить работу по другому руслу и те вынуждены беспрекословно повиноваться. Власов знал чего хотел и шел к своей цели несмотря на все препятствия, которые ему ставили по пути многие гитлеровцы. Следующим обвинением против Власова выдвигается его кажущаяся уступчивость требованиям нацистов. В частности ему ставят в вину обращение к бойцам РОН, перебрасываемым на западный фронт, с призывом «драться до последней капли крови». Прежде всего, установленным фактом является то, что именем Власова нацисты творили дела, о коих

он не имел ни малейшего представления. Это относится, например, к части «Власовских» листовок», разброшенных за линией восточного фронта, которые имели антисемитские выпады. Кроме того, если «открытое письмо» и было действительно подписано Власовым, то он, не имея никакого отношения к командованию силами РОА, мог и не знать того, что письмо обращено к добровольцам, перебрасываемым на Запад, думая, что его призыв касается войн ына востоке. Действительным командиром сил РОА был немецкий генерал Кестнер, имевший право перебрасывать их в любые участки фронтов, не испрашивая согласия на эту переброску у Власова и не нуждаясь в его обращениях к бойцам РОА. Услыхал же я об нем только после окончания войны, т. к. в предлагаемый момент выпуска письма КОНР не существовало. Зато доподлинно известно, что ни один боец из дивизии ОДНР в боях на западном фронте не участвовал.

Эту воображаемую уступчивость Власова связывают с тем, что он будто бы согласился возглавить антибольшевистскую акцию, не потребовав от нацистов гарантий, что все их обещания будут выполнены. Только люди, не имевшие понятия о структуре гитлеровской Германии, могли выдвинуть такое нелепое обвинение. Я уже об этой структуре говорил в параграфе о продолжающейся переоценке гуманитарных ценностей и поэтому повторяться не буду. Критики указывают, что некий ген. Лукин (я впервые услышал о нем здесь) будто бы потребовал таких гарантий и отказался возглавить борьбу, когда ему гарантии даны не были. Спрашивается, в чем должны были состоять эти гарантии и от кого они должны были исходить?

Власов правильно считал, что единственной надежной гарантией было бы возвращение здравого смысла в головы Гитлера и его ближайших сотрудников, без коего не помогла бы и гарантия самого вождя. К сожалению, этого не произошло, и Власов тут ни при чем.

Не так давно мне пришлось услыхать еще об одном наклепе на Власова. Он, дескать, был хронический алкоголик и за водку готов был пойти на любые компромиссы со своей совестью. Это утверждение снова является одним из тех комков грязи которые бросаются в человека с целью, чтобы что-либо прилипло. Ни разу за все мое общение с Власовым я не видел его пьяным, либо даже слегка в «подпитии». Мне пришлось жить с ним на одном этаже отеля и видеть его иногда, и не один раз в течение суток. Даже в последние недели перед крахом он сохранял ясную голову.

Читателю может показаться, что я стремлюсь идеализировать Власова, представив его лишенным каких-либо человеческих слабостей или недостатков. Поэтому укажу некоторые из последних, которые мне казались довольно существенными. Власов был генералом, привыкшим командовать и не терпевшим ослушания. Такому человеку очень трудно перевоплотиться в настоящего демократа, хотя он по мере сил и старался это сделать. В особенности трудно было ему прислушиваться к голосу гражданских лиц, не имевших ни погон, ни лампасов. Поэтому на заседаниях Президиума КОНР-а всегда превалировала военная точка зрения. В частности, в упомянутом выше заседании, когда гражданские члены настаивали на предъявлении ультиматума нацистам по поводу рабочих с востока, он с нашим мнением не посчитался и это, мне кажется, было ошибкой.

Не гармонировали и чересчур простецкие манеры Власова с его положением вождя и генерала. Под конец он подшлифовался, но все же не вполне. И, наконец, самое важное: несмотря на все горести и разочарования, Власов в глубине души оставался членом коммунистической партии, верившим в марксистскую утопию, но, конечно, с пресловутым «человеческим лицом».

Таковы те главные недостатки, о которых я считаю нужным упомянуть. На мой взгляд, они нисколько не препятствовали Власову быть, чем он был — выдающимся сыном великого народа, осознавшим ту пропасть, в которую толкают народы России нынешние правители.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Если бы Поток Богатырь — герой одноименной поэмы Алексея Толстого — проснулся и прожил описанные 65 лет, то он, несомненно, сказал бы не одну пару крепких словечек по адресу соотечественников и завалился снова спать, дожидаясь лучших времен. И чему бы, спрашивается, было радоваться, чем гордиться? Первой ли Мировой Войной, возникшей исключительно по вине незадачливых дипломатов России и Германии и стоившей жизни миллионам молодых людей? Ведь именно эта ненужная война послужила для народов России началом тех бедствий, которые продолжают их терзать до нынешнего времени. Или радоваться нелепой февральской революции — преддверию большевистского кошмара? Теперь уже слепому ясно, что стоило царскому правительству понять назревшую необходимость демократических реформ, а либералам вооружиться терпением и выдержкой, и никакой революции не произошло бы. Ведь России оставался уже короткий путь, чтобы нагнать западные демократии. Или гордиться свершенным Лениным превращением революции «буржуазной» в «социалистическую» с последующей войной коммунистического правительства против своих народов? Войны, длящейся скоро уже 58 лет и принесшей неисчислимые жертвы кровавому ленинско-сталинсчкому Молоху...

Светлым пятном на фоне этого безвременья оказалось Освободительное Движение Народов России, показавшее, что оппонненты советскому тоталитаризму не всегда спали непробудным сном, а при первой возможности стали бороться против него, словом и делом. Не вина участников ОДНР, что оно потерпело крах. Во время войны причиной последнего было фанатичное тупоумие Гитлера; после же войны оно увяло из-за нерешительной политики американцев, избравших в сношениях с СССР линию наименьшего сопротивления в виде «сдерживаний» и «разрядок». Эта политика позволила Кремлю мутить воду в мире и продолжать вооружение всех врагов свободы и демократии, не забывая, конечно, и самих себя. Также сошло на нет и детище ОДНР — здоровая украинская национальная политика, пользовавшаяся некоторое время поддержкой американцев. Все участники ОДНР остались сидеть у разбитого корыта и ожидать лучших времен, когда проснувшемуся снова Потоку Богатырю спать больше не придется.

324

Первая страница ежемесячника «Федераліст Демократ».

⇩

ФЕДЕРАЛІСТ - ДЕМОКРАТ ДВОТИЖНЕВИК вільної демократичної думки Видає: Видавнича Спілка «УКРАЇНСЬКА ГРОМАДА» Головний Редактор: Д-р Федір Богатирчук РІЧНА ПЕРЕДПЛАТА: В Канаді і США .... $2.00 В ін. країнах рівновартність Ціна окремого числа — 10ц. В Німеччині — 30 пф.	**ФЕДЕРАЛІСТ ДЕМОКРАТ** **THE FEDERALIST-DEMOCRAT**	THE FEDERALIST DEMOCRAT The Ukrainian Semi - Monthly Published By The "UKRAINIAN HROMADA" Publishing Company Ltd., P. O. BOX 361 Ottawa, Ontario, Canada Editor in Chief: Dr. Fedor Bohatyrchuk SUBSCRIPTION: YEARLY .... $2.00 Single Copy — 10c.

Число 2, 15-го Червня 1953 ЦЕНТРАЛЬНИЙ ОРГАН ОБ'ЄДНАННЯ УКРАЇНСЬКИХ ФЕДЕРАЛІСТІВ - ДЕМОКРАТІВ June 15, 1953, No. 2.

Первая страница еженедельника «Східняк».

ПЯТНИЦА, 6 ФЕВРАЛЯ, 1953 ГОДА — НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

СТОРОННЕЕ СООБЩЕНИЕ

ОРГАН УКРАЇНЦІВ ФЕДЕРАЛІСТІВ

SKHIDNIAK — SOCIETY OF UKRAINIAN FEDERALIST DEMOCRATS — BOX 100

243 WEST 56th STREET NEW YORK 19, N. Y.

РІК ВИД. II. — ЧИСЛО 24 — 6 ЛЮТОГО 1953 р.

ДЕЗІНФОРМАТОРИ З ТАБОРУ ПАНА ДОБРЯНСЬКОГО

Українські самостійники, що зібралися в Мюнхені з приводу приїзду до Німеччини упов

ський народ, закований у кайдани разом з іншими народами колишньої Росії, є зараз

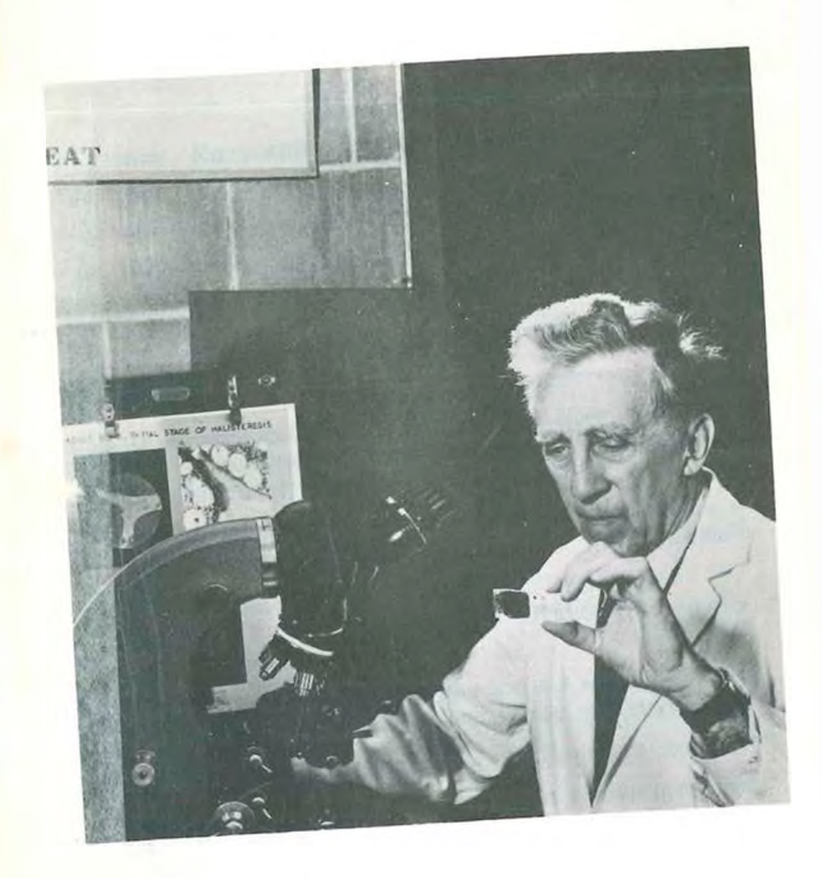
про яку ми вже згадували, є таке твердження (див. пункт «б» пояснень): — концепція

«свідомі» одержува при чому місцевій понувалося компен витрати на подоро «обирали», панове, т ли і «вибори», що ї ли ці «виборці». М жете, при советах ще? Гадаю, що, на на таке тверджен ства не вистачить.

Отже, всі ці т «представники» ук народу на ділі ніяк їнського народу не ляють, а «репре тільки згаданих ви мих» українців, я шості випадків, жо тримки в народі не мають і зараз. Том всіх цих «репрезе їх погляди, а не ук народу. Коли ви сп ваших поглядах в ці ції на твердження ци них мерців, то ви жо миляєтесь. Чи ви з професору Грушевсь велося, навіть, видат ру для українсько «Хто такі українці т ни хочуть»? Чи ви з це було зроблено то яким українським п стам нам'яли боки, і нам'яли, коли вони с

Профессор Ф. П. Богатырчук
в своей лаборатории в Университете гор. Оттава.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Русское Национальное
Издательство и Типография
Владимира Азар.

Технический редактор А. В. Гибанов.

Художественное оформление —
И. Д. Драгомирецкая.

Русское Национальное Издательство
и книжное дело ГЛОБУС.

GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.

GLOBUS PUBLISHERS